

СААМСКИЕ СКАЗКИ

СААМСКИЕ СКАЗКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ДОКТОРА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК
Г. М. КЕРТА

МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

saami.su

С
С 12

Составитель
ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА
ПАЦИЯ

С $\frac{70700-16}{M150(03)-80}$ 24-80

© Мурманское книжное издательство, 1980 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Саамы — один из немногих арктических народов, несущих в своей истории загадку не только Европейского Севера, но и в известной степени загадку этнических процессов, происходивших и по другую сторону Уральского хребта. В целом по структуре саамский язык наиболее близок к языкам прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков. Однако в словарном составе саамского языка часть лексики, восходящая к протосаамскому языку, не имеет соответствий в других финно-угорских языках, не говоря уже о прибалтийско-финских.

Богато и разнообразно устное народное творчество саамов, в котором, наряду со сказочным фольклором, широко представлено самобытное и своеобразное песенное творчество. О характере сказочного фольклора саамов Кольского полуострова наглядное представление дает настоящий сборник. В него включены все жанры саамской сказки. В сказках сборника нашло яркое отражение мировоззрение саамов, отношение их к добру и злу, космогонические представления, исторические предания, т. е. извечные темы народного фольклора. Ценность сборника заключается в возможности исторических и типологических сравнений саамского фольклора с фольклором других народов.

Г. М. КЕРТ,
ДОКТОР
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

СКАЗКИ СААМОВ КОЛЬСКОГО КРАЯ

Исторически сложилось так, что саамы (прежнее название народности — лопари) расселились на территории четырех государств: Норвегии, Швеции, Финляндии и Советского Союза.

О происхождении этого народа имеется немало гипотез. Однако и сегодня этот вопрос остается невыясненным окончательно. Ближайшие языковые родственники саамов — финны, карелы, вепсы, эстонцы, однако в антропологическом отношении народ стоит обособленно от своих языковых родственников. Возможно, протосаамы до соприкосновения с прибалтийскими финнами не относились к финно-угорской группе. Об этом говорит пласт субстратной лексики в словарном составе саамского языка.

С другой стороны, ряд факторов указывает на близость саамского языка с угро-самодийскими. Это проявляется в наличии у языков двойственного числа, характерного чередования ступеней согласных и, наконец, в саамском и угро-самодийских языках имеется свыше 60 общих по происхождению слов, которым нет соответствий в финно-угорских языках.

В эпоху мезолита саамы предположительно населяли территорию Заволочья (бассейны рек, впадающих в Белое море), а затем расселились по территориям современной Карелии и Финляндии. Довольно точно сферу раннего расселения саамов определяет топонимика. Южная граница распространения саамской топонимики доходит до 60-й параллели, на востоке — до границ Коми АССР. Позднее на земли, занятые саамами, поселились прибалтийские финны, оттесняя саамов на Север. В саамском языке около трех тысяч скандинавских заимствований, причем наиболее древние встречаются во всех саамских диалектах.

После распада прибалтийско-финской общности саамы, возможно, находились в тесном взаимодействии с предками современных вепсов и карел-людигов. Часть саамов, расселившаяся на территории Карелии, заимствовала до 300 карельских слов, которые и ныне характерны для диалектов саамского языка Кольского полуострова. В более позднее время язык саамов оказывается под сильным влиянием государственных языков Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Естественно, это влияние более всего сказалось на диалектах, которые оказались в сфере воздействия того или иного государственного языка.

Протосаамы не оставили после себя письменных памятников. Изучение истории протосаамов — сложный процесс и возможен лишь на основе данных археологии, языка, топонимики, фольклора.

В данном сборнике представлены саамские сказки, записанные на Кольском полуострове со второй половины XIX века до наших дней. Интерес к материальной и духовной культуре коренного населения Кольского полуострова особенно возрос в конце XIX века. Первые записи устного творчества относятся ко второй половине XIX века.

Путешествуя в 1873 году по Кольскому полуострову, В. И. Немирович-Данченко писал: «Одной из причин, почему меня интересовала мурманская лопь, было усвоенное нашими учеными мнение, что у лопарей нет преданий, нет народной поэзии. Мне и до сих пор, несмотря на самые положительные данные, не верится, чтоб существовал, где б то ни было, народ без сказки и без песни. Такого племени нет, как нет человеческого организма без сердца».

Достаточно большое количество сказок было записано в последней четверти XIX века Константином Щеколдиным. К нему, как собирателю саамского фольклора, с большим уважением относились ученые того времени. Сказки, собранные Щеколдиным, были опубликованы в сборнике «Живая русская старина», вышедшем в 1880 году. Материалы Щеколдина использовали Н. Харузин в книге «Русские лопари», дипломат и краевед Д. Н. Островский в статье «Лопари и их предания».

Многие исследователи, побывав на Кольском полуострове, начинают активно записывать произведения устного народного творчества саамов. Сказки появляются в периодических изданиях и в отдельных сборниках. Сказки публикуют В. Ю. Визе, М. М. Пришвин, Н. Харузин, А. Яценко, Н. Брискин.

В первые годы Советской власти сказки собирал краевед, разносторонний исследователь Кольского края Василий Кондратьевич Алымов. В свое время он готовил к публикации сборник саамских сказок. Но опубликованы они не были. Многие сказки в его сборнике даны близко к устным рассказам сказителей-саамов. Некоторые сказки помечены — «литературная запись».

В 1927 году Владимир Владимирович Чарнолуский исследует культуру и быт саамов, записывает саамские сказки. К сожалению, сказки В. В. Чарнолуского во всех изданиях даны в его литературной обработке и даже те несколько сказок, которые представлены для данного сборника сыном В. В. Чарнолуского, не опубликованные ранее, тоже литературно обработаны.

Особый интерес представляют тексты сказок, записанные лингвистическими экспедициями Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Научный уровень этих экспедиций позволил сохранить, насколько это было возможно, подлинность собранного материала. Записанные на одном языке с помощью магнитофона, расшифрованные (т. е. переданные с помощью транскрипции на бумагу) и переведенные, тексты сказок представляют собой не только характер подлинного языкового документа, но и в какой-то мере сохраняют особенности стиля, характерного для фольклорного произведения. Однако сказки, записанные в 50-х годах XX века, при совершенно иных социальных условиях и возросшем уровне грамотности населения, к сожалению, частично утратили функции устного народного творчества.

Включенные в данный сборник сказки дают представление об общих типологических особенностях сказочных циклов саамского фольклора. Пробле-

ма классификации сказочных жанров в данной книге решена достаточно условно. Собранные тексты представлены в следующих разделах:

героические и исторические сказания и сказки;

волшебные сказки;

тотемно-волшебные сказки о животных;

бытовые сказки.

В устном народном творчестве саамов в одну сказку объединяются несколько сюжетов из различных жанров. Это значительно осложняет отнесение произведения к тому или иному жанру.

Героические и исторические сказания и сказки. У каждого из собирателей есть тексты, которые показывают борьбу саамского народа со своими врагами. Богатства Кольского края издавна привлекали огромное количество желающих поживиться за чужой счет. Народ, живший разрозненно, небольшими погостами, не мог должным образом отражать натиск врагов. Саамам приходилось рассчитывать на свою смекалку, хитрость, и в сказках нередко они прибегают к помощи колдунов, которые вызывают внезапную метель или мороз в середине лета. В более поздних вариантах сказок саамского фольклора появляются былины, посвященные героическим подвигам саамских богатырей. Только с XIII века Кольский полуостров официально входит в состав Новгородской феодальной республики. Однако дань с саамов собирают не только новгородские сборщики, но и норвежские. Правда, под властью Новгорода саамы стали не так беззащитны. На грабежи соседей русские отвечали походами и заставляли правителей соседних государств прекращать самовольные набеги. Саамский народ и русское население (русские поселялись вдоль побережья Белого моря) жили в мире, доверяя друг другу. Промысловые угодья распределялись равномерно. В фольклоре восточных саамов почти не сохранилось сюжетов борьбы с русскими поселенцами.

Для лопарской сказки характерно то, что она всегда привязана к конкретной местности. В. В. Немирович-Данченко пишет: «Нужно отдать справедливость художественному чутью лопарей. Все легенды они приурочивают к самым живописным местам своих пустынь. Чуть потаинственнее варака, чуть по красивее островок посреди леса, чуть пограндиознее водопад — лопарь непременно сделает их ареною какой-нибудь стародавней были». Красному камню Хибинских гор посвящены легенды «Ляйн» (6), «Каменный остров» (32). Красный камень — кровь врагов, разбрызганная по тундре. В падуне гибнет большое количество врагов, которые хотели с помощью проводника добиться легкой удачи (20, 21). «Заклятая гора» (30) — чудь гибнет, подслушав тайные заклинания саамов. Но гора так и остается как бы расколотой на две половины, потому что вместе с чудью погибла саамская девушка-пленница.

Саамы борются с врагом хитростью. Смекалистые женки опускают одежду разбойников в прорубь, и враг замерзает (24, 25). Саамы заманивают чудь в горы и устраивают снежный обвал (34). Жестоко наказывают они за предательство (17). Интересна сказка «Охотник», записанная Алымовым. Сами враги убивают своих помощников, поскольку нет поступка более тяжкого, чем предательство (13). Небольшое количество сказок из героических преданий саамов

рассказывает о богатырях, которые вступают в открытый бой с врагом (2, 3, 7, 11). Появление такого рода спасителя вызвано влиянием русского героического эпоса. Нередко в героических сказках саамский народ прибегает к помощи колдунов-нойдов (26, 30, 41, 42, 43, 49). В борьбе с чудью саамов из беды выручают и сказочные существа чахклыны, карлики, живущие под землей (27, 29).

Исторические и героические сказки и сказания устного творчества саамов не имеют каких-либо определенных циклов. Это отдельные рассказы о том, как удалось саамам спастись от своих врагов. В этом жанре устного творчества саамов очень четко определялись морально-этические представления народа.

Волшебные сказки. Устное творчество изобилует сверхъестественными существами. Записанные сравнительно недавно сказки успели претерпеть сложные изменения. Со старыми верованиями на протяжении долгого времени вело борьбу христианство, и сказка обогащается ранее несвойственными представлениями; в одном и том же произведении уживается и древний сейд, и герой из христианских преданий. В некоторых сказках отражен протест против старых верований.

Дошедшая до нас часть устного творчества саамов может быть представлена в следующих циклах: о сейдах, о нойдах, о Сталло-стале, об аддзь, о Найнасе и его невесте, о чахкли.

Сейды — священные камни саамов. Сведения о сейдах имеются у авторов XVII века: Торнея, Шефферуса, позднее у М. А. Кастрена, Н. Н. Харузина и других. По мнению исследователей, в поклонении сейдам у саамов проявляются две линии верований. С одной стороны, этот культ связан с поклонением предкам (сейды антропоморфного вида), с другой — сейды рассматриваются как покровители промыслов (охоты, рыболовства). В некоторых сказках отражен протест против старых верований и представлений, они посвящены борьбе с сейдами. Например, сейды наложили запрет на лов рыбы или сердитые сейды запрещают проезжать около своих жилищ; в других сказках некогда могущественный сейд покидает свое жилище и переселяется подальше от людей.

Другим мифическим героем сказок был нойд. Стать нойдом мог любой человек: и мужчина, и женщина, если ему было знамение. Нойдов побаивались, но к их помощи прибегали и в борьбе с врагами, нойдов просили привести оленей из чужих земель (52, 53, 62, 63). Мертвого нойда боялись, считалось, что его не может взять земля, и в этом проявлялся страх саамов перед загробным миром. В дошедших до нас сказках о Сталло-стале тоже описаны представления лопарей о загробном мире (71, 72, 73). По всей видимости, сюжеты, дошедшие до нас, представляют собой отрывки некогда обширного цикла.

Другим сверхъестественным существом саамской сказки является аддзь — женщина-лягушка, или женщина-паук. Это существо живет на березе, бросается мужчинам на шею и заставляет на себе жениться, съедает прежнюю жену и детей; в других сказках она ворует мальчиков у одиноких женщин и лишает их кормильца (79, 80—86). В некоторых сказках действуют дети аддзь, которые такие же отвратительные, как и их мать (88). Активное участие прини-

мают эти существа и в прекрасном цикле сказок о Найнасе и его невесте, о Солнце и его жене. В этих старых мифических сюжетах выражены представления древнего саама о светилах (Солнце, Луне), о звездах, а также о таинственных сполохах, освещающих ночное полярное небо.

В сказках о том, как саам ходил за Солнцем, надо полагать, сюжетная линия заимствована из сказки о Солнце и его жене. В сказании о Солнце саам, муж солнцевой сестры, приходит к нему в гости, чтобы доказать ему свое родство.

Необыкновенный народ — чахкли, маленькие, голые люди, живущие под землей. Эти волшебные существа — герои волшебных сюжетов, бытовых и героических. В зависимости от ситуации их наделяют и различными человеческими чертами. Еще в конце XIX века многие сказители утверждали, что сами видели чахкли. Его легко поймать, надо только оставить каньгу (летняя обувь) с длинной оборой. Чахкли чаще глуп и повторяет за человеком все его движения (75, 76, 77, 78).

Тотемно-волшебные сказки о животных. Трудно найти сказки в саамском фольклоре, которые можно было бы в чистом виде отнести к жанру сказок о животных. Сказки о животных, записанные Щеколдиным, Брискиным, Харузиным, являются русскими сказками и даже не претерпевают тех изменений, после которых можно было говорить о каких-либо элементах заимствования. Это просто переводы на саамский язык.

Тотемизм, как древнейшая религия, характерен и для саамов и предполагал кровную связь с диким северным оленем, а также допускал кровную связь с другими видами животных, что и нашло отражение в целом ряде сказок. Древний охотник-саам не видел в животном врага, объект его охоты скорее был священным животным (почитание дикого оленя-хирваса, запрет на убийство вожака стада); среди саамских обрядов сохранились элементы, остатки празднеств, посвященных медведю. Один из циклов сказок посвящен брачным связям человека и оленя. Человек в этих сказках, как правило, не имеет имени, олень-хирвас женится на женщине, но, не выдержав долгого общения с человеком, уходит в лес, уводит за собой детей и становится объектом охоты. В сказках этого типа выражены постоянные контакты охотников-саамов с окружающим его животным миром. Охотничий закон запрещал убивать «передового хирваса», не выполнившие этого запрета несли кару. Олени покидали места, где был убит вожак, для саама наступал голод.

Следующий цикл о медведе-оборотне Тале. В сказках медведь не страшный, а скорее плутоватый, его не боятся, и, как правило, он побеждается даже хитростью маленьких детей и наказывается. Много вариантов сказок о браке женщины с полузверем. Послушной и доброй должна быть невеста, мать полузверя выбирает невесту. Ласковая, работающая женщина, которая хорошо относится к чудовищу, вознаграждается за это любовью, а полусобака превращается в красивого человека.

В ряде сказок частым героем является лиса, которая живет совместно с саамом и наделена всеми чертами, чаще всего отрицательными, свойственными человеку.

Бытовые сказки. В бытовых сказках саамов воспеваются любовь к родным местам. Красавицу Катерину увозит Норвежец в богатый дом. Но Катерина, тоскуя о родине, бросается в море, в одном из вариантов гибнет, в другом, бросившись в море, выплывает, доплывает до родных берегов и счастливо живет в родном погосте. Целый ряд сказок посвящен романтической любви. Немирович-Данченко по этому поводу пишет: «У лопарей есть и романтические былины, свидетельствующие о том, как глубоко и безраздельно умеют любить эти номады». В сказках «Лопская красавица», «Преданный муж», «Девичья гора» описана верная, полная трагизма любовь.

Полны юмора саамские сказки про незадачливого старика, который напуган обыкновенной мышью. Оба варианта, записанные с разницей в 60 лет, не потеряли своей прелести. Ряд сказок посвящен взаимоотношению с христианским духовенством, и, как правило, события разворачиваются не в пользу последних. У народа еще сильна была вера в своих богов, и в бытовых сказках нашли отражение элементы протеста. В целом в сказках этого жанра у русских саамов, как и у других народов, нашли отражение бытовые и социальные стороны их жизни.

Именно в бытовых сказках больше всего заметно влияние русской народной сказки на саамский фольклор. Это отмечали и первые собиратели, и исследователи саамского фольклора. В. В. Сенкевич-Гудкова выделяет четыре формы этого влияния: 1) полное заимствование сюжета; 2) частичное заимствование русского фольклорного сюжета; 3) заимствование имен и образов отрицательных героев; 4) заимствование русской лексики.

Принятие христианства послужило поводом для создания новых сказочных сюжетов, где уже действующие лица попы, черти, сатана. Эти сказки наиболее обогащены русской лексикой. Очень много сказок, сюжеты которых заимствованы из русского фольклора, определяют отношение саамов к христианской церкви.

Целый ряд сказок не объединяется в какие-либо циклы. Они представляют собой самостоятельные сказки. Сюжеты более древнего происхождения заимствуются из фольклора соседних народов и перерабатываются.

Для саамской сказки характерной чертой является отсутствие описательного образа, какой бы лирической по содержанию она ни была. В предложениях нет прилагательных, а основные ударения переносятся на более сильные глагольные формы.

В. К. Алымов, хлопотавший об издании саамских сказок в 1938 году, писал П. Н. Лукницкому: «Удалось записать еще немного. Ну и перлы! Большое удовольствие доставляет узнавать все новые и новые образы. В одной из последних сказок — «Семь Иванов и семь Семенов» есть такое место (пересказываю содержание): над одним городом (Царством) солнце запоздало взойти; один из героев сказки узнает: солнце проходило над одним городом, увидало одну красивую девушку, поэтому и запоздало». Это, пожалуй, один из редких образов описания красоты.

Многие собиратели не знали саамского языка. Тексты часто записывали через переводчика, а иногда и сказители рассказывали сказки на русском

языке, а точнее на поморском говоре, распространенном на Кольском полуострове. В сказках наряду с саамскими словами и выражениями очень часто встречаются поморские слова и выражения. Это хорошо видно, когда автор пытается сохранить стиль рассказчика.

В текстах сказок встречаются различные написания саамских слов и выражений, как, например, аццы, ацек, аддзь и т. д. Дело в том, что саамский язык состоит из ряда диалектов, имеющих фонетические, грамматические и лексические общности. Однако в диалектах имеются и существенные различия. Представители соседних диалектов иногда с трудом понимают друг друга. Язык саамов Кольского полуострова делится на четыре диалекта: нотозерский, кильдинский, иокангский, бабинский.

Несмотря на языковую и литературную разрозненность собраний, не представляется возможным отказаться от тех текстов, в которых явно видна литературная обработка. Именно при таком подборе наиболее полно будут представлены сюжеты сказок саамов Кольского полуострова.

**ГЕРОИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ
И СКАЗКИ**

1. О НАБЕГАХ ШВЕДОВ

Это было давно, еще в то время, когда на беззащитных саамов нападали разбойничьи шайки шведов. Приходили они с первым льдом, грабя все, что попадалось под руку, убивали людей, а тех, кто был посильней, брали в полон и уводили к себе. Уведут саама, и не увидят его более ни друзья, ни родные. Неподдалеку от Иокострова, на уединенном кентище, стояла саамская вежа. Несколько лет стояла она благополучно, окруженная с одной стороны озером, с другой — густым лесом и болотами. Один раз только пробралась сюда разбойничья шайка шведов, но сильно поплатилась за недоброе дело.

Жили в веже старуха да двое взрослых ее сыновей. Вышел раз старший брат посмотреть, что делают олени, и завидел вдали спускавшихся с горы шведов. Уговорил он мать и брата спрятаться, а сам спокойно стал дожидаться незваных гостей. Пришли те и принялись было за грабеж, а хитрый саам как ни в чем не бывало просит дорогих гостей с дороги поесть. Подумали-подумали шведы и согласились.

Взял он большой котел, в котором саамы невод красят, и начал крошить туда нарубленное на куски оленье мясо. Развел огонь и стал дожидаться, когда поспеет варево. Не терпится шведам: голод дает себя знать. Не дождался один и накинулся на неспевшее мясо, а за ним и все остальные. Не вытерпел хозяин, видя, как распоряжаются бесцеремонные гости. Ударил он ножом, которым резал мясо, по руке первого попавшегося шведа. Брызнула кровь из свежей раны и больше ярости придала хозяину. Бросился он с ножом на шведов и многих убил, а которые остались в живых, убежали.

Так поплатились бесцеремонные шведы за свою жестокость и слепую уверенность в превосходстве их числа. Теперь уже давно нет в живых никого из населявших вежу. Вежа тоже разрушилась и сгнила, осталось одно кентище.

2. СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ «НЕМЦЕВ» И СААМ-БОГАТЫРЬ

Был большой «немецкий» нагон. Хотели «немцы» разграбить погост, в Воч-Губе рыскали кругом да около, но никак не могли найти его.

Ходил в ту пору по суземку саам, живший около Пенъ-озера, и случайно повстречался с одним из «немцев». Испугался вначале саам чужого человека, бегом пустился к себе

на Пеньозеро, а «немец» давай гнаться за ним. Что есть духу бежал саам, до Пень-реки добежал да, недолго думая, и скочил через. «Немец» же остановился около реки и скочить боится. Завидя это, пропал у саама страх, мигом скочил он обратно через Пень-реку, выхватил нож, набросился на «немца», вырезал ему язык и сказал: «Иди к своим и скажи им, что я живу вон за той варакой». Сказав так, саам пошел к себе на Пеньозеро, где он жил с матерью и стариком-казакom.

Придя домой, саам зашил свою мать в мешок — пусть «немцы» подумают, что она мертвая, сам же стал врагов дожидаться. Недолго пришлось ждать сааму — пришло «немцев» тьма-тьмущая, впереди ихний богатырь идет. Как завидели «немцы» саама, сейчас же убить его хотели, но он остановил их и сказал: «Не убивайте меня так скоро, давайте сперва город построим, потом я угощу вас, после же будем силы мерить!» «Немцы» согласились, и саам с «немцем»-богатырем сейчас же принялись за дело. Стали с корнями ели вырывать и город строить.

Живо пошла у них работа, и когда город был уже готов со всех сторон, саам привел важенку, пойды было очень много у нее. Потом принес он большой котел — мяса в него входило пять пудов — и стал говорить «немцу»-богатырю: «Руби мотор!» Срубил «немец» мотор, какой обыкновенно делают, и подал его сааму, но тот посмотрел на мотор, бросил его и сказал: «Разве мне такой мотор нужен?» — и с этими словами вырвал с корнем ель, воткнул ее в землю и повесил на нее котел с оленьим мясом. Когда мясо сварилось, саам взял нож, большинский как сабля, и стал им крошить мясо, «немцы» же стали есть.

Было «немцев» много, и все они голодные были, торопится саам мясо крошить и случайно отхватил себе ножом на левой руке пальцы. Порато тут осердился саам, закричал на «немцев»: «Что вы, собаки, круто едите, я крошить не успеваю!» — и ударил «немца»-богатыря прямо в грудь. Увидев это, хотели было остальные «немцы» убежать, да не могли скочить через высокий город, осердившийся же саам зачал их тут пахать, пока всех не перебил. Своему же казаку саам закричал: «Эй, казак, поди спрячься, а то я и тебе вместе с «немцами» голову отрублю!» Расхаживает саам среди убитых «немцев», кто пошевелинется, тому еще прибавит. Когда успокоился, стал он звать мать и казака: «Эй, где вы? Не убил ли я вас?» Те откликнулись.

То место на Пеньозере, где саам-богатырь убил всех «немцев», еще и сейчас зовется городом. Говорят: такой-то саам живет в городе.

3. СААМ-БОГАТЫРЬ

На озере Имандре есть необычайно красивая варака. По рассказам саамов, здесь в незапамятные времена жил саам со старухой-матерью и с казаком.

Был этот саам богатырь большой и кругом своей вежи, где промыслял, построил город из виц, связав их в два ряда и засыпав середину землей.

Долго добиралась чудь до него и все хотела забрать его живьем.

Наконец, раз набралось этой чуди, может, с тысячу человек, и взошла она на вараку.

Видит чудь: внизу саам рыбу промысляет, и саам видит чудь. И спрашивает их: «Зачем вы пришли?» Те отвечают: «А тебя взять в полон».

Сказал саам: «Что ж, делать нечего! Я согласен идти с вами. Будь по-вашему».

Пустил он их в город, а сам велел казаку пойти и пригнать десяток оленей из тундры, да самых больших, для угощения чуди. Казак пригнал оленей. Тогда саам вырубил большую ель и обтесал ее. Взял ель и говорит старухе-матери: «Уходи отсюда, потому я воевать с чудью буду». Мать убежала в амбарушек в лес. Саам поставил несколько котлов, в которых красят невода, каждый котел в пятнадцать ведер. Налил он туда много воды и давай убивать оленей для угощения. Положил мясо и стал варить. Сварил и позвал чудь. Чудь села вокруг костров, а хозяин рядом с их начальником, атаманом. Стала чудь есть, а саам вынул нож как будто для того, чтобы резать мясо, а нож-то был аршина в два длины. Как будто нечаянно, отсек он пальцы чудскому атаману, потом кровью его намазал себе губы и крикнул: «Какая вкусная кровь у чуди!» Не успела чудь опомниться, как саам схватил ель и давай бить чудь. Бил ее долго. Чудь и уйти не могла, потому что кругом горы. Кинется чудь в одну сторону — ель ее и там достанет, в другую — ель за нею. Везде он елью помахивает. Кротил он чудь, кротил, все уже мертвы, а он все еще бьет их. Когда прошло время, опомнился он и спохватился, где мать. Смотрит туда-сюда, нет ее нигде. Горько заплакал саам, думая, что убил и ее и казака. Долго он это плакал, как вдруг видит, что мать идет живая из амбарчика. Обрадовался богатырь, собрал мертвых, закопал их, а над ними навалил целую гору. Она и до сих пор есть. И теперь, если ехать мимо нее ночью, так слышен там шум и говор голосов, будто суйма какая под землею идет. Саамы и ездить мимо этого кен-тища боятся.

Жили в древности саамы близ берега моря. На берегу реки Вороньей было саамское село. Узнали саамы, что скоро придут шведы. И был у саамов один старик — «старшая голова». Он говорит: «Вот теперь нам нужно куда-нибудь бежать на другое место, а то шведы узнают, что мы здесь живем, могут прийти и нас убить». И говорит еще: «Теперь нам нужно собрать сто кережек и сто быков, и начну я ждать их; как они придут, я один их убью».

Вот из этого селения саамский народ весь убежал, стал жить в другом селе. А старик — «старшая голова» остался один в этом селе и начал ждать шведов, что они быстро придут. И оленей увидел, а некоторое время прошло, и шведская сила пришла. Пришли и спрашивают у него: «Почему один живешь?» А он говорит: «Я сейчас пойду за своим народом». А они говорят: «Отведи нас, где то село есть, новое село». Старик говорит: «Ну, отведу вас, только ложитесь все в кережки: у меня есть сто кережек».

И спрашивает у шведского предводителя: «Много ли у тебя людей?» Он говорит: «У меня сто человек». Старик пригнал оленей, запряг в каждую кережку по одному быку и так шведов уложил в кережки, и привязал, а предводитель спрашивает: «Почему ты у меня всю силу привязал в кережки?» А он говорит: «Подходить будем к селу, народ боится вас, чтобы не увидели, кого я везу, а то если народ узнает, что это вы, то могут нас во время езды убить». Предводитель говорит: «Ну, ладно, веди».

День прошел, настал вечер. Старик говорит: «Ну, теперь подъезжаем, войдем ночью в село, чтобы нас не увидели, как мы подходим».

Вот едут привязанные друг к дружке сто кережек с быками, а предводителя старик привязал к себе и поехал прямо к морю, мимо реки Вороньей.

Ехал, ехал, остановился, море шумит, а предводитель спрашивает: «Что за шум?»

А старик говорит: «Это соль и вода воют». А предводитель не понял.

Старик вперед двинулся, ехал, ехал, вошел на самую гору, остановился, нож выдернул из ремня, веревку пополам перерезал и быка стегнул, выпустил вниз на скалы.

Бык прыгнул и остальных за собой всех утянул. Все упали в море, а старик остался один с быком и кережкой. И сейчас еще эти скалы называют «Сто скал». И сказка вся.

Был саамский человек, звали его Ляйн. Он жил с семьей. Был у них один сын. Он охотился и ловил рыбу, этим и питались. В то время шведы убивали много саамов. Однажды пришло много шведов. Они спрашивают: «Где живет Ляйн и какой он есть?» Ляйн стал им рассказывать: «Он такой же, как я, такая же круглая борода, рост такой же, как и у меня». Он стал их угощать. Сварил суп в большом котле, в котором красят снасти. Суп для гостей сварил из самой лучшей яловки. Сварил суп, поставил есть, себе положил лучшую еду. Семье велел выйти на улицу и убежать, а на дверь снаружи положить большое бревно. Шведы стали обедать. Предводитель хотел взять самое жирное мясо, в этот момент Ляйн большим ножом отрубил пальцы у предводителя. Потом схватил шведа за ногу и говорит: «Если не видели Ляйна, вот он». И он стал их убивать. Всех убил, а в веже было около сорока шведов. По ошибке убил и своего сына.

Когда очнулся, стал искать семью, жена пришла, а сына не было нигде. Стали искать среди убитых, сына нашли убитого там. Сына схоронили, начали жить двое. На другом месте вокруг вежи сделали крепость из деревьев. Жена осталась жить в веже, а саам пошел на охоту. Когда с охоты пришел, жены нет, вежа вся сломана. Он догадался: шведы увели жену и сломали вежу. Он рассердился и отправился искать жену, и где шведов найдет, там и убивает. Он начал больше по ночам ходить.

Шел, подошел однажды к большому озеру, смотрит: за озером везде огни горят, а всех больше огней горит на острове. Он пошел вокруг озера. Когда начало светать, он начал смотреть, сам спрятался, сидел до ночи. Перед вечером он увидел лодку, в лодке было двое, старуха и мальчик. Подъехали они к берегу смотреть дупло. Он их схватил, старуху и мальчика, и стал спрашивать, в которой веже живет предводитель и живет ли у него такая женщина. Старушка говорит: «Она в той веже, где живет предводитель, и предводитель держит ее в цепях. Женщину из-за того и не убили, что она очень красивая. Предводитель пускает ее вечером носить воду на поводу, в цепи, а сам держит конец цепи». Тут Ляйн старухе и мальчику свернул шеи и, когда день стемнел, поехал на остров. Приехал тихонько, пристал и спрятался около тропинки. Начал ждать жену, когда пойдет за водой. Он окликнул жену. Жена зашептала: «Куда ты пришел, погибнешь!» Ляйн говорит жене: «Погибнем — так вместе». Предводитель женщину за цепь дергает: «Что так долго?» Тут Ляйн

учит жену: «Когда я вежу затрясу, — саам вынул нож и отдал жене, — ты быстро выбеги и прикрой дверь, а ножом отрежь по... и спрячься в такое место». И указал, в какое место. Жена пришла в вежу, предводитель говорит: «Что так кровь играет, Ляйн, что ли, близко?» Только речь окончил, вежа затряслась, и Ляйн сказал: «Я тут и есть». Когда предводитель посмотрел наверх, в этот момент женщина выбежала на улицу, а Ляйн во второй раз тряхнул вежу, и вежа упала, предводителя задавила. Тут Ляйн за ночь убил всех шведов на острове и которые были вокруг озера. Потом он взял жену и отправился обратно в свои края.

◆ 6. О ГИБЕЛИ ЧУДЬЧУЭРВЯ ◆

Когда-то в Луяврсийте жили три брата. Старшего звали Ляйн. Он был сильный и много знал, он был нойд. Пришли весной к Ловозеру финны. Это были юльквик — пешая сила. Называли их так потому, что они всегда передвигались на ногах: зимой ходили на лыжах, а летом — пешком. Подошли финны к Ловозеру и видят: погост большой. Не решились днем войти в него. Спрятались вблизи.

Ляйн был сновидец. Он увидел во сне, что должны в погост прийти разбойники, и рассказал об этом всему народу. Но люди не обратили на его слова внимания. Вечером весь погост собрался плясать. И братья тоже не ожидали, что должно случиться несчастье. Выходила вечером одна старушка из избы до ветру и наткнулась в темноте на лежащего человека. Это был один из финнов, он притаился. Пошла старушка к пляшущим и сказала: «Вы веселитесь, а ведь нам всем конец приходит, разбойники пришли». Тогда потихоньку в темноте все собрались, оставили погост, сели на карбасы и отправились на остров.

На том острове был сейд, а около сейда — чуэrvькарт. Финны ждали в погосте до рассвета. Они думали, что все люди в погосте заснули и поэтому стало тихо. Перед рассветом финны пошли по погосту, но никого не нашли. Когда совсем рассвело, они пошли искать жителей. Увидели вдали на озере большой остров. Подумали, что, наверное, туда отправились люди из погоста. Но карбасов не нашли. Поплыли вплавь, подложив под грудь доски.

Братья увидали, что к острову плывут финны. Сказали об этом народу. Стал народ ругать нойдов за то, что они ничего не делают. «Как нам пропадать, так и вам пропадать», — сказали нойдам.

Тогда Ляйн пошел к сейду, встал у чуэрвькарта и стал шевелить жертвенные оленье рога — бурю вызывал. Поднялась тогда страшная буря. Пошли высокие волны по озеру. И вся юльквик потонула. Остались только трое: предводитель Чудьчуэрвь, его помощник и повар. Когда погибла рать, на второй день погода обуркалась.

Народ стал посылать трех богатырей посмотреть, может быть, финны еще остались живые, не утонули. Переправились братья на матерый берег. Пошли и увидели: в одном месте дымок поднимается. Подошли к тому месту, смотрят: финский повар кашу варит. Повар мешает кашу и приговаривает:

Нам несчастье будет: головной волос
Вкруг мешалки кружится.

А рядом Чудьчуэрвь спит, лежа на спине, положив ногу на ногу, и под головой у него меч лежит и ларчик с деньгами стоит.

7. БРАТЬЯ-БОГАТЫРИ

Пришла чудь на реку Воронью. Промышлял в это время один саам ловозерский. Как увидел чудь — давай бежать от нее домой. Чудь заметила и кинулась за ним, как за проводником. К этому времени все саамы собирались в погост. Кентище тут у них было огромное, как поле большое; на этом кентище народ играл «бросая мячи». Тут же играли два брата-богатыря. Заметили они, что идет на них чудь, и все рядами, много рядов. Один брат схватил мотор, а другой надел шубу. Первый кричит второму: «Не отставай от меня!» Бежать было некуда: впереди чудь, а позади река. Кинулся богатырь в ряды врага, размахивая мотором, и много он побил; прошел первый ряд, второй и третий, на третьем ряду брат отстал от него. Его было схватили за полы, но он быстро скинул шубу, оставил ее у чуди, а сам побежал дальше. Перед ними оказалась река, сажени в четыре шириною. Перепрыгнули оба. Атаман чуди не мог перепрыгнуть, но перебросил за ними меч. Богатырь с мотором озлобился, схватил меч, кинулся через реку обратно и схватился с атаманом. Дрались они недолго, наконец саам свалил чудина. Потом говорит: «Покажи язык».

Тот показал, саам отсек ему язык его же мечом и ушел. Атаман вернулся и порубил половину своих за то, что никто не шел за ним. Потом он перебил саамов, а женщин и детей забрал в тупу и зажег ее, а сам с воинами ушел. В это время вернулись два брата-богатыря и, найдя многих еще живыми, вытащили их из тупы. Остальные сгорели.

◆ 8. КАК СААМ СПАС ЦЕЛЫЙ ПОГОСТ ОТ ШВЕДОВ ◆

Собрались саамы Ловозерского погоста в одном из скрытых мест. Разбились на кучки и стали играть в мяч. Вдруг один саам, что настороже был, увидал приближающихся шведов. Разбежались саамы по кустам, а на поляне остались два брата: им велено было отвести глаза шведам. Старший брат надел печок внакидку и брату то же велел. Не послушался младший брат и не передел печка. Подошли шведы ближе, а братья сразу бросились в их толпу. Схватили шведы за печок и поймали младшего, а вместо другого саама у них в руках один печок остался. Бросились шведы в погоню, но скоро все отстали от быстрого саама, только один чудьжере не переставал бежать. Добежал саам до реки, перепрыгнул через реку и остановился. Подбежал чудьжере, а прыгнуть не смеет, боится утонуть. Начал саам насмехаться над его трусостью. Рассердился швед и бросил в саама саблей. А тот поймал саблю, перескочил через реку назад и бросился на чудьжере, только не убил, а отрезал язык, чтоб тот своим ничего сказать не мог. Бросил шведа саам, побежал и скрылся в лесу. Так спас саам погост от разбойников-шведов.

◆ 9. КАК СПАСЛИСЬ СААМЫ НА ЛЫЖАХ ОТ ШВЕДОВ ◆

Неподалеку от Нотозерского погоста в одинокой веже жили саамы: отец, два сына и казак. Время было опасное: шведы ходили по всей земле саамской, грабя и уводя саамов. Понадобилось зачем-то старику в погост ехать, и посылает он работника узнать, не бродят ли у погоста шиши. Поехал казак и у самого погоста попался шведам. Ждали, ждали саамы и решили, что казак для своей нужды в погосте остался. Надели все трое лыжи и покатали по рыхлому снегу. Близко подъехали к погосту, не остереглись и попались прямо на глаза шведам. Поворотили лыжи, да было уже поздно: заметил их шведский чудьжере. Поймал он важенку и пустился в погоню. Скользят по снегу быстрые лыжи, но и шведы не отстают. Молодые ноги братьев легко и быстро уносят их, но силы старика слабеют и слабеют. Ближе и ближе становится к нему чудьжере. Из последних сил летит старик, а на пути не замечает высокую сосну. Как молния взлетели скользкие лыжи на самую вершину сосны, в снег грянулся старик. Подъехал швед, добил старика стрелой, переделся в его платье, надел лыжи и побежал за братьями. Не заметили саамы сго-

ряча, как отстал отец, и далеко укатили. Обернулся старший, видит — нет отца, стал осаживать и брату велел. Показался вдали переодетый швед. Младший говорит: «Отец идет». Старший не поверил: не обманул его хитрый швед. Издали еще пустил в него саам стрелу прямо в сердце: не спасла и одежда. А братья сняли с чуждере одежду отца и покатили домой.

10. ПЕСЦОВЫ ДЕТИ

У устья реки Ноты, на Нотозере, когда-то был саамский погост. Там жили саамы, сильные люди: старик Нял и его два сына — Нял-парна.

Ехали они однажды в Сонгельский погост. Два брата сидели в одной кережке, а старик — отдельно. Подъезжают к погосту, видят — на озере женщины играют в «круговую веревочку».

В погосте были шведы, а Нял и Нял-парна не знали этого. Подъезжают к женщинам, узнают, что шведы искали Няла и его сыновей, но никто не сказал им, где они. Шведы тогда убили всех мужчин в погосте, а женщин выгнали на озеро играть в «веревочку». Женщины посоветовали Нялу и его сыновьям уезжать скорей. Они послушались совета и поехали через озеро. Из шведов один сильный назывался Чуэтахам, что значит Сто женщин. Назывался он так потому, что имел в себе силу ста женщин.

Увидел Чуэтахам Няла с сыновьями и побежал за ними по озеру на лыжах. У старика Няла не мог олень бежать по льду, скользил, спотыкался. Добрался Нял до матерого берега и залез на высокую сосну. Подошел Чуэтахам, выстрелил в Няла из лука. Старик упал с дерева. А Чуэтахам взял оленя, надел на себя печок старика и поехал вслед за Нял-парна.

Младший из сыновей Няла оглянулся и говорит: «Это отец едет». А старший отвечает: «Нет, это не отец». Младший стал править оленями, а старший повернулся назад лицом и приготовился стрелять из лука. Сначала он думал, что за ним едет отец, но вблизи увидел, что у едущего за ним борода не седая, не такая, какая была у отца. Выстрелил он в него из лука и остановил своего оленя. Вслед за Чуэтахамом шла пешком вся его «мелкая рать».

Был мороз. У старшего сына нож примерз к ножне: он не мог вынуть его из ножен и сорвал его с пояса вместе с ними. В левую руку взял он толстую палку, вместо щита, а ножом стал бить шведов. Сперва бил не снимая ножен, но потом ножна сама разрезалась. Перебил он часть шведов, а остальные сами разбежались.

11. БОГАТЫРИ И ЧУДЬ

Были три богатыря с работником, три богатыря брата. Промышляли они в лесу и выстроили себе на Туломском падуне каменные тупы. Раз они подняли из Туломы две громадные скалы. Один из них донес доверху и положил там, а другой — только до половины. Так и теперь лежат эти камни. Сто человек не пошевелият их. Раз они послали казака в погост узнать, живы ли саамы, чтоб пойти к ним в гости. Казак по дороге заснул, а в это время чудь разоряла погосты. Когда казак проснулся да пришел — чудь уже сожгла все. Казака схватили, узнали, что он живет у богатырей, и велели ему вести себя к ним. Младший брат-богатырь соскучился ждать, должно быть, думал: все хорошо, потому казак там и остался. Пошел он в лес и видит — идет чудь навстречу, а впереди казак ведет их. Богатырь давай стрелять. Расстрелял все свои стрелы и давай рубить их. Пропать положил он народу, наконец один чудин срубил ему мечом полголовы. Так младший брат и упал тут. Пошла чудь дальше, вот и до каменных туп добрела. Увидели два брата-богатыря и давай стрелы пускать — много перегубили врага, наконец у одного брата и стрел больше нет. Остались только у старшего, который и продолжал бить чудь. И всю бы чудь они перебили, если б женка ему не изменила. Она подрезала тетивы у лука и крикнула чуди: «Идите берите моего мужа, он теперь ничего сделать не может!» Но чудь все-таки не решалась идти к богатырю, а только просунула в реппень к нему меч свой. Он схватился за него и порезал себе руки совсем. Тогда чудь связала его и брата и повела их к своему «царю». По дороге, когда на ночлеге все заснули, богатырь говорит жене: «Развяжи меня, я их всех перебью и одной рукой, а тебя не трону». Но она не сделала этого. На другой день чудь женку убила, потому что женка не должна изменять своему мужу. А богатырю у чудского царя был большой почет.

12. НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

В одном из уединенных мест близ Нотозера стояла вежа, построенная из камня. Жили в этой веже три брата да женка старшего из них. Сколько раз ни приходили шведы, ни разу не заходили они в эти места. Но братья все-таки не отходили далеко от своего безопасного жилища, только младший не слушался братиных советов и не остерегался. Поехал он раз на охоту и попал в руки шведов. Стали те допытывать его, пригрозили смертью и велели вести к веже. Привел их

саам, а братья заперлись в своем каменном жилище и оттуда начали пускать меткие стрелы. Не взяли бы их никогда шведы, если бы не женка-изменница. Строго обращался с нею старший брат, и задумала она отомстить ему, у всех луков тетиву перерезала, а когда шведы, не зная того, все еще боялись подойти, закричала им, что луки испортила. Подбежали шиши к веже. Влез наверх их чудьжере и опустил в рукав саблю. Схватил было старший за рукав и сильно порезал руку. Выбежали братья и сдались. Повели их шведы к себе. Дорогой просит саам жену свою: «Развяжи меня». Обещал за это жить с нею в мире и согласии и вину простить. Не согласилась женка, не развязала узлов. Один из братьев в походе умер, а двоих увели шведы к себе.

13. ОХОТНИК

Охотник ушел на охоту, а дома остались мальчик, девочка и жена. Пришла к ним юльквик — пешая рать — сорок разбойников с предводителем Чудечуэрвем. Спросил Чудечуэрвь у женщины: «Где твой старик?» Женщина ему ответила: «Он ушел на охоту». Чудечуэрвь еще ее спросил: «В какую дверь он будет входить?» Она ему рассказала, что муж войдет в чистую дверь, что находится против общей двери. И добавила, что муж у нее очень сильный.

Отрезал Чудечуэрвь у женщины на голове волосы и сделал из них силья. В эти силья он захотел поймать охотника. Веревочные силья он побоялся делать: охотник был сильный и разорвал бы их. Поставил он у той двери, через которую должен был вернуться охотник. Своим людям он велел идти спать в амбар, а сам в веже с женой охотника лег спать.

Пришел ночью охотник в вежу и запутался в сильях. Проснулись Чудечуэрвь и жена охотника, связали охотника, руки связали и привязали его к столбу в веже, а сами опять заснули. Ночью проснулась девочка и пошла воду пить. А отец говорит ей: «Развяжи мне руки». Девочка ему ответила: «Ты непустишь меня к новому отцу жить, ты убьешь его, а он хороший». И не развязала ему руки. После встал мальчик. Отец говорит ему: «Развяжи мне руки».

Стал мальчик развязывать отцовы руки, но не мог развязать: узел был крепко завязан. Тогда отец ему говорит: «Режь ножом веревку». Мальчик ответил: «Кровь пойдет». Но веревку разрезал, и отец стал свободным. Взял он потихоньку из-под подушки у Чудечуэрвя саблю, пошел в амбар, где спали люди Чудечуэрвя, и подрубил там матицу. Крыша упала на врагов и стала давить их. Они стали из двери выска-

кивать наружу. А старик встал у вежи и каждому, кто показывался наружу, срубал саблей голову. Когда всем срубил головы, пришел в вежу и сел так, как сидел раньше, будто бы связан был.

Спал-спал Чудечуэрвь и проснулся. Обратился он к старику: «Что ты, человеческий сын, видел во сне?» Старик ничего не ответил. Тогда Чудечуэрвь сказал: «Ты ничего не видел во сне, а я вот видел, как сорок мух расклевали ворона, так что остались у него одни кости». А старик на это сказал: «А вот я видел, что один ворон у сорока мух выклевал глаза».

Чудечуэрвь понял, о чем говорит человеческий сын. Стал он искать под подушкой саблю, но там ничего не нашел. Тогда Чудечуэрвь почесал в голове. А человеческий сын говорит: «Теперь и до тебя дело дошло». И срубил ему голову прочь. После этого поплыл старик со своей семьей по большому озеру. Гребли-гребли и подплыли они к острову. Старик говорит своей дочке: «Принеси с острова мою охотничью сумку». Девочка выпрыгнула с лодки на остров, а старик поплыл дальше.

Девочка стала кричать: «Батюшка, возьми и меня!»

А отец говорит ей: «Подожди, подожди здесь, тебя новый отец возьмет». Пристали они к берегу озера и пошли вверх. Подошли к большой сосне. Привязал старик свою жену к этой сосне и ушел.

Стал жить старик вместе с сыном.

14. ЧУДЬ

Вот. Человек жил. Жили они на берегу реки. Рыбу ловили, с оленями. А у них сын и дочка. Четверо живут. Амбар у них есть и олень... Рыбу неводят. А вот. В одно время осень наступила. А человек пошел оленей собирать и жене говорит, что никакой мусор не метите в реку. Живут на берегу реки. Мусор нельзя на берег реки мести; а ходят такие разбойники все, так могут прийти. Вот человек ушел, а жена велела дочери и сыну все, что было у дома: щепки, мусор — все в реку отнести. Все отнесли за целый день мусор в реку. А мусор вниз по течению поплыл, и вот там чудь — ходит, ищут, где, может, есть народ, жители. (Раньше жили в одних вежах. Где вежа, где две — на берегу озера...) А по реке вниз мусор пошел. Они по мусору шли. Шли — пришли, а тут вежа, а молодая женщина с двумя детьми живет. Но вот. Спрашивают: «Где муж твой?» — «Наш... Мой муж ушел диких оленей ловить, а не... велел, чтобы мусор в реку не мести, а я... мы...

сде...» — «Где? Как это мусор попал в реку?» — «(Он) не разрешил мести мусор в реку, а мы отнесли в реку, чтобы кто-нибудь к нам пришел, а пришли целых двадцать. Двадцать пришли».

Женщина варила, грела, кормила и поила их. Что было теперь, тем угостила тех. Девятнадцать-то легли в амбаре, а самый Чудечиэрвь-то лег с женщиной этой. Легли спать, а ночью муж должен прийти с охоты. Ее муж-то очень умный и сильный. Саам он, и очень умный. «Чем его поймать?» — Чудечиэрвь спрашивает. (У него есть сабля, у Чудечиэрвя-то.) А она говорит, что моего мужа можно поймать, что мои длинные волосы-то нужно остричь. Отрезала косы свои. И из волос силок сплели. Жена сказала, в которую дверь приходит муж, мясо приносит. Шальная, жена-то! Силок такой сделали, что человек-то в него попадет. Все руки, все сдавят волосы эти. Прочь уж не сможет попасть. И легли спать. А человек пришел, голову просунул и попал в силок. В силок попал и сидит, щупает, смотрит, что из волос... сделан какой, уж не порвешь, ничего не поделаешь. А он очень умный, не смеет кричать, что-либо сказать. Это уж, наверное, какие-то пришли — раз он в такие силки попал. А тут... Пошла девчушка до ветра, а он говорит, что дай сюда, мол, папе нож, папа отрежет и освободится. Девочка говорит: «Новому отцу скажу». А он говорит: «Писай, писай, дочка, и ложись обратно». Девчушка сходила и обратно пихнулась, с братом на одно место, а потом девочка заснула. Парнишка опять проснулся, пошел. А он говорит: «Сын, дай ты мне нож, что я отрежу, прочь попаду». А он говорит: «Пап! Сейчас. Сейчас». Пошел, лазил в темной веже, нашел нож, принес. «В каком месте, пап, надо резать?» — «Вот в этом». Он все прочь отрезал, и отец его освободился. Говорит: «Что есть у них (у чуди)?» А он говорит, что у него есть, мол, большая сабля. Это у чуди... Тихо говорит с отцом. Он говорит с отцом. Он говорит: «Ты не можешь принести?» — «Могу, наверное». Пойду, попробую, мол. Пошел. Чудин храпит. Крепким сном уснул с матерью его. Он пошел, вытащил саблю-то, большой меч-то, принес и сунул отцу тут. Отец его взял и сел будто бы попавшийся и сидит. До того шла-шла ночь-то, долгая ночь, осень-то такая! Стало светать, чудин поглядывает (что, есть нет человек). А человек сидит, попавший в силок. Все спали. Уж синий день наступил. Ну вот. Жена встала, огонь развела, посматривает, муж ее попавшийся в силок. А эти... много народу пришло, так ей, так ей весело. Один старик-саам, ей старика, наверное, мало было. Огонь разожгла, варить положила. Чудин встал и говорит: «Человек, ты, саам, что тебе снилось

во сне?» — «А что мне могло присниться, когда я в силок попался? А что снилось тебе, чудин, большой начальник?» — «Мне снилось, что двадцать воронов у одного ворона глаза клюют, а тебе что, старик, снилось?» — «А мне снилось: клюет ворон двадцати воронам глаза». А чудин: «А-хха!» — кругом повернулся, а человек, как был очень ловкий и умный, стегнул — и чудины голова прочь. В самую середину — и у короля голова прочь.

Жена только тут заплакала: «Ой, старик, ой! Ой, старик! Это тут что случилось? Эти... пришли». А он говорит: «Спи-спи! Снова замуж вышла и за нового мужа». Встал — прочь. Жена совсем испугалась, думает, что все волосы вплела в силок и он не попал, саблю как-то взял. Пошел он. На улицу вышел, большим деревом амбар запер (амбарную дверь), чтобы никто на улицу не попал. И как взял, вокруг дрова разложил и огонь зажег, и амбар весь загорелся, и чудины внутри заревели и зашумели. Стали выбираться, никто не смог попасть прочь, все сгорели. Взял он кости (бока съедены) диких оленей. Кости-то стучат. Мальчишка, девчонка спрашивают у отца: «Что ты будешь делать?» Мол, распяливать шкуру? Он взял большие, толстые ели во дворе, взял жену, отвел, руки-то и ноги приколотил и ее тут распял на ели и потом ушел. Взял (дочь-то ему жаль убивать, дескать, новому папе скажусь) сына и дочь, сел в лодку и поехал. А у реки есть такой островок. Он привел дочь на остров и толкнул. Грабилку дал ей с собой и корзинку: «Собирай ягоды!» А дочь говорит: «Ой, папа, не останусь на острове». — «А как ночью говорила, что новому папе скажусь? Теперь беги, твой новый папа тебя выручит». И вот с сыном поехали. Там, где люди живут, так туда поехали. А жена-то там и есть, погоревшая жена-то. Привел народ, говорит: «Может, я виновен, что жену куда вел. Так посмотрите, моя жена... и какому чудину отрубил голову». Амбар его весь сгорел, амбар-то все еще горит. Потом амбар погасили. Близко озеро было, а там все чудины-то, погорелые чудины, девятнадцать человек (не двадцать), там их головы. Всех и жену в яму закопали: забросили и все это место. Все бросил и ушел вместе с народом жить, где народ живет, один больше не стал жить. Сына с собой взял. И вот, пока там ходили, с неделю, наверное, прошло, пошел к острову, чтобы посмотреть, что там дочь делает. Приехал, а дочь плакала-плакала, прилегла и так и заснула, уже умерла. Вот приехал обратно, стал жить и до сих пор живет...

Сыновья-то не изменяют, а дочери-то изменяют. Вот сказка вся. Сказочка небольшая.

15. СПАСЕНИЕ ТУЛОМСКОГО ПОГОСТА

Приходили в старину в саамские погосты шведы, разоряли их, отбирали у саамов сильных людей и уводили их с собой. Им нужны были сильные люди.

Чтобы спастись от шведов, сильные люди из саамского народа прятались под землей. У Туломского падуна были подземные избушки. Здесь когда-то был погост. До сих пор здесь имеются ямки, заросшие землей и кустами.

Однажды к погосту пришел Чуэт-Ахкам со своей дружиной, но не заметил землянок. Пошел он искать погост, направился к Нотозеру, где теперь Рестикент стоит. Под горой Ионфарр он встретил саама и велел ему показать, где находится их погост, и сказал ему, если он не покажет погоста, то будет убит. Саам согласился показать Чуэт-Ахкаму, где находится погост. Повел его с дружиной, но не захотел вести их по суше, чтобы они в самом деле не увидели погоста, а привел их к Туломе. Здесь сели все в большую лодку и поплыли вниз. Когда Чуэт-Ахкам услышал впереди шум воды, низвергающейся с падуна, он спросил саама, почему вода шумит. Саам ответил: «Здесь речная вода встречается с морской. При виде чужих людей здесь вода поднимает шум, эта вода не любит чужих людей, как увидит их — не подпустит». Потом он сказал им, что он, чтоб вода их не видела, накроет их парусом. Чуэт-Ахкам со своими людьми залезли под парус. Лодка быстрее и быстрее неслась к падуну. У самого водопада саам выскочил из лодки на скалу, а лодка понеслась в водопад. Водопад завертел лодку, лодка ударилась о камни и разбилась. Все шведы погибли, остался живым один Чуэт-Ахкам. Поплыл он к острову.

В то время на острове играл мальчик. У него был лук и стрелы, одна была — тохтинюл. Мальчик увидел плывущего в сторону острова Чуэт-Ахкама. Натянул тетиву и пустил тохтинюл в грудь Чуэт-Ахкаму. А Чуэт-Ахкам подумал и сказал: «Неужели мне смерть придет от этого мальчика?» Стрела попала в грудь Чуэт-Ахкаму и убила его, он утонул. Так был спасен саамский погост.

16. СМЕРТЬ ЧУЭТ-АХКАМА

Проходили шведы через Нотозеро на Тулому, направляясь в Ноту. На Туломе у падуна жил один саам. Жены у него не было, она давно умерла. Жил он с сыном-мальчиком. Ловили они в Туломе семгу, чем ловили — неизвестно: у падуна можно ловить чем хочешь — рыбы много.

Пошел саам по тропинке от падуна к Нотозеру. Встретились шведы, забрали его с собой. Саам говорит: «Вы — гости, пойдите ко мне, угощу вас хорошей рыбой».

Старший из шведов Чуэт-Ахкам посмотрел на человека. Подумал: «Раз приглашает, будем его гостями, погостим, а потом возьмем с собой проводником в Колу».

Пришли домой к падуну. Разжег саам огонь, воткнул над ним наклонно палку, повесил на нее котел, нарезал рыбу, положил в котел, стал варить. Рыба сварилась. Снял хозяин с палки котел, а палку так оставил.

Принес он обед в вежу, сказал: «Кушайте, гости», — а сам вышел из вежи. Выдернул из земли палку, на которой висел котел над огнем, и пошел в вежу. Когда Чуэт-Ахкам стал есть рыбу, то он снял с себя кольчугу и шлем. Саам подкрался потихоньку к Чуэт-Ахкаму и стал бить его палкой по голове и убил его.

Когда Чуэт-Ахкам был убит, другие шведы разбежались. Взял саам на плечи сына и пошел к Нотозеру к своим со-родичам.

С тех пор вошло у саамов в обычай никогда не оставлять над костром палки, на которой висел котел. Если кто забывает выдернуть палку, ему обязательно напоминают: «Сними палку».

◆ 17. ПРЕДАТЕЛЬНИЦА ◆

Пришли однажды шведы к Туломскому падуну. Они знали, что саамы живут под землей, но не могли найти их, не знали хода в подземные жилища.

Нашлась в погосте одна женщина, указала шведам, где живут саамы. Шведы отобрали из саамов сильных людей, а мелочь убили. Сильных увели с собой. Спаслись только те, кого не было дома.

Когда ушли шведы, саамы казнили предательницу: они набили ей рот горячими угольями и раскаленными камешками.

◆ 18. КАК ОПАС ЧУДЬ ПОГУБИЛ ◆

Давным-давно из Швеции, с озера Энаре, чудь под предводительством одного атамана пошла по реке Паз. Было чуди много, она шла разорять Пазрецкий погост. С ними был опас-саам, и с его помощью чудь благополучно прошла все водопады. Осталось им перейти через горы с карбасами, чтобы обойти последний водопад — Кяунас, чтобы попасть в Пазрецкий погост. Опас (проводник) услышал шум водопада и сказал:

«Шум оттого, что соленая вода дерется с пресной. Нам будет лучше проехать, если свяжем вместе карбаса; а я привяжу свой карбас последний». Они послушались опасы, связали вместе все лодки; опас привязал свой карбас последним. Когда вода помчала первый карбас к водопаду, саам отрезал веревку от своей лодки, направил ее к берегу, сам выскочил. Чудь вся в падуне утонула и убила. Тела чудинов выбросило на берег: их там и похоронили. А саамы Пазрецкого погоста наградили опасы, спасшего их от нашествия чуди.

19. РАЗБОЙНИКИ И ИХ СЕСТРА

Раньше, рассказывали, здесь были саамы. Были разбойники и их сестра. Они ходят, саамов и других людей убивают. Грабят людей, одежду забирают и убивают... А был один саам. Саамы жили в веже или же в избе. Пришли разбойники, двадцать человек. Они знали его, проводника, говорят: «Ну, проводник, води нас туда, где деревня». Проводник говорит: «Я отвезу вас на лодках». А лето уже прошло. Он их в две лодки рассадил, и они погребли. Гребли, гребли, гребли. Подплыли к большому острову. «Дальше не поедем,— говорит он,— будем здесь ночевать». Они легли спать, а проводника привязали веревкой к дереву, чтобы он не ушел. К дереву привязали. У них была женщина, ее приставили сторожить. Проводник молчал, молчал и говорит: «Неужели тебе не жалко меня? Отпусти хоть ты меня, ведь я вам ничего плохого не сделал. Я никуда не уйду». А женщина есть женщина, пожалела его и развязала. А они, разбойники, спят. Он говорит: «Пойдем в лодку». Они все топоры взяли с собой, он лодку оттолкнул от берега и крикнул: «Проводник убежал!» Они на берег прибежали. Ну что? Проводник далеко отплыл. Они кричат: «Возвратись, возвратись обратно! Мы кашу сварим, масло в кашу положим, тебе дадим. Дадим ложку в руку». — «Нет!» Проводник греб, греб, греб, приехал домой, в вежу. Недели две жил, поехал посмотреть. Они все в кучу сбились и замерзли. И все.

20. ПРОВОДНИК И РАЗБОЙНИКИ

Проводник дома жил, жил. У него семья была. Он слышит: шумят, идут. Опять эти разбойники идут. «Ну что поделаешь? Идут, так пусть идут, ничего не поделаешь. Давай подожду», — думает. Больше десяти человек пришло. И один говорит: «Знаешь ли, где ближайшая деревня? Веди нас в деревню!» Проводник говорит: «Знаю, пошли». Идут. Проводник

идет, думает: «Как их провести?» Думает, потом вспомнил, что большой порог есть, в пороге — большая круглая скала. Давай я их туда отведу. Шли, шли. Он говорит: «Давайте дальше не пойдем, иначе деревня покажется. В деревню пойдем вечером. Там много людей. Если днем пойдем, то они могут нас убить. Давайте отдохнем, ночь настанет, потом пойдем». Ну вот. Проводник сидел, сидел. Стало темнеть, он и говорит: «Так как темно, надо привязаться друг к другу, чтобы не потеряться». Все связались веревкой. Он взял бересту, зажег и пошел впереди. Говорит: «Я пойду, а как березовый факел станет быстро двигаться, тогда все бегите: деревня близко». Они за ним шли, шли, потом долго бежали. Он факел в порог швырнул, сам быстро отошел в сторону. Они — в порог вниз головой, скала-то крутая. Потом порог стал затягивать их, и они быстро исчезали в воде, не надо и бежать. А проводник говорит: «Я здесь! Я здесь! Если можете, тяните и проводника за собой». Так все утонули.

◆ 21. ПРОВОДНИК ◆

Жил проводник. Пришла осень. Осенью выпал снег. Он, проводник, оленей собрал, пригнал их на кегору. Олени были на кегоре. Настал вечер. Опять разбойники пришли, около двадцати человек. «Ну, проводник, знаешь, где деревня? Веди нас!» — «Знаю, знаю, знаю». Такой хитрый человек был проводник. «Есть ли на чем ехать?» — «Олени у меня есть». — «Давай иди на кегору, пригони оленей!» Вот он на кегору пошел, поймал много оленей. Один бык был ходкий, передовой бык. Такой маленький бык. Он взял и подпалил ему шерсть, чтобы не взяли бы. Вот он пригнал оленей: «Выбирайте!» Они бегали, запрягали, запрягали, а того быка не взяли: очень больной. Он (проводник) себе его запряг. А у него заранее была приготовлена такая дубина, березовая дубина, небольшая сухая дубина, что если ею ударить человека по голове, так сразу убьет. Он незаметно положил ее в кережу, чтобы разбойники не убежали. «Ну, в какой стороне деревня?» — «Вот по этой дороге поезжайте». Ехали, ехали, ехали. Он за ними потихоньку едет. И едут. Подъехали к длинному болоту. Они вперед смотрят: когда деревня покажется. Он сзади едет, он быка веревкой ударил, последнего стал обгонять и ударил его по голове дубинкой. Второго человека убил, а они назад не смотрят, не видят, что он приближается. А он одного за другим дубинкой убил. Оленей всех собрал. Он их, разбойников, в болоте оставил, быков забрал и приехал домой. А они все в болоте остались.

22. ТЕНИСИ-ПАРНА

Тениси-парна жили у устья маленькой речки Чильйок, вблизи того места, где теперь находится финская деревня Ниванкюля. Жилище их было построено из толстых бревен и покрыто землей. Жили они с женами, и был у них работник.

Послали Тениси-парна работника ловить силками куропа-ток и сказали ему: «Не ходи на Нота-реку», — а сами занялись изготовлением кережек и лыж.

Жена одного из Тениси-парна во время работы бросала щепки на лед Чильйок. В то время ходили по Лапландии шведы. Тениси-парна не советовали женщине бросать щепки на лед реки, потому что весной поплывут они по реке и шведы по щепкам узнают, что вблизи живут саамы. Но женщина не послушалась совета и продолжала бросать щепки на лед.

Летом пришли с запада по Нота-реке шведы, вышли к Нотозеру и увидали на воде свежие щепки. Пошли пешком по берегу Чильйок и нашли жилище Тениси-парна. Дверью жилища была большая каменная плита, приваливалась она изнутри. Шведы никак не могли найти хода в жилище и стали заглядывать сверху через дымовое отверстие — реппень.

Тениси-парна были в жилище и попеременно стреляли из лука в тех, кто заглядывал в реппень.

Среди шведов был Чуэт-Ахкам. Увидели саамы, что Чуэт-Ахкам как будто бы протягивает сквозь реппень руку. На самом же деле это был пустой рукав от шубы, но в нем находился острый меч. Старший из Тениси-парна дернул за рукав и перерезал себе руку мечом.

У Тениси-парна вышли все стрелы, лишь у младшего осталась одна стрела, потому что он не хотел тратить ее на мелкую силу «маввихк», а ждал, когда в реппень заглянет сам Чуэт-Ахкам. Но не мог дожидаться, а последнюю стрелу пустил в обыкновенного шведа. После этого пришлось Тениси-парна отдаться шведам.

Шведы увели Тениси-парна с собой: шведам нужны были сильные люди. Захватили они с собой и жен Тениси-парна.

То место, где было жилище Тениси-парна, хорошо знает саам Назар Андреевич, живущий в Ниванкюля.

23. СЕМИЛЕТНИЙ СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

В Нотозере есть место, называемое Сийтнярк — Погостовый мыс. Здесь когда-то был саамский погост. Жили саамы в землянках.

Пришли в саамскую землю шведы и остановились выше погоста, в четырех верстах от него. Послали разведчика разузнать о саамах. Тот отправился на лыжах и пришел в погост вечером. Залез он на одну вежу и стал смотреть через реппень внутрь ее.

В то время женщина в веже варила рыбу в котле. Заглянула в котел и увидела в воде отражение человеческого лица.

Рядом в веже находился свекор. Она тихо сказала ему: «Кто-то смотрит в реппень». Свекор незаметно достал одной рукой лук, вложил стрелу, прицелился в лицо человека, смотрящего в реппень, и выстрелил в него. Тот из-за дыма не мог видеть этого и упал с крыши, но остался жив, потому что саам его только ранил стрелой.

Стали саамы спрашивать шведа, как он попал сюда: «Если расскажешь, то отпустим, а если не скажешь, то убьем тебя», — добавили. Швед рассказал все как было.

В то время не все саамы были дома. Среди оставшихся был один меткий стрелок — семилетний мальчик. Саамы дали мальчику хороший лук, принадлежавший его деду, и все вместе пошли на лыжах к шведам. Был вечер.

Среди шведов был Чуэт-Ахкам. Он одет был в кольчугу, так что трудно было убить его стрелой. Когда подошли саамы, Чуэт-Ахкам в это время обедал: он держал большой кусок мяса в зубах, придерживая с другого конца рукой, а перед самым ртом по кусочку отрезал его ножом. Чуэт-Ахкам не заметил, как приблизились саамы.

Сказал дед мальчику: «Прицеливайся прямо в ножик».

Мальчик прицелился и выстрелил. Ножик попал шведу в рот. Швед упал. После этого подбежали к нему на лыжах саамы. Старик сорвал с Чуэт-Ахкама колпак и стал бить его палкой по голове.

Когда был убит Чуэт-Ахкам, мелкая сила сказала: «Раз убили старшего, то нам нечего воевать, уйдем отсюда». И ушли.

После этого приходили шведы еще раз на Сийтнярк и уничтожили весь погост.

◆ 24. ДВЕ ЖЕНЩИНЫ И ШВЕДЫ-РАЗБОЙНИКИ ◆

В старом Екостровском погосте на берегу озера Имандра когда-то жили две женщины. Одна из них плохо слышала, всего пугалась. Стоило у нее за спиной ударить в ладоши, как она от испуга начинала кричать, причитать, кружиться. Такие женщины по-саамски назывались киеввы. Другая женщина была смелой, ничего не боялась. Она также умела кол-

довать. Однажды мужчины ушли на охоту, а дома остались эти женщины.

В то время шведы ходили по саамским погостам и убивали людей. Они пришли к женщинам. Все одежды у них были в крови. Женщины взяли белье, положили его в большой котел, в котором невода и сети дубят, налили в него воды, а сами ушли.

На острове Чухквсуол стоял старинный большой камень. Та, которая была смелая и умела колдовать, стукнула по камню три раза: так она вызывала бурю, чтобы погубить шведов.

После этого обе женщины сели под тем камнем. Поднялась страшная снежная буря.

Шведы ждали-ждали женщин, не дождались, пошли голые искать их. Стали кричать: «Выходите, все равно найдем, убьем и кишки выпустим у вас».

Одна женщина услышала, что идут шведы. Опасаясь, что другая, которая была пугливая, испугается и закричит, и тогда шведы найдут их, она сказала этой женщине: «Нашей жизни приходит конец, сиди смирно и крепко стисни свои зубы».

Три дня продержалась снежная буря. Все это время женщины сидели под камнем. Шведы не нашли женщин, сбились с пути и замерзли.

Когда утихла буря, женщины вышли из-под камня и вернулись домой.

Пришли домой и мужчины-охотники, спрашивают женщин: «Это вы сделали нам бурю, помешали нам охотиться?»

Женщины рассказали, что им нужно было избавиться от разбойников, спасти свою жизнь и других людей от смерти, поэтому они и сделали бурю.

25. НЯЛ И ЕГО ДЕТИ

Жил давным-давно в Печенгском погосте саам по имени Нял. (Нял — родоначальник рода Егоровых: от этого рода осталось лишь одно семейство.) У него было два сына. Раз они пошли промыслять диких оленей и много убили их. В то же время они промыслили и бобров в реке Печенге. Однажды утром Нял встал и сказал своим детям: «В погосте у нас худо. Пришло туда много чуди, и всех в погосте они перережут; нам лучше не идти в погост, хотя и следовало бы свезти мясо — много мы убили диких оленей». Сыновья и сказали ему: «Ты опять со своим враньем (а сами верили, потому что Нял был большой колдун и знал будущее: ему черт сказывал по ночам); нам нужно ехать в погост и поедем. Говоришь ты, что

много чуди пришло в погост, как же мы никаких следов нигде не видали?» «Напрасно не верите, — говорит Нял, — а что я говорю правду, вот еще что скажу: в ловушку бобров попадает всегда по одному, а сегодня если найдешь там два, значит чудь пришла». Пошли, вытянули ловушку, осмотрели — увидали, что в ней два бобра. Они бобров с собой взяли. «Верите ли теперь?» — говорит Нял. «Не знаем», — говорят сыновья. — «Ну, когда хотите ехать, поедем; только скажу вам: когда приедем к погосту, посмотрим с горы, что там делается». Поехали, взяли с собой мясо диких оленей. Погода была хорошая, и они доехали скоро. Остановились на горе и стали смотреть. Увидали в погосте, на улице, много девок и женок, все они нарядны, ходят по улице — был праздник. Сыновья, увидав девок и женщин, гуляющих по улице, сказали отцу: «Ну, где же чудь? Если бы была чудь, недосуг бы было девкам и женкам играть да наряжаться». Нял и говорит: «Не смотрите на это; они все нарядны, ходят и играют, да делают-то они это поневоле, по приказу. Чудь, чтобы обмануть нашего брата, вся в тупах сидит и смотрит на них от нечего делать. Но уж коли мне не верите, останьтесь здесь и смотрите, что со мной будут делать. Я стар, скоро и умру, да мне от них и не убежать, потому что они уже давно хотят меня убить». Взял Нял несколько кереж с мясом и поехал. Собаки в погосте, заслышав оленей, подняли лай. Едва Нял въехал в погост, как чудь выскочила из туп; а было ее много, очень много, триста человек. Они бросились на Няла. Нял отрезал кережи с мясом, а сам поехал на своем олене в сторону. Чудь разграбила мясо и бросилась в погоню за Нялом — догнала его. Он вышел из кережи, вынул свой нож и, когда чудь подошла ближе, бросился на чудинов и убил трех человек своим ножом; однако чуди было много, и Няла закололи. Атаман чуди, не видя никого больше из проезжающих, спросил: «Где же сыновья Няла?» Ему сказали: «Они или остались еще промыслять, или Нял, будучи нойдом и зная будущее, оставил их на горе; они, как увидели нас, и воротились назад». Он сейчас же приказал снять с Няла печок, надел его на себя, взял его оленя и погнал по направлению, откуда приехал Нял. Братья, увидав атамана в отцовском печке, подумали, что едет отец и сказали: «Вот отец едет назад, убежал от чуди». Другой брат, взглядевшись, сказал: «Нет, это не отец, он будет поменьше ростом; чудь хитра — атаман их, вернее всего, после того как убил отца, печок его надел на себя и едет за нами. Так они делают часто, чтобы других обмануть; теперь они то же сделали». Братья сейчас же бросили свои райды, сами взяли себе по хорошему оленю — быку и погнались прочь.

Атаман погнался за ними. Доехали братья до озера, видят, что догоняют их. Они погнались дальше, но как назло олень у одного брата устал и дальше не пошел. Они его закололи. Брат, у которого олень погиб, и сказал другому: «Неужели ты меня одного бросишь?» «Нет, — говорит другой, — садись на мою кережу и погоним оба». Сели и поехали. Атаман стал их вновь догонять. Сидевший сзади брат и сказал: «Гони извини, я, как увижу, что атаман придется против нас, пущу ему в шею стрелу». Так и сделали. Когда атаман поравнялся с ними на одном повороте, лопарь пустил в него стрелу из лука (тогда ружей еще не было), попал ему в шею и убил его. Другой брат взял себе оленя Няла, на котором ехал атаман, и поехали дальше. Чудь ждала, ждала атамана, но его все не было. Тогда несколько человек поехали за ним, чтобы посмотреть, не нужна ли ему помощь. Доехали они до озера и увидели: вдали лежит человек. «Вот там, — сказали, — лежит один сын Няла: атаман поехал убивать другого». Подъехали к убитому, смотрят — убит атаман. Испугались, не знали, что делать. Подумали, подумали и поехали обратно. Возвратились в погост, рассказали своим: все испугались, стали жалеть атамана; подумали, как бы домой им вернуться. В отсутствие атамана чудь, по его приказанию, убила многих женок и девок; оставили в живых только двух женок, жен сыновей Няла. Они были молоды и красивы, и атаман думал увести их с собою. От резни у чуди одежда была вся в крови и ехать в ней обратно чуди не хотелось. Поэтому оставшимся женкам чудь приказала одежды выстирать. Женки взяли одежду чудинов, положили ее в котлы, выпарили, затем постирали и пошли на реку Печенгу ее полоскать; с ними отправили караульного, чтобы они не убежали. Пока они полоскали ее, поднялась буря и метель, и караульному стало холодно: он задрожал. Женки же были одеты тепло; полоскали себе не спеша и не торопясь. Долго полоскали, наконец они сказали караульному: «Что ты стоишь да мерзнешь? Иди в избу, а мы выполощем и придем сами. Если бы нас не стали бить, мы бы тоже пошли в избу, да нам нельзя: нас там за то, что мы ленимся, бросят в огонь, а нет и в избу не пустят, скажут: мерзните на улице». Караульный подрожал, подрожал и ушел. Женки котлы с одеждой спустили в реку, в прорубь, а сами что было силы давай-ка бежать вверх по реке. Пробежали они много, добежали до водопада, где льду на реке не было. Силы у них более не стало и идти они больше не могли, поэтому они подошли почти к самой воде, зарылись тут в снег, чтобы чудь не увидела их. Чудь ждала, ждала женок и наконец сказала: «Что они долго не идут?» Пошли посмотреть и увидели: нет ни

караульного, ни женок, ни одежды. Пошли искать по тупам, караульщика в одной тупе нашли, лежит. Они спросили его: «Где женки?» Он и говорит: «Я озяб, а они остались на реке полоскать». Его тут же и убили. Им не жаль было женок, а жаль было платья — куда без него идти? Отправили сейчас людей искать женок во все стороны. Одна часть пошла вверх по реке, другая — вниз. Женки сидят и слышат, что чудь идет и бранится. Кольем чудины рыли и щупали повсюду снег, да до них не дошли много сажени полторы. Тут они остановились и сказали: «Не глупы же они, что пойдут в воду искать смерти, верно, где-нибудь в лесу спрятались, а там в такую непогодь и без нас пропадут. Только горе, что платье наше ушли». Они пошли назад, а женки радовались, что спаслись от чуди. Через несколько времени они вышли из снега и одна сказала другой: «Я боялась чуди, но все же думала, что нам делать, когда они уйдут, и придумала: в лесу, около дров, есть лыжи, вот мы возьмем их и пойдём на осеннее наше место. Плохо то, что лыжи те одни». Думала, думала и вспомнила, что в другом месте есть лыжи, недалеко от них, ближе к погосту. Чтобы чудь их не заметила, они за лыжами пошли ночью, взяли их и ушли сперва по дороге, а потом побежали на лыжах на осеннее место; прибежали туда, нашли сухого оленьего мяса и соленой рыбы, поели и отдохнули. Чудь же, не найдя женок и видя, что никто из лопарей более не идет, пошла обратно; захватили они из лопарских амбаров все, что было подороже. Дорогой много чуди от выюги и метели погибло.

Сыновья Няла пробыли в тундре дня три; увидав, что никто к ним не идет, решились пойти на осеннее место: там безопаснее было.

Когда пришли туда, увидали, что двери у избы отперты; не знали, что это значит. Они боялись попасться врагам, обошли избу кругом осторожно, но ничего не видали.

Оленей нигде не было, и они решились пойти, так как знали, что от пешехода уйдут.

На всякий случай пошел вперед старший и увидал свою жену.

Та пошла сейчас в избу, чтобы сказать другой, потому что та была очень пуглива. Наконец она ее тихонько толкнула и сказала: «Наши идут». Та от испуга упала и зубы сцепила. Пришли мужики, с трудом ее отходили.

Прожили около недели на осеннем месте, потом пошли в погост, увидали, что он весь разграблен. Спаслись только те, которых в погосте не было. Остальных чудь убила, около половины погоста.

26. РАЗГРОМ КУЛПАНЛАМПСИЙТА

В старину кильдинские саамы жили в местности Кулпанламь, верстах в пяти к востоку от Варламовой губы Кольского залива.

Тогда время было тревожное. Рутсвик — шведская рать — ходила по саамской земле. Саамы, чтобы укрыться от врагов, жили под землей в ямах-землянках, огонь разводили они только по ночам, деревья рубили под самый корень и пни засыпали землей. Землянка от землянки находилась на большом расстоянии.

Это селение по местности называлось Кулпанламьсийт. По-русски это будет: погост на ягельно-торфяном месте.

В погосте было человек полтораста мужчин, все взрослые, хорошо умели стрелять.

Среди жителей погоста была одна старая дева по прозвищу Килесьнийт. Она никогда не говорила правды, всегда врала. Еще называли ее Совесьнийт. Она была поперечная и вороватая. Она жила в землянке, около которой росла береза. Корни от березы проходили в землянку.

Как-то ночью пришли в погост юльквик — шведы-разбойники. Все жители в то время спали. Не спала одна Килесьнийт. Она выделывала замшу из оленьей шкуры. Шкуру она привязала к корням березы и скоблила ее скребком. Когда она натягивала шкуру — береза в то время качалась.

Ночь была тихая, ветра не было. Шведы заметили качающуюся березу и сообразили, что около дерева кто-то живет. Подошли поближе и увидели землянку. Про Килесьнийт они от кого-то раньше слышали. Остановились они около землянки и стали спрашивать: «Не здесь ли живет Килесьнийт?» Килесьнийт услышала и ответила: «Я не лгунья, не воровка, слово в слово скажу».

Выгнали шведы ее из землянки и стали расспрашивать, кто где под землей живет.

Шведы стали вытаскивать людей из землянок. Около землянок валялись колоды, на которых рубят дрова. На этих колодах шведы стали рубить головы жителям погоста. На колодах оставались глубокие следы от шведских сабель, а несколько из них были совсем перерублены.

Так шведы перебили всех саамов в Кулпанламьсийте. После всех отрубили голову Килесьнийт. И потом ушли.

Из всех жителей погоста уцелели только два человека — они были на охоте. Эти два человека переселились на остров Кильдин и поселились там у Пригонного наволока. Новое селение на острове стало называться Килдсийт — Кильдинский

погост. От этих двух человек и начался Кильдинский погост, и с тех пор люди, принадлежащие к этому погосту, называются килдсаам, кильдинские саамы, где бы они ни жили.

27. МАЛЬЧИК ИЗ ТАЛОГО ЩЕЛЬЯ

Жили старик саам с женою и не имели вовсе детей. Ходил он часто по лесу, промышлял значит. Раз он вышел на Падун и видит талое щелье — удивился: везде больше сажени снегу, а здесь нет ничего — голая земля. Смотрит он, а сам думает: должно быть, здесь живет кто. Стал ждать. Вдруг из земли выходят маленькие дети и давай играть. Маленькие такие человечки играют, что белки — бесенята ли какие, лесовки ли, господь их знает. Задумался старик. Пошел к жене и говорит: «Сшей мне большую, большую каньгу». Взял он каньгу и веревку и пошел на талое щелье. Привязал к веревке каньгу, бросил туда и ждет. Вечерело, и, как солнышко только в последний разок осветило талое щелье, выбежали из земли дети. Один увидел каньгу и, играя, запихал туда обе ноги да, вдобавок, шутя связал себя веревкой. Старик как увидел это, крикнул страшным голосом. Дети разбежались, остался один связанный. Старик взял его, принес домой и говорит жене: «Не было у нас сына, вот тебе и сын». Стали они его растить. Вырос паренек. Только каждую весну нужно было за ним смотреть, чтобы не убежал куда. Скоро старик, старуха и парень перебрались в подземный городок и зажили там. Раз весной они не доглядели за парнем, тот и убежал от них далеко-далеко. По горам бежал, по лесу бежал, пока не наткнулся на чудь. Чудь схватила паренька: «Где живешь?» Он молчит. «Где живешь?» — спрашивают. «Где живешь?» — отвечает. «Кто ты такой?» — спрашивают. «Кто ты такой?» — отвечает. «Как тебя звать?» — спрашивают. «Как тебя звать?» — отвечает.

И так дальше. Как его спрашивают — теми же словами и отвечает. Озлобилась чудь. «Выбросить его в реку!» — решили. Схватили парня, бросили. Вдруг видят, что вместо саама своего швырнули. Повторили еще — то же самое. «Убить его мечом!» — приказывает атаман. Зарубили его — смотрят, своих трех зарубили, а паренек все цел. Ну, тут чудь испугалась. Все же заставила повести его на место, где жили старики. Хотела чудь убить их, да паренек сказал, что если они дотронутся до отца и матери, так ни один жив не дойдет до Колы. Взяли они его в проводники. «Веди в Колу», — говорят. Вел он их четыре или пять дней и довел до острова на Туломе, что повыше Немецкого. «Тут, — говорит, — ночевать

нужно, потому в Колу ночью нельзя войти». Приплыли на остров в карбасах и заснули. Паренек взял все карбасы, перевязал их вместе, и сам уплыл с ними. Утром чудь просыпается — ни карбасов, ни парня.

Так они все там и погибли. Дольше всех жил атаман, он их и схоронил и вместе с ними положил деньги, много денег. Навалил каменьев и зарок сделал: кто здесь убьет своего сына и положит его в эту могилу, тому и достанется клад. С тем и умер.

«Тоже это место чудливое: нужно ехать мимо тихо, не кричать, а то достанется — плохо будет!» — прибавляют саамы.

28. ВИК ВАРАЧ

Два брата жили, оба женаты, матери не было живой. Одна женка поставила варить рыбу утром рано и рыболовкой пригнетает рыбу, чтобы не сырая была. Оставила рыболовку в котле. Муж захотел узнать, почему жена оставила рыболовку в котле, глядит на рыболовку, оказывается, тень человека в котле, голова видна, а остального ничего не видно. Он смекает, не в котле же это, а откуда-нибудь тень наводит, и замечает трубу. Повалился на свое место и глядит в трубу: голова показывается в трубе и смотрит человек. Он взял лук и натянул, стал следить еще, не покажется ли. И вдруг голова показалась. Бух, выстрелил. Слышит, что упал и заревел кто-то. Швед ревет. Нога подстрелена. «Откуда ты взялся?» — спрашивает саам. — «А вот на вараке у нас войско стоит триста человек, и меня послали по всем вежам следить, сколько в вежах народу живет». Саам спрашивает: «Есть ли у вас человек сильный?» «Есть», — говорит атаман. «Как же его убить?» — «Его никак не убить, потому что он весь в лагах». Саам отрубил голову. Брат говорит: «Надо собрать всех саамов, пойдем вместе». Собрался народ, весь погост, и пошли. Надо логом идти. Крались, крались, огонь замечают. Ну, известно, огонь повсеместно: тут не видно, а с долины все видно. Подкрались близенько. Он (атаман) мясо берет, в сало окунает. «Ты, — говорит, — смотри, как он (атаман) ножик занесет в рот, так ты в ножик и выстрели». Целился, целился, отложил лук. Рука дрожит, не смеет человека убить. «Что ты, — говорит, — медведя не боишься, а шведа боишься. Дай-ка». Старший брат выстрелил. В рукоятку ударил, и ножик проскочил насквозь. А он с братом их всех перебил и в той вараке похоронил. И называется это место: Вик Варач (выше Бабинского погоста, почти у Имандры).

У старика и старухи жил один чахлин. Любили и ласкали его они как сына. Пришли к погосту шведы. А чахлин был веселый да быстрый, бегал вокруг погоста и заметил шишей. Побежал к своим и говорит, что шведы пришли, а потом уже поздно было. Бросились шведы на саамов и много народу перебили, а чахлина убить не смогли. Защищает он своих стариков порато. Ударит его швед саблей, а тот пуще прежнего защищает саамов. Ударит другой, а чахлина ничего не делается. Так и бросили шведы погост и старика с женкой оставили в покое.

30. ЗАКЛЯТАЯ ГОРА

Давно это было. Ходила на нашу землю чудь. Большей частью на крайние погосты нападала. Дождется захода солнца и нападет. В плен не уводила, а просто убивала.

Не выдержали как-то саамы и побежали от нее в леса — и чудь в леса; саамы в горы — и чудь в горы. Спасенья нет. Уже несметно наших чудь побила, когда один ведун выискался. Заклял гору, та раскрылась. Саамы вошли туда все. Видит чудь: нет никого. Только один главный чудин слышал, как наш колдун заклинал. Легла чудь спать. Наш ведун внутри горы опять сказал нужное слово, гора раскрылась, выпустила саамов — и опять закрылась. На утро чудь проснулась. Главный чудин думал поймать наших, сказал подслушанное слово — разверзлась варака,пустила к себе чудь да и закрылась. Так они все там и умерли, потому что слова такого, чтобы выйти, не знали. Одно только печально. С ними девушка одна была, силой они увели ее с собой. Отец ее и просил ведуну сказать свое слово, чтоб дочь свою взять оттуда. Долго ведун не соглашался на это, да старик умолил. Ну, сказал ведун: «Сделать я сделаю, только смотри, чтобы худа не было». Сказал он свое слово, дрогнула земля, гора распалась, да так и стоит до сих пор — никто ее соединить уже не мог. А дочку свою старик нашел, только уже мертвую, и пропасть там чуди побитой лежало; сказывают старые охотники, и до сих пор кости белеют.

31. КАК ЧУДЬ НА ОСТРОВЕ ПОГИБЛА

Шла чудь, от озера Энаре, разорять Пазрецкий погост. Был с ними и опас-саам. Проходили мимо острова, опас и говорит: «Здесь вот остров, на нем много морошки». Чудь и по-

шла на остров, стала собирать морошку и есть, а опас в это время все карбаса, на которых чудь приехала, и отвел от острова и утопил их около берега; припасы, которые были в лодках, себе взял. Леса на острове не было; чуди и есть нечего было, и костер нельзя было разложить, ни плотов устроить. Стала чудь звать опасу обратно, обещала ему награду, но он не вернулся. Между ними поднялась резня: тут они все себе смерть нашли.

32. КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

Есть на реке Туломе небольшой каменный остров. Ночью саамы объезжают его, боятся близко подходить. А на том острове слышны стоны, плач, гневные проклятья, звон мечей и звуки битвы. Высокие ели растут из трещин дикого камня, вокруг них кружатся белые видения. Раз пошел швед на лодках воевать против саамов, сорок погостов задавил, постройки сжег, вежи с землей сравнял, мужчин убил, а женщин молодых и девушек — в сарай. Подошли эти разбойники к острову и решили на нем заночевать. Ночью тихо-тихо подплыли саамы и сражаться со шведами боятся, только взяли их лодки. Наутро к берегам собралось видимо-невидимо народу, все хотят знать, что станут делать шведы. Враги проснулись, закрутились по острову, кинутся в одну сторону — вода, кинутся в другую — вода. Заплакал швед, стал он просить милости у саама. Саамы милости не дали, стали шведы в воду кидаться, тут их саамские стрелы и настигали. Другие стали бесноваться на острове. И такое на них беснование нашло, что друг друга мечами убивали. Точно дружка против дружки войной пошли, так никого и не осталось. Между шведами была одна их девушка, та особенно плакала. А как враги перебили друг друга, села на бережку и запела, жалобно запела, потом взяла меч и пробила им грудь свою. Кровь хлынула вот на этот камень. С той поры он и остался красным. Раньше остров совсем пустой был.

33. КАК ЧУДЬ ПОГИБЛА

Есть на Имандре остров, теперь его Областным называют. А как раньше называли, и не вспомнить. Но только в те времена экостровские и бабинские саамы жили здесь в куче, двумя погостами. Скупились они от чуди — кучей лучше обороняться. Чудь всегда являлась невзначай и больше по весеннему насту. А тут вдруг летом пришла. Стала чудь ждать, когда саамы спать лягут. Чудь все больше по ночам саамов

разоряла. Смотрит, остров против погостов. Поплыла чужь на остров, целый день там отдыхала, чтобы напасть на спящий поселок. С деревьев, что растут на острове, высматривали они саамское становье и толковали, как истребить саамов, условливались никому не давать пощады. А саамы и не видят, какая им грозит опасность. Но только повезло им. Ночью вдруг поднялась буря и продолжалась четыре дня. Непогода стояла такая, что аж снег летом валил, а чуди ни выехать с острова и ни укрыться от непогоды. И вся она тут погибла до единого.

◆ 34. СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ «НЕМЦЕВ» И О ТОМ, КАК СААМЫ ХИТРОСТЬЮ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ НИХ ◆

Шли «немцы» нагоном грабить и убивать саамов. Саамы убежали в Хибины, на очень крутую пахту.

Когда саамы пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушка, которая и стала просить саамов: «Не оставляйте меня, возьмите с собой!» Саамы ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. «Куда осоку-то берешь?» — спросили ее, а старуха только ответила: «Пригодится».

На крутом склоне той пахты, куда бежали саамы, снегу было очень много, на самом же краю (верху) пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем по этой крутизне, саамы взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда они добрались до вершины пахты, старуха начала бросать в них на крутой, покрытый снегом склон осоку.

Вскоре стали показываться и «немцы». Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари поднялись с этой стороны, начали подниматься.

Труден был подъем по обледенелому твердому снегу, стали топором в снегу ступеньки рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил.

«Мой свекор на том месте нашел «немецкую» пуговицу», — закончила рассказчица.

◆ 35. КАК ДВА БРАТА СААМА УБЕЖАЛИ ИЗ ПЛЕНА ◆

В один из своих набегов полонили шведы двух братьев саамов, связали им руки и повели в свою землю. Надоело им сторожить братьев, отпустили их поодаль и на длинной ве-

ревке привязали веник, чтобы в случае побега легче поймать было. Долго шли братья, придумывая, как бы освободиться от плена. Говорили громко — знают, что не поймут их шведы.

Попросил старший брат у младшего: «Ослабь немножко веревку на руках».

Кое-как исполнил саам просьбу брата, а тот в свою очередь ослабил ему руки.

Притянул чуть-чуть старший брат веревку с веником, и оба разом бросились бежать. Бросились к венику шведы, а тот высоко прыгнул, рванувшись сразу. Пустились в погоню. Не догнать шведу быстрого саама! А пока доставали они свои луки да стрелы, братья были уже далеко, и ни одна стрела не долетела до смелых братьев.

◆ 36. КАК СААМЫ ЧУДЬ ПЕРЕХИТРИЛИ ◆

Как-то раз чудь шла разорять Экостровский и Бабинский погосты. Была весна, только что снег подтаял, а тут невзначай ударил мороз, и наст образовался крепкий. Саамы убежали от чуди на Хибины. А чудь следом идет. На горах еще много снега было. Вот саамы и расчистили прямую дорогу на гору, по этой дороге и пошла чудь. Гора была крутая. Саамы ухитрились: оторвали скалы да и пустили их на врагов. Большой обвал снежный получился. Вся чудь погибла, остался только их вождь.

С тех пор на эти два погоста чудь и не нападала — боялась. Трудно сааму открыто с чудью бороться. Чудь бьется мечами, а у саама стрелы.

◆ 37. О ХОЛМЕ ПЕРЕД КОЛОЙ ◆

В один из своих набегов подошли шведы к Коле. Пришли ночью и расположились у города. Чтобы обезопасить себя от ветра и нападения, они положили каждый по камню и по шапке земли, и на ровном поле образовался большой холм.

◆ 38. СААМСКОЕ ДОБРО ◆

Как-то раз чудь перебила и разорила нотозерских саамов и шла назад, на Колу. Тяжело ей было нести все награбленное добро. Чудь и выкопала громадную яму, положила туда со-кровища и завалила скалою. Скала и теперь цела. Только откроется клад тому, кто одной стрелой убьет пятьдесят диких оленей.

39. КАК КОЛЯНЕ ПАДУН ОТБИРАЛИ

Захотели как-то коляне отнять у сонгельских саамов падун. Жаль было саамам отдавать это урочище. Очень уж хорошо в нем рыба ловилась. Что делать? Собрали суйму, потолковали и решили послать выборных к царю Петру. Царь принял их у себя в палатах, угостил на славу, водкой напоил. Очень царь Петр саамов любил. Наутро он выслушал их и дал им большой указ на Тулому с падуном. И велел держать этот указ в лесу, в тайном месте, где он и теперь лежит, пробитый копьем. А если коляне нарушат его, то идти на них войною.

40. КАК ОДИН ШВЕД СПАС СТАРИКА СААМА ОТ ДРУГОГО ШВЕДА

На Белой губе, неподалеку (верст десять) от Иокострова, есть маленький островок Телячий. Случилось подойти к Белой губе двум шведам, а на острове жил старик с женой старухой. Видит он, на том берегу стоят двое: по Имандре ехать надо, а карбаса нет. Сел старик в свой карбасок и поехал к шведам. Женка не пускала, да не послушал ее. Посадил он шведов и повез по озеру. Вплоть до Куренги довез, а до Куренги с полсотни верст считают. Высадил на берег их, а сам отплывать хочет. Смотрит: бежит на него швед с ножом, а другой его нагоняет. Догнал и начал нож вырывать. Испугался старик и отчалил к середине озера, остановился и смотрит: что дальше будет? Вырвал другой швед, что сзади бежал, нож у товарища и заколол его. Зовет старика. «Подъезжай, — говорит, — не бойся! Он тебя заколоть хотел, потому что ты саам, а я ему не дал сделать этого. А за то, что он бросился на меня, я убил его. Подъезжай, возьми его сумку и гребни домой».

Успокоился старик, подъехал, взял сумку, поскорее поставил парус да и вернулся на Телячий.

41. СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ «ПАНОВ» НА ВОЧЕЛАМБИНУ

Жила некогда около погоста, что стоял на Вочеламбине, девица-волшебница. Варила она раз сайпу и вдруг заметила, что из сайпы волосы человечьи поднимаются. Посмотрел народ и видит, из сайпы волосы так и тянутся. «Что это такое?» — спросил народ колдунью. «А то и есть, что идут «паны», хотят разорить погост, сейчас они уже недалеко, не более как в двадцати верстах», — разъяснила им колдунья.

Испугался народ и стал просить у колдуньи совета, как им быть. «Я вас избавлю», — заявила волшебница. «Что же ты хочешь в плату?» — спросил народ. «Купите мне важенку, самую быструю, чтобы, когда я поеду, мне любо было, — ответила девица-волшебница, — и дров на трое суток запасите, я повалюсь и буду спать трое суток. На третьи сутки собирайтесь ко мне, я вас напутствовать буду».

Саамы сейчас же привезли ей дров. К вечеру ветер пал, а ночью сделалась погода. День, другой, третий стояла погода, но никто из пырта и выйти не смеет, снегом все пырты занесло. На третьи сутки ветер стал стихать, саамы выкопались из пыртов и пошли к девице-колдунье. А колдунья сказала им: «Возьмите ружья и лыжи и подите к Облачному острову, там все «паны» лежат, занесло их снегом».

Прикатили лопари к Облачному острову, видят, замерзли все «паны», одни трупы кругом лежат. Только те, что поглубже под снегом лежали, еще чуть дышали, этих саамы добились.

Тогда саамы, как обещали, купили колдунье быструю важенку.

42. ЛЕГЕНДА

В давние времена в Нотозерском погосте жила девка-нойда. Раз утром она встала рано и разбудила всех в погосте. Ее спросили: «Зачем ты это делаешь?» — «Вот я вам что скажу: приготовьте себе хлеба и воды на три дня и из туп никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будет видно ничего. Делайте скорее так, как я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану». Все так и сделали, как она велела. Сама она легла спать. Едва-едва она заснула, как поднялась такая буря и метель, что нет возможности это и выразить. Все саамы испугались. Через три дня буря кончилась, и девка-нойда встала. Она опять собрала саамов и сказала: «Возьмите пищали и подите на мох». Саамы послушались ее, пошли. Когда пришли туда, то увидели много шведов, шедших разорять погост. Большая часть их замерзла, а которые были живы, тех убили. Так нойда и буря спасли от смерти и грабежа погост.

43. СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КОЛДУНЬЯ СПАСЛА СААМОВ ОТ «НЕМЦЕВ»

Пришли в саамскую сторону «немцы», стали грабить и убивать. Вышла тут одна старуха и сказала саамам: «Дайте мне сальную важенку, и я такую погоду подыму, что все «нем-

цы» сгинут». «Не одну, а трех важенок дадим мы тебе, если ты подымешь такую погоду», — ответили ей саамы.

Взяла тогда старуха большой котел и начала варить сайпу.

Три дня и три ночи варила она сайпу, три дня и три ночи вертела ложкой по всему котлу, пока не пала такая погода, что свету белого не видно стало. В ту пору «немцы» по Имандре шли — дело было зимой, — и все до единого по замерзали. Когда погода стала стихать, старуха созвала саамов и сказала: «Приведите мне важенку, я поем и спать повалюсь».

Привели ей саамы важенку, зарезали ее, мясо сварили. Старуха поела и повалилась.

Трое суток проспала старуха, проснувшись, сказала саамам: «Подите на Имандру, посмотрите, есть ли что нового».

Пошли те на Имандру, видят, все как есть «немцы» мертвые лежат, а на месте том остров новый родился.

Дали тому острову имя Облачный остров.

◆ 44. ПРО ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ, ПРО ШВЕДОВ И ЕЩЕ ПРО ДЕВУШКУ МАЗЮ ◆

На берегу рыбного озера жили древние люди. Там была одна знающая девушка, она любила двух парней, кто бы из них взял ее замуж. А эта девушка была старая, и никто из двух людей ее не любил.

Однажды на другую сторону озера пришли шведы.

Люди пошли к этой девушке, чтобы она сделала так, чтобы шведы не попали к ним. А эта девушка говорит: «Если кто-либо из двух парней возьмет меня замуж, тогда я сделаю так, что шведы нас не убьют». Люди начали говорить с парнями, чтобы кто-нибудь из них на ней женился. Один парень согласился жениться.

Девушка вышла на улицу и говорит: «Посмотрите на озеро, видите или нет что-нибудь?» Люди говорят: «Не видим ничего». А шведы уже вышли на озеро.

И вот разразилась большая буря, и эта буря продолжалась три дня — так, что не видно было ничего. Когда прошло три дня и буря стихла, все люди увидели, что посреди озера стоит каменный остров. Шведов было сорок человек: они как рядом ехали, так и окаменели. Длиной остров был, как сорок человек. Тот остров теперь называют Шведским островом. И когда едут мимо того острова, близко не подходят, боятся. И сказка вся.

45. КИЛЬДИНСКАЯ ДЕВУШКА МАРЬЯ ИВАНОВНА

Кильдинская девушка Марья Ивановна жила в небольшом селении одна. Она была некрасива собой, толста, сама была бедной. Женихи смеялись над ней, люди не считались с нею. Однажды они услышали, что идут шведы в Кольскую губу завоевывать и хотят всех саамов убить.

Люди хотели все убежать, а Марья Ивановна говорит: «Не уходите, надейтесь на меня. Из стада приведите годовалого седо-белого теленка. После здесь убейте этого теленка и принесите полный ковш крови мне выпить, отрежьте рога от теленка и принесите мне, я их целиком проглочу. Сейчас сделайте мне новую вежу и закройте».

Делать вежу стали восемь лучших мужей.

Девушка говорит: «Наломайте молоденьких лесинок и постелите мне постель в веже. Теперь я лягу на эту постель, в веже, а вы закройте дверь. С улицы прикройте дверь большим поленом и караульте меня по двое мужчин трое суток. Когда увидите чудеса, не говорите ничего, а я буду боевые песни петь, а вы слушайте».

Мужчины сидят, слушают, видят: очень много туману пришло. Мужчины видят сквозь туман и слушают: как она поет и говорит; так поет, что земля дрожит. И мужчины видят: сквозь туман идет земля. Земля шла через Кольскую губу и, дойдя до той стороны Кольской губы, (она) остановилась.

Когда трое суток исполнилось, она постучала, чтобы ее выпустили на волю. На улицу вышла — туман рассеялся. Где был убит теленок, на то место она выблевала целые рога. Тут Марья Ивановна и говорит мужчинам: «Где я положила рога, на то место соберите ворох рогов. Вот я вас спасла от войны, шведов провела я за этой горой».

46. МАЗЕЛЬСКАЯ

В Мазельской жило одно общество. Охотники узнали: идет шведская сила. Они принесли слух и хотели все убежать. А тут работницей жила очень бедная девушка. Девушка тут говорит: «Не уходите никто. Овец всех накормите, дайте еды на три дня. Оленей спустите». Потом она говорит: «Я только вам это так делать не буду, а соберите людей, общество. Если красивый богатый парень возьмет меня в жены, я тогда вас спасу». Девушка была некрасивая. А мужчины общества говорят: «Шведы придут, тебя убьют, как и нас». Тут девушка сказала: «После меня не богатство и останется». Парень-то девушку не

берет, да и отец не разрешал, а мужчины общества говорят: «Мы не хотим из-за тебя умирать. Девушка-то не смерть, бери».

Парню ничего не оставалось делать. Девушка говорит: «Я на три дня сделаю метель с градом». И три дня была очень сильная метель с градом, так что никто не мог выйти на улицу. После метели пошли смотреть, где шведская сила. Увидели: вся шведская сила замерзла и превратилась в камень.

Заставили этого красивого парня взять эту девушку. Он повязал ей на шею свадебный платок, и сыграли свадьбу. И он стал эту девушку считать женой.

47. ДВЕ СНОХИ

Жили две снохи. Мужья уехали на охоту, а свекор остался с женщинами дома. Уехали две снохи неводом рыбу ловить на озере. Они ловят рыбу и между собой говорят: «Ну-ка, если придет чудь, нас убьет». А старик свекор сидит дома и видит, что дикий олень прямо к веже пришел; он схватил ружье и убил оленя. Женщины-то и испугались, подумали, что чудь пришла и их теперь убьет. «Куда нам теперь?» — говорят. Они невод вытянули в карбас, стали грести к берегу и сами побежали — куда глаза глядят. Они бежали, бежали да и сели под куст. Они там сидели трое суток целых. Старик пошел их искать. Пришел на берег к озеру, видит: карбас стоит и невод в нем; привязан карбас к берегу. Пошел наверх их искать — нашел их. Обе снохи и говорят: «Отец, не убили еще тебя?» Он говорит: «Кто?» — «А чудь». Он и говорит: «Это я палил, полно вам молоть». Пришли они к берегу, старик и говорит: «Пойду на охоту: не найду ли еще дикого оленя». Снохи пришли домой, дров наложили в камелек, сварили рыбы, поели и стали спать ложиться и говорят: «Если чудь придет — не услышим». Другая говорит: «Я услышу, чуть маленько зашумит». Только что уснули, та, которая сказала, что не услышит — услышала, что чудь идет, а другая и не услышала. Та стала ее будить. «Вставай, — говорит, — вставай, невестушка, чудь идет, убьет нас». Та все не слышит; не может ее разбудить; она уже и оленью шкуру из-под нее вытащила — та все спит. Взяла она двух ребят, своего и ее; ребята еще маленькие — в люльке качаются — и побежала с ними в лес; ребят себе за пазуху положила. А та все спит. Чудь пришла и убила ту женщину, что в веже осталась спать; а все, что было в веже, все с собой унесла. Другая все в лесу сидит; две недели сидит, только ягоды ест. А ребята ревут — тоже есть хотят; грудь у ней высосали: молока не стало — кровь идет. Старик и мужья домой идут, видят: женщина убита — голова отреза-

на, и руки, и ноги отрезаны. Они испугались: не знают, что делать. Мужики переночевали да опять в лес пошли. Идут и слышат, словно голос разносит — ревут. А собака у них была хорошая; они и сказали: «Собака,веди нас туда, где ревут». Собака вела, вела под гору, да у горы ямка есть: там женщина сидит, волосы распущены, и руки от голода опустились. У мужиков с собой олень был, на нем клад везли. Женщина их узнать не могла. Они оленя убили и дали ей теплой крови пить, и ребятам дали, чтобы ожили, да огонь зажгли, варить мясо стали. Неделю жили, пока она поправилась. Потом домой пришли и мертвую женщину убрали, похоронили; спрашивают другую: «Отчего ты убежала, а она убежать не могла?» Она и говорит: «Она похвасталась, что услышит, когда чудь придет. Будила я ее, ухо оторвала вместе с серьгой, и то она не услыжала. Я и захватила ребят и побежала скорей в лес». Они и говорят: «Где же у вас невод и клад?» «Видно, — говорит, — чудь унесла».

48. ПОХОД ЧУДИ НА КОЛУ

В Мотке жил саам Лин, славившийся как нойда и силач. Пришла чудь, разорила погост, взяла в плен и Лина и маленького Михайлу с их женами. Повели их в Колу: чудь шла Колу разрушать. Дорогой предводитель чуди стал спорить с Лином, кто из них лучше бежит на лыжах. Решили испытать. Чудин и привязал к себе и к Лину веревку длиной в двенадцать сажен и к концам ее прикрепили хомуты. Чудин сделал это для того, чтобы Лина можно было схватить за веревку. Побежали — Лин и почувствовал боль в коленях: он сейчас разрезал у штанов колена, вырвал кусок, бросил в чудина и сказал: «Это твое, возьми». Чудин хотел его испортить, но Лин, как нойда, понял это и так избавился. Они побежали дальше. Лин разрезал веревку и побежал так быстро, что скоро совсем скрылся из виду. Чудь пошла дальше, а Лин по ночам преследовал их и убивал у них оленей. Его хотели поймать, но не могли: чудь двигалась медленно, у ней не стало хлеба. Михайло и посоветовал чуди отправить его с женой в Колу за хлебом. Чудь согласилась, а жену Лина оставили у себя. Тем временем Лин перебил всех оленей: чудь того и не заметила. Жена Лина как-то сказала им: «Посмотрели бы лучше, есть ли у вас олени». Чудь стала искать — ни одного оленя не нашла; со злобы убили жену Лина и пошли дальше на лыжах. Михайло же пришел в Колу и сказал: «Чудь идет, велела готовиться биться с ней». Начальник и не поверил, а за то, что он распускает плохую молву, посадил его в тюрьму. Через

несколько времени увидели, что чудь действительно идет. Колыане испугались. Когда чудь подошла, стали в нее стрелять, но ружья давали осечки или пули летели мимо. Михайлу выпустили из тюрьмы; он подошел к воеводе, ударил его в ухо и сказал: «Что, правду я говорил?» После этого Михайло приказал вымазать ружья кровью убитой кошки и стрелять так в Чудечуервя, чтобы один стрелял вверх, другой — в середину, третий — вниз, чтобы от пули Чудечуервь не мог уклониться: ни нагнуться, ни вскочить. Так и сделали и ранили Чудечуервя в ногу. Остальная чудь к тому времени подошла, увидела атамана раненого, взяла его с собой и пошла назад. Дорогой Чудечуервь стал бранить чудь — та рассердилась и бросила его в Тулому, в водопад Веррекушк, недалеко от Колы, а сама пошла обратно к себе.

49. МАКСИМ И НОЙДА

В Нявдемском многолюдном погосте славился саам Максим как богач и колдун. Раз пришли в Нявдемский погост три купца из Швеции. Они наняли саамов возить их по разным погостам для торговли; поехал с ними и Максим. Торговали они худо, поэтому не хотели давать платы саамам, в том числе и Максиму. Максим стал требовать уплаты. Шведы ему отдали деньги и сказали: «В вашем погосте народа скоро будет немного и останется наконец всего три дома». Максим сказал им: «Пока я в погосте, не порвется ни одна нитка». И хотел бить шведов, те поскорее ушли. Максим задумался. Шведы слово свое сдержали и в течение нескольких лет подсылали к нему семь колдунов. Максим всех и застрелил. Долго после этого не было видно врага. Максим был охотник и пошел на охоту. Ходил он долго и ничего не убил. Ему было стыдно возвращаться домой с пустыми руками, так как он считался хорошим охотником, поэтому он пошел подальше: перешел через реку и дошел до тундры Вадчер. Здесь собака его залаяла, и он увидал вдали быка, который шел по направлению к нему; у быка были железные рога. Он сейчас понял, что это за бык, и сказал: «Это нойда». Он выстрелил, и пуля попала быку в лоб, выстрелил второй раз — попал быку в сердце, а бык все скорее подвигается к нему. Максим понял, что дело плохо, пустился бежать; добежал до реки и, так как сам был нойда, перескочил через нее. Прибежал к Нявдему, упал на землю; успел лишь закричать: «Заряжайте мое ружье». Народ, никого не видя, испугался, бросился заряжать его ружье, пуля на середине дула остановилась. Максим вскочил, схватил ружье и выстрелил. Ружье переломилось пополам,

Максим упал мертвым, а вдали поднялся большой дым и смрад. Тут саамы поняли, что дело было неладно, что чудь погубила Максима. Помочь уже не могли. Народу стало все меньше и меньше становиться в Нявдеме, и теперь вот осталось лишь три дома — три семьи.

50. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЧУДИ ГЕЛАНД

Предводитель чуди — Геланд — пришел раз в Нявдемский погост под видом купца с двумя товарищами. Он выведывал: богаты ли лопари и, чтобы отвлечь их внимание, устраивал им разные увеселения. В это же время он подговорил одного саама, Михайлу, чтобы тот свез его в становище Шапкино, на высокую гору, откуда он хотел наблюдать приход своего войска. За эту услугу Геланд обещал ему жизнь самому, и его семейству, и подарки. «Если ты увидишь, — говорил Геланд, — что я подниму красный флаг, приезжай с родными ко мне: сила, значит, идет, — а если флаг будет черный или белый, приезжай за мной один: с войском, значит, случилось нехорошее». На третий день Михайла увидел белый флаг и поехал к Геланду. Геланд поехал к себе. Около Вереснаволока они увидали, что чудское войско ушло сквозь землю: на земле остались лишь одни рукавицы — все от правой руки. После этого Геланд больше не приходил.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

На берегу Сейдозера и теперь стоит каменный сейд. На одной ноге его одета каньга, на другой — сапог.

Приедут саамы рыбу ловить — с лопаты сейду табаку подносят, а женки по этому берегу ходить не смеют.

Давно еще, когда шиши ходили, окружили саамы чуждере и сказали ему, чтобы сдался. А когда он согласился, велели надеть на одну ногу каньгу (в знак покорности). Надел швед каньгу, а саамы все-таки его убили.

С тех пор он сидит там, камнем сделался и стал сейдом.

52. КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

На берегу Щучьего озера, в Кейвах, стоит скала, а на ней — окаменевший человек. Это был сейд.

Говорят, что очень давно ходил по горам человек, сломал себе ногу и мгновенно окаменел.

А еще говорят про того человека, что он был очень упрям, а шел он в запретное место, потому и сломал себе ногу, но не повернул назад, а подвернул штанину, снял сапог, связал кости сломанной ноги и пошел все же дальше в запретное место, за то и окаменел.

Вот и стоит этот окаменевший человек на скале над озером; одна нога, которая сломана, — белая, как бы засучена штанина на ней, а другая обута в пим.

На берегу того озера поселился один саам. Он ловил щук в озере. У него было большое стадо оленей. Этого саама звали Карнас — то есть Ворон.

Это был очень умный саам — великан, сильный. Он не нуждался в людях, а люди его избегали. Он был гордым, прекрасным, величественным и так много знал всего, потому что учился, жил и воспитывался у самых знаменитых саамских нойдов, что ему не о чем было разговаривать с людьми. Но он и не шаманил для людей, а только для себя одного.

Карнас веровал Каменному человеку над Щучьим озером. В жертву сейду самых крупных щук приносил и клал у ног щучьи челюсти.

Когда приносил жертву, то сам каждый раз, хоть летом, хоть зимой, раздевался совсем, но только с одной ноги снимал обувь, а другая оставалась обутой. Так Карнас хотел быть похожим на Каменного человека.

В тихую погоду Каменный человек отражался в озере, только вверх ногами, а весь дрожал и волновался, как живой.

Любовался этим отражением саам Карнас и думал: «Почему сейд — настоящий человек, только живет без головы? Где же он потерял свою голову?»

И стал саам каждый день и каждую ночь об этом думать.

То ли наяву, то ли во сне, саам сказать этого не мог, смотрел он на отражение Каменного человека, купавшегося вверх ногами, видит: перевернулся он вверх пустыми плечами без головы и говорит Карнасу своим брюхом: «Достань, саам, мою голову со дна озера и поставь ее мне обратно на плечи!»

Испугался Карнас, закинул сеть, потянул ее. Сеть действительно зацепилась в самом глубоком месте. Сначала подумал Карнас, что это подводный камень. Стал тянуть — тянет. Тянул, тянул, и в сетях оказалась вместо рыбы каменная голова. А глаза так и горят огнями у нее.

Вытащил Карнас осторожно голову из воды. С трудом закатил ее на гору, поднял и поставил на плечи сейду — Каменному человеку.

Хотел было уходить да взглянуть издали на Каменного человека с головой, да разговор услышал.

Голова говорит сейду — с брюхом разговаривает: «Ну как? Будешь еще терять меня?»

А брюхо молчит.

Снова спрашивает голова: «Ну как? Пожил без головы?»

А брюхо снова молчит.

В третий раз спрашивает голова: «А нужна ли тебе, брюхо, голова?»

Тут Каменный человек не выдержал и говорит брюхом: «Когда-то у меня была острая голова и острое сердце. Из-за острого и горячего сердца я и пожертвовал своей головой, потерял голову. Потому и остался жить без головы, только с одним острым и горячим сердцем. И скажу тебе, голова, что как ни плохо жить без головы, а прожить все-таки можно, а вот без сердца совсем нельзя жить на свете...»

В ответ на это голова захохотала, затряслась, да и сорвалась с края плеч и полетела вниз опять обратно в озеро к щукам.

Закричала ужасно голова.

И увидел саам, как сердце сейда — Каменного человека — ярким пламенем вспыхнуло, полетели искры и молнии во все стороны. Полетели брызги крови, как красный дождь, на всю тундру.

От всего этого саам сошел с ума. Ничего не стал соображать.

А осенью, когда оленеводы собирали после летней вольной пастьбы свои стада, саам обнажил свою ногу, как у сейда, стал бегать по тундре, крича и махая руками, как бы загоняя оленей.

Оленей на самом деле не было, саам один видел их, ему это только казалось.

Выпал первый снег.

Наступили морозы.

А саам все бегал, все загонял стада своих невидимых оленей и забежал в сийт.

Прибежал в селение. Никто не узнал саама — так долго он в сийте не был. Потом опознали его по пиму и по шапке. Саам, хоть и зима стояла, голым бегал, будто стадо оленей гнал.

Задержали Карнаса. Привели в избу, отогрели, угощать начали его, а он все только упрашивал людей собрать стада его оленей, говорил, где и где они пасутся.

Саам людей не стал понимать, раз сам с ума сошел, да и люди его разговора не понимали.

Саам отказался от еды и, обессилив, уснул в тепле, да больше и не просыпался.

Его похоронили так: положили в лодку, лодку привязали на сани. Завезли его на самую высокую гору у берега моря да вместе с оленями и сбросили с обрыва.

То место, где сани стояли, посыпали золой да по обычаю оставили на этом месте топор, а поскольку весла не было, вместо него лопату.

А народ так и не поверил, что у саама остались олени стада, которых было в десять раз больше, чем дней в году. Стада его разбежались и одичали.

А на память людям о Карнасе, об этом гордом человеке, прожившем всю жизнь как пеня на берегу озера со своим сейдом, осталась шапка, да один пим, да эта сказка. Все.

53. ОКАМЕНЕВШИЙ ЧЕЛОВЕК

На берегу Щучьего озера стоит скала, а на скале — окаменевший человек.

Ходил когда-то, очень давно, давно, по скалам человек и сломал себе ногу. И мгновенно окаменел.

И стоял этот Каменный человек на скале. Одна нога у него, которую он сломал, была белая, будто были засучены штаны на ней.

Этому Каменному человеку люди веровали. Это был сейд.

На берегу того озера жил одинокий саам, он ловил щук в озере. У него было большое стадо оленей.

Стал этот человек веровать Каменному человеку, в жертву ему щук приносил, клал около него щучьи челюсти. Когда он приносил жертвы, то сам раздевался, снимал обувь — обнажал свою ногу, чтобы быть похожим на Каменного человека, которому он веровал.

Этот человек так сильно веровал в Каменного человека, что сделался сумасшедшим. Ему стали видаться большие стада оленей. Осенью, когда оленеводы после летней вольной пастбы собирали оленей, он обнажил свою ногу, как у каменного человека, и стал бегать по тундре, крича и махая руками, как бы загоняя и ловя оленей. Но оленей не было, он один их видел. Ему это казалось.

Выпал первый снег, наступили морозы. А он все бегал, все загонял оленей. Прибежал в погост. Люди увидели, что человек бежит, будто стадо оленей гонит. Задержали его. Стал он им рассказывать: «Мои стада там-то и там-то ходят, задержите их, не отпускайте».

Так он сошел с ума, а потом и умер. А стадо его разбилось: одни олени одичали, другие — пристали к чужим стадам.

54. ОСТРОВ И СЕЙД

Против Экостровского погоста есть остров. Жил когда-то на этом острове сейд. Он не любил, чтоб мимо проезжали ночью, после заката солнца до утра, и за это страшно наказывал пловцов. Ему приносили в жертву олени рога, и столько их было там сложено, что они загромождали весь остров. Тем, кто привозил ему такой дар, он посылал хороший промысел. Раз, после заката солнца, проезжал мимо старик со старухой. Бог рассердился и свернул старухе голову лицом назад, затылком вперед. Опечалился старик. «Уж и жить нечего», — думал он. Горько было ему видеть женку свою в таком положении. Дождлся он утра, взял карбас, приехал на остров и начал разбрасывать оттуда рога во все стороны. В реку их вывалил пропасть и теперь еще лопарям случается вытаскивать их неводами. Наконец, когда выбросил он последнюю охапку рогов, омрачилось небо, загредел гром, и на острове послышался страшный рев. Дух собрался оставлять свое любимое место. В виде тучи поднялся он оттуда и поселился на большом озере в Хибинских горах. Посредине озера и теперь есть громадный камень, издали похожий на дом. И щели в нем расположены, как окна; есть выбоина, похожая на дверь. Тут и зажил бог, и стал он шутить над людьми. Кто

идет по озеру да засмеется или скажет громкое слово — поднимется буря или просто в самую ясную погоду карбас на дно пойдет.

55. СЕЙД И ПРОМЫСЛОВИК

Не было удачи сааму-промысловнику. Поставит ловушку — не попадет зверь. Оленей встречал мало, а убивал и совсем мало. А что убьет, мясо спрячет — утащит медведь или росомаха.

«Хоть бы сейд мне помог», — сказал раз неудачливый саам, а сейд услышал его и явился ему помогать. Пищу да утварь из соседних погостов должен был доставать промысловик, сейд не мог туда ходить, а за это он должен был помогать сааму, а добычу делить пополам. С того времени и охота пошла удачно. Саам и сейд крепко держали слово. Набьют зверей — шкуры поделят поровну и каждый в свое место кладет. Саам каждую шкуру с благословением клал в один угол, а сейд — в другой. Так промышляли они три года. Тяжело стало сааму с сейдом жить и начал разделу просить, а сейд согласия не дает: до конца жизни вместе с саамом промышлять хочет.

Думал, думал саам, как бы от сейда избавиться, и надумал. Спрашивает он потихоньку у сейда, чего тот пуще всего на свете боится, а тот говорит: «Пуще всего боюсь я змеи и где увижу ее, там жить не буду».

Вот и взял саам сырую березовую чурку и бросил в огонь, а она зашипела и засвистела от жару. «Что это?» — спрашивает сейд. «Посмотри, тебе ближе», — говорит.

А хитрый саам посмотрел в огонь да и говорит: «Уж и не змеи ли?» А сам как будто испугался, закричал: «И вправду змея!»

Вскочил сейд да как закричит: «Наше к нам!» — и скрылся. Шкуры, что сейд собирал, все с места сорвались и улетели за ним, а те, что в другом углу лежали, — остались. Благословение удержало.

Так и расстались сейд с промысловиком.

56. ЯМЩИК-КОЛДУН И СЕЙД

На Пулозере стояла одна вежа. Жили в ней старик саам со старухой. Умер старик, похоронила его жена, а сама спать легла в вежу. Ночью проснулась и слышит, что снаружи кто-то ходит. Посмотрела в щелку: муж стоит у озера и невод меряет. Испугалась лопка, накурила в веже росным ладаном,

а дверь приперла. Целую ночь подрывался старик под вежу, а утром пропал.

Заехал в этот день к вдове знакомый ямщик, она и рассказала ему все. А ямщик был колдун. «Погоди,— говорит,— я останусь».

Советовала старуха оставить ее на волю сейду, но ямщик не послушался и остался. Переложил он все вещи в вежу на одну сторону, другую очистил и положил в угол рыбы кости. Наступила ночь. Скоро они услышали, как старик начал мерять невод, а через несколько времени отворилась дверь, он вошел в вежу, лег на очищенное место и начал грызть рыбы кости. Тогда ямщик встал, взял старика за руку и вывел вон. Долго не приходил он назад, наконец пришел и сказал, что старик больше не вернется. «Посмотри,— говорит,— завтра утром на небо». И уехал.

На другое утро вышла старуха из вежи, видит: несется по небу что-то черное и спустилось где-то по ту сторону Пулозера. С тех пор перестал ходить в вежу старик, а недалеко от Пулозера в каменной веже (камень с трещиной наподобие входа) поселился сейд.

◆ 57. КАК СААМ ОТЦА ВЫРУЧИЛ ◆

Заболел у саама отец. Думал-думал саам, отчего приключилась болезнь, и заснул. Видит во сне он Крестную вараку и догадался, кто взял душу отца. Подошел он к пахте и громким голосом закричал: «Знаю тебя, Крестная варака, это ты накликала болезнь отцу, ты утащила его душу. Отдай мне ее, не то разломаю твою вежу и тебя не оставлю». Отдала варака душу отца. Подхватил ее саам, а сам давай бог ноги. А сзади голос слышался: «Счастье твое, что скоро убрался, а то достался бы и ты мне!»

Проснулся саам, а отец жив и здоров. «Спасибо,— говорит,— сынок, видел я, где ты ночью был и как спас душу мою, спасибо!»

Звали этого сына Яков.

◆ 58. ПРЕДАНИЕ О ТОМ, КАК СЕЙД ПЕРЕСЕЛИЛСЯ С СЕЙДСУЕЛА НА ВЫДОЗЕРО ◆

Жил на Сейдсуеле (Чертов остров) сейд. Там у него и вежа стояла, и амбары, а неподалеку и рога кучей были сложены. Остров этот и теперь существует на Белой губе Авер-ивера (Имандра).

Случилось раз проезжать мимо острова в карбасе старику с женой. Заболел у старухи живот, и чем ближе к острову, то хуже. Старик был маленько колдун. Пристал к острову и давай рубить топором вежу, амбары и рога. Понял старик, что тот шалит с ним, и рассердился. Испугался сейд и с той поры переселился в Хибинскую тундру на Выдозеро, а у Сейдсуела стало спокойно. Теперь сейд уже умер, и на Выдозере живут его вдова да дочь замужняя.

59. МОРЕСЬ-АКАНЧ

Моресь-аканч — бабушка Моресь — была родом из Кордэксийта (Воронинского погоста).

Как-то давно, когда на морском берегу промыслили только саамы, заспорила Моресь-аканч с одним рыбаком, промышлявшим в Териберке, о том, что она сделает в Териберской губе защиту от непогоды. «Вы, рыбаки, в Териберке страдаете от непогоды, страдаете от бурь. А я могу избавить вас от этого», — сказала она. «Как же ты можешь защитить нас от непогоды?» — спросил рыбак. «Скоро сам увидишь», — ответила Моресь-аканч. «Где же ты возьмешь защиту?» — опять спросил рыбак. — «Я возьму ее у Цып-Наволока и приведу к Териберке».

Вечером, когда все заснули, Моресь-аканч сделала непогоду. Потом оторвала от Рыбачьего полуострова большой кусок земли и поплыла на нем по морю на восток, к Териберке. Ночью поднялась буря, на море пал туман, а земля все плыла по морю.

Наутро погода прояснилась. На берегу, близ устья Кремневой реки (Уэльйок, ныне Зарубиха), стояло саамское селение — Погост Истертой Скалы (Сувьяпакасийт). В селении жили люди. На рассвете они стали пробуждаться. Вышли из вежи две женщины, посмотрели на море и увидели — по морю земля плывет. Вскрикнули: «Чудеса делаются; было море чисто, теперь земля на нем появилась!» Увидели и другие люди, тоже стали удивляться. При криках людей земля остановилась. Земля эта — остров Кильдин.

Моресь-аканч находилась на ней вместе с дочерью и плыла, чтоб устроить каменную защиту против устья реки Териберки. Она хотела защитить своих людей от бурь и непогоды.

Когда, при криках людей, остановилась в море земля, Моресь-аканч мгновенно окаменела. И стоит она, каменный сейд, доныне на скале, над морем. Рядом с нею стоит ее окаменевшая дочь. А внизу из моря выступает камень, похожий на лодку.

В царские времена, когда на Мурманском берегу еще не было города Александровска (ныне Полярный) и Екатерининская гавань была застроена, военное судно «Мартынов», имевшее стоянку в этой гавани, шло по морю к острову Кильдину. Служивший на судне боцман, из местных жителей, рассказал командиру сказание про «Бабушку» на Кильдине. Командир стал рассматривать остров в бинокль и увидел «Бабушку». Он распорядился выстрелить в нее из пушки. Выстрелом сбило у нее голову.

И стоит теперь Моресь-аканч, бывшая хозяйка моря и острова Кильдина, и рядом с нею стоит ее окаменевшая дочь — обе каменные обломки.

◆ 60. ОСТРОВ КИЛЬДИН ◆

Саамка старуха похвалилась, что запрет Кильдинскую губу и что коляне (жители г. Колы) оттого помрут с голоду, что они саамов в Кильдинском погосте обижают. Пал туман на море, двое суток на море не выезжают, спят все в погосте. На третьи сутки вышла женщина кормить собаку. Видит — идет остров по морю. Она и заговорила: «Что за чудо, идет остров по морю!» И все окаменели, и остров остановился, и все окаменели. А это старуха тянула остров Кильдин на оборе, а как женщина сказала, обора оборвалась, и все окаменели.

◆ 61. АЙНАЙ СУОЛО (АЙНОВЫ ОСТРОВА) ◆

Первый вариант

Мы, саамы, не были еще христианами, а в наших погостах в Лапландии диких оленей почти не было или было, да очень мало. В Финляндии и Норвегии было очень много. Вот и стали наши старики думать, как бы сделать, чтобы дикие олени были и на нашей земле. В это время жили в Печенге, около становища Вайда-Губы, силачи-нойды три брата, и у них была мать-старуха — агка. Братья, как нойды, знали все и умели пособить горю. Вот однажды они и сказали матери и своим приятелям: «Мы пойдем в Норвегию и отрежем кусок земли, на которой бегают много диких оленей, и приплывем сюда на этой земле со всем добром. Жизнь наша тогда пойдет богаче».

Сказано — сделано. Нойды отправились в Норвегию. Мать-старуха в одну ночь спит и видит во сне, что ее дети возвращаются на норвежской земле с оленями. Она вскочила

как шальная, побежала из тупы на пахту смотреть, как дети едут с добром. Старуха увидела: земли идет много, и гул от хрюканья и бегу оленей раздается далеко-далеко. С радости она запела: «Вот мои детки едут, вот они везут живота, везут оленей и важенок». И от радости еще вскричала: «Недаром их называют нойдами и силачами». После этого она сейчас же окаменела, окаменела и изба, и остатки от этого, говорят, можно видеть на Земляном наволоке и поныне.

Земля, плывшая по океану, от слов старухи разорвалась на два острова и остановилась. В промежутках между ними дети и все добро потонуло. Айновы острова теперь славятся морошкой. Говорят еще, что все морские острова, на которых растет морошка, приведены нойдами из Норвегии.

Второй вариант

В Печенге и в Коле в это время, говорят, преподобный Трифон уже просветил крещением многих саамов. Нойды, или кебуны, за это сердились на него, а также и на саамов, которые крестились. И вот назло саамскому апостолу и крещеным они вздумали запереть Печенгский и Кольский заливы и для этой цели поплыли на отделившейся земле к заливам. Когда нойды подъезжали к заливам, то их заметили на берегу люди и закричали: «Земля идет, земля!» Кричавшие окаменели, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильдин.

62. СКАЗКА О НОЙДЕ, ПРОВОДНИКЕ ОЛЕНЕЙ

Жил-был на Паз-реке один нойда и ему хотелось, чтобы дикие олени были в Паз-реке на Вилемском наволоке, а их тогда нигде нельзя было найти, как только в Норвегии. Однажды он подобрал себе товарищей и сказал им: «Поедем за добром в Норвегию». Сам сел в карбас на корму, а товарищи сели на нос и стали грести, работать веслами. Приехав в Норвегию, они пристали к берегу. «Ну, вы теперь сидите в карбасе, никуда не ходите и дожидайтесь меня», — сам нойда пошел на гору и там взял олений рог. Пришел с ним в карбас, сел опять на корму и сказал: «Если я этим рогом буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалейте. Ваше дело только грести обратно на Вилемский наволок».

Сделав наставление, он приказал ехать. Сам рог стал грызть. Грыз и глотал рог, и дошел до того места, где у рога отделяется другой, как бы ветвь. Вот в рот-то ему более не

входит, он и показывает одною рукою товарищам, чтобы кто-нибудь пришел и отсек сторонний отросток. Этого между тем никто не понял, да и не смели подойти. Он между тем старался вложить его в рот, да никак не мог. Олени дикие в это время, как птицы,плыли за карбасом и в большом количестве. Доехали до Вилемского наволока и пристали к берегу. Вышел нойда на берег и сказал товарищам: «Никто из вас не догадался отрубить ветви от рога, и поэтому я всего не мог сгрызть. Теперь дикие олени придут к нам только те, которые успели до нашего приезда зайти в море, а остальные останутся в Норвегии, да и те, которые пришли, будут здесь недолго». Рассказчик прибавил: «Вот их теперь и нет».

63. ОЛЕНЬЯ СКАЗКА

Жил старик. У него оленей было мало. Сам он был знатной человек, мог маленько поколдовать. Ну, а все-таки настоящей силы ему не хватает, и нет у него счастья в оленьем хозяйстве. И думает он: «Как бы мне оленей поднять, оленья стадо свое увеличить?»

Он обратился за помощью к сильнознающему человеку, попросил, чтобы тот помог ему поднять оленей. Тот согласился, и они оба легли спать крепким сном. Знают уж, как тут, при этом деле надо спать. Каждый лег в своей веже.

Спят они.

И этому старику снится сон. Видит он, что многознающий превратился в оленя-самца, в хирваса.

Хирвас побежал на юг. Старик вслед за ним. Чем дальше, тем быстрее бежал хирвас. Старик поспевает за ним. Они бежали, бежали и очутились на болоте. Тут жировало большое стадо оленей.

От стада отделился вожак-хирвас. Он рога вниз — и пошел навстречу харвасу-многознающему. Оба сошлись воедино и начали битву. Хирвас-знающий победил хирваса-вожака. Он свернул ему шею.

Хирвас-знающий погнал стадо и сделал так, что стадо признало его своим вожаком, а старика признало своим хозяином.

Новый вожак пришел к старику, как к хозяину, и спросил его: «Где установить для этого стада твое оленья счастье? В каком месте велишь вбить чуэрвечулт — роговой гвоздь, куда привязать твое счастье, твоих оленей? Я сотворю это хигнами из мянны».

Хозяин велел: «На Зайцеву горушку!»

Хирвас-многознающий пригнал стадо на Зайцеву горушку

и вбил туда чуэрвечулт, он привязал к нему хигнами из мянны оленье счастье этого стада.

Тут старик пробудился. Проснулся и думает: «Вот я видел какой сон! Если этот сон сбудется, то у меня будет много оленей!» Он разбудил старуху: «Вставай, старушка. Надо приготовить богатый обед из самого лучшего угощения. Я видел очень хороший сон. Надо нам позвать гостя, того многознающего человека, которого мы просили помочь нам».

И вот жена приготовила лучший обед, а муж поставил на стол сулею вина. Он оделся в свою лучшую одежду, жене велел нарядиться в самое красивое платье. После этого он пошел пригласить к себе в гости сильнознающего человека.

Гость пришел, и они стали угощаться, пить вино и пировать. Хозяин спрашивает знающего: «Что ты видел во сне?» Знающий отвечает ему: «Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты сам ходил со мною и видел всю мою работу. Все, что ты просил, все тебе сделано по твоей просьбе. Ты мне велел вбить чуэрвечулт на Зайцевой горушке и привязать оленье счастье хигной из мянны?» Хозяин ему в ответ: «Во сне я видел все, что ты сказал». — «Стадо тебе пригнано, оленье счастье удержано, след, по которому стадо гнали, убит. Твое оленье счастье утверждено. Этот прогон стада — твой прогон, его никто не сможет оттянуть от тебя».

Когда они расставались, хозяин сказал: «Спасибо тебе, великознающий!»

64. НАЛЭТЬ

Выдал старик-нотозерец свою дочку замуж в Семиостровский погост. Пошел однажды он к ней в гости.

В семиостровских местах было тогда много диких оленей. Был там чуэрвькарт — ограда, или кучка из жертвенных оленьих рогов. Выбрал старик из чуэрвькарта маленький рог и отрубил от него вершинку. Вершинку оставил на месте, а комель рога — налэть взял себе. Никто этого не знал.

Пришел старик домой, пошел на тундру, на высокий горный хребет, и положил под камень налэть.

Тогда из семиостровских мест пошли дикие олени на запад, стали собираться на той тундре, где старик положил налэть. Много их стало собираться.

Ходил один охотник по тундре и увидел диких оленей. Стал стрелять, набил много, израсходовал весь порох (а может быть, и стрелы — чем тогда стреляли, теперь не помнят). Три дня и три ночи сидел охотник за деревом, а олени все шли. С тех пор на этой тундре стало много диких оленей. С хо-

роших кормов они стали жирными, и сама тундра стала называться Сальной тундрой, а та гора, на которой старик положил обрубок рога, стала называться Налэтьпоаррь, что по-русски значит Горный хребет обломка оленьего рога.

Стали замечать семиостровцы, что уходят от них дикие олени в нотозерскую сторону. Догадался стариков зять о колдовстве тестя. Пошел к нему. Во сне перед этим он видел, куда старик спрятал налэть. Пришел он, взошел на тундру, вынул из-под камня налэть. Но не захотел взять весь налэть обратно, отрубил от него маленький кусочек и оставил на Сальной тундре. «Пусть старику останется», — сказал он.

Большая часть оленей ушла обратно на восток, но на Сальной тундре все же осталось много диких оленей.

Водятся они там и теперь.

65. ДВА БРАТА

Некогда жили два родных брата — саамы. Жили они мирно как между собою, так и с другими. Раз один из братьев поссорился с нойдой — колдуном, который и пригрозил ему: «Вспомнишь ты меня». Сааму от этого сделалось плохо. Он стал думать: «Что-то со мной сделает нойда». Стал бояться и без брата своего никуда не ходил. Раз утром встал он и сказал брату: «Я пойду сегодня по ангасам один и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое место: они под ногами около себя ягель уже съели». Услышав это, поссорившийся с нойдой брат испугался. Однако он промолчал про ссору и подчинился воле брата. Тот ушел, а другой остался печальным. Немного спустя к нему пришел нойда или, под видом нойды, другой кто и сказал: «Пойдем бороться со мной: кто кого поборет, тот и прав». Нойда был, нужно заметить, в шапке-невидимке. Отошли они недалеко от вежи и начали бороться. Незнакомец сейчас же убил его. Отрезал после этого нойда от убитого на левой руке мизинец. К отрезанному месту руки поставил трубку, дунул, и кожа вся сошла с тела. Тело без кожи недалеко отнес, положил на землю, а с кожей пошел дальше, чтобы не догнал его брат убитого и не отомстил бы за смерть. Брат возвратился к веже и увидел, что из вежи дым не идет, а олени стоят на старом месте. Подумал, что брат не здоров. Зашел в вежу, но брата нет, а дрова лежат все те же, что и были. Вышел он из вежи, вскричал, но ответа нет. Подошел далее и увидел двое следов. Сейчас и догадался, что был Чудоорчъ, или нойда. Пошел после этого, оленей отпустил на волю всех, а себе оставил одного ирваса хорошего и собаку. С ними и пошел разыскивать брата. Время

приходило к зиме, и на земле было немного снега. Следы поэтому он скоро нашел. Подъехав немного на олене, он увидел покрытое землей тело человека без кожи и по величине его заключил, что это его брат. Он завернул тело в бересту, вырыл неглубокую яму и похоронил его. Слезы не проронил ни одной, оставил их до удобного времени. Сам после этого сел в кережу и погнал скорее вперед по следам за злодеем. Немало он переехал рек и объехал озер, потому что лед был некрепок, но наконец-таки перед вечером увидел огонь. Сейчас он соскочил с кережи, привязал ирваса к лесине, чтобы он не хрюкал, и сам пошел посмотреть, кто сидит у огня и что делает. Зная однако, что собака может залаять и тогда убийца брата может убежать, он надел ей на нос шапку. Так принял он все предосторожности, чтобы не выдать себя.

Подошел к огню он с собакой поближе и стал из-за лесинок смотреть. Огонек в темноте горел светло. Подле нойды в стороне лежала его одежда, а на нем сверху была надета кожа брата. В ней он поворачивался к огню и спиной, и брюхом, и боками, чтобы ее высушить. И вот когда она подсохла, он снял ее с себя и стал складывать пластами. Брат несколько раз в это время прицеливался выстрелить, но слезы не давали ему прямо навести на него пицаль. Наконец он осилил себя, выстрелил и попал в нойду. Тот однако вскричал: «Стреляй другой раз». «Нет, меня не обманешь, ты хочешь еще встать, — ответил ему саам. — Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты как собака. Шапка-невидимка теперь тебе более не поможет, поэтому не хочу портить и пули». Сказав это, подошел к нему, вырвал кожу брата из рук и пошел обратно. Тело нойды осталось на съедение птицам и хищным зверям.

Нужно еще заметить, что нойда всегда ходил за убитым братом до смерти, и он его видел, но старший не видел, потому что к нему он не имел никакого отношения. Невидимка же шапка нойду скрывать может, пока он не убьет человека. После он ее теряет или она сама скроется от него.

◆ 66. СКАЗАНИЕ О ЧУДЕСНОМ ПЕРЕЕЗДЕ С ОСТРОВА КИЛЬДИНА ◆

Однажды около Кильдина несколько саамов промышляло на тройник треску. Когда они приустили, то решили пристать к этому острову. Вышли на гору, глядят, место красиво, любо, солнце печет... Сделали из паруса балаган, ужин сочинили, покушали и повалились. Спали, спали, кормщик и говорит весельщику: «Выйди-ка из балагана да посмотри, цел ли тройник?»

Пошел весельщик, видит — нет тройника. Побежал обратно к балагану, позвал самого кормщика. Вышел кормщик, везде стал искать, да тройника найти не мог.

Делать нечего, пришлось им всем остаться на острове, ждать и высматривать, не покажется ли где парус. В ту пору промышленников было еще мало, прождали саамы сутки, другие, третьи — ни одна посуда не приближалась к острову. Запасы у них за это время вышли, и дело стало плохое.

Тогда саамы, зная, что кормщик колдун, стали просить его: «Не можешь ли как спасти нас? А то и мы и ты пропадем!» Он подумал и ответил: «Ну ладно. Берите парус, и как только куйпога сделается, стелите его у самой воды, лягте на парус, другой половиной его накройтесь. Я лягу с вами». Саамы удивились: «А как вода придет, так ведь потонем». «Нет, — ответил кормщик, — только знайте уговор: если что услышите, не выглядывайте из-под паруса». «Нет не будем», — обещали саамы и сделали, как им указал кормщик.

Долго лежали они, вдруг услышали шум: сделался он вначале тихий, потом все сильнее да сильнее. Не утерпел один из саамов. «Дай, — думает, — посмотрю, что это шумит». Приоткрыл парус и выглянул. Кормщик сейчас же заметил это и закричал: «Кто, собака, выглядывает?» Испугался саам и сейчас же накрылся парусом. А другой саам вскричал тут: «Что это у меня бок смок?» «Лежи!» — приказал ему кормщик, и все продолжали лежать неподвижно.

Шум понемногу стал стихать, когда он совсем стих, кормщик сказал: «Ну, теперь выходите».

Вылезли саамы из-под паруса, глядят, а они уже на другой стороне салмы, на матером берегу. Дивятся саамы, как это они переплыли на парусе салму, а кормщик и объяснил им, что пришла сайда, взяла их и перенесла через салму. Когда саам выглянул, сайда начала погружаться, оттого и подмок тогда один из товарищей. Выгляни саам еще — все бы потонули.

67. В ПЕРИОД ВВЕДЕНИЯ

В период введения люди поехали в Захребетную тюленей бить. Все поехали, сколько их жило в селе.

На остров переехали на лодке. В лодке оставили караульщика одного. Остальные все ушли на охоту на тюленьих детенышей. Тюленьи детеныши белые, как ягнята.

После охоты пришли к лодке, а лодки нет, нет и оставленного человека.

Кричали, кричали, так и остались.

Один среди них нашелся, говорит: «Вы садитесь мне на спину и не оглядывайтесь, сядьте лицом к берегу». Сели и двинулись. Люди сидят и не оглядываются назад, а слышат, что движутся. Вода хлюпает, значит движутся, а движутся медленно-медленно. Прошло сколько-то времени, стали слышать, как волна бьется о другой берег. Один думает: «Почему не оглянусь? Далеко ли до берега?»

Посмотрел: никто не видит. Он не выдержал и оглянулся через плечо. Как оглянулся, так и все в воде оказались. В этот момент рыбы как раз под ними проплывали, они в воде угодили прямо на рыб. Те приблизили их к берегу. «Теперь,— говорят,— замерзнем». Все до ниточки промокли. Запрягли по одному быку в кережу (тогда ездили на кережках, теперешних саней и не знали) и поехали. Ехали, ехали. День к вечеру пошел, они остановились. Кто чум стал ставить, кто дрова заготавливать, чтобы скорей огонь добыть, отогреться. Вдруг увидели: туман надвигается за ними, все вокруг окутал. Чуть-чуть до них не дошел и исчез, как будто и не было его. На месте остались тюлени, распластавшись, идут на них.

Люди давай головешками бросать в них. Тюлени ушли. А люди стали есть и сушиться.

Теперь, до которого озера дошли тюленьи детеныши называют Тюленьим озером. А до которого озера дошел туман, называют Туманным озером.

68. СКАЗАНИЕ О ГИРВАСОЗЕРЕ

Жил на берегу озера старик с сыновьями. Ловили они в озере рыбу и охотились на диких оленей.

Сказал старик своим сыновьям: «Вы будете охотиться и увидите стадо диких оленей, переплывающих через озеро. Вы можете стрелять всякого оленя, но не троньте передового хирваса (гирваса)».

Охотились братья-охотники и увидели, что через озеро плывет большое стадо диких оленей, а впереди их — хирвас, сильный, красивый, с большими ветвистыми рогами.

Очень уж понравился им хирвас, не могли они удержаться, не могли исполнить отцовского завета. «Убьем хирваса, — сказали они, — отец все равно не узнает об этом».

И пустили каждый из братьев в передового хирваса стрелу.

Пришли в дом. Взглянул старик на сыновей — и сразу узнал, что они убили передового хирваса: «Вы убили передового хирваса. Это нехорошо: дикари больше не будут приходить к нашему озеру».

Убитый хирвас окаменел в озере. С тех пор это озеро и называется Сэрвесьяур, а по-русски — Гирвасозеро.

◆ 69. ЧАДЗЬИЛЛЕ ◆

На Соптявре (Пенном озере) у нотозерцев в старину женщинам нельзя было ловить рыбу — таков был местный обычай. На карбасах во время лова на озере находились мужчины, а женщинам разрешалось только быть на берегу и тянуть на веревке карбас.

Когда-то давно жила в тех местах женщина-колдунья. Она восстала против такого обычая. Оделась в хорошие одежды, села в карбас, выехала на озеро и стала ловить рыбу.

Тогда из озера поднялся Чадзьилле — Водяной житель, хозяин озера, рассердился на то, что женщина ловит в озере рыбу, и сказал: «Что это случилось, что женщины стали в этом озере ловить рыбу?»

Женщина ответила: «Кто не боится, тот пусть ловит, а кто боится — пусть уходит».

Разгневался Чадзьилле, вышел из озера и пошел на гору Сойта-тундру. И там, где он проходил по горе, образовалась глубокая трещина.

◆ 70. КИТ-КАМЕНЬ НА ИМАНДРЕ ◆

Два саама жили у Имандры и стали хвастать друг другу. Один говорит: «Можешь ты зверем обернуться или животным?» Другой говорит: «Я зверем не могу обернуться, а обернусь морским китом и нырну и ты не увидишь, куда я выстану, в лес уйду». Другой говорит: «Увижу». Тот обернулся — и в воду. Сажень пятьдесят от берега осталось, он и выстал. А другой крикнул: «А вот ты выстал!» Он и окаменел. И теперь там камень лежит наподобие кита и называется Валеськедьк, значит Кит-камень.

◆ 71. КАК СААМ СТАЛЛО-СТАЛА УБИЛ ◆

Жил на Кучозере в Паз-реке саам с женой и с сыном; жили они хорошо, потому что были олени, да были и сетки, которыми они на озере промышляли хорошую рыбу. Раз саам услышал, что собака лает. Вышел он на улицу: не едет ли кто — никого нет. Слышен только один свист. Подождал он несколько времени, но никого не было видно; слышен был только свист. Взял саам серебряные деньги и из них отлил серебряные пули, потому что ими только можно убить Стал-

ло-стала. Когда они были готовы, он сказал жене: «Я пойду на охоту и вернусь через день, а если не через день, то через три дня приду непременно. Быть может, однако, и через три дня не вернусь — тогда не ждите: значит со мной случилось несчастье, и я умер». Он взял пищаль, пули и ирваса. Собаки с собой не взял: ее запер в амбаре. Прошел он немало, никого не встретил, только свист слышен ближе. Когда свист стал слышен совсем близко, он привязал ирваса к камню, а сам пошел дальше. Вдруг видит: идет великан ему навстречу, за спиной сумка, на голове шапка, наполовину из черной кожи, наполовину из полотна. Саам стал на него пристально смотреть и пошел к нему навстречу. Когда Сталло-стал приблизился, саам стал в него целиться, но великан закричал ему: «Не стреляй в безоружного — будем бороться!» — «Нет, выстрелю». — «Не стреляй, будем бороться: кто одолеет, тот и прав». Саам согласился. Подошел к нему, они схватились, и с первого раза никто не мог одолеть, со второго — саам свалил Сталло-стала на землю и сразу вытащил из-за пояса свой нож, чтобы заколоть его. Сталло-стал сказал: «Возьми мой и зарежь». «Знаю твой нож и его последствия», — сказал саам и заколоть его. Увидав кровь, сааму стало страшно; однако он зарыл его тело в землю, а сумки не тронул и пошел обратно. Всю дорогу он чувствовал себя нехорошо и наконец решился в лесу при огне переночевать. Ночью он, однако, не мог заснуть, и как только стало светать, он поехал к тому месту, где убил Сталло-стала, разрезал сумку — там оказались деньги. Он взял их с собой и поехал домой: там он жил хорошо несколько времени и ни о чем не думал. Через некоторое время он опять услышал лай собаки. Вышел посмотреть — никого нет, из кегор слышен свист. Он взял ружье, серебряные пули и, никому ничего не сказав, ушел. В кегорах он увидел, что ему навстречу шел мокрый человек, швед, и не знал саам, что с ним делать. Он спросил его: «Какой ты человек? Или тонувший в озере и спасшийся, или идешь ты с худыми намерениями куда-нибудь?» Швед — это был Сталло-стал — ответил, что он худого ничего на уме не имел и не имеет, а случайно упал из карбаса в воду в озеро и спасся. «Теперь хочу, — говорит, — найти тупу, высушиться и обогреться. Нет ли тут недалеко тупы?» Саам сказал, что его тупа недалеко. Швед в тупе обогрелся, высушился и вышел на улицу. Прошло много времени, но он не возвращался. Саам пошел посмотреть, где он, но его нигде не было. Швед ушел и унес с собой еще и топор саама. Саам вошел в избу и рассказал об этом своей жене. Жена сказала: «У нас всего два топора, свой ты уносишь с собой, а мы чем будем рубить дрова без

тебя?» Саам пошел за шведом в погоню, но нигде его найти не мог и воротился домой. Дня через три он пошел в кегоры перевязывать оленей, без оружия, и там около оленей увидал шведа. Он испугался и побежал домой за ружьем, но швед догнал его и убил. После этого швед пошел в землянку. Жена саама, увидав его, схватила ружье и хотела стрелять, но Сталло-стал закричал ей: «Не стреляй! Я принес вам обратно топор». Женка поверила ему и, когда он вошел в избу, спросила его: «Видел ли ты мужа?» — «Нет, не видал». После этого швед убил женку, пошел в кегоры, убил и сына. Оленей всех взял себе и повел. Однако олени, отойдя несколько верст, дальше не пошли, и он воротился в кегоры; часть оленей он привязал, а сам пошел в тупу посмотреть, нет ли денег. В это время приехали саамы и увидели убитую женку и заключили, что ее убил швед — Сталло-стал. Пришел швед, саам выстрелил в него и убил его; он подошел к убитому, схватил его за пояс, и швед вскочил и сказал: «Стреляй другой раз». — «Нет, меня не обманешь, собака». Саам сказал это, и швед упал мертвым. Похоронил саам шведа и убитых саамов, после этого пошел в кегоры и взял всех оленей с собой.

◆ 72. КАК БРАТЯ СЕСТРУ ВЫРУЧИЛИ ◆

Жили при озере два брата. У них была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь из дома, оставляли ей всегда и дров и воды, чтобы она не выходила из дому и чтоб, таким образом, кто-нибудь, увидав, не похитил ее. Раз они пошли и почему-то не оставили ей ни дров, ни воды. Девушка пошла на озеро за водой; из озера вышел человек, схватил ее и утащил к себе. Братья воротились и увидели, что сестры нет. Пошли они к озеру, нашли лишь одно ведро, а сестры, сколько ни искали, найти не могли; они и кричали, и звали ее, наконец сказали: «Верно, утащили ее». Им было жаль ее, и они стали думать, как бы вернуть ее обратно к себе. Они нарубили березовых ветвей и сплели из них кольцами веревку; работали они так семь лет, и когда сделали веревку, то один из братьев (младший) спустился по ней в озеро; прежде чем спускаться, он сказал брату: «Ты теперь меня спусти в воду и до тех пор не тяни веревки обратно, пока я не начну дергать ее — тогда и тяни». Спустившись через воду до дна, он привязал веревку к камню, а сам пошел искать сестру. Прошел он не очень много — увидал избу. Он подошел к ней и сказал: «Избушка, повернись окошками к лесу, а ко мне дверью». Как только он это сказал, так избушка повернулась, и он увидал дверь. Отворил дверь, вошел в избушку, видит, в ней сидит старуха.

Старуха и говорит: «Вот ко мне мясо пришло». Он и говорит: «Это мясо негодное — худое: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше скажи, не знаешь ли моей сестры, кто ее сюда взял — вот уже восьмой год». «Я не знаю, — говорит старуха, — у меня есть меньшая сестра — она живет дальше, она скорее это знает». Он и говорит: «Как я могу ее найти?» — «Я тебе опаса дам; а теперь пока, коли ты голоден, садись и ешь, и что дам, съешь все». Она дала ему полсвиньи. Он сел и стал есть, но всего съесть не мог. У него было на руке кольцо, он снял его и бросил на пол — кольцо зазвенело; собака, бывшая в избе, залаяла, и старуха вышла на улицу посмотреть, нет ли кого. В это время он мясо припрятал подальше в угол, и, когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашивает: «Что, неужели все съел?» «Да, — говорит, — благодарю». «Ну вот возьми опаса, — говорит старуха и дала ему клубок шерсти. — Брось на землю, как выйдешь из избы: куда он покатится, туда и ты иди». Взял его, поблагодарил, простился и пошел. Бросил клубок, как ему велела старуха; он покатился; саам и пошел за ним. Прошел он довольно далеко и опять увидал избушку. Подошел к ней и сказал то же, что и перед первой, и она повернулась к нему дверями. Зашел он в избу и увидал женку средних лет. Она языком своим подметала пол, а руками из печки без всякой лопаты тянула хлебы. Увидя его, женка сказала: «Вот ко мне и мясо идет». «От мяса, тетушка, — говорит он, — сыта не будешь; я чуть с голода не умер, да благодарен твоей сестре — накормила меня, вот и дошел так, а нет — на дороге бы умер. Ты лучше скажи мне: не знаешь ли моей сестры? Ее кто-то взял, вот уже восьмой год». Женка посмотрела не него и говорит: «Так и быть, помогу тебе: вот возьми этот клубок шерсти, брось его на улице, и куда он покатится, туда и ты иди. Ты придешь с ним к моей старшей сестре; вот у ней-то и можешь узнать про свою сестру». Поблагодарил ее саам и пошел, куда клубок повел. Дошел он до третьей избушки. Опять сказал: «Избушка, повернись к лесу окнами, а ко мне дверями». Она повернулась; он вошел в избу, видит, сидит старая-престарая старуха. Он поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не ответила, а сказала: «Вот ко мне мясо само пришло». — «Бабушка, мое мясо негодно. Едва я в дальней дороге не умер, да накормила меня твоя сестра; вот благодаря ей и другой твоей сестре я и пришел сюда. Будь лучше добра ко мне, скажи, не знаешь ли, где моя сестра живет, у кого? Ее взял кто-то, вот уже восьмой год». «Ну, ты голодный, — говорит старуха, — садись же сперва ешь, — и положила ему полсвиньи. — Как все съешь, скажу, где твоя

сестра, и дам тебе опаса». Сел саам и стал есть. Увидел опять, что всего ему не съесть. Снял с пальца кольцо, опустил его на пол; оно зазвенело, и собака залаяла. Старуха вышла посмотреть, нет ли кого, а он в это время остатки припрятал. Вернулась старуха, видит, что ничего нет, и говорит: «Ну что, все съел?» «Все, — говорит, — благодарю». — «Ложись теперь и отдохни, а завтра пойдешь к сестре». Он лег и заснул. Проснулся уже утром. Старуха ему и говорит: «Иди теперь направо от избы: там увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и поезжай к сестре». Он пошел и недалеко от избышки увидал лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Он схватил было ее, посмотрел и подумал: «Далеко ли на ней уеду: ее саму нужно тянуть, да старуха велела — поведу». Лошадь заупрямилась, и он отпустил ее. В это же время он увидал и другую, большую, лошадь, она ему понравилась; схватил ее и повел к избе. Привел и вошел в избу. Старуха и спрашивает: «Что, привел?» «Привел», — говорит. Она вышла посмотреть и, когда увидала первого большого коня, спросила: «Этого-то ты взял, разве он первый тебе попался?» «Нет, — говорит, — первый маленький: он мне не понравился. Куда я на нем поеду — самому нужно будет тянуть его, да он еще и заупрямился, я и спустил его. Этого увидал и взял». — «Взял, теперь дела пока не поправить. Поезжай, но не быть тебе живому». Сел он на коня и поехал. Через несколько времени увидал он избу; около избы играют три парня. Ребята и закричали: «Мать, дядя едет, дядя!» Она и кричит им из избы: «Откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто от нас приезжает». Посмотрела, однако, в окно и увидала брата. Вышла навстречу ему, позвала в избу. Дала ему поскорей поесть и говорит: «Ешь скорей и поезжай, иначе мой муж тебя убьет». Он поел и поехал обратно. Сталло-стал, муж сестры, вскоре после его отъезда вернулся домой. Дети и говорят ему: «У нас здесь дядя был». — «Какой дядя?» — «Матери брат». Он сейчас у жены спросил: «Давно ли он уехал?» Дети закричали: «Недавно». — «А какой конь был и чей?» — «Конь был старухин, на котором она возит воду». — «Ну, этот ничего не стоит». Сказав это, он сейчас же побежал, догнал саама и убил его. После этого он пришел домой, а лошадь старухина к ней прибежала. Старуха, увидав коня, отправилась искать саама и нашла его; она сломала три свежих березовых прута, ударила ими по сааму — он пошевелился; ударила другой раз — он сел; ударила третий раз — он встал на ноги и говорит: «Как долго я спал». — «Да ты еще дольше бы спал и вовсе бы не встал, если б не я. Пойдем теперь ко мне, там дело как-нибудь поправим». Пришли к старухе, она опять по-

слала его за лошадью и посоветовала ему взять маленькую. Он опять схватил маленького коня, но тот заупрямился, и он увидал белого большого коня, отпустил маленького и привел белого. Старуха вышла, увидала, что он привел не маленького коня, опять сказала ему: «Не будешь ты жив и на этом коне». Но все-таки приказала ему ехать. Он сел на коня и поехал, приехал к дому сестры, ребята опять закричали матери: «Дядя едет, дядя». — «Какой дядя? Ваш отец убил его. Дядя больше не приедет». Посмотрела в окно, увидала брата. Накормила его поскорей и приказала скорее уезжать. Как только он уехал, пришел Сталло-стал, дети опять сказали ему: «У нас дядя был». — «Какой дядя был?» — «Да тот же самый, который вчера был». — «Давно ли он был и на каком коне приезжал?» — «Конь был бабкин, на котором она дрова возит». — «Ну, сейчас его догоню». Побежал, догнал саама, убил его и пришел домой, а лошадь опять прибежала к старухе. Старуха опять отыскала саама, ударила его три раза березовыми прутьями; после третьего удара он встал и говорит: «Долго я проспал опять». — «Да спал бы и еще, если бы не я». Он поблагодарил ее, и они вместе вернулись; она опять послала его за лошадью и приказала ему взять непременно маленького коня: «А иначе тебе никакой помощи не будет от меня». Саам пришел и привел маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрела и сказала: «Вот давно бы так сделал, тогда и сестра была бы уже у тебя». Она дала ему еще две собаки и приказала бросить им, когда поедет обратно, два хлеба; а собак он должен был оставить на полдороге. Саам сел на лошадь и поехал: собаки за ним побежали; на полдороге он их оставил. Приехал к дому сестры, ребята опять закричали: «Дядя едет, дядя». — «Какой дядя, отец ваш убил его, разве он сам едет?» Посмотрела в окно, увидала брата, привела его в избу, накормила и приказала ехать скорей обратно, в противном случае ни ему, ни ей не остаться в живых. Он уехал; тотчас по уходе его пришел Сталло-стал. Дети опять закричали: «У нас дядя был». Он посмотрел на них сердито и спросил: «Давно ли?» — «Недавно». — «А на каком коне он приезжал?» — «Конь у него был бабкин и очень, очень маленький». — «Какой?» — «Очень, очень маленький». — «Ну, и я этого коня, должно быть, не знаю». Он побежал в погоню. Саам на маленькой лошади скачет словно птица, но Сталло-стал начал его понемногу догонять и закричал ему: «Подожди, вместе поедем!» Тот немного подождал, а как только Сталло-стал приближался, гнал еще скорее. Так он делал до трех раз. Наконец доехал и до места, где он оставил собак, одна стоит на одной стороне дороги, другая — на другой. Бросил он им хлеба,

те схватили и съели. Добежал до них Сталло-стал; собаки схватили его, разорвали на две части и стали его есть. Саам повернул и поехал обратно к сестре. Ребята опять закричали: «Дядя едет, дядя». Мать на них заворчала: «Едет отец, а вы меня еще дразните». Посмотрела в окно, увидела брата и удивилась. Он вошел в избу и говорит: «Довольно тебе мучиться, собирайся и поедem домой». Положила она все свои пожитки в ящик — те пожитки, которые получше, а что похуже было, то оставила. Детей решили убить. Убили двух, а третий — старший — сказал: «Не убивайте меня, возьмите с собой, я пригожусь вам». Его оставили в живых, и все втроем поехали. Доехали до старухи, отдали ей коня и пошли пешком домой. Шли они долго, наконец дошли до озера. Нужно было его переехать, потому что обходить было далеко. Стали искать, на чем бы переехать, и увидели железный карбас, полный воды. Сын и сказал: «У меня прежде отец поднимал карбас немного кверху, и вода убегала». Саам взял карбас за корму, а племянник его за нос, немного приподняли карбас, и воды не стало. Сели в карбас, переехали через озеро и пошли дальше. Через несколько времени пришли к реке, где карбаса не было; они не знали, как переправиться. Сын Сталло-стала опять сказал: «У меня отец был, так он вырубит две чурки — бревна, поставит их на край реки и спустит. Они и падут другим концом на другую сторону; по ним он и переходил». Сделали так и перешли. Наконец дошли они до веревки. Саам отвязал ее от камня, привязал к веревке сестру, потом ящик, потом себя, потом парня. Стали за веревку дергать, и их потянули наверх. Вытянул старший брат сперва сестру и спросил у ней: «Кто еще там?» — «Ящик». Вытянули ящик: взяли и его. «Еще кто?» — «Брат». Вытянули и его. «А там еще кто?» — «Сын сестры». — «Нет, его не надо, это род Сталло-стала и может нам вред принести». Веревку перерезали, и сын пошел ко дну. Братья с сестрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась от сына, так как он ее часто бил.

Сын, оставшись под землей, пошел куда глаза глядят. Шел он, шел, увидел оленей. Подошел к ним, стал звать людей, но никого не было; стал смотреть — увидел кережу. Он схватил оленя, запряг его в кережу и поехал не правя. Олень ехал-ехал, и навстречу сыну Сталло-стала попался человек; человек этот и спросил: «Куда ты поехал?» «Сам не знаю куда», — говорит и рассказал, как его оставили, как он нашел оленей и поехал. Человек удивился этому и стал звать его к себе в работники. Он согласился: «Для меня все равно, жить где-нибудь да надобно». Поехали они вдвоем в кереже; ехали

долго, наконец увидали, что едет саам. Остановились и стали разговаривать. Саам оказался младшим братом спасенной сестры; он узнал парня, а тот не узнал его. Саам и стал просить этого человека, чтобы он уступил ему парня в работники. Тот и говорит: «Я взял его не оттого, что он мне нужен, а потому, что ему все равно где жить, лишь бы у места». Вот парень и поехал с ним. Приехали домой, и парень узнал свою мать. Так им убить его не хотелось, и они решили убить его, когда будут рубить лес: «Тогда сделаем так, чтобы дерево на него упало и убило его». Они так и сделали; дерево упало и убило парня: они тут его и похоронили. После этого один из братьев пошел домой, а другой — в кегоры. Там ему встретились три человека в белых одеждах и спросили его: «У вас, мы слышали, есть парень, где он?» — «Он сегодня убится, на него упало дерево». «Жаль его, — говорят, — а мы хотели взять его к себе в работники. Теперь же его нет — нечего и делать. Нам теперь идти больше не хочется, а не дашь ли ты нам трех быков-оленей, мы и поедем сами. Оленей потом спустим, они прибегут». Он на радостях, что избавился от парня, дал им оленей; они и сказали: «Ты не будешь раскаиваться, что нам дал оленей, у вас будет вдвое больше оленей и все будут здоровы». Они уехали, олени вскоре прибежали назад. Братья после этого зажили хорошо и богато и были счастливы.

◆ 73. ВОЛШЕБНАЯ ТРУБКА СТАЛЛО-СТАЛА ◆

Сталло-стал — это тот, который приходит к человеческому жилью, ходит вокруг него, свищет и этим свистом вызывает из жилищ «виноватых» людей. С вышедшим на его свист он начинает бороться. Кто в этой борьбе бывает побежденным, тот и умирает.

Жили в одном месте охотник с женой и с матерью. Он всегда ездил в лес на охоту. Однажды, когда он уехал в лес на оленях, пришел к ним в избу Сталло-стал и начал уговаривать его жену идти за него замуж. «Если не пойдешь за меня замуж, убью и тебя и мать», — сказал он. Старуха сказала невестке: «Иди с ним, когда твой муж вернется, он придет за тобой».

Старуха и молодая сговорились, что, когда молодая пойдет за Сталло-сталом по тропинке, она будет на деревьях заметки делать: бересту обрывать и сучки подламывать. Пошла женщина за Сталло-сталом.

Когда вернулся домой охотник, мать ему рассказала, что его жену увел к себе Сталло-стал и что жена по дороге

хотела делать отметки на деревьях. «По этой дороге ты должен идти за ней», — сказала ему мать.

Охотник пошел искать жену. Шел по тропинке, по сделанным на деревьях заметкам. Когда он стал подходить к жилищу Сталло-стала, он встретил жену: она вышла из вежи за водой и попалась ему навстречу. Она сказала мужу, что когда вернется в вежу с водой, то скажет Сталло-сталу: «Когда я раньше у бедного охотника жила, то ела лучше, чем ем у тебя, богача. У тебя никогда не едят оленьих мозгов».

Потом она дала мужу волшебную трубку, которую потихоньку взяла у Сталло-стала.

У Сталло-стала была такая волшебная трубка: если с одного конца этой трубки дунуть на человека, то человек умрет, если с другого конца дунуть на умершего — оживет.

Женщина сказала Сталло-сталу, что она у него ест хуже, чем у бедного охотника, что никогда здесь оленьего мозга не видит. Сталло-стал послал тогда своего старшего сына в амбар за мясом. Когда парень вышел из вежи — охотник дунул на него через волшебную трубку — и тот умер.

Ждал-ждал Сталло-стал сына из амбара, не дождался, послал другого. Только вышел другой сын из вежи — охотник и его умертвил, дунув на него через трубку.

Не дождался Сталло-стал и этого сына, и сам пошел в амбар. Только он вышел из вежи — охотник дунул и на него через трубку и убил его.

Потом вошел он в вежу Сталло-стала, увидел его жену и при помощи волшебной трубки убил и ее.

А сам вместе со своей женой вернулись домой.

74. КОЛДАЛЫШ И ЖЕНЩИНА

Ну ладно, начну рассказывать. Пошла женщина ягоды собирать, за ягодами пошла. Ягоды собрала, идет навстречу Колдалыш. Схватил ее и унес в свою берлогу. В берлогу унес. И вот они там жили, жили. «Сходи, — говорит, — за водой». Колдалыш говорит ей: «Сходи за водой». Пошла она за водой, взяла ковшик и пошла. Она черпает воду, а ковшик: колк-колк, колк-колк. «Почему ты, ковшик, стучишь? Посмотрю, может, Лука в дороге. Когда я с Лукой была, у меня всегда был кусок сала в запасе. А теперь к Колдалышу пришла, уже нет этого. Он все сырое мясо приносит есть». И тут муж пришел к ней: «Ну, как живешь?» — «Так, мол, и так». Вот она и начала рассказывать: «Меня Колдалыш унес в свою берлогу, там у него мать и дети. Как же ты придешь? У него есть волшебная трубочка. Я пойду в берлогу и заболую. Я заболую,

а ты слушай, когда я начну стонать. Я буду стонать жутко. И ты, — говорит, — копай туда в берлогу. Я попрошу у него трубочку, он мне даст, а я эту трубочку тебе подам. Ты олень подгони сюда, к берлоге. Как увидишь медведей, — говорит, — ты все дуй в трубочку, всех их убьешь. А если я не сумею подать трубочку, тогда не приходи, тогда тебя убьют». Ну вот. Пошла и стала болеть. Болеть стала, болеет. Легла в углу. Тут Колдалыш говорит: «Чем ты заболела? Ну как помочь?» — «Дай мне трубочку». Колдалыш говорит матери: «Ну дай трубочку». «Я, — говорит она, — не дам». «Да дай, — говорит, — очень она болеет». Ну дала. А он, Лука, снизу прокопал дыру. И она из берлоги подала ему трубочку. Он ушел. И Колдалыш: «Легче стало?» — «Легче». Ну ладно. «Трубочка у тебя?» — «У меня». Наверху шум, олени подошли к берлоге. «Поди посмотри», — говорит мать Колдалышу. Колдалыш вышел, не успел сказать, чтобы она отдала трубочку. Вышел. Лука в трубочку запел, Колдалыш и не знал, как у него... Лука убил его. Дети выбежали, он и их убил. А та старуха, мать, говорит: «Отдай мне трубочку. Куда подевала?» — «Колдалыш взял». — «Ну, теперь мне понятны твои проделки с болезнью. Когда, — говорит, — Колдалыш взял трубочку?» Она выскочила на улицу и тоже на трубочку наткнулась. И все. Что еще? Он всех их убил. Потом Лука пришел, жену забрал и ушел. Вот и сказка. Дальше не знаю.

75. ЧАХКЛИ

Охотился охотник в лесу и встретил Чахкли. Чахкли был маленьким, как ребенок, и совсем без одежды — голый. Хотел охотник убить его. «Не убивай меня, — сказал Чахкли, — я тебе дам что хочешь: и золота, и серебра, и денег. Пусть саамы во время нужды приходят к Чахкли-пахте, спускают в ущелье веревку, и я им тогда всего дам: и золота, и серебра, и денег. Но когда саамы увидят, что я им посылаю на веревке деревянные ложки, то это значит, что у меня больше ничего нет».

Повел Чахкли охотника к Чахкли-пахте и показал место, где он живет. Чахкли был не один, у него была жена, маленькие дети — все тоже голые. Чахкли — добрые, они долго помогали саамам. Опустят, бывало, саамы с пахты веревку в щель, привяжут узел — и Чахкли им посылал все, что было нужно. Долго так получали саамы от Чахкли поддержку в жизни; но когда они стали на веревке поднимать деревянные ложки, то перестали обращаться к Чахкли.

Чахкли живут под землей. Чахкли-пахта находится близ Нотозера, недалеко от нынешней финской деревни Нивенкюля.

76. СМЕРТЬ ЧАХКЛИ

Чахкли, чахклинг — это маленькие, голые, живущие под землей и под камнями люди, очень суетливые, очень переимчивые, они добрые, но иногда своим озорством приносят вред человеку.

Они часто резвятся на песчаных берегах, ныряют под землей, из-под земли на поверхность, потом опять под землю. Их суетливость у нотозерских саамов вошла в пословицу. Суетливому человеку иногда задают иронический вопрос: «Что ты ныряешь, как чахкли?»

...Увидели раз саамы чьи-то маленькие человеческие следы на песке. Подумали: «Что за народ бегал по песку?»

Положили саамы на песке рыболовную сетку, а сами ушли. Вернулись, видят: чахкли в сетке запутался. Он был голый, красивый, хороший, совсем как маленький ребенок. Взяли они его к себе. Оставили его жить в доме.

Чахкли был очень переимчив, делал все, что делали люди, но без пользы и даже хлопот много наделывал людям. Уйдут люди из дома, чахкли останется один — напутает, наворочает. Придут люди — все в доме в беспорядке.

Захотели люди избавиться от чахкли: надоел он, хлопот с ним много. Хозяин перед уходом из дома взял нож и давай тупой стороной водить себе по горлу, нарочно, чтобы чахкли это видел. Потом ушел.

Остался чахкли один. Взял хозяйский нож и начал им себе по горлу водить. Он не заметил, какой стороной водил хозяин, и стал водить лезвием. Водил-водил и зарезался.

Это было недавно.

Кто знает, что это за чахкли и есть ли такие на свете.

77. ЧАКЛИНГИ

Приехали однажды саамы на кережках к берегу моря. Они хотели переправиться через салму на остров и там поохотиться на зверей.

На матером берегу у них вежа и находился карбас.

Отвязали они от кережек оленей, отпустили их пастись, а сами на карбасах переправились через салму на остров.

Привязали карбас у берега и пошли по острову. Ходили, охотились.

Старший из них был колдун-сновидец. Он увидел во сне, что неладное что-то случилось. «Не отвязали ли чаклинги наш карбас? — сказал он товарищам. — Пойдемте к берегу».

Пришли к берегу, видят — на самом деле, карбаса нет. Говорит тогда старший: «Ложитесь все на берегу, головой к морю и лежите тихо, молчите».

Лежали саамы тихо, спокойно. Спали долго ли, коротко ли, не знают. Вдруг почувствовали, будто земля задрожала или море заволновалось: шум поднялся, как будто много рыбы хвостами забила по воде. Смотрят, огромная стая сайды, как плот, стоит под ними. Потом показалось им, что в воду провалились. Глядят — а они уже у матерого берега. Это сайда их перенесла на материк.

Вышли саамы на берег. Пришли в вежу, чтобы обсушиться. Развели огонь. Вскипятили в котле воду. Вдруг кто-то застучал в дверь вежи. «Это чаклинг к нам пришел, — сказал старший. — Вы сидите смирно, пусть он войдет, а я его кипятком оболью».

Открыли дверь. Стал входить в вежу чаклинг, голый как все чаклинги, а старший в это время и плеснул в него кипятком. Плеснул и закричал: «Сам себя обжег!» «Сам себя обжег!» — закричал и чаклинг и убежал.

Саамы стали опасаться, чтобы чаклинг не вернулся к ним. Быстро собрались уехать. Запрягли в кережки оленей и поехали в тундру.

В это время был мороз и метель. Ехали-ехали саамы, вдруг сквозь метель слышат — за ними чаклинги бегут. Стали погонять оленей. Чаклинги бежали-бежали за ними, но так и не догнали, отстали. А так как чаклинги были голые — то все и замерзли в тундре.

78. О ЧАХЛЫНЕ

Пошел раз нотозерский промышленник вдоль по Туломе. Видит, неподалеку играют чахлыны. Маленькие они — прыгают, кувыркаются, и что один делает, то и все. И снял саам каньгу и бросил им. Поймал ее один чахлын и обе ноги всунул и давай обором закручивать.

А догадливый нотозерец обор привязал длинный. Завертелся в обор до головы чахлын, а промышленник и поймал его и принес к себе в вежу. А другие чахлыны выкуп сааму за товарища принесли.

Жил-был старик со старухой и имели они только одну дочь. Старик жил не богато и раз пошел в лес драть бересту. Подошел он к березе и стал снимать бересту. В это время откуда ни возмись с березы соскочила ацак — лягушка — и сказала ему: «Старик, возьми меня замуж». «Как я тебя возьму? У меня есть жена», — сказал старик.

Лягушка не сказала более ни слова, вскочила на березу и скрылась. Старик после этого испугался. Пошел от той березы прочь и пришел к другой. Здесь опять перед ним явилась лягушка и сказала: «Старик, возьми меня замуж». «Куда мне с тобой, голубушка, да у меня есть и старуха. Нет, мне на старость довольно и одной», — ответил ей старик.

Лягушка выслушала его и опять скочила на березу и скрылась.

Старик после этого не знал, что делать: идти ли домой без бересты, или еще идти к другим березам.

Решился на последнее, чтоб не посмеялись над ним, как бы над дураком.

В этот раз он ушел от этих берез, думая, что он снимет бересту. Подошел он к красивой и крепкой березе. Сделал на бересте надрез. Опять только — откуда ни возмись — с березы соскочила лягушка и сказала: «Старик, возьми меня замуж». «Ах, голубушка, это я слышал уже от двух и ответил им, что у меня есть жена. Тебе то же скажу: у меня есть старуха, довольно мне и одной, да и что ты у меня будешь делать?» — ответил старик. «Старик, если ты меня не возьмешь, тебе тогда будет худо и смерти не миновать. У меня есть ножницы — скарри. Я как раз уколою ими тебя, будет тогда две раны на твоём теле; другой — будет четыре, а третий — будет шесть. Ты тогда изойдешь весь кровью, и мясо твоё я съем».

Старик стоял в это время ни жив ни мертв: умирать не хотелось, и он сказал: «Делать нечего! Пусть будет по-твоему, только я тебе сделаю другую вежу и буду приходить каждый день несколько раз».

Лягушка согласилась, и они пошли. Сделал старик ей вежу и зажил так же, как и ранее. К лягушке ходил и делал, что она ему приказывала. Ровно через год у неё родилось два сына и одна дочь. Дали им имена: первому сыну Веррунчулд — Тесаный пень, другому — Ихтсаяпаласт — Олений хомут и дочери Кыдзымчалм — Остроглазка.

На первых порах и после этого они жили хорошо и согласно, но когда стали у лягушки дети большие, она стала требовать пищи. Старик между тем сделался стар, и прихо-

дилось иногда поэтому лягушке-жене в просьбах отказывать.

Раз дети, наученные матерью, пришли к старику и сказали: «Батюшко! Давай нам и матери есть, а нет — она придет с нами и сама тебя съест». — «Деточки, чего я вам дам? Я стал стар и сам питаюсь почти только белым мхом. Вот еще иногда принесет дочь рыбы, поем, а нет — хоть умирай с голоду».

Выслушав это, дети лягушки убежали и пересказали все матери. Лягушка, нимало не медля, взяла детей и пошла к старику. Зашли они в вежу, убили старика, высосали сперва из него кровь, а после съели и мясо. Старуха с дочерью в это время плакали, но горю пособить не могли. Когда лягушка с детьми наелась, они ушли домой.

По уходе их старуха и сказала дочери: «Знаю, что они скоро съедят и меня. И вот, когда придет это время, ты сделай так: когда они будут есть меня, ты в это время собирай все мои косточки в мешок и считай их. Всех ты положишь 99 косточек, но нужно будет, чтобы стало сто. Ты после этого Остроглазку ударь в спину, и у ней изо рта упадет кость. Ты возьми и эту. Положи в мешочек и беги от них скорее прочь. Когда придешь ты до лужка, у которого течет речка, на лужок косточки положи в одно место и ударь по ним сучком березовым три раза, и перед тобою явится избушка. Тут ты и живи. На случай нужды вот возьми эту сонную спичку. Не забудь моего совета, и тогда будешь счастлива». Старуха с дочерью после этого опять стали жить. Недолго им только привелось. Вскоре опять дети лягушки пришли к ним и сказали: «Бабка, давай есть, а нет — мать придет с нами и тебя съест». «Что я вам дам? — ответила старуха. — Был у меня кормилец, но вы его отняли. Мне теперь не жалко себя. Что хотите, то и делайте со мной».

Услышав это, они побежали обратно к матери и сказали. Лягушка взяла детей и пришла к старухе и сказала: «Ты такая же злая, как и муж, поэтому не осуди». Все подошли к ней в это время и убили. Кровь сначала выпили из нее, а после стали есть и мясо. Дочь в это время со слезами на глазах подбирала косточки незаметно и складывала в мешок. Всех косточек она насчитала 99 и после этого незаметно ударила Остроглазку по спине, как бы нечаянно толкнула, и косточка у той выпала изо рта. Она подобрала и положила в мешок, а Остроглазка сказала в это время ей: «Ты еще меня тронешь, это ничего. Придет очередь и до твоего мяса, тогда я полакомлюсь». Дочь старухи между тем в это время вышла и пошла скорее в лес, чтобы ее не удержали. Сперва она бежала

без дороги, а после нашла и дорогу. Лягушка между тем, когда съели старуху, спросила у детей: «Где бабкина дочь?» Стали смотреть везде, но нигде нет. Принялись искать около вежи, но и тут не нашли. Лягушка поворчала на детей, но от этого пользы не было. Решились и они идти в лес и искать бабушкину дочь.

Девушка в это время добежала до лужка, который был у речки, высыпала косточки, ударила по ним березовым сучком, и перед нею предстала хорошая избушка, со всяким добром. Тотчас она вошла в избу и стала жить, не чувствуя ни в чем недостатка.

Лягушка с детьми ходила-ходила по лесам, и наконец она пришла к избушке. Увидав жилье, она сказала: «Здесь, я думаю, живет бабья дочь. Нужно узнать, каково она живет. Всем она, быть может, не покажется: завтра поэтому утром ты, Веррунчулд, поди и попросись у ней, как будто бы прохожий, отдохнуть».

Ночь проспали они в лесу, а утром Веррунчулд пришел к избушке и постучал.

Двери отворились, и он сказал: «Голубушка, будь добра, дозвожь мне с дороги отдохнуть у тебя в хате». «Много ли вас всех?» — спросила она. — «Я один только. У меня были товарищи, но они ушли далее».

Девушка пригласила его в избу и не показала виду, что его знает, хотя давно увидела, что они все вчера еще пришли.

Она напоила его, накормила, приготовила для отдыха постель и сказала: «Ложись спать, а я у тебя поищу в голове». Веррунчулд лег, и она стала гребнем чесать и искать вшей. В то время сама сонной спичкой уколола ему глаза и уши, и он после ничего не видел и не слышал. Сама девушка в это время вышивала серебром и золотом пояс и играла с солнцем. Наступил вечер. Она подошла к Веррунчулду и разбудила: «Время вставать и идти, потому что на ночь в комнате у себя я никого не оставляю». Сын лягушки встал, поблагодарил ее и ушел.

Пришел к матери и сказал: «Бабкина дочь живет хорошо и очень добра. Она меня напоила, накормила, и спать уложила, и в голове поискала». «А что она делала?» — спросила мать. — «Я спал и ничего не видел». Мать осерчала на него и едва не поколотила. Она сказала: «Дали тебе имя Тесаный пень и вполне справедливо. Завтра поди ты, Ихтсипаласт».

Утром пошел к избушке и второй сын. Его так же хозяйка приняла и так же спроводила обратно. Мать, увидев его, спросила: «Что бабкина дочь делала?» — «Я спал и ничего не

видел». Мать рассердилась и на него и сказала: «От вас от обоих нечего дожидать добра. Один пенё — пнем и останется, а другой хомут — хомутом и будет».

«Завтра поди ты еще, Кыдзымчалм, — сказала она дочери, — надеюсь, что скажешь мне, чем занимается бабушкина дочь».

Утром рано Кыдзымчалм — Остроглазка пошла к бабкиной дочери. Остроглазку она напоила, накормила и уложила спать и стала искать в голове. В это время она, как бы не нарочно, уколола глаза и уши. Остроглазка не стала слышать и видеть; впрочем, она не видела только глазами, которые на лице, а глазами другими, которые были на затылке, она видела все. Так, она видела, что бабкина дочь ела сладкие ягоды и пила сладкий мед. После села она вышивать пояс серебром и золотом, в то же время играла и с солнцем. Остроглазке очень хотелось встать и посмотреть хорошенько, но сон, навешенный спичкою, никак не позволял. Она спала до вечера, когда опять ей бабкина дочь и сказала: «Время вставать и идти к матери. Она тебя дожидает и уже несколько раз выходила из лесу и смотрела, не идешь ли ты». — «Нет, голубушка, у меня матери нет, я одна-одинешенька и осталась бы с тобою жить, если бы ты взяла». — «Нет, голубушка, я живу одна и дала себе слово никогда никого не брать». Остроглазка поблагодарила ее и ушла. Пришла она к матери и сказала: «Бабкина дочь живет как царица. Кушанья и питья у ней всякого довольно. Солнце с нею играет, а она в то время вышивает пояс серебром и золотом. У ней есть какая-то еще спичка. Она коснулась ей моих глаз передних и ушей: я после этого не увидела и не услышала. К счастью, она не заметила задних глаз, и потому я видела». — «Благодарю тебя, что ты рассказала все, чем занимается бабкина дочь. За твою услугу после смерти ее отдам я тебе дом ее и все богатство».

К следующему дню она велела своим детям приготовиться идти к бабкиной дочери: «Тогда мы сделаем с нею, что придет на ум».

Бабкина дочь это узнала ранее. Она поэтому пояс положила около себя, а также и сонную спичку. Кроме того, в кобу себе положила на случай нужды маленький ножичек.

Едва наступило утро, как лягушка со своими детьми пришли к избушке и двери выломали. Не говоря ни слова с хозяйкой, связали ей руки и ноги и зашили в нерпичью шкуру. Сыновья после этого по приказу матери понесли к морю и там бросили в воду. Лягушка с дочерью шли сзади и разговаривали о том, что они будут теперь жить лучше и богаче бабкиной дочери. Остроглазка в это время оглянулась назад и ска-

зала: «Мама! Мама! Посмотри: избы-то бабкиной дочери не стало. Не бросайте ее в море, лучше будем жить вместе».

«Поздно! — ответила мать. — Она уже плывет далеко и теперь, вероятно, умерла». Поговорили они еще несколько времени, но поправить своей ошибки не могли. Пошли, ходят по лесам и теперь, вероятно, ходят, если не умерли.

Бабкину дочь между тем несло по морю и течением воды, при помощи ветра выбросило на берег. Девушка, когда почувствовала под собой землю, достала из косы ножичек, сделала дыру в коже, чтобы можно было выйти. Вышла она на берег и пошла странствовать наудачу. Питалась она дорогой ягодами, а в маленьких озерах доставала рыбу. Долго она ходила и никого не видела. Наконец она подумала, что ей уже никогда не увидеть людей, полагая, что она находится на краю света. К счастью, она вышла на тропинку и пошла по ней в надежде, что она приведет ее к жилью. Не успела она этого хорошенько подумать, как перед собою увидела большой дом. Несколько раз она обошла его кругом, но людей не увидела никого, ни около дома, ни в доме. Ей стало неловко. Делать, однако, было нечего. Она пошла к дверям и отворила. В это время она испугалась еще более. В доме везде стояла кровь — выррр, как будто в каком-нибудь озере. Она не знала, что и делать: остаться ли тут, или идти далее. Решилась наконец на первое, потому что, подумала, все равно умирать или здесь, или в лесу. Приняв намерение остаться, она стала ведрами черпать кровь, но дом опять был полон крови; наконец не стало. Она взяла воды и везде вымыла и все вычистила. В комнатах стало красиво. Она села отдохнуть и подумала: «Чего я теперь поем?» В это время наверху у камелька увидела риськи хлеба, взяла одну, отломила кусок и наелась. Остатки положила на старое место. На душе у ней было тяжело, потому что она предугадывала, что изба принадлежит людям, истекшим кровью или умершим. Они, думала она, приходят сюда по ночам и режутся, оттого и на небе видны сполохи, или северное сияние. Ей, однако, хотелось посмотреть на жильцов, и она решила обратиться в веретено. «Тогда мне, — подумала она, — не могут сделать ничего худого». Как подумала, так и сделала. Она превратилась в веретено, легла за камелек. Ночь прошла спокойно. Наступил день, и вдруг она услышала, что идут люди. В избу вошли несколько человек и сказали: «Здесь кто-то был и все вычистил, а между тем никого не видно, это удивительно». Все взяли по риське хлеба и вышли, сказав Найнасу: «От твоей риськи начато есть; значит, этот человек тебе родня». Найнас при них ничего не сказал, а когда они ушли, спросил: «Кто здесь есть, покажись: если старик

мне будешь отец, если старуха — мать, если в моих летах мужчина — брат, а женщина — сестра, а если красная девица — будешь мне женою». Едва он выговорил последние слова, как веретено выскочило из-за камелька на пол и стало вертеться. Найнас поднял его, переломил, и в середине очутилась девица. Он обнял ее и сказал: «Красавица, с этого времени ты будешь моей женой. Жаль только, что тебе более здесь оставаться нельзя, особенно ночью. Лишь только станет темнеть, сюда соберутся все убитые люди и будут между собою резаться; поэтому могут и тебя зарезать или, еще хуже, сполохи унесут высоко-высоко. Пойдем со мною. Я провожу тебя к своей матери». Вывел ее на дорогу и дал клубок ниток, говоря: «Как я отожду от тебя, брось клубок на дорогу, и куда он покатится, туда поди и ты. Назад, вверх и по сторонам не смотри, а только на клубок, в противном случае тебя возьмут сполохи — северное сияние. Клубок приведет тебя к реке. На другой стороне живет моя мать, и ты вскричи, чтобы она перевезла тебя в том карбасе, который делал Найнас. Спроси у ней, на котором упруге порезался Найнас, на тот и садись. Матери с тобою не жить, и поэтому сделай для себя и для меня вежу. Я часто буду к тебе ходить, и жизнь пойдет у нас весело». Простившись любезно, они расстались. Жена Найнаса по сказанному пошла, как по писаному. Вечером сполохи — северное сияние — заиграли на небе очень сильно и опустились почти над самой головою странницы. Сполохи играли над головой со свистом и пели песни: «Вот идет Найнаса жена, но скоро возьмет ее Солнце». Сполохи жгли ей и лицо, но на все это она не обращала внимания, а смотрела только на клубок. Утром пришла она к реке и вскричала: «Матушка, будь добра, перевези меня в том карбасе, который работал сын твой Найнас». Вскричала она три раза, и за ней приехала свекровь и сказала: «Лучше бы ты не вспоминала мне сына Найнаса: я уже и без напоминания об нем вся с горя высохла и поседела. Ты своими словами еще увеличиваешь мою горесть».

«Матушка! Будь добра и выслушай меня. Меня так научил сын твой Найнас, а теперь мой любимый муж. Он сказал еще мне, чтобы спросила я, на котором упруге он порезался в этом карбасе, на том я должна и переехать». Свекровь указала ей средний упруг, и они переехали. В тот же день она сделала вежу и стала в ней жить. Через несколько времени пришел Найнас и сказал: «Одну ночь сегодня я проведу здесь, но утром мне нужно идти». Жене отпустить его скоро не хотелось, потому что она уже нажилась одна, и вот, когда они легли спать и он уснул, она вверху своей вежи подвесила

свой серебряный пояс. Наступило утро, и Найнас проснулся, сказал: «Теперь, я думаю, уже утро, пора мне идти». — «Нет, до утра еще долго. Посмотри наверх, как звезды еще блещут и светят». Найнас посмотрел и опять заснул, потому что он не знал, что вверху подвешен пояс со звездами. Так он просыпался до трех раз, и каждый раз она его обманывала. Когда он проснулся в третий раз, мать закричала: «Невестка, возьми оленьи шкуры с вежи, они все пересохнут от солнца, и тогда муж уйдет от тебя».

Свекровь вскричала это три раза, и невестка, чтобы не услышал Найнас, без платка, с распущенными волосами, высунулась из дверей на улицу. В это время Солнце захватило ее за волосы и стало держать. Она закричала: «Найнас, дай воды, меня сожгло Солнце». Найнас держал ее в это время за ноги и умер. До трех раз она просила воду у мужа, но, как от мертвого, получить не могла; тогда, обратясь к Солнцу, сказала: «Солнышко, Солнышко, помилуй меня и ороси водою». Солнце оросило ее водою, но в то же время и взяло ее к себе. Там она сделалась его женой, и стали жить так весело и счастливо, как не живет никто.

Вскоре у жены Солнца родилась красавица дочь. Пока она была маленькая, держали ее при себе и научили всему хорошему. Наконец дочь выросла и стала невестой. Солнце раз и сказало матери: «Нам более дочери здесь держать нельзя, нужно опустить ее на землю, и пусть она найдет себе там суженого». Мать не противоречила, а дочери расстаться было очень тяжело. Делать, однако, было нечего, она должна была подчиниться воле родительской.

Настал день прощания. Солнце с матерью благословили ее и сказали: «Кого первого ты встретишь на земле, тот будет твой суженый. Живите в согласии и любви, тогда у вас всего будет довольно». Дочь у них была мастерица вышивать, дали ей еще шелку и сказали: «Приготовь три платка из него, продай и денег за них получишь довольно». Солнце после этого взяло свою дочь и перенесло ее на землю.

Долго-долго шла девица и никого не встретила. Наконец увидела стадо оленей и при них пастуха. Подошла к нему и сказала: «Будь здоров и счастлив, добрый человек». «Здравствуй, откуда идешь и далеко ли?» — ответил пастух. «Изда- лека мой путь лежит. Где я родилась, там мне сказали: поди и кого встретишь первого, тот и будет твоим суженым мужем. Вот поэтому и прошу тебя, добрый человек, возьми меня себе женою», — сказала она. — «Да я рад бы взять тебя, красавица, но чем будем мы кормиться? Теперь я с трудом добываю и себе пропитание».

Пастух вступил с нею в брак, и они стали жить. Сначала она ходила с ним и помогала ему пасти оленей. Жили они на хозяйском дворе, а хлеба давали только для одного человека. Им было маловато. Вот однажды ночью, когда муж спал, она вышила шелком платок и послала мужа продавать. Платок был очень красивый, и покупатель нашелся скоро. За него получили сто рублей. На другой неделе она приготовила другой платок, красивее первого. Продали и этот. Денег получили двести рублей. Денег было довольно, и муж перестал быть пастухом. Они купили себе дом, оленей и другого имущества и зажили на удивление другим. В это время приготовила жена и третий платок, очень большой и красивый. Продали его и денег получили триста рублей. После этого они зажили лучше всех и многие стали даже завидовать им. Нашлось много людей и таких, которые говорили, что у них богатство добыто нечестным образом. Пока так говорили не в глаза, это они переносили, но однажды бывшему пастуху сказали: «Как ты ни говори, что все нажил трудами своими, но это неправда. Вернее всего, где-нибудь похитил».

Слова эти слышать было тяжело и особенно при народе, он поэтому и сказал: «Я получил все добро благодаря солнцу. На солнце я могу даже и сам подняться». Народ, услышав это, рассердился на него и сказал: «Завтра, если не исполнишь своего слова, мы убьем тебя».

Пошел после этого он к своей жене и рассказал все. Жене это было неприятно, но мужа от смерти избавить нужно. Она сказала ему: «Теперь ночь, а к утру я что-нибудь придумаю». Едва началась заря, как жена сказала мужу: «Пойдем теперь на то место, где меня опустило Солнце, и оттуда, быть может, ты и сходишь». Вышли они из погоста и увидели, что Солнце гоняет на оленях и едет им навстречу. Они подошли к нему и рассказали про свое горе. Солнце подумало сперва, но потом говорит: «Садись на оленя и поедem». Они уехали, а жена осталась с караульными и пошла обратно. Соседи спросили у ней: «Где муж?» Она ответила: «Видели же, как он поехал на солнце на олене».

Солнце, поднявшись наверх, зятя представило своей жене. Теща, увидав зятя, изумилась, хотя и рада была его видеть. Поговорили они о дочери, а потом Солнце сказалo зятю: «Завтра утром поезжай ты кругом земли и сперва гони на медведе, в полдень замени его оленем-быком, а вечером и этого перемени на оленя-важенку».

С наступлением утра к зятю явился медведь. Он сел на него и поехал. Около полудня медведь умер, и к нему явился в полдень олень-бык. Он сел и поехал и увидел на доске изо-

бражение человека. Картину эту он толкнул в сторону и сказал: «У меня был один теленок, того не сохранил, а дал на съедение волкам; не стой и здесь на дороге сам». Поехал далее, и у него олень-бык умер. Наступил вечер, и к нему пришел олень-важенка. Он сел на него, поехал и приехал обратно. На другое утро Солнце сказало: «Сегодня ты останься здесь с тещею, а я поеду кругом земли». Солнце путешествовало на медведе до полудня и увидело, что лежит мертвый медведь, поехало далее — увидело оленя-быка мертвым, удивилось всему этому и не знало, почему это случилось.

Теща с зятем в это время переговорили обо всем, и теща, узнав, что он толкнул изображение во время объезда кругом земли, очень сожалела.

Солнце, возвратившись, спросило зятя о мертвых животных. Зять ответил, что они сами умерли, а про изображение сказал то же, что и ранее. Солнце дало ему совет: «Более этого не делай и с животными обходись ласковее». На третий день Солнце и жена его простились с зятем, опустили его на землю и дали всякого добра много-много. Муж привез его на нескольких возах и зажил с женою после этого на славу и удивление всем.

Вот поэтому-то и теперь саамы, когда кто у них из взрослых умрет, сейчас у хозяина продают оленя и деньги отдают за погребение и на свечи. Олень на эти предметы поступает потому, что и после смерти умерший, по мнению саамов, будет непременно ездить на оленях. Если же на эти предметы не дать оленя, это значит приговорить его к тому, чтобы он в загробной жизни ходил пешком.

◆ 80. СЫН СОЛНЦА И ЕГО ЖЕНА ◆

Жили-жили старичок и старушка. Родилась у них дочь. Имя дочери было Марьюшка. Стали они жить, больше у них никого не родилось.

Жили-жили они.

Пошел старичок дрова рубить. Рубит-рубит он дрова. Выскочила из-за коры к нему Адз с тремя дочерьми и говорит: «Неси меня к себе домой, в вежу; если не понесешь меня домой, я тебя высосу, так что не останется твоей крови на земле».

Старик понес Адз домой вместе с тремя ее дочерьми. Принес он их домой, и стали они жить все вместе.

Заболела у старика новая жена Адз и говорит она старику: «Убей ты свою старую жену, а то у тебя умрет твоя новая жена».

А старушка говорит дочери Марьюшке: «Теперь отец принес Адз в дом. Она заставит его убить меня. А тебя заставит работать. Но ты приди ко мне на могилу и скажи мне об этом: все, что нужно будет тебе сделать — сделается...»

Вывернул старик рукавицу наизнанку, насыпал ее полную золой и ударил старуху посередке лба.

Он ударил старушку по лбу, и его старушка умерла.

Стал старичок жить с новой женой.

У Адз старшая дочь была Кантчалме, Пятка-Глаз, потому что у ней на пятке был третий глаз; вторая дочь была Няйгачальме, Смолка-Глаз, потому что у нее глаз был цветом как сосновая смола; третья дочь была Параша.

А старикова и старухина дочь — Калзакнийте — была Марья.

Потом Адз с двумя дочерьми в лес, а третью свою дочку оставила со стариковой и старухиной дочкой.

Старикова и старухина дочка пошла к матери. Пришла к матери на могилу и плачет: «Адз меня заставляет воду носить, полы мыть!»

Отвечает ей мать: «Иди домой, в вежу. Все, что тебе велено сделать — будет сделано».

Вернулась дочка домой — видит: все, что ей было велено, уже сделано.

...Увидел старикову и старухину дочь Сын Солнца — Пейвальке — и полюбил ее.

Шел Сын Солнца к стариковой и старухиной дочке. Увидела она, что идет к ней Сын Солнца. Взяла нагерь-нивле — сонную иглу и незаметно вонзила дочери Адз в голову. Дочь Адз сразу уснула.

Пришел Сын Солнца к стариковой и старухиной дочке. Стали они угощаться, ели-ели. Погостил Сын Солнца и ушел обратно.

Старикова и старухина дочка стала жарить кусок шкуры на огне. Жарила-жарила его. Потом вынула из головы дочери Адз сонную иглу.

Проснулась дочь Адз и говорит: «Сестричка, как долго я спала».

А старикова и старухина дочка подает ей жареную шкуру: «Возьми, ешь, я то же самое ела». «Что-то не вкусно», — говорит она. Старикова и старухина дочка отвечает: «Мать это велела есть».

Вернулась из леса мать с двумя дочерьми, а старикова и старухина дочка пошла на улицу.

Младшая дочка Адз говорит матери: «То, что ты велела мне есть, было очень горько, я не могла есть».

Пришла старикова и старухина дочь назад. Адз заругала ее: «Что ты бегаешь?»

А она ответила: «Я была на улице, я никуда не бегала».

Пошла Адз опять в лес, а дома с девочкой оставила среднюю дочь, Няйгачальме.

Говорит старикова и старухина дочь средней дочке Адз: «Поди, сестричка, ко мне, я тебя в голову щелкну». Няйгачальме подошла к ней, а она уколола ее сонной иглой. Няйгачальме заснула.

Идет Сын Солнца к стариковой и старухиной дочке.

Пришел, стали они угощаться, есть и пить; ели-ели, пили-пили.

И стали они сговариваться, в какой день стариковой и старухиной дочке уйти от Адз.

Погостил Сын Солнца и ушел обратно.

Старикова и старухина дочь стала жарить на огне кусок шкуры. Жарила-жарила его. Потом вынула из головы дочери Адз сонную иглу. Дочь Адз проснулась и говорит: «Как долго я спала».

Старикова и старухина дочка дала ей поесть. Дочь Адз попробовала и сказала: «Как горько, не буду я есть».

Старикова и старухина дочь ответила: «Мать это велела есть».

Вернулась Адз из леса и спрашивает ее: «Чем ты кормила моих дочерей?»

«Я твоих дочерей кормила тем же, что и сама ела», — отвечает она.

А Адз ей говорит: «Мои дочери жалуются, что это очень невкусно, не могут они этого есть».

А девушка повторила: «Я их кормила тем же, что и сама ела».

Пошла опять Адз в лес с двумя дочерьми, а дома со стариковой дочкой оставила старшую дочь, Кантчальме.

Старикова и старухина дочь говорит старшей дочери Адз: «Подойди, сестричка, ко мне, я тебе голову причешу».

Кантчальме подошла, а она уколола ее в голову сонной иглой, и та заснула.

Пришел Сын Солнца к стариковой и старухиной дочке. Стали они есть и пить: ели-ели, пили-пили.

Сын Солнца и говорит: «Я тебе принес башмачки». И дал их ей обуть.

Старикова и старухина дочь обувает башмачок на ногу, а дочь Адз смотрит тем глазом, который у нее на пятке.

Старикова и старухина дочь стала сговариваться, когда опять придет Сын Солнца и они совсем уйдут в его дом. Ре-

шили, что Сын Солнца придет к ней на третий день. Вышли они на улицу, и Сын Солнца полетел к себе в свой дом.

Вернулась старикова и старухина дочь в вежу и стала жарить на огне кусок шкуры; жарила-жарила, потом вынула у Кантчальме сонную иглу.

Кантчальме проснулась и говорит стариковой и старухиной дочери: «К тебе приходил Сын Солнца, ты думаешь выйти замуж за него».

Старухина и старикова дочка отвечает ей: «Ко мне никто не приходил».

Дочь Адз говорит: «Я скажу об этом матери».

Вернулась Адз, и старшая дочь сказала ей: «Завтра придет к нам Сын Солнца».

Говорит Адз: «Заверну я старикову и старухину дочь в кусок шкуры». И завернула ее.

Пришел Сын Солнца. Дочери Адз оделись в хорошие одежды. Сын Солнца достал башмачки и стал примерять старшей дочери.

«Кому будет по ноге, того я и возьму замуж», — сказал он.

Взяла Кантчальме башмачок, стала примерять — не лезет он на ногу, мешает глаз на пятке.

Адз и говорит: «Надо подрезать пятку».

А Сын Солнца спрашивает, есть ли у нее еще дочка, кроме этих трех дочерей.

Адз отвечает: «Есть, но она спит. Она такая некрасивая. Зачем она тебе?»

Сын Солнца увидел на полу кусок шкуры и заметил, что внутри его что-то завернуто.

Развернул Сын Солнца кусок шкуры и нашел там старикову и старухину дочь.

И говорит он ей: «Надень на ногу башмачок».

Старикова и старухина дочка надела — как раз он пришелся ей по ноге.

Взял Сын Солнца на руки старикову и старухину дочь Марьюшку, вышел на улицу и улетел вместе с нею.

Адз осталась дома и говорит дочерям: «Надо было бы высосать старикову и старухину дочь, чтобы не осталось ее крови на земле».

Сын Солнца со стариковой и старухиной дочерью прилетели к себе в дом и стали там жить...

Пошел Сын Солнца из дому и сказал, чтобы жена, когда его нет, держала дверь на запоре, и условился с ней: «Когда я приду и буду стучаться в дверь, ты спроси: «Что ты ел, когда уходил, и что ел, когда сюда шел?» Когда я тебе отвечу:

«Когда уходил — ел почку, и когда сюда шел, ел почку», ты и открой дверь».

Вернулся Сын Солнца — стучит в дверь. Жена спрашивает: «Что ты ел, когда уходил, и что ел, когда сюда шел?» «Когда уходил — ел почку, и когда сюда шел, ел почку», — ответил он.

Женка впустила его домой.

Пришла в сенцы Адз и притаилась.

Стал опять собираться Сын Солнца из дому и опять наказал жене: «Когда приду, спроси: „Что ел, уходя отсюда, и что ел, идя сюда?“»

Ушел Сын Солнца, Адз подошла к двери и стукнула. А женка спрашивает: «Что ел, когда уходил, и что ел, когда сюда шел?» Адз не знала, что сказать, и молчала. Женка поняла, что это Адз хочет войти, и не открыла двери.

Вернулся Сын Солнца, ударил в дверь. Жена из-за двери спрашивает: «Что ел, когда уходил, что ел, когда сюда шел?» — «Когда уходил, ел почку, когда сюда шел, ел почку».

Адз услышала это.

Ушел опять Сын Солнца из дому. А Адз пришла к дому Сына Солнца и ударила в дверь. И сказала то, что говорил Сын Солнца.

Женщина открыла дверь. Адз вошла в дом и сказала: «Хоть и хитра ты была, все равно я попала к тебе».

Схватила она женщину и произнесла: «Завертелась, закрутилась — в Железную Гробницу», — и выбросила женщину из Солнечного Дома.

Завертелась-закрутилась женщина, понеслась в Железную Гробницу.

А сама Адз осталась в доме Солнца. Вернулся Сын Солнца домой, видит: в доме находится Адз, а жены его нет. Пошел он искать свою женку. Вышел на улицу и полетел к Железной Гробнице.

«Там, наверное, моя женка», — подумал он.

Прилетел он к Железной Гробнице, а гробница тремя замками замкнута. Открыл он три замка, взял женку и спрашивает: «Как ты попала сюда?»

Женка ответила: «Меня Адз бросила в Железную Гробницу».

Прилетели они обратно домой.

Прилетели, входят в дом и видят: в их доме уже живет Адз с тремя дочерьми.

Сын Солнца с женой взяли рукавицу, наполнили ее золотом и убили ею Адз с тремя дочерьми.

А сами стали жить. И теперь живут.

Жили-жили старичок да старушка. У них родилась дочка. Собрался старик в лес бересту драть. Старушка старичку говорит: «Не ходи драть бересту на Руэйнвараку». «Почему старушка не пускает меня драть бересту на Руэйнвараку?» — думает он.

Он не послушал старухи и пошел туда драть бересту. Сдирал он бересту, и прыгнула ему на шею Аццы и сказала: «Возьми меня замуж».

Старик говорит: «Я не возьму тебя замуж, у меня есть старушка».

И продолжал сдирать бересту. Аццы опять прыгнула к нему на шею. Старичок опять ей говорит, что не возьмет ее замуж.

Старичок не мог освободиться от Аццы и сказал наконец, что возьмет ее замуж.

Аццы говорит старичку: «Пошли дочку воды принести».

Старичок пришел домой и послал свою девочку за водой. Аццы незаметно размотала у девочки обору на ноге, а потом наступила на обору. Девочка упала, и из носа у нее потекла кровь. Аццы говорит: «Какая плохая мать. Очень плохая мать, ленится девушке ноги завязывать».

И стала лизать кровь, которая текла у девушки из носу.

У Аццы были сыновья: первому имя было Кипчульдыш — Обгорелый пенек, второго звали Иохтсеплоззиш — Лоскутный воротничок, а третьего звали Куацкэмчалмыш — Орлиный глазок. У Куацкэмчалмыша был на спине третий глаз.

Аццы послала старшего сына, Кипчульдыша, к старику, чтобы старик отдал ему старуху.

Старушка не пошла.

Аццы послала среднего сына, Иохтсеплоззиша.

Старушка опять не пошла.

Аццы в третий раз послала к старику — младшего сына Куацкэмчалмыша.

Куацкэмчалмыш пришел к старику, и старушка пошла с ним к Аццы. Когда старушка стала уходить, она сказала своей дочке: «Они меня съедят. Ты должна собрать мои кости. Если будет не хватать одной кости, ты возьми бедренную кость и стукни ею Куацкэмчалмыша по затылку».

Аццы съели старуху.

Девушка стала собирать материны кости. Собирала, собирала она — не хватает одной кости. Она взяла бедренную кость и стукнула Куацкэмчалмыша по затылку. Когда она

стукнула этой костью его по затылку, то у него изо рта выпала кость.

Девушка взяла кости и понесла их к ручью. Она там положила эти кости.

Старичок и Аццы стали жить вместе.

Старичок и Аццы пошли неводить, а со старухиной дочерью оставили Кипчульдыша — наблюдать, что будет делать старухина дочь.

Как только ушли Аццы со старичком, старухина дочь попросила Кипчульдыша дать поискать у него в голове.

Он согласился, и она незаметно воткнула ему в голову две сонные спицы, он заснул, а сама пошла к материным костям.

Она там с Солнцем играла,
Золотое вязанье вязала,
Медовые ягоды ела,
Медовый ручей перед ней протекал.

Она почувствовала, что скоро домой должны прийти Аццы, и вернулась назад.

Выдернула сонные спицы у Кипчульдыша, и Кипчульдыш проснулся. Подала ему под нос деревянную плоску с рыбой, и он стал есть. Когда вернулись ловцы, Аццы спросила: «Что делала девушка?» Кипчульдыш ответил: «Не знаю ничего, я спал досыта и ел досыта».

Аццы и старичок пошли во второй раз неводить и оставили со старухиной дочерью Иохтсеплоззиша.

Старухина дочь попросила у него в голове поискать. Она воткнула ему две сонные спицы, и он уснул, а сама пошла к ручью.

Она там с Солнцем играла,
Золотое вязанье вязала,
Медовые ягоды ела,
Медовый ручей перед ней протекал.

И она стала чувствовать, что Аццы скоро придут. Она вернулась домой, выдернула сонную спицу у Иохтсеплоззиша. Подала ему плоску с рыбой, и он стал есть.

Когда пришли ловцы, Аццы стала спрашивать у Иохтсеплоззиша, что делала старухина дочь. Он ответил: «Ничего не знаю, я ел досыта и спал досыта».

В третий раз пошли ловцы неводить и со старухиной дочерью оставили Куацкэмчалмыша.

Как только ушли ловцы, старухина дочка попросила у Куацкэмчалмыша поискать у него в голове. Старухина дочь

воткнула ему две сонные спицы. Куацкэмчалмыш не заснул, у него был третий глаз, и он все видел.

Когда старухина дочь пошла, он пошел вслед за ней подсматривать, что она делает.

Она там с Солнцем играла,
Золотое вязанье вязала,
Медовые ягоды ела,
Медовый ручей перед ней протекал.

Он все это видел.

Стала чувствовать старухина дочка: скоро должны вернуться домой Аццы, она пошла обратно. Куацкэмчалмыш вперед ее пришел домой и повалился спать.

Старухина дочь пришла домой и увидела, что забыла воткнуть в него третью сонную спицу, она испугалась и выдернула из него две сонные спицы. Куацкэмчалмыш проснулся. Старухина дочь подала ему плошку с рыбой, но он не стал есть. Когда возвратились ловцы, он побежал им навстречу и говорит Аццы: «Я все знаю, я все знаю!» Аццы ему и говорит: «Все тебе, все тебе!»

Куацкэмчалмыш стал рассказывать про старухину дочь.

Она с Солнцем играет,
Золотое вязанье вяжет,
Медовые ягоды ест,
И перед нею медовый ручей протекает...

Аццы завернули девочку в рогожу, и положили ее в бочку, и пустили в море.

Старичок незаметно перед этим дал ей ножик. Она долго плыла по морю и услышала, что ветер бьет бочку о берег. Она ножом разрезала рогожу, выбила дно бочки, вышла на берег и пошла по кровавой дороге.

Кровавая дорога привела ее к дому. Она вошла в дом и увидела, что пол залит кровью, а на столе лежит еда.

Она вымыла пол и поела. Наступила ночь. Она услышала идущих людей, превратилась в веретено и легла за камелек.

Пришли люди, среди которых был Найнас, увидели, что в доме ходил человек, они говорят: «Если ты девушка, то будешь женой Найнаса, если ты пожилая женщина, то будешь матерью, если ты мужчина, будешь братом Найнаса».

Они долго искали ее, но не могли найти. Они шумели-шумели, резали-резали себя и ушли. Это не люди шумели и резались, а по небу бегали кувскэс—сполохи. Девушка вышла из-за камелька, поела, вымыла избу и посуду. И опять услышала их. Превратилась она в иголку и спряталась в щель в по-

лу. Пришли люди. Искали ее, но не могли найти. Шумели-шумели, резали-резали и опять ушли.

Она вылезла из щели, поела, вымыла пол и посуду и опять услышала их. Она залезла под стол и превратилась в веретено. Они пришли. Искали-искали ее. Нашли под столом веретено и говорят: «Если ты девушка, ты будешь женой Найнаса», — и сломали веретено.

Появилась девушка, и стала она женой Найнаса.

Найнас посылает ее к матери и говорит: «Когда ты будешь идти — тебя будет Аццы окликать, но ты не должна оглядываться назад. Придешь ты к реке. За рекой есть домик, где живет старушка, ты кликни, чтобы вышли тебя перевезти на той лодке, на которой греб Найнас. Вели пригнать ту лодку, на кокорах которой сиживал Найнас».

Она пошла. Она шла очень долго. Позади ее Аццы окликали. Очень близко их было слышно. Они пели:

Найнаса жена —
Солнцева жена.

Но она не оглянулась назад. Она все шла, шла и пришла к реке. Увидела за рекой избушку. Крикнула, чтобы вышли ее перевезти. Она крикнула: «Пригоните ту лодку, на кокорах которой сиживал Найнас!»

Из избушки вышла старушка и крикнула ей навстречу: «Пришла сердечная родня», — и пригнала ту лодку, на кокорах которой сиживал Найнас.

Они переправились через реку. Старушка вскипятила чай, посадила девушку пить чай. Девушка говорит: «Дайте чашку, из которой Найнас пивал чай». Старушка говорит: «Пришла ты, сердечная родня».

Потом старушка сварила ужин. Сели есть. Девушка говорит: «Дайте ту ложку, которой Найнас едал». Старушка говорит: «Вот и пришла сердечная родня».

Поужинали и стали спать ложиться. Старушка устроила девушку спать в овечьем загоне. Каждую ночь к девушке стал приходить Найнас. Как день начинал рассветать, он уходил прочь.

Старушке очень хотелось повидать сына, но она не знала, как его увидеть. Девушка ей сказала: «Когда я лягу спать, ты привяжи над овечьим загонем звездный пояс. Тогда ты увидишь своего сына».

Когда девушка ложилась спать, старуха привязала сверху загона пояс, украшенный звездами.

Найнас спит-спит, проснется и посмотрит на небо, а на небе все еще видать звезды. Долго он спал. Старушка сняла

звездный пояс с овечьего загона. Засияло солнце. Аццы закричали:

Найнаса женка,
Найнаса женка,
Найнаса женка,
Замша горит!

Найнас проснулся, посмотрел на небо и сказал: «День настал».

Найнас и Солнце подхватили девушку из овечьего загона и унесли на небо. Солнце стало сильно греть, и девушка захотела пить. Девушка сказала: «Я хочу пить!»

Найнас с Солнцем заспорили, кому идти за водой. Девушка им говорит: «Кто скорее принесет мне ковш воды напиться, тот будет моим мужем».

Солнце и Найнас побежали за водой. Найнас наклонился зачерпнуть воды и упал в море. Солнце первым принесло девушке воды. Девушка выпила воды и стала женой Солнца.

А старушка была очень рада, что увидела своего сына, Найнаса.

82. ЛЕСК-АГКА — ВДОВА-СТАРУХА

Некогда жила-была одна вдова-старуха, да с нею жила в веже еще лягушка. У вдовы был сын, а у лягушки дочь. Лягушка очень любила вдовкина сына и однажды ночью его взяла у вдовы, а к ней положила свою дочь. С чужим сыном она убежала далеко-далеко. Старуха, проснувшись, увидела, что подле нее лежит дочь лягушки, а сына и лягушки нет. На старуху напало горе, и она хотела убить дочь лягушки, но вспомнила, что одной будет скучно, и оставила при себе в ожидании счастья в будущем.

Лягушка-беглянка устроилась около одного озера в густом лесу, чтоб ее не могла найти вдова. Украденный сын вырос очень скоро, но о своей матери не вспоминал, потому что ее не помнил. Лягушку признавал своей матерью. Лягушка его любила также очень. На день всегда он уходил в лес на охоту и вечером всегда возвращался или с мясом диких оленей, или со шкурами диких зверей. Из шкур зверей он устроил себе и вежу, и жить ему стало лучше. По временам, однако, находила на него скука, потому что сердце рвалось к подобному ему человеку. Раз он ушел на охоту далеко и пришел к веже, из которой дым поднимался вверх. Ему захотелось узнать, кто тут живет. Показать самому ему, однако, не хотелось, поэтому в вежу он не пошел, а тихонько поднялся на верх вежи и стал

смотреть в трубу, или в окно, через которое выходит дым. В стороне, недалеко от огня, он увидел, что сидит старуха и подле нее ацекнийд — лягушкина дочка. Над огнем висел котел и варилась сосновая каша. Охотник сжалился над старухой и незаметно опустил кусок пойды — мясного жиру.

Ацекнийд, однако, заметила это и сказала: «Агка, агка (бабушка, бабушка), смотри-ка, в котел кто-то сверху опустил туда кусок сала, звезды плавают поверху».

«Не смейся, проказница! Было бы у меня теперь и сало, и мясо, если бы твоя мать ацек не украла у меня кормильца-сына. На той правде, быть может, лопнет от жиру».

Охотник, услышав этот разговор, постарался незаметно скрыться. Через несколько времени опять ему захотелось посмотреть старуху. Он пришел к веже и увидел, что сосновой каши варится менее, чем в первый раз. Он опять опустил кусок мяса. Ацекнийд опять заметила первая и сказала: «Агка, агка, нам опять в котел положили мяса». — «Ну, не привелось есть промысла сыновнего, зато нашлись чужие люди и те пожалели меня в моей бедности». Охотнику хотя и хотелось зайти в вежу, но и на этот раз он ушел незаметно.

Возвратясь к ацек, он стал думать: «Там, верно, живет моя мать, потому что мне хочется быть там постоянно. Хотя и редко туда хожу, но мысли мои постоянно вертятся около старухи».

С наступлением утра он пошел промыслять диких оленей и лишь только убил одного, опять пошел по известной ему тропинке к веже. На этот раз он зашел в вежу и сказал: «Здравствуй, старушка». — «Здравствуй, мой кормилец. Садись и расскажи, откуда ты пришел и где живешь?» — «Живу я отсюда не очень далеко с ацек. Сегодня был на охоте и убил одного оленя. Вот и тебе принес кусок мяса. Приготовь его, и я закушу вместе с тобою». — «Спасибо, мой кормилец. У меня варится сосна, но положим туда и мясо, тогда каша будет славная».

Старуха рассказала ему о своем житье-бытье и как у ней ацек украла сына и она осталась с ее ацекнийд. Охотник, выслушав ее рассказ, сказал, что он давно живет у ацек, с малых лет, и родителей своих не помнит. Старуха услышала это, сказала: «Ты, кормилец, мой сын, теперь я узнаю тебя». Старуха бросилась к нему и прижала к своему сердцу. В это время обед подоспел, и они закусили. Ацекнийд после сытного обеда заснула, и сын с матерью тогда условились, как им опять сойтись на житье вместе. Сын в это время предложил убить дочь ацек немедленно, но она ответила: «Оставим до другого разу. Мне одной, как ты уйдешь, жить будет скучно».

Сын вскоре простился с матерью и сказал, что за ней приедет на оленях. Возвратясь к ацек, он сказал ей: «Мне жить стало скучно, позволь жениться, я нашел себе и невесту. Она немного постарше меня, но мне понравилась». Ацек это не понравилось, но, когда он сказал: «Если не позволишь жениться, тогда я более с охоты не возвращусь», — она этого испугалась и позволила жениться.

Вскоре за невестой, или, вернее, за своей матерью, он поехал на оленях.

Старуха, увидя сына своего, обрадовалась. Поздоровавшись с сыном, старуха уложила все свое добро в кережи. Ацек-нийд старуха также взяла в руки, как бы желая отнести в кережу, но немедленно положила ее в горячий пепел, где она и сгорела. Мать свою сын посадил в кережу и дал в руки ей скобель, сказав: «Когда мы приедем, нас встретит ацек. Она по приезде будет тебя поднимать из кережи, и ты сейчас же ударь скобелем, и она помрет». Сказав это, сын сел на кережу и погнал оленей к своему жительству.

Скоро они приехали. Ацек выбежала навстречу и хотела невесту поднять. Старуха, как сказал ей сын, ударила ацек скобелем, и она пропала. Сын с матерью зашли в вежу, и радости их не было конца. На другой день сын вспомнил уже об убитой лягушке — ацек. Он пошел и достал лошадь. Убитую ацек привязал к хвосту лошади и прогнал ее прочь от своего жилья. Лошадь с лягушкой понеслась, как стрела. И вот где отпала голова лягушки, тут образовался красный мох, по-саамски сяхтар, употребляемый саамами на подстилку маленьким детям в зыбки, а где отпали лапы-ноги, тут образовался черный мох — сомшит, употребляемый при изготовлении карбасов. Сын после этого зажил с матерью, радуясь своему счастью.

83. СКАЗКА ОБ ОЦЕ

Жили две женщины: Ылмолмэакк — Человеческая женщина и Оццеакк — паук-женщина.

У Человеческой женщины был мальчик, а у Оццеакк была девочка.

Женщины пошли ягоды собирать. Они долго собирали ягоды, а девочка и мальчик лежали рядом.

Оццеакк окончила собирать ягоды и пошла к тому месту, где были их дети. Она задумала: «Возьму я теперь у Человеческой женщины мальчика, он будет для меня охотиться и будет меня мясом кормить».

Заметила Человеческая женщина, что нет Оццеакк. Ско-

рее пошла она к тому месту, где были дети. А там оставалась только Оценийт, дочь Оццеакк. Взяла она Оценийт, пришла домой и стала жить с нею.

А Человеческий сын жил с Оццеакк, вырос большим, стал ходить на охоту.

Однажды юноша пришел с охоты, подошел к веже, где была Оццеакк, и стал подслушивать, что делает Оццеакк. Слышит он — Оццеакк поет:

Очень хорошо я сделала,
Что к себе взяла мальчика,
А Человеческой женщине
Оставила девочку.
И теперь живу очень славно:
У меня вежа из оленьих шкур,
Полки сделаны из спинного сала,
Гвозди-вешалки — из бедренной кости,
Сама я сыта и в тепле.

Человеческий сын вошел в вежу и говорит: «Я видел черную гору, там есть дикие олени».

Оццеакк говорит: «Туда нельзя ходить, там живут оцце, они тебя съедят».

Однажды он пошел на охоту, убил дикого оленя и кусок спинного сала взял с собой.

Шел-шел, пришел к той горе, куда не пускала его Оццеакк. Смотрит: из-под земли дымок поднимается.

Он залез на землянку и стал смотреть в реппень. Он видит: девочка сидит около очага, рядом с нею старушка, над очагом в котле обед варится, он опустил кусочки сала в котел.

Девочка закричала: «Мама, мама, жир всплывает!» «Сиди, сиди, это у Оцце, у твоей матери, жир всплывает!» — сказала старушка.

Юноша спустился с землянки вниз, вошел и говорит: «Бабушка, бабушка, был ли у тебя сын?» Старушка отвечает: «У меня был сын, но его украла Оццеакк».

Юноша говорит: «Я, наверное, твой сын».

Старушка говорит: «Да, дорогой, ты — мой сын».

Старушка угостила сына и научила его, как обмануть Оццеакк. Человеческая женщина сказала: «Когда ты придешь домой, скажи, что высмотрел для себя невесту».

Юноша пришел домой и говорит: «Оццеакк! Я высмотрел себе невесту, завтра пойду ее взять».

Оццеакк обрадовалась, что к ней придет невестка. Человеческий сын поехал, чтобы взять свою мать. Приехал к матери.

Мать села в кережку, положила между ног кису с золой, взяла в руки нецкэм — скребок для скобления шкур, завязала голову большой шалью. И поехали втроем к Оццеакк.

Залаяла собака. Оццеакк выбежала на улицу, смотрит: Человеческий сын идет с молодухой.

Подбежала она к кережке, подняла шаль. А Человеческая женщина в это время ткнула ей в лицо кису с золой. Зола засыпала ей глаза. Человеческая женщина стала бить Оццеакк скребком.

Потом они привязали Оццеакк к пугливому оленю и пустили его бежать. Олень побежал. Бежал-бежал. Где осталась голова Оццеакк, там выросла оццепаввинь — болотная кочка.

А Оцценийт, ее дочка, превратилась в скакуху-кузнечика. И теперь она живет на болоте.

А Человеческий сын с матерью до сих пор живут.

84. АДЦКАЙ

Жили старик со старухой, сколько прожили, старик и умер. Остался один сын и вдова-старушка. Пошла старуха собирать ягоды, а сын остался в веже. Пришла старуха обратно и слышит голос из вежи не сына, а чей-то другой, зашла в вежу, посмотрела и нашла девку, а сына нет. Вдовица заплакала и стала причитать: «Сын потерялся, а где другого взять?»

А немного погодя раздумалась, что потеряться некуда, успокоилась и стала варить щи из старого костья. «Ой, мама, мама, в котле плавает сало». «Где плавает сало, — отвечает вдовица, — разве от Адцкай, твоей матери, от костей?»

Проходит некоторое время, к веже приходит сын, догадался, что не у своей матери, и слушает у вежи, а мать его плачет и приговаривает: «Муж умер, сын потерялся, а вместо него подсунули девку».

Он подслушал и ушел.

На другой день опять приходит к матери в гости, а хорошо еще не знает, его ли это мать, и мать хорошо не знает, ее ли это сын.

Наконец парень и девка выросли, и к своей матери пришел на девке свататься сын, и мать сыну ответила, что выдает девку свою. Тут он признал мать, а она — сына.

Тут они порешили девку убить, взяли положили в койбинцу золы, так и убили, а потом мать и говорит сыну:

«Вот, сынок, я поеду на свадьбу вместо молодой, а ты положи нецкэм в кережу, на нос».

Сын так и сделал.

Направились и поехали.

Приехали, а Адцкай (так зовут девкину мать) сидит дома и «постелями» закрыты двери и ждет молодых.

Выходит Адцкай вон из вежи и говорит, хвастаясь: «Ладно я сделала, сынка украла, а дочку на то место сунула, а теперь оба вернулись».

А молодой говорит: «Поди, мама, развязывай молодую-то».

Адцкай пошла, стала развязывать, а молодая выхватила нецкэм и ударила Адцкай, она тут и умерла, а мать стала жить со своим сыном.

◆ 85. СКАЗКА ПРО ААДЗ ◆

Жена с мужем живут. У них родился сынок.

Муж умер.

Жена осталась жить одна.

Жена поехала дрова рубить. Приехала на место рубки дров. С ней был мальчик. Она покормила сына грудью, положила под дерево и стала рубить дрова.

Аадз пришла, взяла мальчика, положила на его место свою дочь в люльку, унесла мальчика к себе. Женщина пришла, посмотрела. Это не ее сын, а дочка Аадз.

Женщина поехала в свою вежу, приехала в свою вежу и стала жить.

Девочка выросла большая. Они стали собирать кости и стали варить их.

Пришел охотник, влез на их вежу и смотрит (в дымовое отверстие). Там дочь Аадз. Он стал бросать в котел жирное мясо. Дочь Аадз закричала: «Мамочка, мамочка, жир кипит (сочится из костей)». Старуха говорит: «Твоей матери кости кипят».

Человек вошел в вежу, стал говорить со своей матерью. Его мать говорит: «Ты — мой сын. Аадз тебя унесла от меня. Как мы теперь убьем Аадз?» Ее сын говорит: «Мы обязательно ее убьем. Я у тебя возьму нарту, пойду привезу Аадз, а ты приготовь золы в меховую рукавицу».

Ее сын пришел к Аадз и говорит: «Я нашел себе невесту. Очень красивая девушка». Аадз говорит: «Это очень красивая девушка». Они поехали на оленях к его невесте. Они приехали к его матери. Аадз говорит: «Развяжите меня скорее». Они ее стали бить рукавицей с золой и убили Аадз. И дочь Аадз тоже рукавицей с золой убили. Они уехали жить в деревню и стали жить хорошо.

Сказка вся.

Муж с женой жили. У них родилась дочь. Муж идет дрова рубить. Его жена ему говорит: «Ты уходишь дрова рубить. Там есть береза, высокое дерево, красивое дерево. Это дерево не руби. Там находится Аадз».

Муж пошел рубить дрова, и это дерево срубил. Оттуда выскочила Аадз с тремя дочерьми. Аадз говорит старику: «Неси меня в твой дом». Старик понес ее. У нее еще три дочери, он и дочерей понес. У них залаяла собака. Его дочь вышла на улицу. Видит, идет отец и несет Аадз с тремя дочерьми. Их дочь пришла домой, своей матери говорит: «Отец идет и несет Аадз».

Муж пришел, принес Аадз. Аадз говорит старику: «Положи золы в рукавицы и ударь твою жену по лбу». Муж принес рукавицы с золой и ударил свою жену ими по лбу. Его жена умерла. Муж положил жену на сани, взял с собой дочь, поехал на лошади. Жену похоронили. Приехал домой старик со своей дочерью. Аадз говорит старику: «Вези свою дочь в пустой дом». Старик взял свою дочь, поехали, приехали в пустой дом. Старик свою дочь оставил, а сам уехал домой. Приехал к своей Аадз, прожил три дня. Аадз говорит старику: «Иди приведи твою дочь».

Старик пришел к своей дочери. Его дочь сидит. У нее есть три корзины: с золотом, с серебром и с жемчугом. Старик взял дочь, пошел обратно. Подходят к своему дому. Собака лает: «Девушка идет с золотом и с серебром». Аадз выбежала на улицу, собаку бьет: «Не умеешь лаять. Так лай: „Девушка идет; кости в коробе“». Аадз видит: пришел старик с дочерью, принесли золото, серебро, жемчуг. Аадз скорее схватила корзины и говорит старику: «Веди скорее туда моих дочерей!»

Старик взял дочерей Аадз и ушел туда, где была его дочь. Старик пришел в пустой дом, там оставил трех девушек. Пошел домой, пришел к Аадз и жил три дня. Аадз говорит: «Иди приведи моих дочерей». Старик пошел туда, видит: от дочерей Аадз только кости остались. Старик кости собрал, положил в корзины. Пошел домой, пришел, принес корзины. А собака лает, Аадз выбежала на улицу. Собака лает: «Старик идет, корзины несет с костями, с костями». Аадз собаку бьет: «Не так лаешь, не так лаешь. Так лай: „Старик идет, корзины несет с золотом, с серебром“».

Старик пришел, корзины поставил, Аадз корзины схватила, видит, в корзине кости. Аадз вскочила. Она видит кости

в корзинах. Она упала и умерла. Старик и его дочь стали жить вдвоем, со своей дочерью, стали жить хорошо.

Про них сказка вся.

87. ПРО ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ

Когда старичок и старушка умерли, от них оставалось три сына и одна дочь. Раньше, перед смертью, старичок и старушка говорили детям, велели жить хорошо, без споров, велели беречь друг друга, жить совместно. Те, между прочим, так и делали. Поехали они на лодке вдоль по берегу озера. Девушка сидела-сидела и увидела на берегу хвою, запросилась у братьев на берег взойти взять веточку хвои, дерево которой было позолоченным. Самый старший брат сказал: «Сиди, как сидела, я сейчас...» Взошел на берег и тут остался. Братья и сестра поехали дальше. Гребли братья, долго ли коротко они гребли, кто знает. Но было так, что дева опять запросилась на берег сломать веточку необыкновенного дерева. Второй брат ее пошел на берег и там остался. Последний брат ее также остался на берегу озера, когда пошел за веткой для сестры.

Тогда сестра поехала одна на лодочке, которую оставили им отец и мать.

Ехала-ехала девушка на лодке, нашла причал. Подумала она, что делать: «Взойти на берег или еще поплыть дальше?» Подумала-подумала, лодку привязала, сама же пошагала по тропке. Не успела второго шага сделать, как под ноги чуть-чуть не подкатилось веретено. Повертелось, повертелось веретено, и отпал кружок и покатился вперед. Девушка хотела взять в руки, но то не тут-то было... Девушка шаг за шагом так и пошла за этим кружком. Шла-шла так девушка и пришла к веже, и кружок не стал катиться, остановился; тогда девушка взяла кружок и зажала в кулак. Смотрела девушка на вежу, так и не могла найти двери. Тогда она стала ходить вокруг вежи. Стал слышаться ей голос, кто-то говорил: «Кто там вокруг вежи ходит?.. Погладь ручки дверей, как женские ушки, да войди в вежу». Девушка и в самом деле взглянула, увидела ручки дверей, похожие на сережки, и дернула дверцу к себе — открылась дверца. Девушка вошла. В веже сидят старичок и старушка. Оба в один голос заговорили, девица ничего не смогла разобрать, кроме того, что пришла невеста их младшему сыну.

Во второй половине вежи сидели две женщины. Старик заторопил старуху: «Смотри, бабка, поставь чай греться, суп греться, мясо согрей, растопи сало, накорми девушку. Она

ведь, кто знает, откуда идет, кто знает, давно ли ела или нет...»

Бабушка заторопилась, как можно скорее двигаться, приготовляет все, что есть так... И приготовили, потом стали есть, пить, разговаривать. Наелись, кончили. А вечером пришли три сына, их жены ждали, только младший сын последним вошел, увидел свою невесту — обрадовался. Ведь девушка красива, красиво одета:

На лбу — солнце,
По щекам — звезды,
На затылке — месяц,
До локтей — золото,
До колен — серебро.

У девушки никого не было, сватать не у кого было, да и откуда знали, что где-то можно найти братьев.

Невесту и жениха привели вместе и стали играть свадьбу. Вот была свадьба так свадьба! Невеста была так красива, так хороша, что о такой еще не говорили в сказке. Еды было поедено в этом доме, питья попито в этом доме...

Много или мало годов прошло — кто знает.

Только знают, что мужчины эти охотились, а жены их делали свои дела.

Никто не знает, сколько лет прошло. Мужья ушли на охоту, а жены пошли провожать. Проводили. Первые невестки были дочерьми паука, завидующие такие, что никто не может сказать.

На обратном пути дочери паука стали заставлять невестку просить себе ребенка. Сами же просили себе сыновей по желанию с перхотными головками и толстопузеньких, какие сами были. «Теперь, невестка наша, попроси ты». — «Ну, я без ребят проживу». — «Тогда мы тебя высосем». Пришлось самой молодой невестке просить. И просила она так: «Какая сама есть, таким же пусть будет мое дитя». Тут же в один голос обе дочери паука сказали: «Это добро не было бы ни тебе, ни нам!» Перекрестились и пошли в вежу. Стали жить и в амбаре ночевать. Спящей женщине в горло сунули роговую пуговицу и веретеном подтолкнули. Под амбар — огонь. «Свекор, свекор! Амбар жилой горит!» Старичок и старушка — на улицу! В самом деле, амбар в огне. Старичок бежал как мог, старушка следом. Старичок примчался, достал из огня женщину. Та вся бледна, ни кровинки на лице. «Что случилось?» — спросила бабка. «Да ребенка своего съела», — сказали дочери паука, а сами меж тем женщине этой намазали кончики рта кровью.

Старичок смекнул: плохое дело сделал кто-то. Поглядел-поглядел да узнал. Стукнул женщину по затылку, из глотки выскочила роговая пуговица, повернулась и упала. Женка вздохнула, ожила. Но ни слова не сказала о злых невестках.

Прошел день, другой, меж тем пришли мужья с охоты. Те невестки сразу к своему деверю: «Твоя жена своего ребенка съела». «Что бы ни было, ее вина, веры ей не будет», — сказал младший брат.

Пришли в вежу, кушанье стали готовить, варить, жир топить, жир растопленный снимать. Долго ли, коротко жили охотники дома — охотиться опять нужно было отправляться. Жены собрались провожать. Зовут младшую из невесток: «Невестушка, невестушка, пойдем провожать мужей». Той некуда деваться, пошла провожать. Дошли до того же места, долгий путь. Дочери паука опять стали просить себе сыновей на свой вкус. Просили они так: «Боже, боже, дай нам сыновей с перхотными головками и толстопузеньких... Теперь ты проси», — обратились к младшей. «Что за польза от моих просьб, если мои дети не живут», — ответила женщина. — «Проси, не то мы тебя высосем!» И на этот раз женщина вынуждена была высказывать свое желание. И просила: «Какова я сама, пусть такими же будут дети». Это не понравилось старшим невесткам. От ярости у них тряслись челюсти, еле выговорили: «Этого добра не было бы тебе». И перекрестились.

Долго ли, коротко ли жили — опять сыновей родили. Стала приближаться пора родить младшей невестке. Она занемогла. Старшие невестки побежали, бересты достали. Сделали свое дело с невесткой. Сунули под амбар огонь и забежали вокруг, закричали: «Свекор, свекор! Амбар горит». Те опять бегом к амбару, потушили огонь. Вошли в амбар, женщина лежит в таком же положении. Старичок оглядел и достал из горла такую же пуговицу. Женка опять ожила.

Много ли, мало ли времени прошло — охотники вернулись с охоты. Старшие невестки опять: «Твоя жена своего ребенка съела». Тот опять в ответ: «Съела — ей же не будет веры». Вернулись в вежу. Зажарили, мясо стали есть. Долго ли, коротко так жили — пришел срок идти охотиться. Женщины опять пошли провожать мужей. Возвращались с проводов, просили у бога себе дочерей, каких сами старшие невестки хотели. Заставляли просить и младшую, и она просила тоже дочь, на себя похожую.

Пошли к веже. Стали жить-поживать. Старшие родили дочерей. Приближается пора родить и младшей. А этого только и ждут старшие. Занемогла невестка. Они в лес за бере-

стой. Вернулись. Сделали свое дело с невесткой. Под амбар огонь подожгли и забежали с ложными криками: «Свекор, свекор! Амбар горит...» Прибежали старик со старухой, потушили огонь. Отводились с невесткой. Ожила та. А тем временем с охоты охотники пришли. Старшие невестки с теми же словами обратились к своему деверю: «Твоя жена съела своего ребенка». Тот ответил: «Если съела — ей веры не будет». Вошли в вежу. Все как прежде, только жена младшего брата бледна-бледна, как из могилы встала. Обратилась к мужу со словами: «Слушаю, слышу, и ты слышишь, будто где-то гуси кричат да лебедь. Прислушайся и ты, как они кричат». «Не к нам ли они? — сказал ее муж. — Выйдем посмотрим, как они сами собой летят по белу свету, не испытывают ли тяжких мучений». Только вышли они на улицу, а два гуся и лебедь опустились на землю и превратились в красавцев молодцев и в красавицу девицу. Тут-то узнала мать своих детей. Обрадовалась. Обняла их, назвала своими детьми. Обрадовался небывало отец. Узнали, как их невестки обманывали.

Развели люди большой костер. Через этот костер нужно было прыгать. Прыгали первыми невестки и их дети. Сгорели все в костре, не перепрыгнув через костер, и их никто не вытаскивал оттуда. Так и надо.

А оставшиеся жить совсем ушли от этих мест туда, где народ по-новому живет, трудится.

88. НЕДОПАРУШЕК

Девушка жила на одном конце озера, а парень на другом его конце. Девушку звали Уточкой, а парня Пейвальке — Солнца Сын.

Он был рыболов, часто ездил по озеру, ставил сети тут и там, а удил очень далеко, где «дома рыб» бывают. Однажды он заехал за три далеких острова и вдруг увидел: на угорышке мыса вежа стоит. Привернул он лодку к берегу, поднялся на гору и увидел девушку Уточку.

Он сразу полюбил ее.

Сказал ей: «Ты одна живешь здесь, а я один живу там — давай жить вместе».

Уточка ответила, что согласна жить вместе, но в лодку к нему она не сядет, пока он не даст ей обещание: «Когда мы будем ехать по озеру, что бы ты ни увидел — не удивляйся, не смотри, не замечай, даже виду не показывай, что ты что-нибудь видишь!»

Парень, конечно, согласился.

Тогда она сказала: «Вот тебе три яичка. Береги их, храни пуще глаза, держи их у сердца своего. Пусть будут теплые, не застуди!»

Пейвальке яички припрятал. Он положил их за пазуху, — холодно вато тут, но больше де вать их было некуда.

«Согревай яички те, — сказала девушка. — А если случится беда, бросай их в меня. Не бойся, смело в меня бросай!»

Сказала так и села в лодку. И вот поехали они в дом Пейвальке. Едут по озеру, смотрят, берегами любят ся, острова мимо них проплывают, словно они над водой летят, вокруг рыбы играют и плещут ся, круги так и ходят по воде — это рыбы играют, тут «дом а рыб» находятся. Хорошо. Однако Пейвальке ни на что не глядит, он Уточкой любит ся, на Уточку смотрит, Уточку только и видит.

Вдруг с неба за остров тень упала. Свет брызнул. Засияло все, свет от воды отражается, а откуда свет исходит, неведомо. Пейвальке внимания не обращает, едет себе и едет, веслом весело поигрывает да Уточкой любит ся. Остров обогнули, и тут-то воссиял из воды камень. Камень не простой, тот камень был медный камень. И лицо девицы Уточки, и берег дальний, и остров ближний — все осветилось светом этого медного камня.

Тут и закричал Пейвальке Уточке: «Смотри, смотри, краса какая перед нами открылась — медный камень явился, как огонь горит! Привернем, посмотрим, что за камень такой?»

Отвечает ему Уточка: «Ты мне обещал, что бы ни случилось, мы не видим, не слышим, не смотрим, мимо плывем».

Пейвальке смолчал, дальше поехали. Ехали, ехали, долго ехали, и опять тень мелькнула и за островом спряталась. И опять сияла земля: остров ближе — сильнее свет. Обогнули они и этот остров, а за ним камень лежит — серебром так и блистает, лучи летят в небо, небо серебром переливается, и берег и острова серебряными лучами играют, а и лес-то на острове серебряный, небывалый, так и хочется между тех серебряных елей и березок прогуливаться и веточки ломать, серебряные листья собирать.

Опять Пейвальке просит Уточку: «Смотри, как хорошо, тут бы нам и жить! Давай привернем!»

Девушка молчит, только смотрит с укором.

«Что тут делается? что творится? Ехал я себе, ничего такого не видел, а еду с тобой — погляди, дивные камни из земли поднимаются, светятся, нам дорогу освещают».

Девушка ему повторяет: «Что бы ни случилось — мы не видим, не слышим, не смотрим, незачем нам ехать к этим камням!»

И на этот раз послушался Пейвальке. И этот камень они миновали, остались позади камень медный и камень серебряный с его серебряным светом.

Дальше поехали.

Ехали, ехали, опять тень на остров упала. Долго плыли они, уже виден стал дом Пейвальке. Уже миновали его лучший «рыбный дом», как опять увидели: впереди свет лучами вверх летит, в небо стремится. И опять из воды камень растет, словно солнце сверкает этот камень. А камень-то не простой — чисто золотой, и свет от него идет золотистый. Все светится золотом — и берег дальний, и ближний остров, и лесок над ним, и даже вода золотится от этого света. А рыбы-то! Рыбы в озере плавают и тоже золотистые.

«Ну, уж этого камня я не миную! — воскликнул Пейвальке. — Около самого дома моего такое диво дивное живет, камень чистого золота лежит, а я буду мимо ехать и даже глазом не моргну. Не бывать тому!» А сам уж не на Уточку смотрит, а на камень глядит золотой, как на свой.

И он направил лодку к этому камню. Очень не хотелось Уточке приворачивать, но Пейвальке круто свернул лодку в сторону от прямого пути. Встрепенулась Уточка. Встала. Руки подняла, словно собираясь взлететь...

Только причалила лодка к золотому камню, как стало ясно, что не камень это, а сама Выгахке злая, сама подземная хозяйка перед ними. Это она прикинулась сначала медным, потом серебряным, а теперь золотым камнем, это она распустила по ветру свои волосы так, что страшно на небо смотреть... А Пейвальке-то видел их золотыми лучами.

Выгахке выскочила из воды, выхватила из лодки Уточку и в озеро швырнула, на ее же место свою дочку — Выгахкенийду ткнула.

Но Уточка была не проста, она еще и воды не коснулась, как превратилась в птицу летучую — в настоящую птицу. Не растерялся и Пейвальке — метнул он яички, одно за другим, прямо в Уточку. Уточка склонула одно яйцо и проглотила его. И другое глотнула, а третье-то не смогла, подхватила его на лету, удержала в клюве, а заглотнуть не смогла. Так и полетела с яйцом в клюве, домой.

Остался Пейвальке один. И поехал он домой не с Уточкой милой, а с дочерью страшной Выгахке. Это она, Выгахке злая, заставила его жить вместо Уточки с дочкой своей — Выгахкенийдой.

Ну и стали жить.

Уточка прилетела домой. Превратилась она в простую девушку человечью и зажила по-старому — одна. Два яичка она

носила в себе, а третье-то так и не могла проглотить, осталось оно снаружи, она его держала за щекой. Двум яичкам было тепло — они хорошо согрелись в животе-то у матери, а третьему за щекой было холодно. Пришло время, и Уточка поняла: скоро у нее будут детки. И правда, родила она трех сыновей — двое родились обликом человеческим, а третий-то не согрелся, не допарился за щекой у матери, так и остался яичком. Старшего сына она назвала Левушкой, второго Правушкой, а третьему имя положила — Недопарушек.

Уточка очень любила Недопарушка. Она берегла его и все боялась, что упадет он и разобьется, пропадет ее болезненный сынок. Дети жили дружно, росли хорошо, — крепкие выдались ребятки. И Недопарушек вырос — из маленького пестрого яичка он превратился в простое яйцо, только лицо у него стало в крапинку. Возмужали ребята и начали сами, без матери, ездить на озеро и ловить рыбу — ставили сети тут и там. С каждым годом они заезжали на лодке в глубину озера, забирались в такие места, где никогда еще не бывали. Заезжали даже за три острова, что издали видны были, словно летят они по-над гладью воды. Мимо «рыбного дома» не раз они плавали, где рыбы играют и плещутся. Так-то вот они ездили-ездили, а однажды заехали в далекий залив. Пристали к берегу, хотели рыбу поудить да ухи сварить, а тут-то на другом берегу домик увидели. Дом не простой, а вернее сказать, настоящие хоромы — и сени большие, и горницы по сторонам просторные.

В хоромах жил человек с женою, с той самой дочкой Выгахкиной. Сыновья не догадались, к кому они попали, не поняли, что в этом доме отец их живет. А отец не знал, что его дети к нему в гости пожаловали. Догадалась обо всем одна только Выгахкенийда.

«Ага! Это сынки моего мужа из яиц повылупились!» — сказала она и губами причмокнула от удовольствия, она задумала их съесть.

Выгахкенийда зазвала братьев в дом, напоила и накормила их. В горнице с печкой она сама им постелила постели. Спать их уложила и мехами сверху укрыла: «Спите, детки!»

А Недопарушку жарко стало. Он из мехов на волю выбрался. Братья его положили на печку, на шесток у печки, на ветерок, а сами смотрели — не свалился бы он, не разбился бы: они его берегли, они любили братца своего Недопарушку.

Уложили Недопарушка на шесток, а сами крепко уснули. Один Недопарушек не спит: он братьев своих стережет. Заприметил он, что дочка Выгахки недоброе затеяла.

Учуяла Выгахкенийда, что ребята уснули — она к двери легонечко подкралась и тихонько стукнула, а сама-то спрашивает: «Спят ли гости? Отдыхают ли гости?»

Недопарушек — он не спит, не дремлет, все видит, все слышит — отвечает ей: «Не спят гости, не отдыхают гости, готовят тебе калену стрелу, тебя убить собираются».

Выгахкенийда от двери ушла, — не спят гости, так и делать тут нечего.

Два раза так-то вот приходила Выгахкенийда и оба раза спрашивала через двери: «Спят ли гости, отдыхают ли гости?»

Недопарушек так же ей отвечал: «Не спят гости, не отдыхают гости, готовят калену стрелу, тебя, Выгахке злою, убить хотят».

Утром встали братцы рано, Выгахкенийда их в дорогу снарядила. Уехали они домой к матери и рассказали Уточке, что нашли они дом неведомой какой, а в горнице там меха и таково-то сладко спится. Недопарушек о том промолчал. Мать сразу догадалась, что это за дом такой, где тепло и сладко спится, и какой там старик с женою живет. Она им объяснила, какой это дом и что за хозяйка в том доме поселилась. Уточка сказала, что жена отца — женщина не простая, она дочь подземной хозяйки Выгахки злой, она Выгахкенийда, может их со свету сжить и загубить — не след им ездить в дом отца, к Выгахке злой. Захочет отец — он сам вернется к своим детям.

Настала осень, ночи пришли темные, холодные, дожди начались. А ребята рыбную ловлю не бросали, ездили на озеро, не ленились, рыбачили. Однажды пала непогода сильная, да еще мороз ударил трескучий. Довелось братьям повернуть к дому отца — отдохнуть в нем, обогреться, свежей ухи отве-дать, ночь скоротать.

И опять Выгахкенийда встретила их как добрая хозяйка, она и печку истопила в горнице, чтобы спать им было сладко.

И повалились братья в постели пуховые, мехом укрытые, а Недопарушка-то на шесток уложили. Пусть его лежит на покое, в ямочке, пусть его ветром проносит. А печка-то сильно истоплена. Жарко на печке. Братья уснули, а Недопарушку-то очень уж тепло, чересчур уж жарко бедняжке. Недопарушек начал угорать. Недопарушек начал слабеть, Недопарушек болезненный стал. А Выгахкенийда уже тут. Тут у двери стоит: стук, стук... и спрашивает: «Спят ли гости, отдыхают ли гости?»

Еле-еле мог ответить ей Недопарушек тоненьким голосом, едва-едва слышным: «Не спят гости, не отдыхают гости, калену стрелу готовят — тебя, Выгахкину дочку, убить хотят».

Однако Выгахкенийда услышала, что там Недопарушек ответ дает. Ушла она.

Мало-мало обождала — снова явилась и опять спрашивает: «Спят ли гости, отдыхают ли гости?»

Недопарушек услышал, жарко ему, задыхается он, но сипленьким голоском, совсем даже чуть-чуть только слышным, он прошептал: «Не спят гости, не отдыхают гости, калену стрелу готовят — тебя, Выгахкину дочку, убить хотят!»

Однако Выгахкенийда услышала шепот Недопарушка, отошла она от дверей. Обождала немного и опять к двери подкралась — тук, тук: «Спят ли гости, отдыхают ли гости?»

Теперь Недопарушек ничего не услышал. Он уже ничего не мог ответить... распарило его на горячей печке, обессилел он, занемог бедненький... ничего он не услышал, ничего уже сказать не мог, слов лишился. Недопарушек лежит, хочет сказать, хочет крикнуть, а даже вздохнуть он не может.

Тут-то Выгахкенийда в горницу вошла. Недопарушка проглотила, а двух ребят на мороз выбросила, — пусть про запас там лежат. Чуть не замерзли братцы Недопарушкины, однако не вовсе умерли.

Материнское сердце чуяло, что детям беда грозит, что Недопарушек задыхается, что плохо ему, что слова сказать он не может. Встрепенулась она, превратилась в утку и полетела в дом Выгахкенийды, в дом отца ее детей. Знала уже, куда ей лететь! Вошла потихоньку. Увидела постели, мехом покрытые, — подумала: «Там дети спят! А Недопарушек где?» Ста-ла искать Недопарушка. Нет ее сыночка любимого. Нет нигде яичка серенького в крапинку! Не нашла. Бросилась к детям: не тут ли он, среди братьев спит. А детей-то нет под мехами! Она на улицу выбежала, а сынки ее на крыше лежат — совсем замерзшие. Она их давай тормошить, разогревать своим дыханием. Ничто не помогало. Тут-то поняла она, что не живые они, замороженные. Пала Уточка на тела своих детей и начала плакать и рыдать, голосом причитать:

Убиты Левушка и Правушка!

А где же мой Недопарушка?

Сколько я учила, просила я, говорила —

Придет он, отец, придет, сам он приедет!

Не ездите вы в дом отцовский, неродимый.

В дом отца Выгахке вошла!

Выгахкенийда злая в доме том живет!

Не послушали мать, вы ослушались,

Сами себя загубили,

Загубили себя понапрасну!

Через все озеро услышал голос Уточки муж ее нареченный. Вернулся с охоты, прибежал домой и признал жену свою любимую.

А Уточка его укоряла:

Что же ты, муж мой дорогой,
Выгахкенийде злой послушный,
Послушный мужик, рыбак и охотник!
Что же ты не любил, не берег трех яичек моих,
Детей своих, сироток моих дорогих?!
Двое лежат в снегу неподвижные,
А Недопарушек милый! Где ты?
Недопарушка родного и вовсе-то нету в живых!

Отец нашел Выгахкенийду, она в амбарах спряталась, привел ее и сказал: «Сумела ты детей моих заморозить, теперь сумей же их оживить, а нет,— не можешь жизнь им вернуть? — я тебя самую сделаю такою, как они здесь лежат».

Выгахкенийда очень испугалась,— она дунула, она плюнула,— и старший, Левушка, ожил, встал, к отцу подошел с левой руки.

Дунула, плюнула Выгахкенийда еще раз, и второй сын, Правушка, ожил, с правой руки отца он встал.

А Недопарушек где? Где Недопарушек? Нет нигде Недопарушка! Проглотила его Выгахкенийда злая.

Братья прогнали дочку Выгахке. Отца они взяли с собою и поехали к себе домой, в дом матери Уточки.

Ну, и стали жить... Жаль, Недопарушка нет, жаль Недопарушка, жаль. Ой как жаль Недопарушка маленького, серого в крапинку.

89. ПИАЛКА МАЙНС

Старик со старухой жили. И старик пошел дрова рубить (у них ни одного ребенка нет). Старик пошел дрова рубить. Дрова рубил, березу как схватил, стеганул — и большой палец прочь. Старик порвал штаны, завернул палец и принес обратно старушке. Говорит, что большой пальчик... большой пальчик отрубил, так, старуха, возьми, тебе... растить. Положи в люльку, вот нам как бы ребенок будет, мой большой палец-то. Старуха взяла, в игольницу положила большой пальчик, купала, купала в теплой воде и положила. Старик со старухой прямо обрадовались: у них ребенок родился.

Ну вот. Пиалка уж большим стал... (Большой палец что растет? А стал разговаривать и бегать.) Старуха сшила яры, печок, шапочку. Саамский парнишка стал. А парнишка побе-

жал. Еще кису сшила старуха. Вовнутрь положила рисочки, пресные рисочки напекла, положила в кису. Парнишка побежал играть. А там у попа... коровы есть и лошади, зарод есть, сенной зарод. А поп сено возит... А парнишка вокруг зарода бегают, бросает: «На, тебе, сорока, печенье-еденье! На, тебе, сорока, печенье-еденье...» А там сороки летают. Зима. Сороки ют. Вот.

Поп ехал, ехал. Лошадь стоит. А там не видать. Не видно, а голос слышится. Человеческий голос. Поп пошел, посмотрел, тут Пиалка бегают. Пиалка бегают, киса с кисточками у него на плечах, в печке, в шапке. Взял поп и затолкал его в карман. У попа большой карман, а в кармане кошелек, в кошельке — еще... (все в одном и том же кармане) еще нож, а поп в большой карман положил кису парнишки и его с кисой совсем затолкал. Поп поехал, приносит такую игрушку, прямо, еще говорит, бегают. А он, Пиалка, взял, много не думает. У попа нож раскрыл, карман распорол — и вниз. Кошелек-то выбросил и нож, и сам спрыгнул. Вниз упал, подождал, он... его немножко встряхнуло. Встал, кису открыл, поповский большой кошелек затолкал и нож в кису. И пошел обратно, потащил. Нес, шел, принес домой. У дверей вежи говорит: «Папа, мама! Откройте двери: не могу попасть через порог даже». Старик со старухой открыли двери, а парнишка вошел. Парнишка пришел, через порог бросил кису (свою), а кисочка полна. Старуха говорит... Думает, что там в кисе у парнишки. А сам через порог отцу и матери говорит: «Я был у попа в кармане, у попа карман распорол, принес бумажник денег, не поповские деньги». Старуха совсем забоялась. Кошелек — большой. Полон-полон денег. Золото там, серебро и бумажные деньги, разные деньги. Теперь стали покупать еду, Пиалка говорит: «Я устал, лягу». Парнишка прилег, старик со старухой сходили купили разной еды и стали жить. Парнишка трое суток отдыхал, сидел и говорит: «Теперь пойду. Больше дома не буду сидеть». А старику со старухой жаль. Парнишка Пиалка уйдет, большой... такой сын: много денег принес. Сами боятся, что поп придет, так поймет, что у них поповские деньги-то. А парнишка пошел. Пошел, все те же рисочки мать в кису положила. И он пришел к тому же зароду. Потом стал бегать. А поп трое суток ездил, искал Пиалку. Не было нигде. Вот едет поп, а ребенок опять вокруг зарода бегают. У попа был сделан железный карман. Ребенок уж не уйдет. Положил парнишку в карман и поехал. Едет, все карман придерживает. Ехал, приехал домой, лошадь свою скорее привязал и говорит: «Вот теперь и привез. Подайте золотое блюдо, не надо серебряное». Поставили золотое блюдо и се-

ребряное блюдо, парнишка стал вокруг блюда, по краю, бегать и рисочки-то, кусочки, бросает: «О-о-о! Сорока, печенье-еденье! На! Тебе, сорока, печенье-еденье...»

Они до того смеялись. На это блюдо положат, на другое блюдо положат, весь вечер смеялись, смеялись и легли спать. Стали ложиться спать и замесили тесто, завтра напекут белого и станут парнишку кормить. Коров надоят, молока. Жена с попом легли, парнишку уложили между собой. Вот все легли: поповский сын лег с дедом, поповская дочь с кухаркиной легли, поп с женой (своей). Все легли и крепким сном уснули до конца зари. Он взял попу, поповские длинные волосы вместе связал. Поповского сына и деда вместе связал, а двух девиц-то длиннокосиц, и тех вместе связал. А потом пошел квашню принес, вывалил между ними. Окно открыл и в окно ушел.

День занялся. Не начался еще! Что-то зашлепало... Поп-то проснулся. «Ой, парнишка-то все... полно наложил. Старуха, убирай!» — велит, что, попадья, убери! Попадья зашевелилась: «Что тебебишь меня?» А поп говорит: «Ты что тебебишь меня? Надо у ребенка грязь убрать, ты меня тебебишь. Зажги свет», — дочери говорит. Дочь говорит кухарке: «Ты что меня тебебишь?» — «А ты что меня тебебишь?» Игной по двое вместе связаны, кто зашевелится, того и тебебит. Деду и сыну: «Вы встаньте, хоть вы!» И эти встать не могут: тоже вместе связаны. Дергались-дергались и развязались, проснулись. А парнишка, он еще до подъема ушел. Опять пришел к отцу, к матери обратно. У них уж день занялся. Парнишка квашню вывалил, оказывается, а самого нет, никакого парнишки нет. Пиалка убежал, вот. А пришел, потом больше не пошел туда. Стали жить с отцом, с матерью. Пошли в поселок, купили большой дом. Стали хорошо жить. Большой дом купили на много денег. Стали жить и до сих пор живут. И сказка вся.

90. О ДВУХ БРАТЬЯХ

В одной бедной семье жила самая красивая девушка. Но несмотря на ее красоту, молодые люди не сватались к ней — боялись породниться с бесчисленными бедняками из этой семьи.

Полюбил эту девушку один молодой саам и женился на ней, несмотря на все уговоры родных: не родниться с бедняками.

Стали они жить очень хорошо. Жили, жили, а родня жениха была недовольна браком, а еще больше тем, что они жили очень хорошо, так как они друг друга очень сильно любили.

Стали придумывать родственники, как бы поссорить саама с женой между собой, ворожили и колдовали, но все не помогало, так как муж и жена верили друг другу.

Вскоре стали ждать они рождения первого ребенка.

Еще больше обозлились родственники мужа, и когда наступила весна, они сговорились с Адзь, чтобы та помогла им поссорить саама с женой, обещая Адзь не убивать.

Адзь жила на берегу лесного озера с тремя дочерьми. Старшую звали Пяткоглазкой, так как у нее на пятках были глаза. Среднюю звали Смологлазкой, так как у нее глаза были большие и желтые, как смола сосны. Младшую звали Трехглазкой, так как у нее был третий глаз на затылке.

Когда молодой саам уходил в лес на охоту, то каждый раз злая Адзь шла его встречать, а потом уводила к своим дочерям и соблазняла его.

Так и заставила злая Адзь жениться его на старшей дочери. А когда охотник женился на дочери Адзь, то заставила Адзь молодого зятя выгнать из дома свою первую жену.

Вернулся охотник домой, взял и увел свою красавицу жену в лес и оставил ее на берегу озера, а вернулся домой, сказал, что первая жена от него ушла, а он нашел себе жену другую.

Все родственники охотника были рады, что избавились от бедной родни, а бедные родственники первой жены пошли на розыски ее, но не нашли. Так и забылось все.

А между тем красавица — первая жена охотника — скиталась одна на берегу озера. Ей не дали ничего взять с собой, она потихоньку захватила только несколько волокон из оленьих сухожилий. Стала она жить в лесу. Сучила из волокон оленьих сухожилий нитки, плела из них силья, куропаток ловила. Расставляла силья в лесу, ловила куропаток и этим кормилась.

Муж потом догадался, что он потерял свою первую жену от зависти родственников, да было уже поздно. Дочь Адзь — Пяткоглазка — так следила за мужем, чтобы он не ушел от нее, что своими глазами на пятках видела все, что делал муж, когда она стояла к нему спиной.

Потом высосала из своего мужа всю кровь, он умер. Адзь ушла из дома.

Красавица жена, брошенная мужем в лесу, сначала еще ждала его возвращения, но потом перестала ждать. Куропатки ловились плохо. Стала она голодать, ходить уже не могла, совсем обессилела.

Наступило время родов.

Поползла женщина по лесу, куда глаза глядят. Дорогой родились у нее два мальчика и стали плакать.

Недалеко от этого места стояла в лесу вежа, а жили в ней старик со старухой. Пошел старик в лес дрова рубить и услышал детский плач. Направился он по крику и нашел двух новорожденных мальчиков и лежавшую с ними обессиленную мать. Взял их всех и пришел к себе в вежу.

Обрадовались старики находке, говорят: «Вот и невестка у нас есть и два внука есть, хоть сына и не имеем».

Назвали они одного внука Василием, другого — Иваном.

Стали жить все вместе, стали старики воспитывать мальчиков. Стали мальчики расти. Росли они очень быстро. С малых лет уже выходили на охоту: сперва ворон стреляли, потом на всякую дичь охотиться стали, а потом и пушного зверя стали промыслять.

Выросли братья богатырями.

Сделали себе братья луки-самострелы из дерева, а стрелы из оленьих костей и прямых рогов и пошли в лес на охоту.

Было с ними по две собаки.

Шли, шли, шли братья. Попалась им какая-то тропинка. Пошли они по этой тропинке.

Шли, шли, шли. Подошли к месту, где тропинка расходилась на две. Захотели братья узнать, куда эти обе тропинки ведут. Решили они, что Василий пойдет по одной тропинке, а Иван — по другой.

Перед расставанием у распутия дорог воткнули они в землю железный нож и условились: кто первый вернется к этому месту, пусть посмотрит на ножик. Если он увидит, что лезвие заржавело, то это значит, что того брата уже нет в живых, если же с той стороны оно потускнело, то случилось с ним какое-то несчастье. Тогда брат должен идти выручать брата — живого или мертвого.

Расстались братья и пошли каждый по избранной им тропинке. Братья были меткими стрелками и сильными людьми. Все звери в лесу знали обоих братьев и поклонялись им. Братья потому и не убивали зверей, а брали только тех, которые были самими зверями им подарены — преподнесенными в жертву в качестве дани.

Идет Василий по тропинке. Встречает горностаю. Берет самострел, вкладывает костяную стрелу и хочет выстрелить в горностаю. А горностаю ему говорит: «Не стреляй в меня, Василий, а лучше возьми у меня моего детеныша».

Не выстрелил Василий в горностаю, взял у него детеныша и пошел дальше. А горностаю детеныш за ним летит.

Встретилась Василию белка. Захотел он выстрелить в белку, а белка ему и говорит: «Не стреляй в меня, Василий, я тебе своего детеныша дам».

Взял Василий у белки детеныша и пошел дальше. А белочка-детеныш за ним пошла.

Встретились потом заяц, куница, лисица, песец, россомаха, волк и, наконец, медведь. Все просили Василия не стрелять в них, и каждый отдал ему своего детеныша.

Идет Василий, а за ним по тропинке звери идут: горноста́й, белка, заяц, куница, лисица, песец, россомаха, волк и медведь, да еще своих две собаки.

Шли-шли они по тундре, по лесам, долго ли, коротко ли, стали звери большими и сильными. Но от Василия не отходили.

Не хотел Василий обратно возвращаться, пока не дойдет до конца тропинки. Хотелось ему узнать, чем кончается она. Однажды ночью, наконец, дошел он до конца тропинки. И увидел — большая сосна стоит и на сосне огонек горит, а на суку старая-престарая старуха сидит и веретеном нити прядет. Увидели старуху звери, закричали, стали бросаться на нее.

Подошел Василий поближе к старухе, а старуха в это время уронила веретено на землю. «Сынок, — сказала она Василию, — подай мне веретено».

Наклонился Василий, чтобы поднять с земли веретено, и сразу окаменел. В то же время окаменели и все звери, которые с ним пришли.

А Иван тоже пошел по своей дорожке. Ему встретились тоже звери, те тоже попросили не стрелять в них и отдавали своих детенышей. Дошел он до конца тропинки и ничего не нашел там. Оказалось, что это была тропа лесных оленей.

Вернулся Иван со своими зверями к тому месту, где дороги расходились и где был воткнут ими нож в землю.

Вынул он из земли нож, посмотрел на него и увидел, что та половина лезвия, которая была обращена в сторону Василиевой тропинки, вся была покрыта ржавчиной. Понял он, что с Василием что-то недоброе случилось, и пошел он по тропинке выручать своего брата. А вслед за ним пошли и все его звери.

Шел, шел, шел Иван. Пришел к тому месту, где большая сосна стоит. Увидел он, на суку старуха сидит, веретеном нитки прядет, а внизу на земле его брат окаменелый стоит, а вокруг брата стоят его звери, тоже окаменевшие.

Разозлились Ивановы звери на старуху, бросились на дерево, грызут ствол, ломают сучья, рычат. Хотят разорвать старуху.

А старуха с сука говорит Ивану: «Уйми своих зверей».

Отвечает ей Иван: «Нет, не уйму. Довольно того, что ты взяла моего брата и зверей. Меня ты не возьмешь!»

Взял он палку и сшиб старуху с сука. Упала старуха наземь. Набросились на нее Ивановы звери и разорвали ее на куски.

Поднял Иван над корнями сосну. Нашел там деревянную посудину с водой. Обрызгал этой водой брата и всех его зверей.

И ожил брат его, ожили и все его звери. И пошли братья назад, а за ними пошли их звери — парами. Горноста́й с горноста́хой, белка с белкой, куница с куницей, лисица с лисом, песец с песицей, волк с волчицей, а медведь с медведицей, да еще четыре собаки.

По пути пары свернули с тропы, каждая пара у своей норы, у своего гнезда, у своего дупла, у своей берлоги, а собаки все пошли с братьями.

Пришли братья домой. Встретили свою мать живой и здоровой, а старика со старухой уже не было. Оба они давно умерли, пока братья охотились.

Стали братья жить с матерью и по-прежнему ходить на охоту.

91. КАК СААМ НА НЕБО ПОПАЛ

Жил один саам, очень любопытный был. До всего допытывался, все ему знать надо было. Раз как-то, глядя на небо, задумался саам — захотелось ему узнать, как высоко небо. «Не иначе узнать это можно, как если на небо попасть», — заключил он и стал размышлять, как бы ему попасть туда. Долго думал, наконец выдумал. Встал, захватил в пырту топор и рубанок и отправился в лес. Здесь, выбрав вблизи небольшого озера гладкое место, срубил деревину и начал строгать ее. Настрогал целую кучу стружек, принес рогожу, смочил ее и мокрой рогожей прикрыл стружки. Потом поджег стружки и сам вскочил на рогожу. Яро начало тащить вверх. Тащило его, тащило, до неба дотащило. Тут саам скорее ухватился за край неба, да и влез на него. Ходит по небу, место ровное, жителя никакого нет. Бродил, бродил он по небу, утомился, поесть захотелось — а назад скочить страшно.

Промышлял в ту пору бог ярусом, ярус вытащил, да и ушел. Видит саам — ярус мокрый висит. Недолго думая, взял он ярус, да и скрал его. Один конец яруса прикрепил он за край неба, а другой спустил вниз до тех пор, пока ему не показалось, что он дошел до земли. Тогда саам начал по яру-

су спускаться, да оказалось, что не хватает до земли сажен пятнадцать. Увидел саам — близко земля, да скочить вниз не решается. Обвязал он себя тогда ярусом и стал висеть. Висел-висел, вдруг ветер пал, стало раскачивать его, да так в конце концов раскачало, что замелькали под ним леса, озера, реки, киндеши. Когда ветер начал стихать, саам стал высматривать, где место помягче, чтоб спрыгнуть. Проносясь над гладким местом, он отвязал веревку да в стоячем положении и полетел вниз. Угодил он в самую дрябь болота и завяз в нем по шею, только голова одна и выдается над болотом, где тут выберешься.

Дело это весною было. Летали звонухи и разные другие птицы, прилетела и лебедь. Увидела лебедь голову и начала на ней гнездо делать. Когда состроила гнездо, посадила она туда яйцо, потом другое, третье. Случился тут волк недалече, почуял гнездо и прибрел к нему. Тихо сидит саам, не шелохнется. Поел волк все яйца и стал гнездо ворошить. Уж он драл, драл голову саама, больно тому, а крикнуть-то не смеет. Не найдя больше яиц, волк ушел. Остался саам один и думает: «Как придет волк еще раз, схвачу его зубами за хвост — не выдернет ли?» Волк вскоре опять прибежал к голове, как стал проходить мимо рта — тут саам и вцепился ему зубами за хвост. Больно стало волку, заревел, прыгнул, да и вытащил саама из болота. Так напугался волк, что скорей в лес. Вздыхнул саам, промолвил: «Слава богу!» — и пошел домой. Тут рассказал он народу все как было и рассказ свой закончил такими словами: «Нет, не надо гадать, высоко ли, низко ли небо. Вот волку спасибо — выручил, а то бы совсем пропал!»

92. ПОГОСТ

Жил в погосте человек Михайло Петрович.

Он хвалился односельчанам: «Я могу принести солнце». Собрались жители погоста на собрание и говорят Михайло Петровичу: «Если ты можешь сходить к солнцу и принести его, то мы тебя совсем освободим от работы, не будем больше заставлять тебя работать. Пойди к солнцу».

И он пошел к солнцу. Пошел, шел-шел-шел.

Попадаетеся ему на тропинке изба. Подходит он к той избе. В избе живет женщина, спрашивает его: «Куда идешь?»

«Я иду к солнцу», — отвечает он.

«Тебе не попасть к солнцу», — говорит ему женщина.

А он ей говорит: «Я попаду к солнцу».

Женщина говорит ему: «Принеси мне ковш воды».

Пошел Михайло за водой, пришел к колодцу, видит, в колодце мертвый человек лежит.

Не взял он здесь воды, пошел к другому колодцу. В другом колодце рука мертвого человека. Нечего делать, зачерпнул он воды и пошел назад.

Пришел в избу, говорит женщине: «Возьми воду». А женщина говорит: «Спасибо». Он на это отвечает: «Ничего» — и стал расспрашивать женщину, как ему добратся до солнца. Женщина говорит ему: «Здесь надо идти, я покажу тебе дорогу».

Вышли из избы на улицу. Она показала ему дорогу. И он пошел вперед. Шел-шел вперед. Встретилась ему изба. Он вошел в избу, в избе ходит женщина, спрашивает его: «Куда идешь?» «Я иду к солнцу», — отвечает он.

«Тебе не попасть к солнцу», — сказала женщина и ушла. Потом вернулась с двумя кусками каленого железа и сказала: «Возьми их в руку». Мужчина сказал: «Спасибо». Женщина на это говорит: «Не надо ничего, не будет ничего» — и унесла каленое железо назад.

Накормила она его и рассказала, как надо идти: «Пойдешь, встретится тебе на пути озеро. На том озере есть остров, а на острове дом. Ты не сможешь попасть туда, потому что в озере не вода, а патока. Но ты поддень большим пальцем патоки и положи в рот».

Он пошел. Шел-шел.

Встретилось ему озеро. Смотрит он: на озере остров, на острове дом. Поддел он большим пальцем патоки и положил ее в рот. Тогда озеро все высохло и от него не осталось ничего.

Пошел он к дому, пришел в дом. А дом был двухэтажный. Зашел он в нижний этаж, там ходит женщина. Спрашивает у него: «Куда идешь?»

«Я иду к солнцу», — отвечает он.

Потом спрашивает женщину: «Можешь ли ты помочь мне достать солнце?»

Женщина на это отвечает: «Солнце — мой двоюродный брат, а я — его двоюродная сестра». И добавляет: «Не ходи к солнцу, я тебе сама принесу солнце». Женщина ушла, а он остался ждать ее. Долго ждал: наелся, напился, выспался, встал.

Пришла женщина, принесла ему плетеную коробку, подала и сказала: «Положи коробку в карман, носи ее и не открывай».

Пошел Михайло Петрович назад, домой в свой погост. Шел-шел-шел. Пришел в избу, где давали ему каленое желе-

зо. Женщина у него спрашивает: «Дошел ли ты до солнца, достал ли ты солнце?»

Он не хотел ей говорить правду и ответил: «Я не мог достать солнца».

Выспался он в этой избе, а утром пошел дальше. Шел-шел-шел. Встретилась ему изба, он зашел в избу. Женщина спрашивает у него: «Дошел ли ты до солнца?» А он ей отвечает: «Я не мог попасть к солнцу!»

Переночевал он в этой избе, а утром пошел домой. Пошел. Шел-шел-шел.

Пришел в свой погост.

Встретили его, собрали общее собрание. Пришел он на собрание. На собрании его спрашивают: «Удалось ли тебе принести солнце?»

Он отвечает собранию: «Я принес солнце». А собрание ему на это отвечает: «Почему же солнце по-прежнему находится на небе?»

На это он отвечает: «Я не целое солнце принес, а только один кусочек его. Пойдем посмотрим на солнце и увидим, как оно качается. Это оно качается потому, что оно не целое. У него не хватает кусочка. Этот кусочек у меня».

Пошли, посмотрели, увидели — солнце действительно качается на небе. Вернулись все в избу.

Тогда говорит собранию Михайло Петрович: «Закройте все окна черной материей и затворите плотно двери. Я сейчас выпущу солнце». Он достал из кармана коробочку и открыл ее. Тут солнце мгновенно поднялось к потолку, и в избе сделалось очень светло и очень жарко. Кто-то не выдержал жары и открыл немножко дверь. В это время сквозь приоткрытую дверь солнце исчезло из избы.

«Кто открыл дверь? Кто выпустил солнце? — спрашивает Михайло Петрович. — Пойдемте теперь на улицу, посмотрим на солнце. Оно теперь не качается, потому что оно теперь целое, у него уже нет выщербленного места».

Вышло собрание на улицу, смотрит на солнце: действительно, солнце не качается и нет у него выщербленного места. Вернулось собрание в избу, стали спрашивать: «Кто открыл дверь?»

Спрашивали, спрашивали, нашли того человека, который открыл дверь.

Осудили того человека — тридцать пять лет работать на мир.

А Михайла Петровича наградили медалью.

Тот человек, который выпустил солнце из избы, и по сей час работает.

Жил-был мужик. Он бедно жил. Он думал, как бы к солнцу попасть. Он пошел, шел, шел несколько дней, пришел к путас, через реку кит высох, будто дорога, будто мост через реку; по китовой спине ходит народ; пребольшинская дорога, словно улица. Он пошел по спине кита. Кит и спрашивает: «Куда ты, хороший человек, пошел?» Он отвечает: «К солнцу пошел». Кит говорит: «Когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я высох и не могу выйти». Он шел, шел опять — видит, две женки из проруби воду черпают у озера. Спрашивают: «Хороший человек, куда ты пошел?» Он отвечает: «К солнцу иду». Они и говорят: «Когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи мы черпаем третий год, а из проруби воды не убавляется, не прибавляется». Он пошел, шел несколько дней; попадает в избушку, в той избушке старик со старухой живут, тоже третий год. Спрашивают его: «Куда ты, хороший человек, пошел?» Он отвечает: «К солнцу иду». Они и говорят: «Спроси у солнца, за какие грехи мы третий год живем: ни есть, ни пить нечего». Шел, шел, пришел на берег, пришел к реке, там старик постоянно на карбасе ездит, перевозит; старик старый, волосы седые, длинные, борода белая. Старик спрашивает: «Куда ты, хороший человек, идешь?» Он отвечает: «К солнцу иду». Старик карбас повернул кормой к берегу, мужик сел. Старик говорит: «Тяжело мне порато перевозить, порато тяжело; придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я перевожу». Опять шел, шел, пришел к лесу; в лесу избушка, в той избушке девочка маленькая живет, у девочки груди большеинские, больше ее. Она и спрашивает: «Куда ты, хороший человек, идешь?» Он говорит: «К солнцу иду попадать». Она баню истопила, напоила, накормила его. Он ее спрашивает: «Нет ли подводы какой?» А она дала палочку и говорит: «Куда эта палочка идет, туда ты вслед иди». Он шел по палочке: куда палочка, туда и он. Он шел, шел, палочка и пришла к избушке и назад поехала. В той избушке девушка (большая) сидит: на левом боку платья нет — совсем голо. Она спрашивает: «Куда ты, хороший человек, идешь?» Он говорит: «К солнцу иду». Она накормила его, а он говорит: «Не дашь ли ты мне подводу?», а она дала лошадь: «Куда лошадь идет, ты туда иди», — и сани дала. Он шел, шел, пришел к избушке. Он остался, а лошадь сама поехала назад. В избушке старушка живет, у старушки груди большие. Она спрашивает: «Куда ты...?» Он говорит: «К солнцу иду; нет ли подводы, не знаю, куда к солнцу идти». А она говорит: «Будет первая избушка, там солнцева мать живет». Старуха дала

клубок мужику: «Куда клубок идет, туда и ты иди». Клубок шел, шел, пришел к избушке. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клубок этот по дороге назад пошел. Он пришел в избу, там женщина, не очень старая, ходит, красивая: волосы растрепаны, на правом боку голая, только как жар горит правый бок. Она спрашивает: «Куда ты...?» Он отвечает: «К солнцу иду». Она как схватит его за руку и говорит: «Пойдем посмотрим со мной, каково солнце». Она вела его, вела, пришла в темную комнату, нигде света нет; она ушла. Он там сидел, сидел, потом светло сделалось, солнце запекло, жарко так. Потом вдруг темно опять сделалось. Как темно сделалось, идет эта женщина, за руку мужика взяла и повела опять в свою избу. Привела в избу и спрашивает: «Видел ли ты солнце?» Он отвечает: «Я видел». Она ему свою грудь показывает: «Видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая». Он пощупал — горячая-горячая. Она ему дала золота, серебра много. Потом он стал расспрашивать: «Кто эти женщины, которые мне давали подводы? Кто эта старушка, что мне дала клубок?» — «Это мне старшая дочь». — «Кто эта, которая мне лошадь дала?» — «Это моя средняя дочь». — «Кто эта, которая мне палочку дала?» — «Это мне младшая дочь». «За какие грехи, — говорит, — старик поставлен перевозить, ведь ему тяжело». Она говорит: «Старик посажен за то, зачем он кормой на берег пристаёт: это грех непростительный». «Еще, — говорит, — старик со старухой живут третий год, живут ни есть ни пить не могут: за какие грехи мучаются?» Она ему отвечает и говорит: «Не будет им прощения за то, что они у народа много денег украли: они век свой будут жить в этой избушке». Опять мужик спрашивает: «За какие грехи женщины из проруби воду черпают?» Она и отвечает: «За то, что они вином торговали и молоком и водой наливали вино и молоко, им тоже прощения не будет вовек». Потом он опять говорит: «За какие грехи кит высох через реку?» Она говорит: «За то, что кит порато много народа покрал и карбасов и шняк — за то, если народ он весь найдет, который проглотил, то выйдет из этого места».

Он и пошел домой: никуда уж не заходил и пришел к берегу, где старик кормой пристаёт. Он и говорит, когда старик его перевез: «Зачем ты кормой пристаешь, а приставай носом: кого свезешь, тот и останется, а ты выйдешь». Старик с тех пор стал носом приставать. А тот к той избушке пришел, где старик и старуха живут. В избушке никого, ни старика, ни старухи нет — они ушли и умерли. Потом пришел к женщинам, что воду черпают. Женщины и спрашивают: «Что нам будет?» Он и говорит: «Ничего вам не будет — подливали во-

ду в молоко и в вино». Он опять пошел, пришел к киту. Кит спрашивает: «Хороший человек, что мне будет?» Он говорит: «Если всех, которых проглотил, найдешь, тогда выйдешь из этого места». Кит пошел искать, всех нашел и вышел из этого места. Этот мужик пришел домой к матери, к отцу. Отец да мать обрадовались. Он стал благословения просить жениться: «Дадите ли жениться на ком-нибудь?» Они благословили. Он и женился на девке на бедной. Они стали торговать, лавку заправили и стали торговать. И сказка вся.

94. СААМ НА НЕБЕ

Саам все думал: небо-то близко, как бы мне туда попасть, на небо. Взял вырубил лесину и стал строгать стружки. Строгал, строгал и настрогал большой костер. Потом закрыл его мокрой рогожей и эти стружки зажег. Стружки загорелись, а он и выстал на рогожу; жаром его вверх поднимать будет, вот какой расчет имел. Его и стало поднимать дальше и дальше. Ну, по небесам ходит, живет, народу никого нету. Неделью прожил, скучно стало, что земли не видать. Ходил, ходил, нашел у бога ярус и видит, что ярусов много наложено у бога, а бога самого нету. Думает: я свяжу и спускать буду и хватит до земли. Спустил все яруса, рассчитал: это должно хватить до земли. Привязал за дерево большое. Спускался, спускался. Не хватает на полверсты, не больше. Качает ветер над долиной и над горами носит. Понесет над долиной — все города видны и все деревни. Кричит. Прикатилось такое время, земля, гладкое место. «Развяжу узел». Развязал, только уши запели. И угодил он в дрянь (болото) по грудь и с руками, вылезть не может. Весной налетели разные птицы. Прилетел и лебедь... видит, на болоте сено. Но у лебедя известно: где бы нашел кусочек, тут и гнездо делать. Плавал, плавал, видит — клоч. Лапками огладил, пришел с берегу земли, яйцо положил, другое, третье. И начал парить. Вдруг бежит волк, чует гнездо, а попасть не может. Волк прибежал, лебедя не было, яйца съел, гнездо разворотил, а саам как зубами сцапит за хвост! Волк как прыгнет, его из дряни выдернет. Так и вышел. Пришел и рассказывает: «Нет, ребята, не нужно попадать на небо». И с тех пор охотники-саамы не стали хотеть на небо попадать.

95. ДВА БРАТА

Прежде когда-то жили-были два брата. Один был богатый, второй бедный. Бедный никогда не ходил по делу к богатому брату, потому что тот был очень скупой. Об этом и го-

ворили люди: «У него углей из печки не достанешь». В гости к брату сходить стыдился.

Пришла пора, у бедного огня даже не стало, нечем было огонь развести. Люди в этой местности не ужились, ушли кто куда. Откуда мог знать бедный человек, где теперь они, эти люди? А богатый брат недалеко жил, бедный брат и знал — знал, где находился брат. Сидел человек, думал: идти ли ему к брату, спросить у него огня, в холодной избе нельзя жить, надо нагреть. По-другому нельзя, одному ничего не сделать, искать огня где-нибудь — не годится.

Все же пошел к брату. Пришел, брат только-только из-за стола вылезает, наевшийся. Тогда бедный брат видит, что углей горящих много, только что обед был, говорит: «Брат ты мой, брат, дай мне огня достать, горячих углей... Избенка не-топленной стоит, никак огонь не могу достать, не у кого больше спросить». Тот даже разговаривать не стал с бедным своим братом, велел прогнать из дому.

Пошел человек от своего брата прочь, только не в дом свой, а в ту сторону, куда ушла последняя семья. Шел, шел человек по лесу, длинное ли, короткое расстояние прошел — только он слышал, что как будто кто-то из живущих есть. Остановился, послушал, посмотрел в ту и другую сторону, вперед получше посмотрел, не выйдет ли кто-нибудь. Слышит, что кто-то дрова рубит. Пошел вперед. Вскоре стал видеть огонек, а у огня старичок похаживает. Обрадовался человек, что было духу пустился бежать. Прибыл. Старичок спрашивает у него: «Что с тобой случилось, сынок, ты с неба свалился, раньше ты не приходил...» — «Знаешь что, дедушка, я давно хожу по лесу, прошел не одно озеро в обход, шел и нигде не мог найти огня, ни одно селение не встретил». Сам подумал о своем брате; плохо-плохо ему стало на душе, чуть-чуть не заплакал. «Вижу я, тяжело тебе, какая-то печаль есть у тебя, помимо этого... Можешь — скажи, нет — как надо сделать». — «Есть у меня брат, очень богатый, также скуп. Не говорю о кресале, о спичках: деньги стоят, а угли... Горячих углей не дал, слова не сказал мне, велел меня на улицу толкнуть. Только я его имени не скажу. Пусть, какой есть, один я с ним не могу ничего сделать». — «Сынок, сынок, возьми мой горшок, подай мне».

Наложил он тогда углей до полна. Отдал это человеку и сказал: «Не бросай где-нибудь на тропинке, иди, в руках держи до самого дома». Взял человек в руки гостинец, пошел.

Идет, несет. Не горяч горшок, а давно уже должен был стать горячим. Близок уже был дом, рукам стало горячо, поч-

ти обжигать стало. Еле-еле успел открыть дверь, бросил горшок, он разбился. И много-много кусочков горшка стало. Но это не главное, это не сразу заметили. Угли эти рассыпались и превратились в золото, сколько-то угольков осталось на черепках горшка.

Разбогател и этот брат.

Об этом узнал старший брат и сам пришел в гости: «Ну, мой брат, мне сказали, что ты разбогател. Не можешь ли сказать мне, как?» — «Что ж, можно...» И все, что было и что стало, младший брат поведал старшему. Старшему брату это и нужно было, очень хотелось достать золота. И теперь такая возможность! Вряд ли он не возьмет? Неужели отказаться? Пошел и он в лес. Идет, плачется, что ему мало дано. Пришел он к тому же старичку, запросил огня. Старичок узнал его, положил в такой же горшок углей и дал ему. Пошел и этот домой. Идет, несет горшок, а руки еле удерживают. Видит, что дом его близко, побежал мужик бегом. Бежит, а сам про себя думает: «Только бы в дом мой принести...»

В самом деле успел, только вошел, горшок — с рук, об пол так стукнулся, что одни осколки остались на полу. А мужик еще посиживает в ожидании появления золота. Между тем огонь через щели пола стал проникать в комнату, дым повалил, делать было нечего, надо было тушить пожар. Сколько людей тушило-тушило — потушить не смогли.

Так и сгорел дом и вещи. Бедным стал этот брат. К кому мог идти он? Только к брату. Так и сделал, пошел, на уме — только сам о себе думает. Пришел к брату, вошел в дом, слова не может сказать. Потому ли, что очень стыдно было у когда-то бедного брата есть, а умереть, наверное, не даст. Сам про себя думает. Сидит, ждет, как брат на стол кладет еду, позже и его усадит есть.

И вправду накормил, напоил его брат и спать уложил. Старший брат тогда только хотел сказать, что теперь он бедный стал, у него нет что-нибудь постелить под себя, нечем укрыться, нет чего есть, нечем ребятишек кормить, собаке косточки не может бросить, сам только и смотрит, как дальше жить, возможно, нужно будет с собаками брата пищу делить, если брат допустит это. Не посмел сказать о своей бедности и наутро, когда встал.

Проходит день, второй. Брат сам не может сказать. Тот уж сам узнал о случившемся. О том, как у него не стало жены, людей, которые с ним жили. Только можно сказать о тех людях, что они были настоящими, потому что из огня достали детей его. А эти ребята стали людьми, и какими людьми! О них тоже сказки есть.

А эти братья жили до конца жизни и никогда не ссорились, одинаково работали, одинаково детей своих кормили, на ум наставляли, к работе приучали и долго-долго жили, если доньне не живут они.

◆ 96. ПРО БЕДНОГО И БОГАТОГО ЛАЗАРЕЙ ◆

Жили-были два брата. Один брат не любил другого. Вот поехали они на пароходе. Ехали-ехали, смотрят, на камне человек сидит.

Богатый Лазарь говорит: «Если на камне нет человека, тогда я тебя оставляю на этом камне». Пароход подошел к камню, богатый Лазарь смотрит, на камне человека нет. Богатый Лазарь оставил бедного брата на камне, сам поехал дальше...

Бедный Лазарь сидит на камне, смотрит — доска. Пошел по доске, смотрит, остров вырос. Он пошел через лес, видит, в лесу избушка стоит. Лазарь вошел в избушку, ему навстречу вышел старик с белой головой и белой бородой. «Куда идешь, добрый человек?» — спросил старик. Лазарь говорит: «Мы ехали с (моим) братом на пароходе, ехали-ехали, я заметил на камне человека, я вижу, а брат не видит. Брат говорит: «Если человека не будет на камне, тогда я тебя оставляю». Мы подъехали к камню, смотрим, человека нет, брат меня оставил на камне, а сам поехал. Я плакал-плакал и увидел доску. По доске пошел, вижу, вырос остров, через лес пошел, увидел избушку». Старик говорит: «Я был на камне». Лазарь заплакал и говорит: «Как теперь я попаду на берег?» А старик говорит: «Не плачь, не плачь, я тебе помогу».

Ну, ладно. «Ты пойдешь на берег, там стоит большая сосна, ты влезь на эту сосну и жди, когда придет большая волна и придут люди, положат под сосну хлеб-соль, скатерть и начнут ждать одного человека. Когда тот человек придет, они начнут говорить, как народ живет в России, а ты закричишь: «Много ли у тебя силы?» — они испугаются и побегут в воду, ты возьмешь эту скатерть и будешь знать, как народ в России живет».

Ну, ладно. Лазарь пошел на берег и влез на сосну, сидит и смотрит. Волна зашевелилась, волна шла, шла, шла, там начали выскакивать люди и все расположились вокруг сосны, положили хлеб-соль, скатерть и начали ждать самого главного водяного. Смотрят, волна идет, кружит, шла, шла к берегу, как гора. Сел он к скатерти, а они начали спрашивать: «Как народ в России живет?» А он, водяной, говорит: «Все живут хорошо, только народ без хлеба погибает». А они спрашивают: «Можешь или нет сделать так, чтобы хлеб был?» — «Мо-

гу». — «А как?» — «А вот так: была лихая баба (ведьма), а у нее под корнем зуба остался кусок хлеба, ее нужно испугать, и достать тот кусок хлеба, и тот кусок хлеба посеять в поле, и хлеб пойдет». Ну, ладно, что еще там? «Там еще народ без воды погибает». — «А можно или нет достать воду?» — «Почему нельзя, можно». — «А как?» — «Там есть большая толстая осина; осину нужно повернуть с корнями, или срубить, или вырвать; под ней покажется озеро, от озера пойдут реки, и вот пойдет вода».

Ну, что еще там? «А там (в России) болеет царская дочь, чуть заболит, царь заставляет народ караулить; кто пойдет, обратно не вернется. Утром одни кости остаются». — «А можно или нет ее вылечить?» — «Можно. Нужно человека, чтобы он положил что-нибудь в котел и зажег под вечер, а дочь будет лежать на кровати, когда тот чудище дверь откроет и испугается; а дочь нужно взять с кровати. Он придет, поищет, чтобы дочь взять, дочери нет, он начнет задыхаться и убежит, а ты залезешь на печь. Если три ночи так покараулишь, тогда царь отдаст дочь; этот водяной живет у царской дочери». Ну, что еще там? «Девушку в баню отведи и отстегай, всю вычистишь ее, отстегай, больше никак не вылечишь. Сперва девушка вырастет, потом царь ту девушку замуж выдаст, потом свадьба у них будет». Так и стало.

Они начали есть, и когда не осталось ничего, тут Лазарь закричал. Они все в море прыгнули. Вот он спустился вниз, взял скатерть, сел сверху и сказал: «Вези меня туда, где народ без хлеба погибает». Скатерть вот полетела, отвезла в село. Он попросился в избу. Баба его накормила, а хлеба нет. «Почему хлеба нет? Почему без хлеба живете? Не знаете, как хлеб делать? А я знаю: у вас есть лихая баба (ведьма), надо знать». А они говорят: «Знаем». — «У той бабы в корне зуба остался кусок хлеба, вот поэтому хлеб и не растет у вас. Если у этой бабы кусочек хлеба взять и посеять, тогда начнет хлеб расти». Вот баба побежала, всем рассказала, как хлеб делать, вот начальство собралось, а она им рассказала, как хлеб делать: у той бабы нужно взять хлеба кусок и посеять в поле, тогда у них начнет хлеб расти. Ну, ладно.

Тут достали у старушки кусок хлеба, бросили обратно. На поле посеяли кусок хлеба, и вот хлеб вырос, вот диво-то для всех! «Что возьмешь?» — говорят они. — «Ничего не надо», — отвечает он. — «Раньше хлеба не было, народ (хоть) с голоду погибает, спасибо хоть за это». Вот поели хлеба, побыли, он сел на скатерть и полетел. Вот пошел туда, где без воды погибают, заходит опять к бедной старушке. Она накормила, хлеб есть, рыба есть, а воды нет. «Как, бабушка, без воды жи-

вете?» — «Нигде воды нет, ты не знаешь, как воду делать?» — «А я маленько знаю». Бабка побежала народ собирать, вот они спрашивают: «Как воду делать?» Он говорит: «В таком-то месте есть осина, надо ее с корнями вырвать, и тогда вода пойдет». Вот пошли, дернули; вот вода пошла по озерам и по рекам. Все бросились воду пить, вот воды напились, его благодарят: «Что тебе нужно?» — «Ничего не нужно». — «Спасибо, хоть указал место, где воду брать». Ну, ладно. Попили, поели, он пошел, на скатерть сел и поехал туда, где народу много погибает, там царь заставляет караулить, вот.

Он на скатерти прилетел к одной старушке. У нее есть один сын. Бабка накормила Лазаря, а сама плачет. «Почему, бабушка, плачешь?» — «Как не плакать: к моему сыну повестка пришла караулить царскую дочь, никто обратно наверх не приходит; кто идет караулить — одни кости собирают, а мой сын что сделает, его тоже съедят». Ну, ладно. «Я вместо твоего сына пойду, только я у царя спрошу, пусть даст дочь, если не даст царь, то как хочет». — «Если не вылечишь, то мой сын все равно пропадет». «Если кто может вылечить мою девушку от болезни, — царь тогда говорит, — за того замуж отдам». Бабка еще говорит: «Все равно не вытянешь, мой сын пропадет». «Если царь отдаст дочь, то я пойду», — говорит Лазарь. Бабка побежала, рассказала царю: так-то и так-то, пришел человек и взялся он девушку спасти, он девушку вылечит от той болезни. В первый раз нужно три пуда лекарства, во второй раз два пуда лекарства и третий раз один пуд лекарства. Царь говорит: «Что это за человек, нужно его узнать». И еще говорит: «Если ты мою дочь спасешь от той болезни, то будешь жить, много людей съел див (чудовище). Вылечишь девушку, то отдам ее замуж за тебя». Лазарь говорит: «Если дашь в первый день пуд лекарства, во второй день пуд лекарства и в третий день пуд лекарства, тогда вылечу ее».

Вот он взял пуд лекарства и пошел в дом, а девушка на кровати лежит. Они говорили, говорили. Девушка и говорит: «Тебя все равно черт съест». Вот он принес железный котел, налил туда лекарства. День стал меркнуть. Лазарь приблизился, девушку схватил с кровати; котел зажег, дым пошел, набралась полная изба, а сам на печи сидит. Вот шум пошел к двери, пошел, влетел, а девушки на кровати нет. Дыму полно (есть). Он обратно побежал, вся земля трещит. Вот утром встали, царь говорит: «Идите кости собирать от него. Вся земля дрожала, дом дрожал, рама чуть не вылетела». Пошли они к девушке, а они говорят и похаживают. Девушка на кровати, а Лазарь ходит и разговаривает. Те пришли и говорят:

«Ты живой, а царь хочет кости собирать». Вот сам царь пришел и говорит: «Девушка живая и ты живой».

Вот день к вечеру склонился. Царь людей отослал, нечего делать. Сам Лазарь девушке говорит: «День опять к вечеру пошел». Один пуд лекарства принес, поджег, дыму полная изба, а сам на печь забрался. Вот тот черт опять пришел, дверь чуть не вырвал, котел опрокинул, дыму полно, а ему девушка нужна, ничего не видит, он и убежал. Вот Лазарь пошел, узнал, что в эту ночь больше не придет, потушил, девушку взял, пошел к царю и там вот был. Опять ночь пришла, царь пришел, они живы были и ушел тогда, когда полдень стал. Они принесли пуд лекарства, вот лекарство принесли и в большой котел положили и зажгли, напустили полную избу дыма. Огонь разгорается. Лазарь опять на печь влез, сидят у стены, к стене прижимаются. Еще ночь не настала. Народ весь по избам заперся. Вот земля трещит, трещит. Он, черт, вошел в избу, дверь вырвал, вбежал в избу, не видно ничего. Пошел к девушке, девушку не мог найти, пошел обратно, котел перевернул и обратно побежал, только огонь языком за ним летит вверх и окна дребезжат.

Он сказал: «Больше за тобой не приду», — и убежал. Вот Лазарь вскочил, котел потушил и пошел к девушке, говорит: «Подождем, когда солнце взойдет». Царь послал кости собирать; они пришли, смотрят: девушка жива, и Лазарь жив. Пошли сказали царю. Царь говорит: «Не верю», — и сам пошел посмотреть. Царь спрашивает: «Теперь как больше не придет, значит, водяной?» А Лазарь говорит: «Водяной больше не придет». — «Значит, баню нужно вытопить и тебе с девушкой идти в баню». Царь говорит еще: «Если можешь девушку поднять на ноги, ты возьмешь ее». И еще царь спрашивает у девушки: «Пойдешь с ним в баню?» А девушка говорит: «Если начнет лечить, то пойду, вот если ты сможешь вылечить, то пойду замуж». Вот вытопили баню, горячий жар пошел в баню, там была не то кровать, не то табуретка и железная плетка. Он взял железную плетку и бьет. Там мыши, звери и всякая нечисть. Все разорвал. Кровь, гной там были, вот кожа показалась; все снял. Девушка встала. Стегал, стегал, стегал, стегал еще, все снял. Крови нет больше. Он взял, водой ее поливал, поливал. Вот оба оделись и пошли обратно, пошли и вошли в тот дом. Пошли к царю, царь спрашивает: «Ну, что?» А девушка говорит: «Я больше не больна». А царь говорит: «Все вычистил, ну хорошо, хорошо. Ну, берешь ее замуж?» — «Беру». — «А ты пойдешь за него замуж?» — «Пойду». Вот свадьбу сыграли, трое суток пили, ели, танцевали. Вот пошли они в город, а там брат Лазаря на пароходе приехал, много

народу привез, все видят: какая красивая девушка у его брата. Брат Лазаря спрашивает: «Как ты выбрался?» А он говорит: «Так-то и так-то, с камня по доске спасся на берег, шел старик, потом на сосну». А брат говорит: «Привези меня на этот камень». Вот его привезли на тот камень. Он по мостику пошел на берег, там пришел к старику, старик научил: «Иди на сосну». Он туда пошел, на сосну влез, первая волна пошла, вторая волна пошла. Люди вышли, вот начали говорить, а Лазарь и закричал, а они не убежали, а вверх посмотрели: «Это ты скатерть у нас взял?» И его разорвали и даже не съели. И сказка вся.

97. КАК ВЕЩИ ГОВОРИЛИ

Двое братанов жили. Один ленивый, не охочий свои сети исправлять и чинить, а другой бойкой мужик: куда ни пойдет — лесину ли срубить, или песца, или хоть зайца добыть, как будто все его тут есть. Где диких оленей найдет, то одного только оставит — всех добудет. И невод он всегда направляет так, что розно и рвано нигде не было. Все подчинит, как следует быть. Ленивый брат пойдет ли неводить — мало добудет, только сетки свои косит, чуть не перервет их все, а сам не починит их толком. Бойкой же брат после работы с неводом, как рад делу, уберет, и починит его, и просушит его, когда надобно. Вот так живет. А ленивый живет: бранится, ругается, а сам ничего ладом не делает.

Избушки у них стояли рядом. Одного дня бойкой сидел у избы и работу свою справлял. И тут довелось ему подслушать, что невода меж собой говорят.

Невод бойкого спрашивает у невода ленивого брата: «Много ли у тебя в матице бывает?» — «О, у меня много бывает, не одна тысяча рыбин бывает, да все мимо проходят, нету силы держать. Весь-то я дырявый, все у меня розно, вся прядина разлезается врозь. Что попадет, то и уйдет по дырам. Где уж тут держать? Хозяин сам виноват, а меня же ругает».

Другой ему отвечает: «И у меня много бывает, и все матица моя держит. Только вот в ямках, где глубоко — там рыба под них уходит, — то не могу удержать. Ну, а уж что попало мне — то все мое, я все удержу. Мой хозяин всегда меня и почистит — моя матица рваная не бывает. И хозяйка у меня обрядна: она меня красит, она меня сушит. Я работаю исправно. Мой хозяин по три раза и карбас полный рыбы приводит к дому. Вот как я держу!» — «Да, твой хозяин боек. Ну, а мой хозяин — горькой — никакого внимания на меня не обращает».

Послушал хозяин разговоры эти и пошел в дом. Идет и думает: «Какова она оказия! Невода говорят!»

Ну иной день прошел, пошли братаны урдовать. Ходили, ходили и заспали в одном месте. Вот бойкой лежит и опять ему слышится: олени говорят.

Олень бойкого хозяина спрашивает у оленя ленивого брата: «Ну, каково ты живешь? Любит ли тебя хозяин?» «А уж где любит? Другой раз сутки голодом морит», — так отвечал ему. И сам спрашивает: «А тебя любит ли хозяин твой?» — «О, меня хозяин три накона в день перевязывает — каждый раз на свежее местечко ставит. В летнее время, когда я и пить-то не хочу, а он меня к воде ведет. А уж по грибам меня всегда водит — самые вкусные грибы дает. Очень мне жить хорошо и просторно». — «Ах, так бы и мне жить хотелось». — «А ты убеги от него». — «Я так и думаю — убегу от него. Он меня и глазами не сыщет, и видом не увидит».

Ну так и было ленивому мужику. Ничего у него не стало. Невода изорвались, олени разбежались. А бойкой живет и со стадом большим, и со всем своим добром.

Вот бойкой мужик созвал ленивого в гости, водкой его угостил и говорит ему: «Я то во снах видел: оленей у тебя не будет. Ты их не любишь, водой не пойшь, на место на ягель не ставишь, на вязке не водишь — я то слышал!»

Старший брат напился — речи ведет, а ленивый-то только знает, что ругается в ответ. Напился он и пошел искать того, кто все на свете сотворил. Хочет спросить у него кое-что.

Шел-шел и в лесу нашел избу — одну и другую. Народ тут работает сильно, что надо работают все. Взглянули на него и спрашивают ленивого: «Ты кто таков?» «А я ищу, — говорит, — того, кто сотворил брату мастерство наживать и промыслять. Того ищу, кто и меня самого сотворил таким, как я есть».

Они ему говорят: «Вот войди в ту избу — там и есть».

Входит он в избу.

Двери отворил, а там таково-то хорошо и светло. А на перинах спят трое мужиков.

«Эй вы, вставайте», — говорит и перину поднял, коленом их пихнул. — «А ты кто такой?» Он им в ответ: «На что вы меня сотворили? Вон у брата все есть. Что бы он ни сделал, все ему идет в поживу, а у меня ничего нет». И начал он бранить их: и что невод-то он налаживать не может, и что за оленями-то он ходить не может.

«А что же тебе, бедный, надо?» — «А никак я не могу жить». — «Ну, ладно».

Они ему дали уточку: «На тебе уточку — не бей ее, береги ее и корми ее так, чтобы никто не видал. Она тебе золотые яйца будет нести, тебе денег даст».

Те, кто его сотворили, еще табакерку ему дали: «На, табак нюхай, а табакерку не потеряй. Если будешь кому давать нюхать табак, то совсем от рук не отпуская табакерочку — только понюхает, ты опять клади в карман. Ну, поди теперь. Иди домой. Будешь лучше жить. Табакерку потеряешь — счастья не будет».

Взял он, что ему дали, и пошел назад. А трое мужиков опять заспали. Идет он назад, а те, что у первой избушки трудились — работают, работают до седьмого поту.

Но он домой пришел, и живет себе, поживает. Табакерка у него всегда есть — что понюхает сегодня, на другой день наполнено. Невод он починил и стал неводить с братом. Неводит с братом и не хуже того добывает с тех пор, как у него завелась табакерка. Ну и прожили они так и год и другой, а третий год уточка ему золотое яйцо снесла. Пришел к купцу — яйцо показывает. Тот спрашивает: «Что, старичок, у тебя?» — «А у меня яичко, вишь какое, сам не знаю какое?»

Купец в избу его ввел подальше и смотрит, что за яйцо: «Ох, брат, у тебя тако яйцо, что у меня ни живота и никакого добра не хватит за такое яйцо!»

И пошел купец к другому купцу. Вернулся назад и говорит: «А вот что, старичок, вот тебе мой дом. Я из него выйду и жить не буду в нем. Тебе тут дом. А мне без яйца этого не жить, не живать».

«Старичок, — ленивый брат тот и говорит, — как я в доме твоём буду жить? Народ будет завидовать мне».

«Ничего, — отвечает купец, — никто не будет завидовать!»

Ну и смешались они домами и на прибавок купец ему хлеба дал на три года. И стал младший брат жить-поживать и очень хорошо добро наживать.

Как-то братья сидели и вино попивали. Бойкой спрашивает у ленивого: «Как оно так, что жил ты прежде бедно, а теперь живешь богато?»

Тот ничего не отвечает, все помалкивает. И бойкой напоил брата так, что тот вовсе пьяный стал. Третий раз его спросил. Пьяный позабыл наказ тех троих мужиков, что ему уточку да табакерку дали, — молчать про табакерку и уточку, — рассказал бойкому брату все.

Стал бойкой завидовать брату ленивому. Стал опасаться, как бы не зажил ленивый богаче, чем он. И задумал он табакерку у брата украсть. Стал он к брату почаще захаживать, вином его спаивать и табакерку ту караулить.

Украл он табакерку. Вместе с карманом пиджака вырвал. Украл и в самую середину озера кинул. Ленивый не заметил. Пошел он неводить — мало рыбы попало. И что ни день — то хуже и хуже. Догадался он о беде и стал брата просить — открыть, куда он табакерку девал. Сознался тот, что вместе с карманом в озеро забросил.

Тут-то ленивый давай ту табакерку в озере искать да вылавливать. Искал-искал и табакерку выловил. Стала рыба попадать. Обрадовался он и дома сказал бабам, что опять они жить замогут хорошо.

98. НЕВЕСТА ЭВВАНА

Жили старик и старуха. У них была единая дочка. Выросла дочка и стала невестой. И жених ей нашелся — красивый парень Эвван.

Весною девушку засватали. А свадьба-то не скоро! Свадьбы бывают о святках, зимою. На лето и на осень уехали старики в тундру ловить рыбу. Девушка с малых лет ездила с отцом и матерью и теперь поехала. Поехала и заскучала. Кругом, куда ни посмотри, — тундра. Посреди тундры вежа стоит — вежа ее стариков. Озеро, у самой вежи вода плещется. За вежей старый котел валяется.

Скучно...

Эвван в погосте остался, в деревне, у морских берегов. Там он первый рыбак! Он моря не боится! Он в море ходит, морскую рыбу добывает... о себе вестей не дает...

Эвван любит свою девушку: а как ей об этом сказать через горы, через тундру? Тундра-матушка далеко от моря лежит.

Ох! Скучно!..

А в погосте-то вечорки! Там девушки и парни пляшут и песни поют.

Заскучала девушка, затосковала невеста, совсем больная сделалась, — не ест и не пьет, глаз не смыкает во всю ночь... Что ни скажут ей, как ни утешают ее старики — один ответ: «Скучно...»

Утром встанет — первое слово: «Ох, скучно!» Вечером ложится — одно и то же слово: «Ох, скучно!» Слезы льет, плачет: «В погосте вечорки, а здесь что?»

О том, как она без Эввана тоскует, о том она молчит, а вот вечорку ей надо вспоминать. Думали-гадали старики, что делать, — дочка сохнет, совсем извелось дитя. Как тут быть, как пособить беде?

Сели старики — думают-гадают: что делать? Если ехать

с девушкой в погост: дочке хорошо — нам худо! Что будем делать у моря, без морской-то снасти? Тут оставаться: нам хорошо — девке худо!

Вышел старик из вежи и пошел к котлу. Очень старый это был котел, — еще деды и прадеды в нем варили, теперь он уже ни на что не годился. Но старик привык к своему котлу, он берег его и холил. Он любил с ним поговорить. Чуть неладно в доме — он сейчас к котлу за советом. Постучит по нему палочкой, легонечко, чтоб котел проснулся, и слушает, что котел скажет, что прадеды, которые из этого котла кормились, что они скажут. Старик постучал, котел проснулся: «Ну, что тебе, хозяин, надобно? За каким делом пришел?»

Старик присел рядом. «Да вот, — говорит, — скучно...» «Это верно, — отвечает котел, — было время, я кормил народу много, весело было, хорошее было время — веж тут стояло много, народу было людно. Ну, а тебе что?»

«А, — говорит, — беда, котел, пришла. Вот так-то и так-то, — говорит, — дочка совсем извелась. Одно слово слышим от нее: „Скучно“...» А потом и еще сказал: «Сколько лет живу на свете, а такого не бывало, чтобы у нас в тундре было скучно жить. Помоги, котел, — девка сохнет! Сделай так, чтобы и нам, и дочке было весело жить».

Котел хмыкнул и сказал: «Ладно, хозяин, ложись и крепко спи».

А сам отряхнулся, встал на правое ушко и покатился в погост, только ручка забрякала.

Ночью проснулся хозяин. Слышит через стену: на озере пляшут и песни поют, слышно, парни пяток не жалеют — крепко каблуками притоптывают.

Ну, он из вежи выглянул.

Луна светит, рядом с вежей избушка — тупа стоит. В ней-то и пляшут, и поют, и в ладошки плескают... весело живут.

Вышел он, руку протянул, потрогал, верно, соседа Вэтара дом, он и есть, в нем всегда вечорки собирают.

Старик дочку разбудил: «Иди, дочка, попляши, пока тупа тут!» Девушка обрадовалась, в тупу побежала: «Эвван где?» Эввана нету. Она обратно, в постель упала и заревела: «Скучно!»

Парни и девушки увидели невесту Эввана, слышали, что плачет она, — все из тупы выбежали на улицу. А тут-то удивление: погоста нету! А море где? Среди голой тундры вежа да веселая тупа стоят... А погоста-то нету! Моря-то нету!.. Вместо моря — озеро!

Они закричали в один голос: «Ой, батюшки, родной погост проплясали! Что будем делать?»

Кричат, бранятся, друг на друга бросаются, чуть не в драку лезут: зачем погост прогуляли?

Девушки плачут, где отцы, где мамы, парни тоже попри- тихли, как оно без отцов-то жить? Однако о том помалкивают, а больше бранятся да укоряют друг друга: зачем плясали до упаду?

Услышал этот шум старик и вышел на улицу.

Он и сам-то дивуется; веселая тупа, полная ребят, к его веже присоединилась. Одни девушки да парни в тупе толкуются, другие вокруг бегают, погост ищут, отцов и матерей кликают.

Тут парни да девушки на хозяина наткнулись и давай на него кричать. А он на них: «Вы откуда взялись? Да вы кто такие? Откуда здесь веселая тупа явилась? Я спать ложился — земля была пустая. А тут вы! Вы черти или люди — сознавай- тесь, а не то худо будет!»

Парни, девки испугались, сразу закричали: «Мы ничего не знаем, мы плясали, танцевали, дома были, песни распевали. А тут что?»

Старик уже понял: это котел его дочку балует.

Он пошел к котлу: «Котел, великий котел! Все хорошо. Однако доведи дело до конца, сделай так, чтобы всем совсем было хорошо. Да Эввана, гляди, не забудь!»

Старик вернулся к ребятам и говорит им: «Вы, детки, пой- те и танцуйте, гуляйте, не скучайте... Все будет хорошо», а сам повалился на свою постель и заснул.

Настало утро. Солнышко взошло. Надоело парням да де- вушкам плясать. Выбежали они на улицу, а тут погост их сто- ит, и каждому его родной дом находится, и родители из дверей выходят навстречу сынам и дочерям.

Ну, что же, видно, так тому и быть: сам погост от моря на озеро переехал.

Ну и легли все спать.

Поспали и стали жить. Дородно живут и по сей день, и те- перь там жительство есть. Только не спрашивай где. А есть оно!

Дочка стариков перестала скучать, потому что красивый парень Эвван женился на ней. О святках и свадьбу сыграли. Ну, чего больше?

Все.

99. БОЛЬШОЙ КОТЕЛ

Жили старик со старухой в пустынном месте. Родилась у них дочь. Назвали ее Настей.

Выросла девушка, стала большой. Говорит она отцу и ма-

тери, что скучно ей жить в пустынном месте, нужно переселиться в деревню (а деревня была от них в тридцати километрах).

Отец ей на это ответил: «В деревню мы переселяться не будем».

А дочь опять ему говорит: «Мне здесь очень скучно. В деревне бывают танцы, играют девчата. Мне одной здесь скучно».

Стал отец думать: «Что же делать? В деревню переехать, самому будет скука, здесь остаться жить — дочке скучно?»

Был у них большой чугунный котел.

Вышел отец на улицу, взял палку и говорит: «Если я ударю по котлу, что он тогда мне скажет? А я ему скажу: „Иди, котел, в деревню, приведи сюда оттуда вечеринку“».

И стал он бить котел палкой. Побил его как следует. Котел спросил: «Что нужно, хозяин?»

Старик ему говорит: «У меня дочка очень скучает, сходи в деревню, там есть вечеринка, приведи ее сюда».

Котел ответил: «Будет исполнено твое слово».

И пошел котел в деревню.

Пришел в деревню, а в деревне вечеринку играют. Забрался он под один дом, где была вечеринка, поднял дом и пошел назад.

Пришел к месту, где жил хозяин. Хозяева в это время спали. Вылез он из-под дома. А вечеринка в доме все продолжается.

Стало рассветать. Стали люди выходить с вечеринки из дому на улицу. Смотрят — что такое? Кругом пустыня, только один домик стоит. Перепугались все, стали бегать, спрашивать друг друга: «Как мы попали сюда? Где деревня?» Стали они тут ругаться.

Проснулся старик и смотрит: рядом с ним какой-то дом стоит, и шум в нем какой-то. Выглянул он в окно, увидел — в доме вечеринка.

Вышел он на улицу, а люди его спрашивают: «Где деревня?»

Он отвечает: «Я сам не знаю, где деревня. Я не знаю, как вы сюда пришли. Я живу в пустынном месте».

И еще добавил: «Если вам скучно здесь, то завтра вся деревня здесь будет». На это люди ему говорят: «Если ты можешь это сделать, то сделай скорее!»

Когда стемнело, послал старик свой большой котел за деревней. Стал котел перетаскивать деревню, дом за домом. И за ночь все дома перетаскал.

Рассвело.

Стал народ из того дома, где была вечеринка, на улицу выходить. Смотрят, говорят: «Что такое, деревня кругом нас. Верно, мы вчера со сна не заметили деревни?»

Стали все жить в новом месте. И старик жил с ними. Дочка его Настя перестала скучать. Отдал он ее замуж за Петра. Стали жить вместе весело и хорошо. И теперь живут.

100. МЕДОВАЯ РЕКА

Жили старичок и старушка. У них родился мальчик. Однажды старичок пошел на охоту, а дома остались старушка и мальчик.

Жили-жили они. Мальчик заболел. Мальчик умер.

Старичок долго не приходил с охоты.

Мальчик превратился в роука, мертвеца-людоеда. Он съел свою мать, сел и стал ждать отца.

Старичок увидел во сне, что дома не ладно. Он оставил охоту и пошел домой.

Шел-шел. Пришел домой. Смотрит, старушки нет, а мальчик в углу сидит сидя.

Старичок спросил его: «Где мать?»

Мальчик ответил: «Я съел мать».

Старичок разгневался и ударил мальчика по уху. Мальчик вместе с половиной избы вылетел на улицу.

Пошел старичок в лес. Шел-шел. Смотрит, избушка кружится. Старичок сказал: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок вошел в избушку. В избушке не было никого. Увидел старичок на подоконнике сулею. Он взял сулею и дунул в нее. Из сулеи выскочила девочка и сказала: «Дедушка, я буду твоей дочкой. Мы станем с тобой жить вместе».

Старичок пошел дальше и понес с собой девочку. Шли-шли. Смотрят: стоит избушка. Старичок сказал: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок подошел к избе — стоит она на одной ножке, заперта. Старичок не может попасть в нее. Девочка подала ему щепочку и сказала: «Дедушка, возьми эту щепочку и открой избу».

Старичок взял щепочку и открыл избу. В избе никого не было.

Девушка сказала: «Дедушка, дай мне поесть».

Старичок выдернул из бороды один волосок и превратил его в хлебную крошку.

Девушка съела ее и присела отдохнуть. Потом они пошли дальше.

Шли-шли. Смотрят: избушка вертится. Старичок говорит: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок вошел в избушку. В избушке была печка. Старичок открыл заслонку и нашел в печке краюшку хлеба и чашечку квасу.

Они наелись-напились и стали жить в той избушке.

Жили-жили они. Старичок очень состарился. Девушка (захотела сделать его молодым, она) ударила старичка прутиком по глазам — и старичок сделался молодым-молодым, как семилетний мальчик. Девушка обрадовалась: теперь у них будет хорошая жизнь, теперь они оба молодые.

Жили-жили они. Девушка очень состарилась, сделалась старушкой и стала неподходящей для парня.

Парень подумал: «Девушка сделала меня молодым, теперь я ее сделаю такою же».

Когда старушка проходила мимо парня, он ударил ее прутиком по глазам. Но она не сделалась молодой девушкой, она превратилась в медовую реку.

Прибежал парень к реке, стал пить мед.

И река унесла его течением.

101. РОУК И ДЕВОЧКА

Жили-были старичок и старушка. У них родилась дочь. Ее имя было Варван. Через шесть месяцев у них родилась еще дочь. Ее имя было Нинка. Они стали жить вчетвером. Жили-жили. У них еще родилась дочь. Имя ее было Аннь.

Старичок и старушка жили-жили с дочерьми. Старичок заболел. Он долго болел и умер.

Мать с дочерьми жили-жили и пошли в лес ягоды собирать, а дома оставили Аннь. Аннь плакала-плакала. Слышит — кто-то говорит: «Не плачь, доченька, скоро приду».

Аннь думает, что гость придет. Она сварила обед, согрела чай и ждет. Тогда дверь открылась, пришел человек и говорит: «Дай поесть, я совсем проголодался».

Аннь дала ему пообедать. Он пообедал и выпил чай.

Девочка его спрашивает: «Почему у тебя зубы черные?»

Он говорит: «В земле лежали, в земле лежали». — «Почему лицо черное?» — «В земле лежало, в земле лежало».

Он взял девочку и съел. И ушел.

Мать вернулась с дочерьми и стала жить дома. Не знали, куда делась дочь. Они жили-жили и опять пошли за ягодами, а дома оставили Нинку.

Нинка плакала-плакала. Слышит — кто-то говорит: «Что надо, доченька, скоро приду».

Девочка думает, что прохожие придут. Поставила чай греть.

Он прибежал, говорит: «Дай чаю попить».

Девочка дала ему чаю и спрашивает: «Почему у тебя зубы черные?»

Он говорит: «В земле лежали, в земле лежали». — «Почему кожа черная?» — «В земле лежала, в земле лежала».

Он взял девочку и съел, и ушел обратно.

Женщина с дочкой вернулись, а девочки нет нигде. Она подумала, что дочка ушла в гости.

Они жили-жили. Женщина пошла ягоды собирать, а дома оставила старшую дочь Варван.

Она сидела-кричала, сидела-кричала. Слышит — кто-то говорит: «Не плачь, доченька, скоро приду!»

Девочка поняла в чем дело. Она на дверь положила заложку, горячей воды горшок приготовила.

Сидела-сидела. Слышит — подходит, земля под ногами дрожит. Пришел к двери, дернул дверь — крепко. Он говорит: «Я всех твоих сестер съел, они еще меня спрашивали, почему лицо черное, зубы черные».

Девочка сидит. Он дверь начал грызть. Харч-харч-харч-харч-харч... — всюду щепки летят. Грыз-грыз, язык просунул сквозь дверь, сказал: «Дай поесть!»

Девочка бросила ему в рот горшок с горячей водой.

Он говорит: «Прибавь еще!»

Девочка говорит: «Довольно и одного раза».

Он растянулся около двери. Девочка выскочила в окошко и побежала к матери.

Пришли они с матерью и одежды унесли прочь, а его сожгли вместе с домом. Он весь сгорел, только пепел остался на том месте.

102. СТАРУШКА, СЪЕВШАЯ ЛУНУ

Играли три мальчика на улице. Вдруг старушка отправилась луну есть. Выскочила на улицу и делает из рогожи крылья, а из голика хвост, рваное платье — на себя и полетела вверх. Ребята побежали, лодку перевернули и под лодку сунулись. Сидели, сидели, вдруг луна совсем почернела, и стало темно. Сидели, сидели ребята. Луна стала проясняться, проясняться, и стало светло. Ребята выскочили и по вежам скрылись. Пришли по вежам и рассказывают. После прошло сколько-то времени, один мальчик стал попом. А старые люди старятся, век проходить станет и болеть начнут. Эта луну съевшая старушка заболела. Болеет, болеет и не может умереть. Ребята

ей позвали попа. Поп стал исповедовать. Он исповедовал, исповедовал грехи. Старушка говорила, говорила грехи свои, один грех не сказала. Поп спрашивает: «Ты, бабушка, почему все грехи свои сказала, а один грех не говоришь богу? Я у тебя знаю этот грех. Когда мы были (играющими) детьми, ты ходила луну есть, этот свой грех не сказала». Старушка тут прыгнула, зубами за постеленные на полу прутья схватилась и умерла.

Тут ребята вымыли свою мать, унесли в церковь до похорон. Поп спал, спал, ночью проснулся, смотрит: в церкви свечи горят. Он разбудил матушку и говорит: «Что случилось, в церкви свечи без меня горят? Я пойду в церковь, возьму сына с собой». Тут сына взял. Одел его и сам оделся во все белое, попрощался с матушкой и пошел в церковь. Пришел поп, глаза перекрестил, сына держит на руках. Свечи не горят. И стал молитвы читать и креститься. Крестился, крестился, вдруг покойница стала вставать. Поп отнес сына, положил за образа матери божьей. Та (старуха) придвинулась к нему и начала есть и всего съела, одна одежда и валенки остались посреди пола. Пошла за мальчиком. Зовет мальчика: «Иди к бабушке». Тот не идет, а мать божья дает в грудь ей, она все лежит ничком. Мучилась до рассвета и упала палкой посреди пола.

Матушка ждала, ждала — они не идут. Пришла к церковному сторожу и рассказала, как поп ушел ночью в церковь с сыном и не пришел еще. Тут люди собрались в церковь. Смотрят: одежда лежит посреди пола. Мальчик за образами. Зовут, он не идет в руки людям. А старуха лежит березовой палкой.

Матушка пришла домой, надела все белое и опять отправилась. Тогда мальчик к матери пошел. Белую березовую палку разрубили и сожгли, вместо того чтобы похоронить.

103. ВОДЯНОЙ

На острове Шалиме (в истоке Пазрецкого залива) жили два саама, и оба они были хорошие промышленники. Однажды они ходили около морского берега и увидели почти у самого берега: сидит женщина на камне и чешет голову. Один из саамов и сказал другому: «Я выстрелю». «Нет, не стреляй, это не человек, а чадцилий — живущий в воде», — говорит другой. Он не послушался его и стал стрелять. В это время другой вскричал: «Берегись, женщина, в тебя стреляют!» Она соскочила с камня в воду, недалеко она опять показалась на воде и вскричала: «Добрый человек, пожалевший меня, приди завтра в это

время сюда, а ты, который хотел убить меня, где будешь пить воду, тут и утонешь».

«Не дикой же я, что пойду или побреду в глубокое озеро или реку пить. Вольно тебе врать», — подумал саам.

После этого оба товарища поспорили немного и разошлись для промысла зверей в разные стороны до вечера. Стрелявший в женщину пришел к ручью, наклонился и стал пить, свалился в ручей и утонул. На другой день утром товарищ пошел его искать, потому что он вечером не явился на означенное место. Нашел его он в ручье. Тело утонувшего обернул в бересту и предал земле. Окончив это дело, он пошел на вчерашнее место, куда звала его женщина. На дороге встретила черная лисица. Он убил ее, снял шкуру и с нею пошел далее. Пришел к морю и стал дожидаться. Она вскоре вышла из воды и вскричала: «Пришел ли ты, кого я звала?» «Здесь», — ответил он. «Поди сюда к берегу», — сказала она.

Он подошел и получил от нее золота и серебра довольно и стал жить после этого как кухман — купец.

104. НАГОЙ ЧЕЛОВЕК

Жил-был саам Кондратий. Осенью он промышлял на Вак-озере рыбу. Раз он ходил по Чакшевараке и нашел большую глубокую яму. Он подумал: «Верно, нагой человек здесь живет». Развязал он у себя каньги и снял их с ног. Оборы он связал вместе и опустил один конец в яму, а другой привязал к каньгам, которые оставил у ямы. К каньгам привязал еще веревку и сам ушел не очень далеко в сторону. Сперва еще у ямы он несколько раз сказал: «Верчу, верчу и узел свяжу». Через несколько времени по оборам вышел из ямы нагой человек и стал надевать каньги. Кондратий в это время выскочил и схватил его. Он стал проситься, чтобы его отпустили. Кондратий стал просить выкуп. Он посулил и дал верное слово, что снова выйдет из ямы и принесет выкуп. Кондратий отпустил его. Он вскоре вышел и принес ему полную тарелку серебряных денег. Саам взял и сказал: «Мало». Нагой человек принес ему и другой раз столько же. Кондратий опять взял и сказал: «Маловато». Нагой человек более ничего не сказал, а только покачал головой и ушел третий раз. Вскоре принес ему ножик и вилку и отдал их. Когда Кондратий это взял, он сказал: «Ненадолго тебе этого богатства, зачем ты много взял? Скоро твой род обеднеет». Сказав это, ушел обратно. Кондратий сам был богат, но род его постепенно делался беднее и беднее.

105. КАК СААМ ДЬЯВОЛА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Ходил однажды саам по суземку, охотился, вдруг услышал — кричит человек на вараке, на помощь зовет. Побежал саам на крик, видит — дьявол к дереву вверх ногами привязан. Подошел он к дьяволу, тот и говорит: «Спусти меня, я тебе добро сделаю!» «Дай мне золотая мешок, тогда я спущу тебя», — ответил саам. «Дам, только спусти!» — согласился дьявол. «А кто связал тебя?» — спросил саам. «Боролся я тут с другим дьяволом, он и связал меня, — объяснил ему дьявол и прибавил: — Не ты — сдох бы я!»

Когда саам отвязал дьявола, тот сказал ему: «Приходи сюда через трое суток, только не один, а с тем, кто тебе всех вернее. Тогда я дам тебе золотая мешок».

Сказав так, дьявол скрылся, а саам пошел к себе домой и все рассказал жене.

Через трое суток саам с женой пришел на это место, где он с дьяволом повстречался, но никого не застал здесь. «Дьявол-то обманул тебя!» — заметила сааму его жена. «Обождём маленько, — ответил муж. — А пока что я поважусь, тяжело мне что-то стало». «Ну ложись, — сказала жена, — а я поищу у тебя».

Повалился саам, заснул, а жена стала в голове искать. Немного времени прошло, показался дьявол, тащит золотая мешок. Спросил дьявол женку: «Это кто лежит тут да храпит?» «А муж мой», — ответила женка. «Убей его, — сказал тогда дьявол. — Золотая мешок-то весь тебе достанется! А прожить, поди, и без мужа можешь!» «Как же я убью его?» — спросила женка. — «А нож острый пихни ему в горло, потом деньги хватай, да и домой!»

Взяла женка нож, поднесла к горлу мужа, тут дьявол и разбудил саама: «Эй, проснись! Смотри, женка твоя зарезать тебя хочет!» Взял мешок с золотом и скрылся.

Вскочил саам, видит, правду сказал дьявол. Стал тут саам женку учить.

Бил, бил, потом домой пошел.

Через трое суток саам вновь в суземок охотиться пошел. Утомившись, он привязал свою собаку к дереву, а сам прилег. Скоро сон на него навалился, заснул саам. Вдруг собака лаять начала, проснулся он, вскочил, видит — идет к нему дьявол с мешком.

Подошел дьявол к сааму, дал ему мешок с золотом и сказал: «Вот видишь, собака-то вернее женки твоей».

Сказав так, дьявол исчез в лесу.

В стародавние времена было время разбойное, нечистый ходил по воле, делал что хотел, смутянил везде, ругался над человеком. Пошел раз саам в лес, вдруг видит нечистого, испугался он. «Надо ли тебе животов?» — спрашивает нечистый у саама. — «Надо». «Поди домой, принеси что вернее тебя», — говорит нечистый.

Задумался саам, пришел домой и рассказал жене, та и говорит: «Возьми меня, я вернее всех». Повел он ее в лес. Пришли, а нечистого еще нет. «Поищи у меня в голове!» — говорит саам, а сам лег отдыхать, заснул вскорости. В это время подкрался черт и шепчет жене: «Возьми у мужа нож, что больше четверти, и убей его, я тебя за это с собой возьму». Жена сначала не согласилась, а потом взяла нож и только подняла руку, чтобы убить мужа, как черт разбудил мужа: «Кого ты ко мне привел, видишь ты ее верность, иди домой и принеси что вернее тебя».

Саам бросил жену в лесу, а сам пошел к веже. Видит, там никого нет, кроме собаки. Взял он собачонку, пошел в лес. Черта опять нет.

Саам опять заснул, в это время нечистый опять стал потихоньку подкрадываться. Собака как почуяла его, залаяла и бросилась на него. «Вот это действительно вернее тебя, — сказал черт. — Сколько же тебе денег?»

Саам назначил, нечистый расплатился, взял собаку и ушел.

107. КАК СТАРИК СААМ ИЗГНАЛ НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Исстари промышлял один старик. Однажды он пошел на охоту, старуха же его осталась ловить. Когда старик вернулся, старуха стала жаловаться ему: «Сколько ни ловила я — ничего не поймала: не идет рыба!»

Озеро же то порато рыбно было, и смекнул старик, что замешалась тут нечистая сила. «Дай-ка я сам пойду ловить», — сказал он старухе и стал собираться. Взял невод, захватил острый топор и сел в карбас вместе со своей старухой и невесткой. Дело было к ночи. Не успел он еще отъехать от берега, как по всему озеру пошли большие волны — это заходили водяные. Испугалась старуха, закричала: «Беда, опружится карбас!» «Ничего, гребь», — сказал старик, взял топор и начал замахиваться им в ту сторону, откуда шли волны. Волнение стало немного тише.

Старик заметал невод и стал тянуть. Тянул, тянул — вдруг шум сделался. Посмотрели вверх, видят, летит человек на крыльях и сел на верхушку дерева. «Никто другой это, как леший», — подумал старик. Водяной, как только прилетел леший, скрылся, и озеро стало тихое-тихое. А леший на верхушке ели стал песню петь: «Как так жители здешней губы днем спят, а ночью ловят!»

Пропев так, леший отломал верхушку дерева и бросил ее в невод. Не испугался, однако, старик, закричал на лешего:

«Смотри, не балуйся. Если еще сбросишь чего-нибудь, то самого тебя в озеро швырну!»

Тогда леший скрылся, и сейчас же густо навалилась рыба, ометь полон стал. Наклад старик рыбы несколько карбасов и сказал старухе своей: «Вот, смотри, сколько я рыбы достал». Старуха порато напугана была и ответила: «Я ее есть не стану».

Тут повалились все спать и проспали до полуночи, когда на соседней вараке гром сделался. Пошли посмотреть, что там. Видят, варака раскололась на две части, посреди дорога образовалась. Это леший проложил себе путь, когда старик прогнал его.

С тех пор в той местности нечистая сила никогда больше не появлялась.

◆ 108. КАК ЧЕЛОВЕК И ЧЕРТ ОХОТИЛИСЬ ◆

Развел охотник огонь перед ковасом и присел отдохнуть перед огнем. Поднял голову и видит: по другую сторону огня стоит какой-то человек и смотрит на него. Смотрит и говорит: «Охотник, возьми меня на охоту».

Охотник заметил, что у этого человека на глазах нет ресниц, и понял, что это бес. Бес догадался, что человек узнал его, и говорит: «Ты не думай, что я охотиться не умею».

Пошли на охоту. В первый день нашли много диких оленей. Стали стрелять. Охотник убьет оленя, а бес — двух да трех. Бес и говорит охотнику: «Ты только шкуру снимай, а бить я буду».

Охотились человек и бес до зимы. Зимой стали пушного зверя ловить — куницу, выдру. Бес приносит добычу, а человек только успевает шкуру снимать. Снимает шкуры и откладывает: направо — получше — это себе, налево — похуже — бесу. С мясом дикого оленя так же поступает: получше — себе, похуже — бесу. Положит направо для себя и скажет хорошие слова, положит налево, для беса, выругается нехорошими словами.

Охотились, охотились. Один вечер бес не пришел, пришел под утро. «Далеко дикие олени ушли или куниц не нашел?» — спросил беса охотник. — «Нет, куниц я нашел и оленей тоже, вот воды нигде нет, вся замерзла, ходил в Москве воду пить».

Охотник подумал, что бес долго не приходил потому, что чего-то боится.

«Что ты, бес, боишься?» — спросил охотник. «Ничего не боюсь, — ответил бес, — только змеи боюсь».

Когда ушел бес на охоту, охотник вздумал испугать его, чтобы избавиться от него. Взял сырую ивовую палку, положил одним концом в огонь под уголья, а на другой конец сел около огня так, чтобы палки не видно было.

Пришел бес. Охотник сидит и шкуры с зверей снимает. Ивовая палка стала загораться, зашипела в ней сырость, запищала.

«Что такое пищит и шипит?» — испугался бес. «А вот видишь, змея», — показал охотник на ивовую палку, а она на самом деле походила на змею: сырая, круглая, длинная.

Бес не рассмотрел, испугался, выбежал из коваса, побежал в тундру и закричал: «Все мои, за мной».

Зашевелились звериные шкуры, стали оживать убитые звери: куницы, выдры. Встали на ноги и убежали вслед за бесом.

Убежали за бесом звери самые плохие. А хорошие остались у человека.

109. ГРОМ ВЫПУСТИЛИ

Глубоко под землей жил черт со своей старухой. Были у них три дочери красавицы.

Порешили три парня пожениться на чертовых дочерях и достать их из-под земли.

Нашелся один человек, который согласился быть сватом и опуститься под землю, чтобы достать оттуда чертовых дочерей.

Черт жил очень глубоко. Длинную веревку нужно было иметь, чтобы опуститься туда.

Убили парни много коров, нарезали из коровьих шкур ремней, навили из ремней веревок, связали их вместе, привязали к одному концу свата и стали опускать его в дыру под землю. А перед этим сговорились с ним: когда он поймает чертову дочку, то должен привязать ее к концу веревки и дернуть за веревку, — они увидят, что веревка трясется, и станут вытаскивать чертову дочку.

Опускали-опускали парни свата в дыру — не хватило веревок. Дернул сват за веревку — вытащили его наверх. Убили еще много коров, нарезали из коровьей кожи еще ремней, навили еще веревок, связали все веревки вместе. Стали опять опускать свата в дыру.

Опустился сват под землю. Поймал чертову дочку, привязал ее к концу веревки. Подняли парни чертову дочку и опять опустили веревку в дыру. Поймал сват вторую чертову дочку, привязал к веревке. Подняли парни и вторую чертову дочку наверх. Поймал он потом третью дочку — и третью тоже вытащили из-под земли. Потом сват привязался сам и дернул за веревку. Стали парни тащить его наверх. Тащили-тащили. Уже немного осталось до верха. Задумали женихи обрезать веревку: они решили на чертовых дочерях пожениться без свадьбы; а если свадьбы не будет — то и сват не нужен. Взяли и обреза-ли веревку.

Упал сват вниз, под землю. Встал и пошел выхода искать. Шел-шел-шел. Попался ему навстречу черт, говорит: «Нанимайся ко мне на работу караульщиком, амбар караулить».

Нанялся сват к черту в караульщики. Отдал ему черт ключи от амбара и сказал, чтобы он в амбар не заглядывал.

Караулил-караулил караульщик амбар и стал думать: «Почему бы ему не заглянуть в амбар, что там есть?»

Взял он ключи. Открыл одну дверь, за нею была другая, открыл другую, а за нею — третья. Как только он отворил третью дверь — из амбара вылетел Гром, а за громом — Молния, а вместе с ними вылетел черный жук, Громовое Сердце.

Когда-то черт завладел Громом, и Молнией, и Громовым Сердцем, запер их у себя в амбаре и не выпускал оттуда.

Когда Гром вылетел из амбара, он устремился через дыру на вольный свет. Тогда черт, чтобы задержать его, бросил впереди его большой камень. Гром ударил в камень, загремел и разбил его вдребезги. Тогда черт бросил деревянный плот — Гром загремел и его разбил, а потом вырвался на волю и теперь по временам гремит, разбивает камни и деревья.

С тех пор люди стали бояться во время грозы подходить к камням и деревьям. За Громом вылетела Молния и дала огонь.

Жук, Громовое Сердце, вылетел вместе с Громом, даже немного раньше его. С тех пор перед грозой появляются на земле черные жуки, по-другому их называют «тирмес тэкь» — «громовая вошь».

...Привели парни чертовых дочерей к себе домой и без свадьбы стали с ними жить как с женами.

Муж с женой жили. У них родились три сына. Их мать была очень красивая женщина. Отец ее никуда не пускает. Сыновья едут в город и просят отца: «Отпусти мать с нами в город». Отец говорит: «Я отпущу ее, вы только не потеряйте свою мать».

Сыновья взяли свою мать и поехали в город. Сделался ветер. Поднялся туман. Они потеряли мать. Туман рассеялся. Они домой не поехали, а ушли искать свою мать.

Им навстречу вышла старушка. Они спросили: «Где наша мать?» Старушка сказала: «Ваша мать у сатаны». Старушка им показала большую гору, а на горе была цепь. Сыновья пошли по горе втроем. Старший сын ушел по цепи вверх на гору. Он вполз на гору. Там была тропинка. Он ушел по тропинке. Шел, шел, стал виднеться дом. Он вошел в дом. Там красивая золотая девушка. Он спрашивает девушку: «Знаешь ли, где моя мать?» Девушка говорит: «Ты иди далеко. Там моя сестра. Она тебе скажет, где твоя мать».

Он ушел, пришел к ее сестре. Она тоже была красивая серебряная девушка. Она сказала ему: «У меня есть другая сестра, еще дальше. Она тебе скажет, где твоя мать».

Он туда пришел. Эта красивая медная девушка ему сказала: «Твоя мать у сатаны. Ты туда пойдешь. Твоя мать живет в большом доме».

Он ушел туда, к своей матери, пришел, открыл двери — его мать сидит на стуле. Сын пришел, а его мать говорит: «Ты сюда зачем пришел? Тебя теперь сатана убьет». Мать своего сына превратила в иголку, воткнула ее в стену и сказала сыну: «Теперь придет сатана. Он у меня будет грудь сосать, а ты будешь сидеть и ожидать. Он пососет и заснет. Ты увидишь, станет заметно, как у него из ушей и носа пойдет дым. Ты так узнаешь, что он спит. Я тебя возьму из стены. Ты скорее возьми со стены саблю и отруби сатане голову».

Пришел сатана и стал сосать груди у его матери. Сын ждет, когда он заснет. Сатана сосал-сосал и заснул. Мать взяла из стены иголку. Сын видит — сатана спит. Дым валит из ушей и из носа. Сын взял со стены саблю и отрубил сатане голову.

Сын взял мать, пошли обратно, пришли к девушке. А медная девушка говорит: «Возьмите меня с собой». Они взяли девушку, пошли втроем, пришли к ее сестре.

Ее сестра говорит: «Возьмите меня с собой». Взяли ее сестру и пошли еще, пришли к третьей сестре. Она тоже говорит: «Возьмите меня с собой». Они взяли ее, пошли домой.

Пришли на гору. Сын обвязал свою мать цепью и спустил вниз. Еще он завязал медную девушку и спустил вниз. Еще привязал серебряную девушку, спустил вниз, привязал золотую девушку и сам спустился вниз. Там были мать, два брата и три девушки.

Он пришел, и пошли все домой.

К отцу пришли в свой дом, с матерью и девушками. Отец очень обрадовался и говорит: «Очень долго я ожидал вас. Теперь вы пришли и привели вашу мать и своих невест. Теперь живите со своими женами, а я с вашей матерью».

Вот они стали жить, все три брата с женами. У них стала большая семья: отец и мать, они с женами. Их семья стала большая: всех восемь. Все стали жить хорошо.

Про них сказка вся.

◆ 111. ПРО СМЕРТЬ ◆

Старуха и старик жили очень бедно. Старик говорит: «Родился бы сын, а то нам без ребят на старости лет трудно будет».

И на самом деле родился у них сын. Это же еще не все; надо его крестить да крестного найти.

Вот пошел старик. Шел, шел, идет навстречу человек. Человек спрашивает: «Куда идешь, дедушка?» — «Я пошел искать крестного, родился сын, надо бы его крестить». — «Дедушка, возьми меня». Старик говорит: «Ищу такого человека, который все умеет делать и не делает никому плохого». — «Тогда-то уж я не гожусь». Это был сам чертик. Что умеет делать? Только вертеться. Побыли и отправились в разные стороны.

Старик идет, идет, не может найти никого.

Вдруг, как с неба свалился, человек идет навстречу: «Куда идешь, дедушка?» — «Иду, искал я сыну крестного, да не могу найти человека, который все делал бы и никому плохого не желает». Этот тут и был: «Я все умею, возьми меня». Старик обрадовался: «Вот хорошо, вот хорошо, пойдем к нам». Пошли обратно. Это есть сама смерть. Пришли, окрестили мальчика. Смерть говорит: «Ты, кум, очень бедно живешь, сделала бы я тебя богачом, да забудешь меня». — «За что? Не забуду тебя, кум, нет».

Тот взялся объяснять: «Ты назовись врачом. Болеет много народу, ты лечи и будешь богатым. Помни: зайдешь к кому в дом, смотри, — если я сижу в ногах больного, тогда вылечишь, если сижу в изголовье, тогда не лечи, не сможешь вылечить».

Он лечил, лечил людей, люди платили ему. Тот приходит — приглашает, другой приходит — зовет. Он ходит из вежи в вежу, лечит. В какую-то избу вошел, вдруг видит — кум его сидит в изголовье. Старик говорит: «О, поздно, поздно меня пригласили, он у вас умрет, не вылечить его».

Так старик стал богатым, кума своего он забыл. Сколько прошло времени, много или мало, он однажды вспомнил и говорит старухе своей: «Старуха, а я кума забыл, пойду-ка я к нему». Шел, шел, вот тот идет навстречу. «Куда направился, кум?» — спрашивает смерть у старика. — «Иду к тебе». — «Я тебе говорил, забудешь меня». — «Да, кум, забыл тебя». — «Ну, пойдем тогда ко мне в гости». Пришли. Она, смерть, поставила на стол угощение, угощала, угощала и говорит: «Теперь пойдем в комнату, посмотрим человечьи века, у кого какой век».

Как только дверь открыл, старик только ойкнул: «Ой, кум, у тебя пожар в доме». «Нет, кум, — смерть говорит, — это не пожар, это и есть века. Ты смотри, увидишь, что это такое есть». Старик тогда только пришел в себя, смотрит: все свечи. Которые только что зажглись, которые до половины сгорели, которые больше половины, которые уже догорают, которые уже гаснут (у кого какой век).

Старик спрашивает у кума своего: «Кум, который тут мой век?» — «Твой век вот, чуть-чуть осталось». — «Ой, кум, мало жил, не пришлось еще пожить. А, кум, у твоего крестника какой век?» — «У него только начинается». — «Эй, какая у него длинная свеча! Нельзя ли у него пополам разрезать и мне добавить?» Смерть говорит: «Ты свой век прожил достаточно, а он только начинает жить. Помнишь, когда ты меня брал в кумовья, говорил, что тебе надо такого человека, который все делает и не делает ничего плохого никому. Я не могу так сделать, кум, иди домой, а я за тобой приду».

Старик пришел домой и говорит: «Старуха, нагрей воду, я буду мыться». Та нагрела. Он выкупался, сел, посиживает и поглядывает на дверь, когда кум придет — откроет дверь. После перешел на лавочку, лег, сам все посматривает на дверь.

Вот дверь открылась. Старик не выдержал, только и сказал: «Ой, кум пришел». Старуха и сын не видят. Смерть говорит: «Ну, кум, пойдем со мной». Сам пошел. Пришел к двери, открыл, на улицу вышел, как только дверь стал закрывать, слышит, заплакали в доме. Старик спрашивает: «Кум, послушай, кто плачет?» Тот говорит: «Что расспрашиваешь, ты умер, там твоя жена и сын плачут». — «Вот и остался мой сын один жить, не найдет никогда отца своего».

Жили-были старик со старухой. У них родился сын. Долго ли, коротко жили — мальчик стал большой. Старуха и старик приказывают ему сделать ту или иную работу. Он не слушается. Ну, как-то раз старик и старуха ругают его: «Хоть бы черт взял тебя». Ну, парень однажды пошел в лес. Навстречу ему черт показался. И черт его (парня) унес. Унес в свой край. Пришел черт к старшему черту. Тот (пришедший черт был одноглазым) говорит: «Так и так, я привел человека — парня». Ну, тот, старший черт, дал задание старшему сыну: «Иди к тому человеку — парню — и скажи: „Начнем делать кто больше"». Ну, тот человек — парень — говорит, что ты начинай первый, а я подожду, как ты, много ли. Тот черт сел. Черт говорит: «Теперь ты, человек, давай». А парень идет, смотрит по деревьям. Черт спрашивает: «Ты почему не делаешь?» — «А я выбираю дерево или высокую гору». А черт спрашивает: «А для чего?» А парень говорит: «Для того, чтобы забраться на высокое дерево или высокую гору, чтобы больше сделать».

Черт сразу: «О, бога ради не надо. Все жилое место займешь». Ну, черт пошел обратно к старшему. Пришел и говорит: «Не мог сделать ничего».

Ну, средний сын (черт) пошел к парню. Старый черт дал среднему сыну свой меч и говорит: «Иди и начинай бросать вверх, кто из вас выше бросит». Черт пошел к парню и говорит: «Начнем бросать этот меч, кто дальше бросит, если не сможешь бросать, то будешь нашим рабом». Ну, парень говорит: «Давай ты бросай, черт». Черт взял меч, бросил вверх, меч летел, летел, скрылся из глаз. Долго ли, коротко ли стояли они и ждали. Меч обратно прилетел на землю. Черт говорит: «Теперь ты, парень, бросай». А парень ходит, смотрит вверх. Черт спрашивает: «Почему, человек, смотришь вверх?» А парень ему говорит: «Я смотрю, где больше облако». Черт спрашивает: «Зачем большое облако смотришь?» — «Потому что как кину вверх в большое облако, зацепился бы твой меч туда». Черт говорит: «Ради бога не бросай, а то мы без меча останемся».

Черт пошел обратно к старому черту: «Не мог ничего сделать». Ну, самый молодой сын пошел, самый младший черт пошел к пареньку. Пошел к пареньку, срубил бревно, очистил сучья и говорит пареньку: «Вот понесем это бревно». Ну, парень говорит: «Давай, ты бери комель». Черт говорит: «Кто из нас вперед пойдет?» Парень говорит черту: «У тебя вершина, ты иди вперед». Черт поднял бревно и пошел, а парень сел на толстый конец бревна. Недолго несли. Черт кричит:

«Давай бросим». Ну и бросил бревно черт. Парень встал прочь с конца бревна. И этот черт отступился. Пошел обратно к самому большому черту. Пришел и говорит: «Не мог ничего сделать». Ну, самый старый черт говорит: «Иди к парню, сделай из бревна лошадь и посылай обратно к отцу его и матери его». Ну, черт пришел, сделал из бревна лошадь и сказал: «Поезжай обратно к (своим) отцу и матери». Парень прибыл к отцу и матери. Отец и мать обрадовались. Парень говорит отцу и матери: «Вы меня ругали и посылали к черту, так что я с вами больше не буду жить. Приготовь мне, мать, дорожное, я пойду куда голова несет». Ну, мать состряпала дорожное. Парень пошел куда голова несет.

Шел, шел, убил птицу. Птица была глухарь, положил варить и варит. Котел закипел. Кипело, кипело мясо. Смотрит, идут два охотника, идут прямо к нему. Он огонь потушил снегом, закопал все и кипящий котел на снег поставил. Котел так и кипит на снегу. Охотники подошли, смотрят: котел все еще кипит. И говорят: «Надо купить этот котел, не нужно дров, не нужно огня, кипит, пока мы на охоте ходим день, придем обратно — суп готов, не нужно варить, продай нам этот котел, парень». Тот сначала не продает, говорит: «Мне самому нужен этот котел». Они говорят: «Продай, продай». Ну, парень говорит: «Продам, только вы меня не обвиняйте. Не будете обвинять?» Охотники спрашивают у него: «Сколько стоит котел?» Парень говорит: «Сначала отдайте сто рублей, потом берите котел». Охотники отдали сто рублей за котел. Парень научил их, как варить в этом котле: «Воду налейте в котел и мяса нарубите полный и скажите котлу: «Кипи, котел!» Придете домой с охоты, и суп будет готов». Охотники пошли, обрадовались: «Вот нам хороший котел попался». А парень после них побежал в другую сторону.

Шел, шел, смотрит, избушка стоит. Зашел в избушку. В избушке одна бабка живет. Парень этот говорит: «Возьми меня сыном к себе». Ну, и живут себе парень и бабка. Парень все ждет их (охотников): «Они, должно, придут меня убить». День прошел, второй прошел, на третий день бабушку учит: как они придут к нему его убивать, он убьет овцу, пузырь с кровью соберет и положит бабке под мышку. И говорит бабке: «Люди придут меня убить, я начну тебе приказывать чай греть, а ты не слушайся, раз скажу, второй, третий, ткну ножом — ты сиди не шевелись и не дыши, а я возьму две маленькие палки и начну постукивать тебя, раз стукну — не шевелись, второй стукну — пошевелись немного, а третий раз стукну — ты вскочи и побеги чай греть, а я тебе скажу: „Потом будешь так делать, потом будешь слушаться“». Пришли.

Между собой говорят охотники: «Нам надо купить этот нож и две палочки». Запросили тот нож: «Продай нам». Парень говорит им: «Не смогли в котле варить, а пришли меня убивать, как же я начну продавать этот нож и две палочки, вы все равно придете меня убивать, своих жен убьете, а я стану виноватым». Ну, купили нож и две палки. Парень им продал. Охотники спрашивают: «Много ли стоит все: нож и две палки?» — «Сто рублей дадите, возьмите тогда». Ну, отдали сто рублей и побежали сразу в избу, обрадовались: «Пойдем, научим своих жен». Пришли домой обратно. Зашел старший брат в избу и приказывает своей жене: «Грей чай». Ну, жена его говорит: «Сейчас, сейчас». Он раз сказал, второй сказал, третий — не выдержал. Он ножом раз поперек ребер, только хрясь, жена его и упала. Он жену поучает: «Впредь наука, не будешь так делать». Взял две палки, начал постукивать: «Как умерла, так и оживешь». Раз стукнул, второй стукнул. Она не движется. Третий раз стукнул, она совсем не двинулась, он заплакал.

Второй брат пришел, схватил у него нож и две палки, говорит: «Не научишься, наперед так не будешь делать». Пошел тоже к жене: «Грей чай». Жена говорит: «Сейчас, сейчас». Он раз, второй, третий сказал — и как стукнет потом тоже ножом в бок: «Нет, не умерла, а научишься». Сидел, сидел, жена тоже не ожила. Выскочил на улицу, плачет, опечалился.

113. ТРИ СЫНА

Жили старик со старухой и было у них три сына, и старики стали помирать, а перед смертью детям говорят: «Живите в согласии и друг друга слушайтесь!»

Старик и старуха умерли, а дети жили и прожили все, что оставили им родители, дети между собой стали судить, что старшему брату нужно идти добывать хлеба.

Старший брат пошел. Шел, шел, а ему навстречу встретился дедушка и спрашивает: «Куда, мальчик, идешь?» — «А хлеба наживать пошел». «Пойдем вместе ночевать, — говорит дедушка. — Копни мне правое ухо, будет у нас вежа, копни мне левое ухо, будет у нас сало, мясо, новый котел, новая рова, новая постель».

Мальчик так и сделал: копнул правое ухо — появилась вежа, копнул левое ухо — появилось сало, мясо, котел, рова и постель.

Старик повалился спать, а мальчик стал варить мясо, и что сварится, мальчик стал подъедать, и мышка стала подбегать, а мальчик палочкой, которой помешивал мясо в котле, и стукнет мышь по носу, только у мышки кровь брызнула.

Потом дедушка пробудился, а нос в крови, мальчик спрашивает: «А что у тебя, дедушка, нос в крови?»

А дедушка говорит: «Во сне мне привиделось, и я ходил и забился до крови».

Мальчику дедушка сказал: «Ложись спать».

Мальчик повалился, а как проснулся, нет вежи, нет и дедушки. Он встал и пошел.

А дома младший говорит среднему: «Поди ты наживай хлеба, а старшего брата хлеб нам, видно, не хлеб».

Средний брат пошел. Шел, шел, а навстречу дедушка и спрашивает: «Куда, мальчик, пошел?» А мальчик отвечает: «Пошел наживать хлеба, старший брат пошел и не вернулся».

Дедушка стал его звать вместе ночевать, и дедушка сделал так же, как и со старшим братом: появилась вежа, сало, мясо и новый котел, дедушка повалился спать, а мальчик стал варить мясо. Подбегает мышка, и мальчик мышку тоже стукнул по носу, и у мышки только кровь показалась. Дедушка проснулся, а мальчик тоже спрашивает: «Отчего у тебя на носу кровь?» И дедушка ответил: «Во сне появилось». «А ты теперь повались спать», — говорит дедушка мальчику.

Мальчик повалился, а как проснулся, ни вежи, ни дедушки нет.

Младший брат подождал, подождал братьев и не мог дожждаться и пошел тоже хлеба наживать. Шел, шел, а навстречу ему дедушка и спрашивает: «Куда, мальчик, пошел?» «А хлеба наживать пошел, — отвечает мальчик, — старшие братья ушли и не вернулись».

Дедушка и этого стал звать вместе ночевать, велел копнуть правое ухо — явилась вежа, левое — явилось мясо, сало, новый котел и новая рова, дедушка лег спать, а мальчик стал варить мясо. Прибегает мышь, и мальчик бросает ей лучшие куски и сало и раз и другой, и у мыши нос и голова вся в сале. Дедушка проснулся, а у самого и рот и борода в сале. Мальчик и спрашивает: «А отчего у тебя, дедушка, борода в сале?» А дедушка говорит: «А ночью во снах наелся сала».

Дедушка встал, накормил мальчика, напоил и спать повалил. Утром встали, а дедушка мальчику говорит: «Пойди, как я велю, так и сделай».

Дал он мальчику шапку, топор и заячью головку. И пошел мальчик, пришел к деревне, а в деревне увидали и кричат: «Какой-то дорожный идет». А другие говорят: «Нет, это солнышко поднимается».

Его встречают, поздоровались, накормили-напоили и стали спрашивать у мальчика: «Какое у тебя, мальчик, есть ремесло?»

Мальчик ответил: «У меня есть ремесла немного».

Потом он надел на голову шапку, и шапка пошла сама с головы на голову.

А был в той деревне богатый человек, у него была дочь, у которой был золотой зуб, и она не могла говорить.

У мальчика спрашивают: «Нет ли еще какого ремесла?»

А мальчик взял топор, тюкнул в пень, и топор пошел от пня к пню сам собой.

Девка с золотым зубом смотрит и начинает рассмехаться.

У мальчика спрашивают: «Нет ли еще какого ремесла?»

А мальчик показал заячью головку, связал на нитку и стал играть головкой и имать все дырки и приговаривать: «Пять копеек дырка, десять рублей дырка, сто рублей дырка, без числа дырка».

Девка рассмеялась, и золотой зуб раскрошился, и девку эту выдали замуж за этого мальчика, завели вежу и стали играть свадьбу.

114. ДВА БРАТА

Жил рыбак. Он уехал на промысел, а дома у него остались жена и сын, у которого на лбу был месяц, на висках звезды и на передках сапог — канег — по звезде. У нее родился еще мальчик — солнце во лбу, месяц на затылке, две звезды на двух висках и по звезде на передках канег.

Жена пишет мужу письмо, что у нее родился сын. Шло письмо, и перехватил его черт, и прочел, и написал рыбаку вместо этого другое письмо: «Родился у тебя сын — парша на голове, хребет, как рог, изогнут».

Рыбак пишет жене письмо, чтобы она убила этого мальчика. Жена прочла письмо и во второй раз пишет мужу, чтобы он пришел домой, что родился у него сын — солнце на лбу, месяц на затылке, две звезды на двух висках, по звезде на передках канег.

Пошло письмо, и на дороге перехватил его черт, открыл и прочел. И опять написал: «У тебя есть сын — парша на голове, хребет как рог».

Рыбак прочел письмо и опять пишет домой: когда он придет домой, чтобы сына не было.

Жена прочла письмо и говорит старшему сыну: «Положи ты нас в бочку и спусти в море».

Сын так и сделал, опустил их в море в большой бочке. А сам ушел жить за три моря.

Плыли-плыли мать с сыном в бочке; стало их к берегу прибывать. Мальчик говорит матери: «Я вытолкну бочечное дно».

Он вытолкнул бочечное дно, и вышли они из бочки на берег. Около берега был лес. В лесу было много зверья и деревьев.

Мальчик был дельный человек. Он построил избу и стал жить с матерью очень хорошо. Очень хорошо у них проходила жизнь. Долго они жили.

Пришла в голову матери мысль: «Где находится ее старший сын?»

Тогда младший сын стал собираться в путь. Мать замесила на своем молоке тесто и напекла лепешек ему в дорогу. Мальчик пошел.

Шел-шел. Пришел на морской берег, сшил себе лодку. Переплыл на ней через море, вытащил лодку на берег и пошел вперед.

Шел-шел. Встретилось ему широкое море. Опять сшил лодку и стал грести. Греб-греб, пристал к берегу, вытащил лодку на берег и пошел.

Шел-шел. Встретилось ему третье море. Он сшил лодку. Переплыл через море, вытащил лодку и пошел.

Шел-шел. Пришел к старушке. Спросил у старушки: «Нет ли здесь такого мальчика: на лбу месяц, две звезды на двух висках, по одной звезде на каньгах?» Старушка ему сказала: «Он придет скоро. Ты залезь за печку. Когда он станет пить чай, я у него спрошу».

Пришел юноша к старушке. Стал пить чай. Старушка спрашивает: «Что было бы, сынок, если бы твоих родителей услышал близко?» Он говорит: «Я пополам разорвал бы их!»

Напился он чаю и ушел на работу.

Мальчик вышел из-за печки и говорит: «У меня есть молочные лепешки. Когда он будет чай пить, ты дай ему тех лепешек поесть».

Вернулся юноша с работы. Старушка дала ему поесть лепешек к чаю. Он поел лепешек и сказал: «Что это такое, как будто молоко моей матери?»

Старушка говорит: «А что бы было, если бы твоих родных ты услышал близко?»

Он говорит: «Я их бы поцеловал».

Тогда вышел из-за печки мальчик, и брат поцеловал брата, и в доме сделалось очень светло. И пошли они к матери. Шли-шли. Пришли домой к матери и стали жить вместе.

Два сына пишут письмо отцу, чтобы он пришел домой; они очень хорошо живут, чего только у них нет.

Отец пришел к ним, поклонился в ноги сыну, которого хотел убить.

И тогда они стали жить все вместе и добро наживать.

Жили старик со старухой. У них была одна дочь и три сына. Состарились старики и говорят они детям: «Всему свое время — скоро вы останетесь одни. Вот наш завет, как вам жить без нас. Слушайтесь, дети, друг друга! Если кто скажет не по нраву — терпите, будьте согласны друг с другом. И помните, сестра у вас одна, так уж вы ее просьбы всегда уважайте. Слушайтесь сестрицу — она у вас старшая».

Сказали так и умерли старик со старухой. Схоронили дети стариков и стали жить без отца, без матери. Братья работают, девушка по дому управляется: и пищу готовит, и посуду, и белье моет, и сети она вяжет, и обувь просушит, и мягким сеном набьет, и починит, и пряжу прядет. Сказать просто: хозяйка хозяйничает, работяги работают... и все идет хорошо.

А веретено у сестрицы было не простое, а золотое, а нальте на том веретене, — то колечко, что надевают на нижний конец веретена, — и вовсе было мудреное.

Ну и жили-поживали братья с сестрою, и все было хорошо. Прожили они сколько-то времени, а однажды, когда девушка прядла пряжу, соскочило нальте с веретена на землю, покатилося направо, прямо на запад. Девушка кинулась поднять нальте, а оно от нее, она за ним, догонять его. Куда катится нальте, туда и девушка бежит, — вот-вот схватит его рукою, а оно не дается.

Недолго нальте катилось. Остановилось оно у дверей вежи неведомой. Сквознячок из дверей тянет переменчивый, и слышно, кто-то в веже песню поет, голос девичий доносится. Девушка нальте в руки взяла, а сама в вежу вошла. В веже сидит девушка. Одна она сидит, на солнышке волосы расчесывает, а солнце в облаках играет, то хмурится, то дождями закроется, то его ветрами разгоняет, чистое небо едва проглядывает.

Увидела девушка гостью и сказала ей приветливо: «Ах, вот как хорошо! Теперь я буду не одна. Пришла ко мне подружка милая, названная сестра».

И пригласила она гостью к себе в дом, чаю отведать, а сама уже чайник на огонь поставила.

Говорит она: «Садись, сестрица названная, будем-ка чай пить, угощаться». «Нет, нет, нет, — отвечает ей гостья, — я из дому убежала, не думала, не гадала, — мне негоже сидеть, чаю пить. Солнце низко, вот-вот мои братья вернутся. Они с охоты придут, будут ждать меня холодные и голодные, мокрые, не обсушенные, разве могу я в гостях сидеть и чай пить?»

А сама подумала: «Сестрица моя названная, пойдём-ка лучше ко мне в гости, я угощу тебя кое-чем. Будем вместе жить!» Подумала так и сказала: «Чем одной в этой веже жить, так уж лучше со мною пойдём, мы — братья и я — дружно, весело живём!»

Та согласилась, и они вдвоем отправились к веже старшей сестры.

Девушка домой вернулась, поставила варить еденье и питенье. У нее большой котел, у нее братья-охотники — у них всего хватает вдоволь. Не то что у той девушки — один чай да ветер прохладный.

До прихода охотников старшая девушка свою названную сестру увела в амбар, да и заперла в нем, чтобы братья случайно ее не увидели.

Вернулись братья с охоты и сразу принялись за работу: дрова рубить, кто воду несет, кто щепу готовит — чтобы огонь развести, а старший брат добычу делит, свежее мясо на пай рубит.

Когда начали закладывать мясо в котел, сестра сказала братьям: «Положите и еще один пай, пятый пай, на мое имя! Положите его!»

На такие слова сестры младший брат огрызнулся: «Ну, куда тебе пятый пай? Разве мало тебе или не хватает тебе своего?»

Старшим братьям эти речи не понравились. Внушили они младшему: «Не спрашивай! Раз отец-мать велели слушать нашу сестрицу, — надо выполнять все, что она велит».

Мясо сварилось, сестра его вытянула и троим дала, что положено, а себе взяла два пая — четвертый и пятый. С тем и ушла в амбар ночевать со своею названной сестрицей.

Вот братья поужинали и спать легли.

Утром они опять ушли на охоту. Две сестры дома остались. Быстро прибрались они в веже и в амбаре, а прибравшись, сели каждая за свою работу. И опять у старшей сестры нальте соскочило на землю и покатилося. На этот раз побежало оно налево, на восток. Куда нальте катится, туда и девушка бежит. Она гонится за нальте, вот-вот рукою схватит, а нальте не дается в руки взять, опять от нее дальше убегает. И прикатилось нальте к вежущке туманной. Внутри вежи ветерочек чуть-чуть бродит, а кругом вежи теплые туманы залегли.

Нальте в руки далось, девушка в вежу вошла. Захотелось ей отдохнуть, а там девушка сидит, прохлаждается на легких ветерках. И говорит ей эта девица прохладная: «Вот как хорошо! Ко мне сестрица явилась! Сестрица моя названная, садись со мною рядом, будем чаем угощаться». «Ах, нет, нет, — гово-

рит гостя, — я не могу остаться, мои братья с охоты вернутся, свежины принесут, ждать меня будут, холодные, голодные — как я могу здесь чай-воду пить! Пойдем лучше ко мне».

Ну и пошли они вместе в вежу братьев-охотников.

Пришли девушки домой, поскорее наладили питья, еденья — полно, не то что у девушки той, из туманной вежи одинокой, один только чай заварной. Попили и поели вволю, и девушка-хозяйка увела свою гостью в амбар. Стало в амбаре уже две девушки, да третья хозяйка.

К вечеру братья вернулись с охоты, огонь развели и стали добычу на пай делить, свежее мясо в котел закладывать.

Опять говорит им сестра: «К моему паю прибавьте еще и пятый и шестой, на мое имя положите эти пай!»

Младший брат, услышав это, не стерпел. Он сказал: «И откуда у тебя появились лишние пай?»

Старший его успокоил: «Раз сестрица говорит, значит так и делать надо: клади на ее место и ее пай, и пятый, и шестой, а сам поменьше пустые речи говори».

Вот и ужин поспел. Стали братья ужинать, а сестра забрала пай — и свой, и пятый, и шестой — и ушла с ним в амбар к своим сестрицам названным.

Наутро сестра, напоив и накормив своих братьев, на охоту их отправила, а сама с сестрицами принялась за работу. Каждая своим делом занялась. Старшая сестра опять свое веретено в руки взяла и только начала прясть, — сорвалось нальте с веретена, об землю ударилось и покатилося по прямой дорожке в сторону солнышка. Девушка за нальте бросилась, бежит за ним, а только нальте в руки не дается, все катится и катится, все дальше и дальше убегает. Докатилося нальте до порога дома и остановилось. Небо тут ясное, в доме тепло, родничок журчит, уходить из дома не хочется, хоть бы и век так было тепло, как в этом домике летнем.

Сестрица в дом вошла, а там девица сидит одна-одинешенька и чаек попивает. Обрадовалась она и говорит навстречу гостье хорошей: «Вот как хорошо! Ко мне сестрица пришла. Садись со мною рядом, будешь мне сестрой названной, будем чай пить, наслаждаться, будем чай родниковой водой запивать».

А сестрица ей в ответ, что не может она, не ко времени ей чай распивать, скоро братья вернутся с охоты, придут они усталые, холодные, голодные! Никак не может она оставаться. И говорит: «Пойдем, названная сестрица, в гости к нам. У нас дома весело, народу много. Так будет лучше».

Пришли девушки домой, к старшей сестре, а там уже те две девушки питание и еденье наладили. Ну, и попили, и по-

ели все вместе за веселой беседой, и сестрица-хозяйка отвела третью девушку-гостью и двух других, названных сестер, в амбар, чтобы братья их не увидели.

Время пришло, вот и братья вернулись. Охота была удачной, добычи принесли довольно. Стали делить свежину на пай. Сестра говорит, чтобы на ее долю выделили еще один пай, сверх тех паев, что она вчера спрашивала. Она велела выделить седьмой пай и на ее имя положить.

Опять младший брат пробурчал: «Что это у тебя, сестрица, какие-то пай объявились?»

Однако старшие братья пристыдили брата младшего. Делать нечего, младший брат подчинился сестре и на этот раз. Девушка все четыре пая унесла в амбар.

Поели, поужинали, братья спать легли. Поужинали девушки и тоже уснули.

Утром братья ушли на охоту, а девушки вежу и амбарчик прибрали, уселись каждая за свою работу. Хозяйка всем работу и заботу нашла — кто прядет, кто сети вяжет, а сама она опять своим веретеном пряжу прядет. И опять это нальте проказливое сорвалось с веретена и побежало вперед. Пока нальте катится, девушка за ним бежит, а рукою схватить это нальте не может, убегает оно, словно дразнится. И опять оно остановилось у вежи. Вошла она в вежу, а там красивый парень сидит — молодец молодцом. Обрадовался он и говорит: «Как хорошо! Ко мне невеста пришла», — и приглашает ее сесть, с ним чаю испить.

В ответ девушка свои речи ведет, о том, что ее братья на охоту ушли, что скоро вернутся они и будут ее ожидать холодные и голодные. Ее сестрицы ждут — надо ей домой поспевать.

И зазвала она парня к себе в вежу пойти, быть у них гостем дорогим.

Вот и пришли они домой, все сестрицы гостя угощают, величают братом названным. Попили и поели, и запрятала сестрица всех названных сестриц в амбар и парня своего туда же посадила.

Вернулись братья с охоты и сейчас же взялись — кто дрова рубит, кто воду носит, кто растопку готовит, огонь разжигляет. Сестра тут же ходит — всем пособляет. Стали добычу братья делить, а сестра и говорит им: «Надо, братцы мои, добычу на восемь паев делить», — и подает им восемь карре — восемь деревянных тарелок.

Младший брат опять не стерпел. Он сказал сестре: «Братцы, это не годится, что ни день, то на пай больше. Сегодня уже четыре пая лишку мы даем».

Однако старшие братья его образумили. Раз сестрица говорит, значит нужно. Слушайся нашей старшей, нашей сестрицы!

Ну, сварили они мяса довольно, на все восемь паев хватило его с избытком! Стали варить они мясо в большом котле, а сваривши, разложили его на восемь карре, и сестра унесла свои пять лишних паев к себе в амбар.

Братья ужин кончили, а сестра их вернулась из амбара и говорит: «Завтра, братья мои, никуда не ходите, на охоту тоже не идите! Завтра мы устроим наш семейный праздник».

Утром никто из братьев никуда не ушел, все трое готовились к праздничному дню. Сестра им помогала. Когда все было готово, братья собрались у очага, каждый на свое место, как и всегда сидел. Они посидели. Стали ждать, когда можно будет приступить к трапезе. Тут-то сестра встала и пошла к амбару.

Из амбара она вывела за руки всех своих названных сестриц и сказала: «Вот вам, братья мои, каждому по невесте». Потом вызвала из амбара пригожего парня. Взяла его за руки и сказала: «А вот и мой суженый!»

Братья возражений не имели, потому что все невесты были девушки пригожие. Сестрица им сказала: «Все девицы работницы усердные, каждая живет в своей стороне и в других краях жить им нельзя».

Ну, и начали они пировать да свадебничать, и гуляли они три дня и три ночи. А наутро четвертого дня сказали: «Довольно гулять, пора и за работу браться».

Собрались они и долго судили и рядили, как им на охоту сходить? И все решили так: что каждый брат отправится в дом жены своей, — там ему и охота, и жительство, по обычаю.

Старший брат пошел к своей жене в теплую вежу — на юг. Средний брат — на запад, а младшему достались туманные края на востоке.

Старшая сестрица осталась со своим мужем красивым домом, в своей веже, имя которой Северный дом.

Разъехались братья в разные стороны, по своим домам, и живут они там вовеки веков. Они и поныне там.

116. ПРО ПТИЧКУ

Жили муж с женой. У них родились дочь и сын. Муж и жена заболели вдвоем и оба умерли. Сын и дочь их похоронили и стали жить вдвоем.

Брат с сестрой жили, жили. К ним пришел человек. Молодой парень пришел к ним в гости. Спрашивает ее брата:

«Отдай мне твою сестру в жены». Парень говорит: «Я не могу отдать свою сестру. Будет, как она сама хочет. Пойдет, пусть живет». А его сестра говорит: «Я не пойду ни за кого замуж и буду жить одна». Брат говорит: «Мы тебя повезем на лодке, перевезем гостя на тот берег реки». Сестра пошла, села в лодку, а брат говорит: «Тебе надо выходить замуж». Его сестра со своей рукодельной корзиночкой прыгнула в воду. Брат сестру жалеет. Парень говорит ее брату: «Поедем ко мне в дом». Ее брат пошел в его дом. Пришли к нему. Человек говорит: «Ты сиди, ожидай меня. Я скоро приду». Брат стал ожидать. Человек ушел, пошел, позвал много народу, чтобы вырыть глубокую яму в семь сажен. Народ пришел, и вырыли яму в семь сажен.

Человек пришел обратно в свой дом и говорит своему товарищу: «Пойдем со мной. Я тебя поведу туда, где много народу». Его товарищ пошел. Он видит, на улице очень много народу. Он спрашивает: «Какой это народ?» Он, другой, отвечает: «Этот народ ожидает тебя туда». Вот они пришли к большой яме. Там народ схватил девушкиного брата, бросили его в большую яму, засыпали землей и ушли домой. Жених пришел в свой дом и говорит своей матери: «Я своей невесты брата закопал в яму». А сам заснул.

А его мать пошла ночью поставить силок. Там на яме ходит птичка и говорит по-человечьи: «Кто моего брата достанет из семисаженой ямы, за того и пойду замуж». Старушка смотрит: птичка ходит, у нее следы золотые, серебряные. Старушка собрала в фартук золотые следы, пошла домой.

Пришла домой, говорит сыну: «Там ходит птичка по яме. Я собрала тебе ее следы». Сын посмотрел: а там, правда, есть золотые следы. Он своей матери говорит: «Я пойду туда, посмотрю сам». Сын пришел со своей матерью, сел около ямы, смотрит: прилетела птичка, опустилась на землю, стала ходить, стала скоро говорить: «Кто моего брата из семисаженой ямы достанет, за того я выйду замуж». Жених сам услышал, как птичка говорит. Он быстро собрал народ. Они разрыли яму, достали человека. Он был живой. Жених взял человека, увел в свою вежу. Накормил его, напоил и говорит: «Твоя сестра ходит птичкой».

Ее брат очень обрадовался и говорит: «Возьмем сеть, пойдем, положим сеть на яму. Она нам попадется».

Пришли, сеть поставили на яму. Сеть поставили и сели. Ждали. Приходит, прилетает птичка. Опустилась в сеть. Они сеть собрали. Птица попала в сеть. Они ее взяли, понесли в его дом. Принесли птичку, накормили. Птица стала девушкой.

Ее брат спрашивает: «Теперь ты за него пойдешь замуж?»

Сестра говорит: «Я сказала, что кто моего брата достанет, за того и пойду замуж».

Жених свою родню позвал, знакомых, молодежь собрал. Сделали свадьбу. Девушка вышла замуж. Ее брат так и остался с ними вместе жить. Они стали жить хорошо.

Сказка вся.

◆ 117. ШАПКА-НЕВИДИМКА ◆

Некогда жил-был царь и у него была дочь красавица. Он послал объявление по всей земле: кто достанет звезду с неба, тот и получит в замужество его дочь. Люди знатные, узнав об этом, сперва удивились столь странному объявлению, полагая, что со временем царь уничтожит его. Не видя, однако, отмены приказа, не стали думать о красавице. Царское объявление дошло и до Лапландии. Вот один саам пошел по высоким тундрам и горам, чтобы оттуда достать звезду. Он перебивал на многих высоких тундрах и горах, но звезды достать не мог. Когда приходил на высокую тундру, то ему представлялось, что с другой, более высокой можно достать, но когда приходил туда, опять видел то же. Так он ходил долго и наконец потерял надежду, что можно достать звезду. Стал горевать, потому что в объявлении сказано было еще, что если кто скажет: «Достану», но не достанет, тот предан будет смерти. Горевал он немало времени и хотел наконец лишиться сам себя жизни, как в это время откуда ни возьмись явился перед ним незнакомец и сказал: «Что ты такой печальный, разве что потерял?» — «Как мне не печалиться, когда сам себя я за хвостовство приговорил к смерти. Желая сделаться счастливым, я сказал, что достану с неба звезду, думал, что можно это сделать с высокой горы, но между тем ошибся, сколько ни ходил, но успеха никакого не было. Теперь не только мне не жениться на царевне, но еще придется умереть».

Незнакомец сказал: «Не знаю, как пособить твоему горю. Впрочем, попытаем счастья. Ты садись ко мне на спину и держись крепче. Мы полетим вверх, ты только вниз не смотри». Вот они и полетели, как птицы, к облакам. Летели они долго, наконец саам устал даже держаться. Незнакомец в это время сказал: «Смотри вверх лучше». Он смотрит и видит, что звезды у него под руками и все большие.

«Ну, что видишь?» — спросил опять его незнакомец. «Звезды у меня почти в руках», — ответил он. — «Возьми же одну скорее руками».

Он сейчас взял звезду, сперва одною рукой, а после и другою. Как двумя-то руками он взял звезду, незнакомца вдруг и не стало. Саам остался у звезды висеть и думает: «Звезда у меня и в руках, но с ней опять горе». Ветер между тем его бросал со стороны на сторону, а он все-таки от звезды не отступается. Наконец его оторвало вместе со звездой, и он полетел вниз. Упал он с высоты на мох и просел до половины туловища. Звезду он положил в карман, а сам стал стараться выйти из мха. С большим трудом он освободился и тогда пошел искать дорогу. Шел он немало времени и наконец услышал, что недалеко кричат люди. Он пошел туда и увидел, что между собою дерутся три человека. Подошел к ним и сказал: «Что вы за люди и о чем спорите, чуть даже не деретесь?» — «Мы все родные братья. У нас ныне умер отец и у него осталась одна шапка — каппер. Вот ее-то мы и не знаем, как разделить. Каждому взять хочется, а другим-то ничего не останется». — «Очень сожалею, что вы из-за такой безделицы спорите и даже чуть не деретесь». — «Да, легко тебе говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто наденет ее, того никто не увидит, что бы он ни делал. Эта шапка лучше всякого богатства». — «Нельзя ли посмотреть мне?»

Они согласились и принесли.

Он взял в руки и стал рассматривать. Да, шапка действительно хороша, и стал поднимать себе на голову. Братья, видя это, сейчас сказали: «Нет не надевай себе, мы тебя не увидим». — «Ничего, ненадолго можно примерить. Правду ли вы еще говорите, стоит ли и спору-то? Я только удостоверюсь в справедливости ваших слов и возвращу вам».

Не успел он надеть, как его перестали видеть, и он пошел дальше путем-дорогою.

Братья после этого еще более заспорили, но наконец сказали: «Шапки теперь нет, перестанем же и спорить, потому что из троих из нас теперь никому не завидно. Будем лучше жить по-прежнему, согласно и поблагодарим незнакомца, что он избавил нас от неприятности. Быть может, во время спору мы бы убили еще один другого».

Саам в шапке-невидимке шел себе к царю и никого не боялся. Знал теперь, что у него никто не отнимет звезду. Вдруг он опять услышал крик и пошел посмотреть. Когда стал приближаться к людям, шапку снял. Теперь он увидел, что дерутся три человека. Он опять спросил их: «Что вы за люди и зачем обижаете один другого?» — «Мы братья. У нас был отец и теперь умер. У него остались одни только каньги, но каньги не простые. Если их поворотишь на левую сторону, то

они сами идут, или, вернее, несут на себе человека». — «Нельзя ли мне их посмотреть?»

Братья принесли и стали показывать.

Саам рассматривал их внимательно и хвалил. Они, будучи польщенные его словами, дали ему и померять. Лишь только он надел их, как в то же время надел на себя шапку и пошел от них далее с благодарностью за простоту.

Братья еще поспорили между собою, но наконец и они помирились, подобно первым.

Саам теперь продолжал свой путь очень скоро и через несколько времени опять услышал крик. Пошел на голос и увидел, что между собою ссорятся три человека. Он спросил их: «О чем вы спорите и что делите между собой?» — «Мы братья и сейчас похоронили отца своего. Денег и имущества у него не осталось никакого. Остался только у него посох, посох этот непростой: если рукоятью поставить в землю во время войны, тогда на той стороне, где находится посох, не убьют ни одного человека, а неприятели все умрут от моровой язвы».

Он попросил посмотреть и как только взял в руки, сейчас же рукоятью поставил в землю, и братья умерли. Он положил их в землю и пошел в веселом расположении духа к царю. Шел, шел и дошел до большого красного дома, окруженного со всех сторон полями и садами. Он стал ходить около дома в надежде увидеть кого. К сожалению, людей не видел, а видел только, что летают разные птицы и гуляют по саду. Перед вечером пошел он в дом и лишь только отворил двери — сейчас увидел толстую женщину. Она, увидав его, сказала: «Вот мне теперь будет праздник, хорошее мясо само пришло ко мне». — «Нет, любезная! На мое мясо лучше не надейся. Я уже хожу много-много времени и у меня остались только кости да жилы. Будь лучше добра и помоги моему горю; скажи, в которой стороне живет царь с красавицею девицею». — «Вот этого-то я не знаю. Сижу постоянно дома, и мне во всем помогают птицы. Спрошу у них».

Вышла она в сад, и птицы по ее знаку все прилетели к ней. Она спросила их: «Где живет царь и красавица девица?» Птицы отвечали, что не знают, и прибавили, что нужно спросить у самой большой птицы — Куддалв, которая носит людей. Она, быть может, и знает. Явилась наконец и эта птица, спросили у нее, но она не ответила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить, и так как она молчала, взяла ее в избу и бросила на печь. Птицу ожидала тут настоящая смерть, и она сказала: «Отпустите меня с печи, я скажу». Ее взяли оттуда, и хозяйка сейчас же велела ей отнести саама к царскому дворцу. Саам поблагодарил хозяйку и сел на птицу. Птица поднялась высо-

ко и понесла его через реки, озера и моря. Летела она долго, наконец захотела есть, сказала сааму: «Брось на море платок и кусок серы». Он бросил, и образовался остров — суэл. Здесь они отдохнули и закусили. На другой день опять утром рано полетели они и перед вечером увидели стадо коров. Птица опустила саама на землю, указала ему дорогу к царю, а сама схватила быка и полетела с ним обратно. Саам вскоре пришел к царскому дворцу, надел шапку-невидимку и пошел во дворец. Здесь он увидел много людей, ходил за ними и рассматривал везде все. Наконец прошел он в комнату к царской дочери. Она сидела и шила себе хорошее платье. В это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а саам отрезал от звезды кусок и положил в чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взяв в руки чашку, увидела, что в воде плавает звезда. Она изумилась и поставила питье в сторону. Попросила другую чашку, но и с этой саам сделал то же. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала-думала и наконец сказала: «Кто здесь есть из посторонних, пусть покажется, наказания не будет».

Саам снял шапку, и она его увидела: «Кто ты такой и зачем сюда пришел?»

Саам рассказал о себе все с начала до конца и спросил: «Где царь? Мне нужно явиться к нему».

Царевна сказала: «Он уехал на войну, откуда и получены сегодня известия, что войска его все разбиты. Едва ли он жив теперь и сам».

Спросил он еще, в которой стороне война, и узнав, сказал, что пойдет на войну: «Увижу я там сам, так ли дела плохи и не могу ли пособить».

Царевна стала его уговаривать и упрашивать, говоря, что теперь у нее вся надежда на него. Наконец, убедившись, что он не останется, стала и сама проситься с ним. Он уговаривал ее остаться и сказал: «Если я пойду, то возвращусь скоро, да и царь возвратится, а если нет, то с ним может случиться действительно несчастье». Царевна наконец осталась, а он в своих каньгах сейчас же явился на войну. Лишь только он поравнялся с царем, как сейчас же посох поставил рукоятью в землю.

По неприятелю немедленно прошла моровая язва, и войска все умерли.

Саам, видя, что война кончилась счастливо, в своих каньгах поспешил к царевне, чтобы передать о случившемся. Пришел он во дворец и рассказал, как и отчего погиб неприятель. Она поблагодарила его, и стали дожидаться возвращения царя. И вот, когда пронеслась весть, что царь возвращается с побе-

дой, царевна и саам вышли его встречать. Царь не успел еще увидеть у царевны звезды, как она и саам стали просить благословения. Царь на радостях сейчас же благословил их и дал пир на славу всем.

Вот и сказка вся.

118. БРАТЯ

У старухи было два сына бедных. Они с ружьями ходили на охоту. Ходили, ходили, убили медведя. Сняли шкуру и высушили.

Старший сын был мастер играть на гармонии, младший был мастер плясать. Старший говорит брату: «Я мастер играть, а ты — плясать. Пойдем-ка в город зарабатывать деньги». И пошли. Пришли в город. Один играет, другой переоделся в медведя и стал плясать. Плясал он красиво очень.

Дошли разговоры до царя. Тот приказал пригласить к себе того человека с медведем. Царь смотрел, смотрел и говорит человеку: «Оставь мне медведя на ночь». Человек говорит: «Не знаю, надо подумать». Царь говорит: «Подумай, подумай». И тот ушел на улицу с медведем. Вышли, а медведь говорит: «Ты оставь, оставь меня, не бойся». Вот пришли обратно, человек говорит: «Оставлю медведя». Сам вышел и пошел по городу один играть на гармонии.

Утром рано царь взял медведя и пошел в лес. Долго ли, коротко ли шел, пришел на берег озера и стал бросать палки, ветки, деревья крест-накрест. Так бросал, бросал, и озеро стало сухим. Он отправился дальше. Пришел на середину озера. Ткнул шестом, нашел дверь. Убрал вокруг тину и спустился вниз. Там был дом сделан. Открыл вторую дверь. Медведь смотрит, все девушки сидят. Одна дочь царя. Когда они вошли, девушки стали бояться, стали кричать. Царь их успокаивал, успокаивал и стал просить медведя сплясать. Когда стал медведь плясать, девушки все обрадовались, собрались вокруг медведя. Дочь царя говорит: «Отец, оставь мне медведя дня на три». Отец вначале не оставлял, а потом оставил и говорит: «Он ест все, что ты сама ешь», — и ушел.

Девушки стали есть и медведя кормить. После еды стали заставлять медведя плясать. Тот начал плясать. Девушки смеются. Царевна гладит медведя и щупает. Однажды потрогала и нашла узел. И тут же заговорила: «Это не медведь, а человек». Взяла и распорола шкуру совсем. И жили до приезда отца. К приходу отца шубу обратно на медведя закрепили. И учит она его: «Обратно придешь, отец будет говорить народу: «Кто найдет мою дочь, за того выдам ее замуж». Ты бе-

рись искать и тут же попроси у него ключ. Когда он тебе пообещает дать, ты повернись к народу и скажи: «Вы все слышали?» — и тогда пойдешь». И дала юноше кольцо. Тут посидели, посидели. Отец пришел и обратно медведя повел. Привел его хозяину. Прошло немного дней. Царь пустил весть по городу: «Кто найдет мою дочь, тому я отдам ее в жены». Собрался народ около дома царя и ждут, кто такой найдется. Тот юноша сбросил медвежью шкуру и сюда же пришел. Смотрит, все боятся. Откуда знают, где искать. А сам держит руку на кармане, где у него кольцо. Царь говорит: «Найдешь, так приведи».

Юноша говорит: «Найти найду, только ты дашь или нет мне то, что мне надо?» Царь не знает, что делать, подумал и говорит: «Дам». Юноша повернулся к народу и произносит: «Слышали, что он говорит?» Народ отвечает: «Слышали». И юноша зовет: «Пойдемте тогда со мной», — и вся публика пошла за ним. Отправились, юноша обращается: «Дай мне что надо». Царь спрашивает: «Что?» — «Ключи». Царю не хочется отдавать. Юноша повернулся к народу: «Вы слышали, он обещал, а теперь не хочет отдавать». Тогда царь отдал. Юноша идет впереди, царь за ним. Идут. Лес кончился. Пришли на озеро.

Юноша сделал все так же, как тогда царь. Подошли к двери, открыл парень дверь. Навстречу вышли девушки. Юноша достал кольцо и отдал дочери царя при царе. Царевна говорит отцу: «Вот и есть твой медведь. Это был не медведь, а был вот он».

С тех пор стали жить царевна с юношей. И теперь живут.

119. ИГРУН-СМЕЛЬЧАК

Жил некогда один богатый человек и имел он одного сына. Умирая, он заповедал своей жене, чтобы она сыну его, если он попросит денег, дала ему в первый раз не более трехсот рублей. Сын после смерти его вырос и стал ходить на улицу с детьми играть. Он играл с ними в бабки и бабки у них отнял. Ребята ему и закричали: «Ты богач, а у бедняков отнимаешь бабки». Он бабки бросил им и пришел к матери и сказал: «Дай мне сто рублей».

Мать денег дала ему, и он пошел на улицу. Здесь опять играл с ребятами и побрякивал деньгами. В это время он увидел: идет старик и несет кошку, и спросил его: «Не продашь ли кошку?» — «Купи». — «Много ли просишь?» — «У меня кошка смиренная, и я менее ста рублей не продам».

Не говоря ни слова, он вынул деньги из кармана, отдал их, взял кошку и пошел домой. Здесь она ему так понравилась, что он не знал более никакого дела, как только с нею и играл. Наконец, однако, наскучило ему, и он опять пошел на улицу к ребятам играть. Играя с ними, он опять отнял у них игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бедных копеечные игрушки. Он бросил их и пошел к матери.

Дома опять выпросил у матери сто рублей и с ними пошел на улицу играть. Побрякивая деньгами, он опять увидел того же старика, у которого купил кошку, и он вел теперь собаку.

Он опять стал покупать и купил ее за сто рублей, сколько и спросил хозяин. Он сказал ему, что на его собаке можно ездить и возить дрова.

Привел собаку домой и с нею и с кошкой играл постоянно. Они от него не отходили никуда. На собаке он ездил, а кошку привязывал сзади. Этим он занимался долгонько и наконец ему это наскучило.

Опять пошел на улицу и играл с ребятами. Отнял у них и игрушки, те опять закричали, и он, рассердившись, бросил им. Пришел домой и опять у матери стал просить сто рублей. Мать деньги дала и сказала: «Это последние, отец более тебе не оставил». Взял он деньги и пошел на улицу. Вскоре он опять увидел того же старика, но у него ничего не было уже. Он поэтому спросил его: «Куда ты пошел?» — «Я хожу и хочу кому-нибудь продать золотой перстень — сурмас». — «Продай мне и его. У меня есть деньги, хотя уже и последние».

Старик согласился продать ему за сто рублей, только прибавил: «Деньги отдай сейчас, а за перстнем-кольцом пойдем со мною и у меня дома получишь». Заплатил материн сын деньги и пошел с ним. Пошли они сперва мимо домов по дороге и все прошли. Пошли далее уже лесом и пришли к пахте, каменной горе. Здесь старик снял с отверстия камень и сказал: «Поди туда, а я иду за тобой». Сын как зашел туда, то старик сейчас же отверстие закрыл и сам остался на земле. Сын очутился в безвыходном положении, как в тюрьме. Сперва он плакал, а потом пошел, куда несут ноги. Наконец у него под ногами стали доски и через щель вдали увидел свет-огонь. Потом туда и пришел к лестнице — пордис. По ней он поднялся и увидел пред собою двери. Их он отворил и увидел пред собою комнату, залитую светом, потому что горело много свечей: В ней стоял стол со всякою пищею и вином. Будучи голодным, он сел, наелся и напился. После этого он стал смотреть и опять увидел впереди двери. Пошел туда, отворил их

и опять увидел такую же комнату со столом, кушаньями и вином. Он был сыт и поэтому только на них посмотрел. Впереди были опять двери, он отворил и их. Здесь было везде пусто. Стола с кушаньем не было, а вместо него в одном углу он увидел лежащего человека. Подошел к нему и увидел, что он мертвый и на руке у него золотой перстень. Он подумал: «Мне этот-то перстень и продал, должно быть, старик». Поэтому он перстень с руки покойника снял, надел себе на палец и пошел назад. Миновал светлые комнаты, он зашел в непроходимую тьму и не знал совершенно, куда ступить. С горя он стал перстень с пальца на палец перелагать и когда надел его на первый палец от мизинца на левую руку, тогда перед ним явились два человека и спросили: «Что тебе нужно?» — «Я желаю отсюда выйти, так как старик, показавший мне сюда дорогу, со мною не пошел, а остался наверху. Меня одного сюда запер». — «Теперь немного усни, а после все тебе будет».

Он немного соснул, проснулся и увидел, что отверстие на земле открыто. Перстень переложил на средний палец, вышел из шахты и пошел своей дорогой домой. С радостью вошел в свой дом, но увидел, что мать сидит почти голодная, потому что не стало у ней ничего. Поел он сухой риськи и пошел спать.

На постели он перстень со среднего пальца опять переложил ближе к мизинцу на левую руку, и к нему опять явились те же два человека и спросили: «Что тебе нужно?» — «Я долго проходил из своего дома, мать все прожила и нечего стало есть».

Они ответили: «Теперь спи до утра, а утром все тебе будет». Встал он утром и увидел, что везде у них всего довольно. Зажил он хорошо после этого и стал думать об открытии торговли. Вот опять однажды вечером перстень переложил на палец, и опять явились два человека и спросили: «Что тебе нужно?» — «Мне хочется быть купцом». — «Ну, теперь спи, а утром все будет по-твоему». Через ночь все так и сделалось. Встал и увидел, что перед домом его стоят лавки с товарами. Торговля пошла у него удачно, и так он прожил несколько годов. Наконец захотелось ему жениться и стал у матери просить дозволения. Мать согласилась, но спросила: «Где у тебя невеста?» — «Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица». — «В уме ли ты, об этом не нужно и думать-то даже». — «Нет, я так хочу непременно, и ты должна идти от меня сватьей. Снесешь царю, царице и невесте богатые подарки, и дело устроится как нельзя лучше». — «Напрасно ты это задумал, потому что царю нужны подарки не простые, а драгоценные, а где ты их возьмешь?» — «Об этом не беспокойся. Завтра все будет».

На постели он перстень переложил на палец подле мизинца, и опять явились два человека и сказали: «Что тебе нужно?» — «Я думаю жениться у царя и мне нужны поэтому подарки: два камня драгоценных и один самоцветный». «Спи до утра и тогда все будет», — ответили они и ушли.

Встал он на другой день и увидел на столе три камня, которые горели как огонь и блестели как солнце. Пошел к матери и отдал ей.

Мать, при виде их, пришла в изумление и с ними пошла к царю уже смело. Ввели ее к царю, где она немедленно драгоценные камни подарила царю и царице, а самоцветный — их дочери и сказала: «Это осмеливается поднести вам мой сын и в то же время просит покорнейше руки вашей дочери».

Царю и всем подарки понравились, но на сватовство он ответил: «Если завтра сын твой может подарить нам золотые тарелки и несколько гусиных яиц (время было осенью), тогда дочь моя и мы согласны породниться». Старуха поклонилась им, пошла домой и передала это сыну.

Вечером он надел перстень на упомянутый палец, и опять пришли два человека и спросили: «Что тебе нужно?» — «Мне требуются золотые тарелки и гусиные яйца для невесты». — «Спи, утром они будут у тебя». Так действительно и случилось. Мать днем пошла и отнесла подарки. Царь и невеста подарки осмотрели, похвалили и сказали: «Если твой сын к утру сделает с нашей стороны реки на его сторону чугунный мост, покрытый красным сукном, тогда можно будет сделать и свадьбу, а в противном случае дочь моя не согласна, потому что она боится ездить через реку». Старуха, услышав это, поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, добавила: «Вот наделал себе хлопот». «Это ничего, — ответил он. — К утру все дело поправится». Вечером он прибег к упомянутому ранее средству, и два человека посулили к утру все. Через ночь действительно на реке явился мост и с красным сукном. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыном, пошла к царю. Он принял ее ласково, но сказал: «Дочь жила постоянно дома и ей не хочется от матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына дом подле нашего, тогда сыграем свадьбу на славу». Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну, и тот ответил: «Ну и это ничего. Надеюсь, устрою». Вечером он сделал то же, что и раньше, и явившиеся два человека посулили дом к утру. С рассветом действительно дом их стоял подле царского, и на этот раз сын с матерью пошел к царю сам.

Царь столь богатого и смышленного будущего зятя встретил с невестой ласково, и вскоре была сделана свадьба. На-

роду на свадьбе было много, и все веселились, сколько могли. Немало было и пьяных. Пьяными напились даже и старуха — мать жениха, и сам молодой. Царевна, однако, вышла за него не по любви, а из-за подарков и чудных его дел. Она любила другого жениха.

И вот, когда увидела, что муж пьяный, она, лаская и целуя его, стала спрашивать: «Какою ты силою и мост сделал, да и дом перенес?» Он и сказал, что у него есть перстень, и показал его, и сказал, что следует его положить на левую руку подле мизинца и тогда явятся два человека, которые и исполнят к другому утру, через ночь, все желания. Жена, узнав это, стала сама угощать его, и вот, когда он был очень пьян, она взяла у него с руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, несмотря на его крик. Выбросили за ним туда же и мать. Царь после этого также на него осерчал и приказал запереть в тюрьму.

Жена его между тем вечером надела перстень на указанный палец, и к ней пришли два человека: «Чего тебе нужно, царевна?» — «Я хочу, чтобы перенесена была в другое Норвежское царство, к моему жениху». — «Теперь спи, а утром все будет исполнено».

Наутро, когда она проснулась, увидела себя у первого жениха и со всем своим именем. С ним были даже кошки и собаки, оставленные мужем, купленные им у старика. Звери эти ходили и искали своего хозяина, но его нигде не видели, а перстень его между тем днем всегда блестел на правой руке царевны, а ночью же она клала его в рот, а также и тогда, когда спала. Кошке и собаке хотелось этот перстень отнять у ней и передать хозяину. Раз они увидели мышь и решили хвостом ее для этого воспользоваться. Кошка схватила мышь и хотела ее убить, но она сказала ей: «Не бей меня, что тебе нужно, я пособлю». — «Хорошо, я не убью тебя, но ты должна нам изо рта достать у хозяйки перстень».

Мышь согласилась и сказала: «Ночью я тихонько зайду к хозяйке на грудь и хвост ей вложу в нос, она чихнет, ты перстень схвати и беги с ним, куда знаешь, а я уже знаю, куда мне уйти».

Наступила ночь. Мышь как сказала, так и сделала. Хозяйка от хвоста чихнула, перстень полетел, кошка сейчас же схватила в рот, а собака отворила двери, и побежали они вместе искать своего хозяина. Добежали они до широкой реки, и не знала кошка, как ей переплыть, собака сказала: «Садись ко мне на спину, и так переплывем реку». На середине реки собака, однако, подумала: «Кошка хозяину принесет перстень, а я ничего. Меня он, может, и прогонит». Подумав

так, собака сказала: «Дай мне теперь перстень, я понесу его другую половину». — «Что ты выдумала? Мы уроним его в воду, когда я буду передавать тебе, и тогда он никому не достанется».

Собака настояла на своем и прибавила: «У меня рот большой, я открою его, и ты отпусти». Кошка послушалась, и перстень упал мимо рта и пошел на дно. С горя поплыли назад и недалеко подошли к берегу, как увидели избу. В ней жил старик-рыбак со старухой. Хозяева их приласкали, и они стали тут жить.

Раз хозяин осенью привез рыбу с реки, и когда ее чистили, ощупали твердое и в кишке увидели перстень. Старик со старухой находке обрадовались и, налюбовавшись им, положили на полку. Собака и кошка это видели и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вон, кошка вскочила на полку, взяла в рот перстень и сейчас же, как хозяева в избу, они на улицу и по дорожке.

Кошка, прибежав к реке, сказала собаке: «Возьми перстень теперь, а как запросишь опять на реке, тогда потеряем». Собака ответила: «Храни лучше ты. Садись на спину и поплывем через реку». Вышли на другой берег и побежали вперед искать хозяина. Нашли его в тюрьме. Стали думать, как зайти, и надумали так: собака дверь немного оттянула, и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечером он надел перстень на счастливый палец, и перед ним явились два человека, спросили: «Что тебе нужно?» — «Хочу быть свободным и чтобы жена моя мне была возвращена». «Теперь спи, — ответили люди, — а утром все будет».

Проснулся утром и увидел, что он спит со своей женой и в царских покоях. Другой муж был посажен в тюрьму и после его судили. Смельчак же стал жить со своею женою и матерью на завидость другим.

120. ПОП-ПОПЛАВОК

Жили старик и старуха. У них был один сын. Он вырос очень большой и высокий. Старик не мог ему подобрать одежду. Тогда старик решил пойти утопить его, а ему не говорит. Пришли на пристань. Старик говорит сыну: «Смотри в воду, далеко или нет дно». Тот наклонился и смотрит, старик сзади стоял и толкнул сына своего в воду.

Парень полетел, на лету подцепил ногой пристань, и вся пристань обрушилась в воду. Старик промелькнул в воду вслед за сыном и утонул. Сын, Поп-поплавок, залез на бревно от пристани, и его понесло в море. Кто знает, сколько дней

носила его вода по морю. Тут подвернулся идущий корабль. На корабле стали видеть на воде человека, корабль свернул и взял человека.

Этот корабль был царского сына. Царевич ехал жениться на дочери другого царя. Поп-поплавок рассказал, как он попал в воду, и попросился помощником царевичу. Тот взял его. Царевич, куда направлялся, достиг, женился и с молодой поехал обратно. Ночью легли вместе спать, а Поп-поплавок не спит, похаживает. Вдруг слышит, там царевич стонет тяжело, немного времени прошло, он еще тяжелей стал стонать. Поп-поплавок хотел пойти посмотреть, что с ним. Царевич вылез наверх весь бледный.

Поп-поплавок спрашивает, что с ним случилось. Царевич говорит: «У молодой жены такая сила, что, положив руку на меня, чуть не придавила, а ногу положила — чуть душу не взяла». Поп-поплавок говорит: «Я пойду лягу около нее».

Пришел и лег рядом. Девушка положила на него руку свою. Поп-поплавок оттолкнул слегка, рука девушки отлетела, о стенку ударилась, даже корабль прошелся на боку. Девушка спала, спала и ногу свою положила на ногу парня. Поп-поплавок взял и опять оттолкнул. Нога отлетела к стене и так ударилась, что корабль на одном боку прошел по воде. Тогда Поп-поплавок вылез наверх и говорит царевичу: «Можешь пойти лечь, не станет она класть на тебя руки и ноги свои».

Утром девушка говорит ему: «Пойдем бороться, я стану, а ты три раза через голову перевернешься, чтобы на третий раз коснулся ногами моей груди». Тогда царевич испугался и все рассказал, кто ночью спал с ней. Царевна пошла приглашать Попа-поплавка бороться.

Корабль шел, шел и остановился. Девушка с Попом-поплавком сели в лодку и погребли к берегу. Разыскали площадку. Девушка стала, а ему приказала через голову три раза перевернуться. Объяснила так же, как мужу говорила. А у самой был с собой большой острый нож.

Когда Поп-поплавок перевернулся через голову три раза и коснулся ногами ее груди, девушка ножом отрубила ему ноги, у того ноги отлетели в сторону. Девушка села в лодку и отправилась на свой корабль. Корабль вперед пошел, а Поп-поплавок покружился, положил ноги свои в карман и пополз. Полз, полз, появился лес, в лесу домик. Дверь открыл, вошел, а там навстречу два человека, заговорили обрадованные: «Вот к нам пришел третий товарищ, теперь мы заживем». А эти живут тут вдвоем, давно живут или недавно. Один безрукий, второй слепой. Теперь к ним пришел безногий.

Тут стали сговариваться, как жить дальше. Сговорились: будут охотой жить. Безрукий будет водить их, безглазый будет носить безногого, а безногий будет стрелять. Охота пойдет — надо же хозяйку: греть, варить.

А слышали они в городе: царь хочет в праздник посадить дочь у окна на верхнем этаже. Кто у нее снимет перстень с пальца, тому отдаст свою дочь. И безглазый с безногим человеком готовились, готовились в дорогу и отправились. Безглазый говорит безногому, сам несет его на себе, безногого: «Идем, идем, как покажется нижний край окна царского дома, и ты меня ущипни, я полечу».

Значит, шли, шли, показалась крыша дома, попозднее показался нижний край окна, у которого сидела дочь. В этот момент безногий ущипнул безглазого, тот полетел. Летел, летел, летел и как ударится пониже окна, отлетел обратно на то же место, откуда вылетел. Безглазый спрашивает: «Куда мы угадали?» — «Куда? А пониже окна».

Наступил второй день, опять отправились. «Теперь, — говорит безглазый, — ущипнешь, когда покажется верхний край окна». Шли, шли — показался дом, как только показался верхний край окна, безногий ущипнул безглазого. Тот полетел. Летел, летел, ударился повыше окна. Отлетел обратно, пришли на то же место: «Куда теперь мы угадали?» — «Да угадали повыше окна».

Наступил третий день, и последний день. Они опять отправились. «Теперь, — говорит слепой, — дай знак, когда покажется окно до половины, я попробую опять полететь». Шли, шли, опять показался дом, показалось окно, как только показалось окно до половины, так и ущипнул безногий друга, тот вылетел. Летел, летел — залетел в окно. Немного прошло, вылетел обратно, у безногого девушка на руках. Только и видел народ их.

Так у них и хозяйка стала. Они стали ходить на охоту, девушка стала дома хозяйкой жить. Девушка стала оставаться дома одна. К ней стала приходить баба-яга. Однажды пришла, приказала в голове искать. Девушка искала, искала, она (баба-яга) уснула у нее в подоле. Спала, спала, весь день проспала. Проснулась под вечер и ушла. Люди вечером пришли, видят: девушка усталая, усталая, едва слово может выговорить, вся бледная. Они спрашивают — она не говорит ничего. Через сколько-то дней опять на охоту ушли. Только ушли, баба-яга прибежала, спрашивает: «Все ушли?» Девушка говорит: «Все». — «Тогда ищи в голове». Девушка опять искала, искала, старуха и уснула. Больше прежнего спала. Как проснулась, так и убежала. Сразу же после нее пришли люди.

Девушка больше прежнего усталая. Тут они пристали к девушке, почему она так устала, — скучает без них или очень заботится о доме.

Вот девушка рассказала, как без них приходит баба-яга. Тогда люди говорят: «В следующий раз мы не уйдем, а спрячемся в доме». И девушку учат: «Она придет, ты приготовь ей скамейку, другую скамейку поставь под голову и подушку подложи. Поищешь, поищешь, она уснет, тогда мы ее угостим, будем просить живую воду, у нее можно только достать эту воду». Так на другой день они как будто ушли на охоту, а сами спрятались в доме, кто куда: слепой на печку залез, безрукий в один угол, безногий тут же около печки спрятался. Баба-яга в дом, спросила: «Все ушли? Вот хорошо, вот хорошо, поищи-ка в голове». Девушка приготовила ей две скамейки — на одну она села, другую под голову положила. Поискала, поискала, она (баба-яга) уснула. Девушка отодвинулась в сторону. Одну косу взял в руки безглазый, вторую безногий, третью привязали в угол. И тут стали ее дергать во все стороны, бить, топтать и просить живую воду. Баба-яга в конце концов отдала воду. Люди ее не отпустили. Стали пробовать, годится или нет куда-нибудь. Убили птицу, отрубили голову, окропили живой водой, приклеили, а птица не ожила.

Они опять принялись ее (бабу-ягу) бить. Били, били, она опять воду дала. Они в лес. Принесли птицу, голову отсекли, намазали, приклеили — и та полетела. Тогда только они отпустили бабу-ягу. Сами стали исцеляться. Безногий вынул свои ноги из кармана, намазал, приклеил и пошел; безрукий схватил с полки свои руки, намазал и стал с руками. Слепой помазал свои глаза и видеть стал. Стали парни друг друга лучше. Тут прежние безрукий и слепой поблагодарили Попа-поплавка, не он — так они так бы и жили. Это Поп-поплавок их оживил. «Теперь, — говорят, — возьми свою царскую дочь и живите. А мы пойдем на другое место».

◆ 121. СКАЗКА О ЦАРСКОМ СЫНЕ ◆

Жил-был царь с царицей и у них между собой было согласнo. Царь до того любил свою жену, что всегда она находилась при нем, когда он делал и суд над народом. Сам он судил более по правде, а царица же сплошь и рядом поступала не по правде. Раз пришла к ним судиться с мужем женщина, и царь рассудил их правильно: мужа оправдал, а жену признал виноватою.

Царица, напротив, оправдывала жену и когда на сем настояла, то находящийся в утробе матери младенец вдруг сказал:

«Плеха по плехи и тянет». Она рассердилась на него и про себя подумала: «Рано стал соваться, а когда родишься, тогда мне не будет от тебя и покою. Устрою же я с тобой шутку».

Наконец она родила сына и хотела его было сейчас же убить, но стало жаль, и страшно самой это было сделать. Она позвала солдат, отдала им младенца, приказала его убить и ей принести от него сердце. Солдаты сжалились над младенцем, они поэтому отдали его на воспитание пастуху, вместо же него убили маленького ягненка и сердце от него принесли царице. Сердце это царица приказала изжарить и за столом его съела. Царь, однако, знал, что у ней родился сын, и вот, чтобы скрыть перед царем свое злодеяние, она послала служанок купить ей другого младенца. В это время родился сын у кузнеца, и у него-то вот и купили его и принесли к царице. Младенца этого растили как царевича, но только он немного подрос, как стал заниматься только молотками и ими ковал железо. Царь не понимал и удивлялся, что сын его только занимается кузнечным ремеслом. Игры его все были около этого ремесла.

Когда же сын пастуха — царевич подрос, то он во время игр всегда хотел быть большим между своими ровесниками и нередко между ними делал суд. Наконец все его ровесники и он сам сказали: «Выберем мы из среды своей царя, будем его слушаться, и он будет нас судить». Царевич — сын пастуха сказал: «Купим все мы по свече и станем с ними на восток, у кого свеча сама собой загорится, тот и будет царем». Сказано — сделано. Свечи купили, стали лицом на восток. Вскоре свечка царевича загорелась, и все ровесники признали его своим детским царем. Когда кто-нибудь во время игр кого-нибудь обижал, то сейчас же и делал суд. Судил же он всегда по правде и никого напрасно не обижал. Молва об этом прошла везде, и нередко к детскому царю обращались и взрослые люди, которые были почему-нибудь неправильно судимы настоящим царем и царицей. Он и эти дела всегда решал справедливо.

Раз одна бедная женщина попросила блюдо муки и с ним пошла домой. Подул сильный ветер и у ней все разнес, не оставив ни пылинки. Она с горя пошла к царю и царице жаловаться на ветер. Царь выслушал жалобу бедной старухи на ветер, посмеялся над ней и сказал: «Глупая ты бабка, как я могу судить ветер?»

Бабка была этим недовольна очень и сказала: «Ну, когда ты не мог рассудить меня с ветром, я пойду к детскому царю. Он рассудит справедливее». Царь и над этими словами посмеялся и сказал: «Поди, посмотрю я, что ты там получишь».

Старуха сейчас же от царя пошла и пришла к детскому царю и сказала: «Царь-отец, рассуди меня с ветром. Я попросила муки, понесла на блюде, ветер пал, все раздул и меня оставил голодною».

Детский царь выслушал жалобу со вниманием, пожалел старуху и сейчас же послал своего человека в гавань за капитанами, которые пришли вчера. Капитаны судов на зов его немедленно явились. По приходе их детский царь спросил их: «Когда вы пришли сюда?» «Вчера вечером», — ответили они. «Ну это хорошо, но что для вас лучше, ветер или тихо?» — «Конечно, ветер для нас лучше всего. Не будь его, нам бы сюда и не прийти вчера». — «Так вам это и хорошо, а вот бедная бабка плачет, что у ней ветер разнес с блюда последнюю горсть муки, поэтому вы, как бы виновники ветра, и заплатите ей за муку».

Капитаны ответили: «Мы не только ей за муку заплатим, но пусть она пошлет нам мешки, и мы все пошлем ей по пуду».

Старуха обрадовалась этому, благодарила за суд, благодарила и капитанов, потому что в тот же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны решением.

Дошла весть об этом и до царя. Ему стало завидно и обидно, что все почти идут судиться к детскому царю, и он всякое дело решает, не говоря, что не могу.

«Дай, — подумал царь, — я сделаю ему штуку и поставлю его в тупик». Царь послал к нему трех быков с приказанием, чтобы они через известное время сами родили телят, как самки.

Детский царь взял быков и после ухода солдат сказал: «Спасибо царю. Быков мы убьем, нам мяса будет надолго, а кожами, как у нас крыша на избе худая, закроем избу». Так и сделали.

Наконец пришло время, когда должно было быков с телятами отвести назад. Вот детский царь, научив своего человека, что нужно делать, послал его к царю. Тот пошел к царю во двор, там ходил несколько времени и наконец увидел царя. В это время он стал снимать свои штаны и закричал: «Рожать хочу, рожать хочу». Царь, услышав это, сказал: «Ты сумасшедший, должно быть, когда мужчины рожали, и разве могут рожать, отвечай?» — «А ты, царь, сам что сделал? Сам послал быков к нашему царю, чтобы они были обхожены, разве это можно и бывало когда-нибудь?»

Царь от такого ответа пришел в удивление и ушел скорее прочь, не говоря более ни слова.

Вскоре после этого царь с царицей пошли гулять. Увидел это и детский царь. Он пошел к весам (балансу), положил на одну скалку много собачьего кала, на другую ничего. Кала же все прибавлял и прибавлял.

Царь, увидя это, остановился и смотрел, а про себя думал: «Где же у него ум? Говорят, умный».

Наконец он не вытерпел и спросил у него: «Что ты делаешь?» — «Я вешу женский ум и смотрю, как он легкий и ничего не стоит».

Ответ этот привел царя в удивление, и он стал думать: «Это, должно быть, не сын пастуха и не мой ли еще, потому что мой, кроме кованья, ничего не знает». Подумав так, он вскоре взял его к себе и сделал своим наследником, и таким образом царице над правдой не привелось восторжествовать.

◆ 122. ПРО ГРИБ ◆

Старик со старухой бездетными жили-жили. У них не родилось никого. Жили хорошо всю жизнь, в ладу.

Пошел старик в амбар. Заходит в амбар и смотрит: на потолке вырос гриб.

Смотрит-смотрит. Что за гриб? «А если я его возьму? — подумал старик. — Что тогда будет?»

Залез на крышу. Едва забрался, до чего все обросло грибницей, плесенью. А на крыше в ножке гриба оказалась лестница, стал по этой лестнице старик подниматься все дальше, все выше да выше, устал. Поднимается и думает: «А я-то хотел еще этот гриб взять рукой!»

Постоял старик на ступеньке, отдохнул, а сам думает: «Гриб-то в амбаре на потолке рос, а как же он оказался на самой крыше?» — И поднимается на следующую ступеньку.

Так взбирался старик вверх со ступеньки на ступеньку, а когда доверху добрался, то понял, что тут что-то неладно.

Добрался доверху, видит: в грибе дом, горница, окна, в углу печь. Тут старик уже перестал удивляться — мало ли что на свете бывает!

Заходит в избу и говорит: «Здравствуйте!»

А в горнице молодая женщина, она увидела старика и говорит ему: «Садись, пожалуйста, милости просим, за стол!» А стол скатертью был накрыт.

Старик сел за стол и говорит, что он хозяин амбара, на котором этот гриб вырос.

Женщина просит старика закусить и выпить, объясняет, что она сама и есть грибная хозяйка.

Выпил, закусил старик, поблагодарил грибную хозяйку за угощение. Отдохнул немного у окна. А когда прощаться стал за руку перед уходом, то оказалось, что рука у нее совсем холодная-холодная, взглянул в лицо и увидел, что вместо глаз только серая пустота...

Спустился, пришел обратно к своей старухе. Старуха ругается, что старик долго пропадал где-то.

«Не говори, я в гостях был», — отвечает старик. «Где ты был?» — спрашивает опять старуха. — «Плохи дела у нас в амбаре... там гриб на крыше вырос».

Удивилась старуха, взяла старика и пошла вместе с ним в амбар.

Вышли на улицу, видят, на дороге к амбару лежит заяц. Обошли его. Зашли в амбар. Увидели гриб. Старик смело шел, а старуха никак идти не может. Тогда старик взял мешок, посадил в него старуху, взвалил мешок на плечи и говорит старухе: «Ты молчи только!»

А подниматься с мешком тяжело. «А если ты меня уронишь?» — спрашивает старуха. «Не уроню», — успокоил ее старик, а сам пошел по лестнице. Доходит до половины, поскользнулся, пошатнулся, а мешок вырвался из рук, упал со старухой на пол амбара.

Опустился старик, видит, старуха умерла.

Поплакал-поплакал старик. А потом встал и пошел куда глаза глядят, искать, кто бы старуху мог обмыть, чтобы похоронить ее как следует.

Шел, встретил лисицу, а та спрашивает: «Куда идешь, дедушка?» «Я пошел искать, кто бы обмыл мою старуху», — отвечает старик, а сам плачет и плачет. «Возьми меня, я умею», — просит лисица. А старик спрашивает: «А ты, лиса, петь умеешь?» Лиса говорит: «Умею». «Спой» — приказал старик. — «Гау-гау, гау-гау, гав-гав-гав! гау-гау, гау-гау, гав-гав-гав!»

Услышал старик лисье пение и говорит: «Нет, не надо мне такую, ты не умеешь петь». Отказал старик лисице. Лиса убежала.

Шел-шел старик дальше. Встретил зайца. Спрашивает заяц: «Куда ты, дед, пошел?» — «Я пошел искать, кто бы обмыл мою старуху», — а сам плачет. «Дед, — молвил заяц, — возьми меня с собой, я умею!» А дед спрашивает: «А петь умеешь? Если умеешь, то спой песню, какую можешь». Запел заяц: «Бу-бу-бу-бу-у-у-у, Бу-бу-бу-бу-бу-у-у-у!»

«Ну ладно, пойдем ко мне!» — сказал старик зайцу, и повернули они к дому. Идут и видят, как лисица пробежала мимо, опередила их.

Приходят к амбару. Вошли и видят: мешок пустой, а около него лежат только ребра, руки и ноги и голова старухи.

Догадался старик и говорит зайцу: «Лисица бежала мимо, нас опередила, бабушку съела», — а сам сел и плачет.

Вдруг пробегает лисица. Испугался заяц и убежал. Села лисица, смотрит на старика и говорит: «Я тебе песенку спою, только не плачь, старик!»

А старик так горько плакал, что не слышал, о чем пела ему лисица.

Попела ему лиса, подумала, что старику песня понравилась, и осталась у него совсем жить.

А гриб все рос да рос до самого неба, даже выше облаков. Жила лиса со стариком и никуда его одного не отпускала. Потом родился у них сынок. Лисица и говорит старику: «Старик, сруби этот гриб с амбара, пусть он свет на земле не загораживает».

А у старика силы-то мало. Начнет рубить, устанет и бросит, пока опять лисица рубить не заставит.

Сынок быстро рос. Бегать начал, по деревьям стал забираться. Добрался он до гриба, забрался на самый верх, до шляпки, а со шляпки на облака. А старик в это время грибовую ногу перерубил, гриб упал. А сынок остался на облаках.

Потеряли старик и лисица своего сынка, искали везде, так и не нашли его. Остался мальчик на туче и унесло его в чужие края.

Потом осенью сынок вернулся. Он был уже совсем взрослым. Он рассказал родителям, как путешествовал. Как с тучи спускался на землю, как пересел он на орла, потом на чайку, потом на тюленя, потом на лодку, а в лодке добрался до дома.

Обрадовался старик, обрадовалась лиса, обрадовался сынок. Радуются и смеются.

Смеются, а старик видит, что вместо лисицы сидит его старуха. Оказывается, что все это гриб наделал...

Старик радовался, а старуха жалела и охала, что велела старику чудесный гриб срубить.

◆ 123. СЕМЬ ИВАНОВ И СЕМЬ СЕМЕНОВ ◆

Жили семь Иванов и семь Семенов. Семь Иванов пошли в гости к Ягобабе. А семь Семенов остались их ожидать. Ягобаба угостила семь Иванов и оставила их у себя ночевать. Она сказала им: «Кто из вас старший — пусть идет спать ко мне, а прочие шестеро пусть идут к моим дочкам».

Когда Иваны уснули, Ягобаба отрубила им всем головы и бросила убитых под амбар.

Семь Семенов ждали-ждали семерых Иванов, а те все не шли. Тогда Семены пошли искать Иванов.

Младший Семен говорит другим: «Если Ягобаба спросит, кто из нас старший, то я скажу, что я старший».

Потом он говорит: «Если дочери ее будут заставлять вас спать, то вы закройте глаза и лежите, будто заснули».

Они так и сделали.

Ягобаба играла-играла с младшим Семеном, а потом говорит ему: «Семен, усни».

Семен закрыл глаза, сидит и ждет, что будет делать Ягобаба. Ягобаба отскочила от Семена и стала говорить сама с собой: «Теперь они спят, теперь мы у них головы срубим».

А младший Семен все слышал, что говорила Ягобаба. Он поднял подушку и вынул оттуда нож-головорез (вуэйв-терпэм-ныйп). И отрубил Ягобабе голову. А потом сказал другим Семенам: «Смотрите, чтобы Ягобабины дочери вам головы не срубили».

Тогда Семены схватили Ягобабиных дочек и задушили их.

После этого Семены заглянули под амбар и увидели, что лежат там убитые Иваны. Они взяли Иванов и стали их лечить. Поймали они вороненка. Ворон увидел это, стал кричать, просить, чтобы они отдали ему сына. Семены ему сказали: «Принеси нам живой и мертвой воды, тогда мы отпустим твоего сына».

Ворон полетел. Летел-летел. Увидел — у окна сидят две девушки. Подлетел ворон и клюнул одну девушку в глаз. Тогда другая девушка схватила сулею с мазью и стала мазать у первой девушки глаз. Ворон выхватил у нее сулею с мазью и улетел назад. Летел-летел. Прилетел к Семенам и отдал им мазь.

Семены помазали мазью Иванов, и Иваны воскресли. Тогда Семены отпустили воронова сына. А сами взяли лошадей и поехали в город к царю.

Они ехали-ехали. Стали жребий бросать, кому за лошадьми ночью смотреть.

Выпал жребий младшему Семену.

Пошел он лошадей караулить. Караулил-караулил. Прилетела к нему голая птица и говорит: «Дай мне поесть, если не дашь, я тебя самого съем».

Младший Семен ей говорит: «Ешь одну лошадь».

Птица съела одну лошадь и улетела.

Утром пригнал младший Семен лошадей к своим товарищам. Начали все собираться в путь, а одной лошади не хватает. Шесть Семенов сели на лошадей, а младшего Семена оставили без лошади. Он пошел пешком.

Шел-шел. Увидел — летит к нему голая птица.

Подлетела и говорит: «Раньше ты мне помог, а теперь я тебе помогу».

Потом она рассказала Семену: «Приехали твои товарищи в город, к царю. А в том городе в тот день солнце запоздало взойти над землей. Стал царь спрашивать их, почему солнце запоздало. Они на это сказали царю: «Это младший Семен знает, почему солнце долго не всходило над землей». Я знаю, что ты тоже не знаешь, почему солнце запоздало; но когда царь будет спрашивать у тебя, ты скажи, что солнце увидело в одном городе очень красивую девушку и долго смотрело на нее, оттого и опоздало взойти над царским городом».

Младший Семен пришел к царю. Царь спросил его: «Почему солнце запоздало взойти?»

Семен ответил: «Оно проходило мимо одного города и увидело там красивую девушку. Оно долго смотрело на ту девушку, и поэтому опоздало взойти».

Царь говорит младшему Семену: «Ты приведи ко мне эту девушку».

Тогда Семен пошел туда, где видел он голую птицу. Он шел и думал: «Лучше попалась бы мне теперь голая птица и съела бы меня». И тогда увидел, что летит к нему голая птица.

Прилетела к нему голая птица и говорит: «Что ты, Семен, не радостен?»

А Семен отвечает: «Так и так, царь велел мне привести ту красивую девушку, о которой ты мне говорила».

Голая птица на это сказала: «Не думай ничего плохого, все будет сделано для тебя. Ты отдохни здесь, а я принесу тебе эту девушку».

Голая птица улетела, а Семен остался ждать, когда она к нему прилетит вместе с девушкой.

Ждал-ждал он, наконец услышал полет птицы. Обрадовался он, не слышит земли под ногами. Птица прилетела вместе с красивой девушкой. Семен поздоровался с девушкой и говорит ей: «А теперь мы пойдем с тобой к царю в город разные сладости есть».

Семен и девушка попрощались с голой птицей и пошли к царю в город.

Пришли к царю.

Царь очень хорошо принял гостей. Семен с красивой девушкой остался жить в городе у царя, а его товарищи, остальные Семены, ушли домой.

Сказка вся.

У старика принца было три сына. Старик сделал новый дом и послал старшего сына спать туда. Сказал: «Спи, сынок, смотри, что тебе приснится, утром мне расскажешь». Юноша спал и видел во сне: дом полон воды, эту воду он всю выпил. Пришел утром, а отец спрашивает: «Спал, сынок, что видел?» Юноша говорит: «Видел дом полон воды и всю эту воду выпил». — «Почему, сынок, не лопнул?» Юноша взял и лопнул.

Пришла вторая ночь. Старик послал второго, среднего сына. Тот увидел во сне: дом полон хлеба. Хлеб он весь съел. Утром пришел, отец спрашивает: «Что, сынок, спал и видел во сне?» Юноша рассказал: «Видел дом полон хлеба, я весь этот хлеб съел».

«Почему ты не лопнул?» — сказал отец. Юноша взял и лопнул.

Пришла третья ночь. Старик послал младшего сына: «Поди, сынок, в новый дом спать, и что приснится, расскажешь». Юноша пошел в дом спать. Уснул и видит: из-под печки показалась змея, а в противоположном углу показался старик. Змея идет к юноше. Старик плеткой ударил и сказал: «Ядовитая змея, попусту хочешь юношу съесть». Змея скрылась обратно под печку. Утром юноша пришел домой. И отец спрашивает: «Что видел, сынок, проспавши ночь в новом доме?» Юноша говорит: «Когда мой сон сбудется, тогда он и расскажется». Старик рассердился на сына и поехал продавать на лошади.

Вот едет, навстречу ему человек — Иван-царевич. И спрашивает у принца: «Куда ты поехал, принц?» Старик говорит: «Поехал сына продавать. Сделал я новый дом. Какая у меня будет жизнь в этом доме, я не могу узнать. Для того чтобы узнать, послал старшего сына спать в этот дом; на вторую ночь послал среднего. Они видели сны, рассказали мне, а младший не желает рассказывать. Теперь я не знаю, можно или нет переходить в этот дом жить». Иван-царевич говорит: «Продай мне», — и тот продал за сто рублей. Сам старик поехал обратно. Иван-царевич поехал впереди. Ехал, ехал и спрашивает: «Купленный брат, ты спал в новом доме, так что видел?» Тот говорит: «Когда сбудется мой сон, тогда и будет рассказываться, тут говорить нечего». Ехали-ехали, и купленный брат спрашивает: «Иван-царевич, куда теперь едешь?» Тот говорит: «Еду жениться на чужеземной королевне». — «Куда поехал, так поедem». А едут они на одной лошади. Ехали, ехали, приехали на поле. Поставили палатку, тут поели,

попили, отдохнули. Утром Иван-царевич пошел невесту смотреть в город.

Идет. Дочь короля увидела его, вышла навстречу, поздоровались. Девушка провела его в дом и стала тут его расспрашивать: «Куда ты идешь, Иван-царевич?» Тот отвечает: «К тебе». Разговаривали долго. После юноша сказал: «Иду жениться на тебе». Девушка призадумалась тут и говорит: «У меня есть дело: сможешь сломать отцовское золотое кольцо и золотой шест? Оба они сорокапудовые. Тогда я выйду за тебя». Иван-царевич опечалился. Думает: где мне сделать это дело? И говорит девушке: «Схожу я к своему работнику». И пошел.

Пришел, а купленный брат спрашивает: «Иван-царевич, почему такой печальный пришел?» Иван-царевич отвечает: «Поедем домой. Где нам сделать такое дело — золотые кольца и шесты ломать?» Тут купленный брат говорит: «Ты, Иван-царевич, ложись спать, ты очень устал, а я схожу посмотреть, что за дела есть». Тут надел он одежду Ивана-царевича, стал как Иван-царевич и пошел. Пришел, королевна вышла навстречу. Королевна спрашивает: «Что, пришел?» Тот говорит: «Пришел, какое-то дело у тебя есть, сделать его». Королевна показала кольцо и шест и достала ему их. Купленный брат положил их друг на дружку и стал раскачивать. Качал, качал, и шест взлетел и засвистел, а кольцо осталось.

Народу было очень много. Они пришли посмотреть, как королевна будет рубить голову Ивану-царевичу. Народ улыбается: потеряет голову Иван-царевич. Куда больше и сильнее были люди до него, не могли сломать и все головы свои отдали на отсечение королевне, не уйдет и этот человек. Иван-царевич попросил народ отодвинуться. Долго ли, коротко ли летал шест, вот слышит купленный брат: шест летит обратно.

Крутился, крутился и упал на кольцо, и оба разлетелись на части. Тут королевна повернулась и ушла к себе в избу в большой печали. Из-за этого она много народу убила, а этот взял и сломал их, кольцо и шест.

Купленный брат повернулся и сказал: «Это не работа, а работенка». Пришел домой и будит Ивана-царевича: «Вставай и иди, это дело сделано».

Иван-царевич надел свою одежду и пошел. Королевна вышла ему навстречу и говорит: «У меня еще есть дело. Если сделаешь, то мне некуда деваться, выйду за тебя замуж. Есть у меня отцовская лошадь, твое дело ее заездить до смерти».

Иван-царевич больше того запечалился, говорит девушке: «Схожу к лакею». Пришел домой: «Так и так, купленный

брат, у нее есть сердитая лошадь, ее надо заездить до смерти. Нам ли это сделать?» А лакей говорит: «Ложись спать, я ее посмотрю, что за лошадь у нее».

Иван-царевич снял одежду, купленный брат надел и пошел. Девушка вышла навстречу и говорит: «Что, пришел?» Тот говорит: «Пришел лошадь до смерти заездить». Королевна показала, а конюхи толкнули его к лошади. У лошади искры из ноздрей сыплются. Народ опять удивляется: затопчет его лошадь. А купленный брат погладил, погладил лошадь и дунул в оба уха. Лошадь стала спокойнее. Он тут сел на нее. Лошадь до дверей дошла, головой открыла дверь. Народ только и видел, как она вышла, и потерял ее из виду. Та лошадь только и была — поднялась в воздух. Народ только и видел: такая лошадь улетела, тут ее больше не видать.

Ждали-пождали, вдруг видят: туча собирается. Туча собиралась, собиралась, смотрят: летит лошадь с царевичем обратно. Она бежала, бежала, до дверей добежала и бросилась на землю — и душа вон.

Купленный брат сошел с нее, пошел и говорит: «Эта работа — не работа, а работенка». Девушка в другую сторону пошла. Парень пришел и будит Ивана-царевича: «Вставай и иди, делай свое дело. Что нужно было сделать, то сделано». Иван-царевич говорит: «Зачем мы пойдем к ней, поедем домой». Купленный брат отвечает: «Теперь нам зачем ехать домой, когда все тут сделано?» Иван-царевич тут оделся и пришел к девушке. Девушка вышла навстречу ему. Иван-царевич говорит: «Дело сделано, что еще прикажешь сделать?» Девушка говорит: «У меня еще есть дело. Сможешь принести мне голову отца из-за трех морей, из сорока кораблей, с самого большого корабля, через двое суток? Тогда уж у меня все будет сделано». Иван-царевич говорит: «Схожу к лакею». И пошел.

Купленный брат смотрит: Иван-царевич весь почерневший от печали и спрашивает: «Почему ты пришел в такой печали, даже больше, чем в те разы?» Иван-царевич отвечает: «Поедем-ка обратно, купленный брат, где нам сделать такие дела, какие дает нам королевна, — принести голову отца из-за морей?» Купленный брат говорит: «Ты ложись, а я схожу к ней, что у нее еще есть». Надел платье Ивана-царевича и отправился утром, рано-рано. Шел, шел, пришел к ее дому. Смотрит: у девушки окно открыто. Смотрит: девушка на подоконник встала, повернулась кругом и обернулась голубкой и полетела.

Купленный брат посмотрел, куда она полетела. Купленный брат пришел на то место, так же повернулся и обернулся

орлом и полетел за голубкой. Летит и смотрит, куда та летит. Так летит — ей не показывается и не отстает.

Пролетели море, другое море и через третье море пролетели.

Видит орел: показались корабли. Из сорока кораблей один больше всех. Смотрит, голубка летит к самому большому кораблю. Он все за ней летит. Летели, летели, голубка залетела в мачты, обернулась вокруг и стала королевной и спустилась вниз. Он на то же место опустился, вокруг себя обернулся, стал человеком и спрятался.

Навстречу девушке пришел отец. Дочь поздоровалась с отцом, а отец спрашивает: «Ой-ой-ой, что тебя, доченька, принесло через три моря? Должно быть, нехорошее? Какой-нибудь большой случай?» Дочь отвечает: «Отец, я виновата перед тобой. Золотое кольцо и золотой шест сломала, твою лошадь до смерти заездила, теперь Ивану-царевичу дала задание принести твою голову из-за трех морей».

Король засмеялся и говорит: «Э-хе, далеко будет — взять мою голову через три моря из сорока кораблей».

Поговорили, и королевна попрощалась с отцом, прошла на ванты, обернулась вокруг себя и полетела. Король пошел к себе и видит: большой нож положен в воздухе поперек двери. В этот момент юноша махнул, и у него (короля) голова отлетела. Он поднял голову на конец ножа, сам прошел к мачте, повернулся кругом, обернулся орлом, взял голову в когти и полетел за голубкой. Летел, летел, смотрит: голубка летит через море.

Пролетели море, другое, третье. Вот летят над домом королевны. Голубка села на подоконник, обернулась, стала девушкой и ушла к себе в спальню. Орел опустился на то же место, обернулся, стал снова человеком, взял голову и пошел к Ивану-царевичу.

Пришел и будит: «Иван-царевич, вставай, можешь идти свататься, твое дело сделано». Тот взял голову, положил на поднос, прикрыл белой салфеткой и пошел к своей невесте.

Подошел к дому. Девушка видит: идет Иван-царевич и что-то несет. Девушка только что умылась и села завтракать. Тут она встала, подумала: «Не голову ли отца несет Иван-царевич? Я только что ведь с отцом разговаривала». Иван-царевич пришел и говорит: «Вот я принес тебе гостинцы». Девушка подошла, приподняла салфетку, а там голова отца, и говорит: «Ну, Иван-царевич, не за что мне больше бросаться. Сломала отцовское золотое кольцо, золотой шест, горячую лошадь до смерти заездила и голову отца через моря принесла. Теперь сможешь меня взять, сегодня начнем делать

свадьбу». Иван-царевич говорит: «Схожу к лакею своему». Девушка говорит: «Иди, иди, а я буду собирать свадьбу». Иван-царевич пришел и в радости говорит: «Вот теперь-то у нас будет свадьба».

Купленный брат приказывает спросить: «У вас будет свадьба, ты спроси у королевны, пусть она меня пустит хоть на порог посмотреть только, как свадьба ваша пойдет».

Иван-царевич пошел. Пришел, а столы уже все приготовлены. Пришел и спрашивает: «Королевна, на свадьбе с твоей стороны будет много народу, а с моей нет никого, можно пригласить хоть моего лакея?» Королевна говорит: «Приглашай, приглашай, как же мой народ весь придет, а у тебя пусть лакей будет». Иван-царевич пришел и зовет лакея: «Пойдем одеваться». Купленный брат говорит: «Я хорошее платье не надену. (Потому что они очень похожи с Иваном-царевичем.) Придем, ты только меня не зови дальше порога, не хвастай мной и не хвали». Вот пришли. Он надел рваную одежду.

Королевна говорит Ивану-царевичу: «Ты зови лакея ближе». Тот говорит: «Не стоит. У него рваная одежда, хорошо моему лакею будет на пороге».

Свадьба прошла, все разошлись. Лакей пошел к себе в палатку и к своей лошади, а молодые стали собираться в дорогу. Королевна все берет с собой: вещи и лошадей, — и приехали к лакею. Отсюда отправились дальше.

Иван-царевич хотел ехать первым с молодницей, а купленный брат говорит: «Вы поезжайте за мной». Тут девушка говорит: «Пусть едет впереди наш лакей, а мы за ним поедем». Тут лакей поехал впереди. Ехали, ехали, пришла ночь. Они остановились, поставили палатку, поели, попили, стали ложиться спать. Лакей говорит: «Буду смотреть за багажом, лучше будет». Иван-царевич говорит: «Почему же так? Ложись и спи. Отдохнуть надо. Ехать еще трое суток». А девушка говорит: «Зачем перечишь? Не хочет спать, пусть бодрствует». Те уснули, а он ходит вокруг да около возов и посматривает туда да сюда. Среди ночи услышал птичий голосок. Смотрит: на возу птичка сидит и поет: «Кто едет, не едет. Едут Иван-царевич с молодой женой, их ждет дома отец с мачехой. Мачеха послала навстречу посылку. Кто возьмет этот подарок, тот лопнет, треснет, жив не будет, а кто Ивану-царевичу передаст эти слова, тот до колен окаменеет», — и улетела.

Купленный брат до утра думал, что ему делать: «Скрыл бы Ивана-царевича — да в живых не останется; скажет — сам до колен окаменеет». После думает: «Не скажу, а подарков ему не отдам».

Утром рассвело; поехали вперед. Ехали, ехали, вдруг туча черная стала собираться. Туча приближалась, приближалась и в человека превратилась с золотой шапкой в руках. Так и сверкает на солнце. Подошел и отдает шапку Ивану-царевичу. Тот хотел взять, а купленный брат говорит: «Иван-царевич, отдай мне эту шапку. У тебя есть и без нее что надеть, а у меня платишки худенькие. В шапке такой красивой будет в люди показаться». Иван-царевич жалеет, а молодница говорит: «Отдадим, Иван-царевич, шапку своему лакею, а у нас и так есть что надеть. Пусть наш лакей форсит. Вместе едем, приятней будет смотреть на него».

Тут отдали, тот надел шапку на голову и вперед поехали. Пришла вторая ночь. Купленный брат опять не спит. Ходит вокруг, обходит лошадей и лагерь.

Так же прилетела птичка и поет: «Кто едет, не едет. Едет Иван-царевич с молодой женой. Их ждут отец с мачехой. Мачеха у них баба-яга. Она послала подарки, и кто подарки возьмет, тот лопнет, треснет, жив не будет, а кто передаст эти слова Ивану-царевичу, тот до пояса окаменеет». И птичка скрылась. Вот это дело! До утра думал лакей и больше того не знает, что делать.

Утром поехали дальше. Ехали, ехали, смотрят: как и вчера, туча собирается. Собиралась, собиралась и в человека превратилась. И принес этот человек хлеб на золотом подносе. Иван-царевич хотел взять. Тут купленный брат опять вмешался: «Отдай мне, Иван-царевич, у вас и так есть что есть-пить, а хлеб, когда доедем до места, тогда и отдам». Иван-царевич не хочет отдавать подарок родителей, и молодница говорит: «Отдадим ему, в одно место едем, приедем — на свадебный стол положим». Отдали и вперед поехали. Ехали, ехали, пришла третья ночь. Молодые легли отдохнуть, а купленный брат говорит: «Одна ночь осталась, вот приедем, тогда и спать буду». И похаживает вокруг своих.

Слышит, опять птичка поет: «Кто едет, не едет. Едет Иван-царевич с молодой женой. Их ждет отец с мачехой. Мать умерла после рождения сына. Мачеха очень желает погубить неродного сына. Посылает подарки ему. Кто возьмет, тот лопнет, треснет, жив не будет. Кто эти вести до царевича донесет, тот с головой окаменеет». Купленный брат и того больше призадумался. Как выйти из этой беды? Думает, не скажет Ивану-царевичу и об этом.

Утром поехали дальше. Баба-яга слышит: сын едет дальше, и посылает золотую карету.

Ехали, ехали, видят: опять туча собирается. Собиралась, собиралась, приближалась, приближалась, стала совсем над

головой и упала золотой каретой с тремя конями и кучерами.

Подъехали к молодым и передают карету. Купленный брат думает: «До сих пор удавалось, как бы еще раз перехитрить Ивана-царевича?» Говорит: «Иван-царевич, отдай мне карету. У вас красивые лошади и одежда красивая. Я хоть к дому подъеду красивей». Иван-царевич думает: «Как я ему все отдам? Такую красивую карету ему отдать?» Девушка говорит: «Отдадим, не жалеешь ты, приедем на место, все будет твое».

Отдали и этот подарок и поехали дальше. Мачеха видит: они подъезжают, и взялась погубить сына дома.

К вечеру до отца доехали. Встречать вышли отец с мачехой и родственники.

И тут снова сыграли свадьбу. Стали пить, есть, играть. После свадьбы молодые пошли спать в свою комнату. Лакей стал проситься: «Иван-царевич, возьмите меня спать, хоть под порог, на одну ночь, на сегодняшнюю ночь». Иван-царевич помалкивает. Неохота ему брать его. Молодица говорит: «Иван-царевич, возьмем лакея. Одну дорогу проехали и ехали вместе. Пусть под порогом спит. Веселей ему будет спать эту ночь».

Тут молодые люди легли и уснули, а Иван-царевич повесил свою саблю на стенку над собой. Лакей, значит, лег под порог. Он лежит. Не спится ему. Вдруг слышит: как будто кто дверь грызет. Он лежит. Слышит: одну дальнюю дверь прогрыз, прогрыз и вторую и подошел к их двери. Он все лежит. Вот щепки стали падать. Лакей встал, пошел, взял саблю, подошел к двери и слушает. Щепки падали, падали. Прошло еще некоторое время, и показалась голова бабы-яги, шея до половины показалась. Тут купленный брат отрубил ей голову. Стал вешать саблю обратно на гвоздь. Сабля зазвенела о стенку, Иван-царевич вскочил и закричал: «Ты что — хочешь мне голову отрубить, моей невесте радуешься?» — и схватил его за руку. Молодица проснулась. Лакей говорит: «Иван-царевич, посмотри на двери, что ты там видишь?» — а сам начал рассказывать: «Иван-царевич, когда ты купил меня, отец тебе говорил, за что меня продает, ты спрашивал у меня, я не рассказал. Сказал: когда сбудется мой сон, тогда и рассказываться будет. Теперь слушай». И как жил у отца, и как отец продал его, стал рассказывать, как он помог Ивану-царевичу жениться, как ехали дорогой. Когда дошел до первого подарка, он окаменел до колен. Они не видят этого, а сами все на него смотрят. Дошел до другого подарка — окаменел до пояса. Только сейчас они увидели. Закричали: «Не рассказывай дальше, не рассказывай!» Лакей говорит: «На-

чал — буду рассказывать». Когда дошел до третьего подарка, окаменел с головой.

Тут поднялся шум на весь дом. Пришел отец с вестью, что умерла у него жена. Теперь догадались все, что это была баба-яга.

Девушка говорит: «Он помог тебе взять меня, почему же ты скрыл это от меня?» Весь дом подняли на ноги. Забегали, стали носить живую и мертвую воду. Поливали, поливали той и другой водой камень. Прошло сколько-то времени, весь камень рассыпался. Все обрадовались, и лакея своего молодые не отпустили никуда. «Не отдадим мы тебя никому, — говорят. — Будешь с нами жить до смертного дня».

И тут стали жить. И теперь еще живут.

125. ДОЧЬ ЖИТЕЛЕЙ СКАЛ

Было это не очень давно.

Трое жителей поехали на лодке из Летней Иоканги в Савиху. Взяли они с собой вина и еды всякой.

Приехали, поставили на берегу ковас. Стали охотиться на морского зверя — убили морского зайца, потом в близнем озере ловили рыбу — наловили палии.

Вечером сварили уху — поели, немножко выпили. Один из них вышел из коваса освежиться. Вышел он на волю и сразу как бы потерял сознание. И очутился он в каком-то незнакомом доме. В том доме хозяйка с хозяином с виду были как люди: вежливые. Стали угощать его, пить-есть предлагать.

А были это не люди, а пактйелле — жители скал: Пактхэзен — Хозяин скал и Пактйемент — Хозяйка скал, его жена.

Пришел в себя он и думает: «Как я в этот дом попал?» Не может понять. А хозяева угощают его. «Пей, пей», — говорят. Вина подают.

Во время угощения пришла Пактйелленийте — дочь жителей скал — очень красивая девушка.

Хозяева стали говорить гостю: «Возьми нашу дочь замуж». Гость был человек женатый. Подумал он: «Взять женатому ее замуж нельзя, но и отказаться нельзя: если откажешься, то никогда отсюда не выберешься».

«Хорошо, возьму вашу дочь замуж», — сказал он. Пактхэзен ему рассказал, что когда его дочка поедет вместе с ним, будущим мужем, то ее никто не будет видеть, кроме него.

Утром он вернулся к своим товарищам в ковас.

Прожили они там еще три дня.

В первый день невеста не приходила в ковас, во второй день тоже не была. И на третий день ее не было. На четвер-

тый день стали они собираться в Иокангу. Все собрались, а его невесты нет. Сели в лодку. Взглянул он около себя и увидел: сидит она около него в лодке; никто ее не видит, видит ее только он один.

Поплыли все они на лодке в Иокангу. Он разговаривает со своей невестой, а товарищи не видят, с кем он разговаривает, и не слышат того, что он говорит, не знают, что с ним едет Пактйелленийте — дочь жителей скал.

Приехали в Иокангу. Захотел он справить свадьбу со своей невидимой невестой. Заставил он свою жену пир готовить. Но никому не говорит, что он свадьбу задумал справить. Жена говорит и спрашивает: «Для чего так много готовится?» А он только говорит, что повеселиться захотелось. Приготовила жена всяких яств, собралась родня.

Стали все за стол собираться. Он говорит: «Поставьте на стол, около меня, еще один стакан и две чашки». Хозяйка стала ворчать: «Кому еще?» Хозяин не сказал, но настоял на своем. Велел он около себя место освободить. Никто ничего не понимает, что он делает.

Пришли невидимые пактйелле — житель скал с женой и дочкой-невестой. Жених видит, а другие не видят. Сели они около него за стол. Он с ними говорит, а никто этого не слышит.

Стали чай наливать. Налили и в лишний стакан и в чашки. Пьют гости чай и видят, что из стакана и из двух чашек кто-то чай пьет. Стали гости удивляться.

Подали вино, налили каждому в рюмку. Велел хозяин налить еще три рюмки. Поставил рюмки рядом с собой. Выпили гости. Смотрят — и те три рюмки уже пустые: кто-то выпил их. Заудивлялся народ: что-то неладно. Стали гости расходиться по домам. Хозяин просит гостей еще посидеть, но гости не хотят. Разошлись. Стало темнеть. После гостей ушли и невидимые пактйелле. Хозяин немного посидел и тоже вышел из дому.

Пактйелле его поджидали.

Пошли они вчетвером по погосту. Никто не видел пактйелле, а они всех видели.

Пришли они все к скале, что за погостом возвышается. Вошли в эту скалу. Ночью там у них огонь светился. Поздно ночью вернулся хозяин домой. Хозяйка его стала спрашивать: «Куда ходил?» «По деревне гулял» — ответил он. Потом он часто стал ходить на ту скалу.

Житель скал с женой ушли к себе, в свои скалы, а дочь их осталась жить в этой скале, у Иоканги. И стал тот человек жить с нею как с женой.

Жили-жили они. Никто из жителей погоста не видел дочери жителей скал.

Собралась как-то вечеринка в погосте. Пришел тот человек на вечеринку, и новая жена с ним пришла, сидит с ним рядом, но никто ее не видит.

Стали гости танцевать.

«Возьми себе кого-нибудь в пару, — говорит ему один пожилой человек. — Пойдем хоть со мной танцевать».

«Мне никого не надо», — ответил он и рассказал ему, что рядом с ним есть кто-то, кто будет с ним танцевать, но кого никто не увидит. Тот пожилой человек был колдун — нойт. Он стал танцевать с невидимой женщиной. Он ее видел.

В тот вечер этот нойт сделал так, что невидимая женщина стала видимой всем.

Среди танцев вдруг все увидели: посередине избы стоит незнакомая молодая женщина невиданной красоты. Стоит она, как бы застывшая, на одном месте, и нет жизни в ней, она как мертвая.

Нойт говорит народу: «Смотрите, это новая жена нашего хозяина». И все стали смотреть на красивую женщину, которая неподвижно стояла среди них, и удивляться, откуда она появилась.

Испугался муж, думает: «Пропал я».

Нойт тогда сказал народу: «Больше вы ее не увидите». Сказал еще что-то, и красивой женщины не стало видно.

Муж сговорился с нойтом о том, чтобы эту невидимую женщину — дочь жителей скал — сделать видимой всем.

После вечеринки муж с невидимой женой пошли на скалу, где она жила. Там она стала упрекать его за то, что рассказал о ней нойту. Он на это сказал ей, что им неудобно жить так, как они живут: «Будем жить так, как живут все наши люди».

Она согласилась быть видимой и жить так, как живут все люди.

Ночью он вернулся домой, в погост. Переночевал. Утром смотрит — стоит на скале женщина, и слышно, как поет она грустные песни. Пошел он, свел женщину со скалы и повел ее к себе домой. Когда они проходили погостом — все люди на нее смотрели: никто никогда такой красивой женщины не видал.

Привел он ее к себе домой. Стали они жить вместе. Прежнюю жену он оставил.

Прожила дочь жителей скал в погосте пять дней и стало ей среди людей скучно. Стала она уходить на скалу и петь там грустные песни.

Однажды муж, вернувшись с охоты, не нашел дома своей жены, дочери жителей скал. Не видно было ее и на скале, и не слышно было ее песен.

Пошел муж искать ее.

Взошел на скалу и там в ущелье нашел ее мертвой: она убила себя.

**ВОЛШЕБНО-
ТОТЕМНЫЕ
СКАЗКИ
О ЖИВОТНЫХ**

Великий горный дух ростом с десять старых сосен охотился со своими собаками, каждая с быка (с оленя-самца) величиною, с большого белого оленя с черною головою и золотыми рогами. Охота эта продолжается уже столько лет, и когда дух пустит в оленя первую стрелу — будет первое землетрясение: все старые каменные горы разверзнутся, выбросят огонь, реки потекут назад, озера иссякнут, море оскудеет... высохнет. И когда «великий охотник» пустит в оленя вторую стрелу, которая вопьется ему в черный лоб, между двумя золотыми рогами, огонь схватит всю землю, горы закипят, как вода, на месте морей поднимутся другие горы и тоже, как факелы, загорятся, озаряя ту далекую землю, откуда идут к нам льды и дуют холодные ветры. А когда на оленя кинутся собаки и растерзают его, когда охотник вонзит нож в его сердце — звезды попадают с неба, старая луна потухнет, солнце утонет где-то далеко-далеко. На земле не останется ничего живого — и миру конец.

127. ОЛЕНЬ ЗЛАТОРОГИЙ

Великий Термес гонит грозовые тучи. Голова его в небо уходит, десять сосен — его рост. Рвут его волосы все ветры и никогда не сорвут. В руках его радуга-лук, он молниями бросает стрелы.

Собаки бегут впереди, каждая с оленя-быка.

Термес видит добычу, и Термес смеется: и громы грохочут, и небо высоко уходит, высоко и падает вниз. Охотится Термес. Он бежит: где станет нога его — там просека ляжет, где другая опрется о землю — долиной станет земля. Там, где стопы его коснутся земли, — два лога ложатся, в них реки медленно текут, а горы ручьями звенят.

Из-за Норвегии, где не нашей жизни начало, гонит Термес добычу. Она впереди, никогда не видима богу, близка ему для удара, вот-вот ударит молнией в сердце. То олень бежит златорогий. Белый он — его шерсть серебрится. Черную голову держит высоко, закинул рога и на невидимых крыльях летит. Ветры вольные — его дыханье, они несут его в полете, в его пути. Глаза его полужакрыты. Но не смотри в них человек — от силы их ты будешь слеп. Закрой уши свои, когда услышишь бег — то от силы их ты будешь глух. Горячего дыхания его коснешься ты — и будешь нем.

Знай, то Мяндашпырре...

Знай, когда великий Термес настигнет Мяндашпырре и первой стрелой ударит, весь камень гор раздастся и выбросит огонь, все реки потекут назад, иссякнет дождь, иссякнут все озера, море оскудеет. Но солнце будет.

Знай еще: когда великий Термес стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят водой, на месте этих гор поднимутся другие горы. Сгорят они, как бородатый мох на старых елях. Сгорят полуночные земли, и лед вскипит.

Когда на Мяндашпырре ринутся собаки и Термес вонзит свой нож в живое сердце, тогда, наконец, упадут с небес все звезды. Потухнет старая луна, утонет солнце далеко. На земле же будет прах.

128. МОЛИТВА МЯНДАША

Мяндаш-хирвас сидел на задних ногах и молился о своем. И к нему, к хирвасу, пришел человек, охотник, и сел напротив него.

И стали они разговаривать.

Мяндаш укорял человека, он напоминал ему, как он, Мяндаш, научил его охотиться на дикарей, как научил прятаться за кусты, рядиться в еловые ветки и надевать на себя оленьи рога, и за камень хорониться — не был бы виден охотник дикарю, берегся бы он человека, опасался бы его хитростей. И не он ли, Мяндаш, вложил в руки человека лук. И дал великий завет: в хирвасном стаде диких оленей не убивать — только одну важенку на прокорм семьи, но не больше того, а на самого хирваса — запрет. «Так я учил! И это было вестимо всем!»

А теперь хитер стал человек: ложится на землю, ползет на животе и делает удар неведомый, и выстрелы с разных сторон, и мы не знаем, откуда этот страх. Дикари слышат гром, но неведомо, откуда делает его человек. Мы боимся кормиться, мы жить боимся. Теперь охотники добывают и одну важенку, и другую, и много берут сразу в один день удачной охоты. И хирвасов бьют, и даже сонного, и в осеннем стаде! Так ли я учил тебя, небесное отродье?

Охотник же засмеялся. Неразумен душой, он стал похвально своей хитростью, своей удалью и удачей, своим умением делать удар и прятаться.

На это Мяндаш сказал: «Теперь, когда ты перестал жалеть хирвасов и важенок, мяндашевых детей, придет время и не станет охоты на дикаря!»

Мяндаш еще раз сказал человеку: «Пусть охотники жалуют важенок и хирвасов дикарьих. Не будут жалеть — кончится им охота на дикаря». Так он сказал.

129. МЯНДАШНИИД

В горах, в вараках, на ламбинах и тундрах, где не живут люди и никогда им не живать, куда не след ему ходить, живут мяндаши.

Жила там Мяндаш-дева, женщина-олень. У нее родилось теля — сынок. Жил он, жил у Мяндаш-девы, скоро превратился в молодого оленя — Мяндаш-парня.

Мяндаш-парень ходил на охоту. Однажды он вернулся домой. Пришел к матери и сказал: «Вот, будем жить в веже из оленьих шкур, порогом будет чаппыд (звено шейных позвонков), доски крыши — из ребер, опоры — ноги оленя, а чистое место хребетною костью обложим, а камни очага пусть будут, как печень, гладки».

Построил вежу и сказал: «Это есть мяндашей вежа!»

Перевернулся — человеческий облик принял. Перевернулась Мяндаш-дева — и в человеческом облике предстала сыну. И вот Мяндаш-парень матери сказал: «Я хочу жениться и взять замуж дочь человеческую».

Мяндаш-дева ему говорит: «Сынок, ты не сможешь жить с человеческой девушкой. Она другого запаха. Она не сможет быть чистой, как ты. Ты мяндаш — дикий олень. От ее запаха ты будешь прядать ушами. Тебе не будет терпения жить в своем доме».

Но Мяндаш-сын, молодой парень, сказал: «Приведи дочь человеческую, будем жить. Она будет меня беречь». Тогда Мяндаш-дева вышла на волю и пошла искать своему сыну человеческую жену. Обернулась дикой важенкой и переплыла через Мяндашйок — Кровавую реку. В реке волны из легких, а камни из печеней. Перешла через реку и побежала вперед. Бежала, бежала и пришла к человеческой веже. Перевернулась и простой женщиной вошла в дом человека. Вошла, сняла каньги и спросила: «Которая дочка пойдет моему сыну женой?»

Старик, что жил в доме, имел трех дочерей. Старшая дочь говорит: «А я пойду!» «Ну, если ты пойдешь, — сказала Мяндаш-дева, — то положи мои каньги сушиться. Хорошо их расправь и просуши», — а сама вышла из вежи наружу.

Каньги были не простые. Внутри они из пойды — жира, а стельки — те были из самой нежной, самой вкусной пойды — тоньке.

Вот ночь Мяндаш-дева спала, а утром пробудилась и говорит старшей девушке: «Принеси мои пойденные каньги и правильно расправленные стельки».

А у девушки жир из канег съеден! Вместо жира она положила в каньги траву, а стельки сделала из простого овечьего сена. Принесла к Мяндаш-деве эти каньги.

Мяндаш-дева стала одеваться, а в каньгах-то сено, и стельки не те! Ну, Мяндаш-дева ничего не сказала.

И пошли они — Мяндаш-дева и дочь старика. Пришли к Мяндашйок. Спрашивает Мяндаш-дева: «Как ты, Пейтьолльке (Оползший Чулок), пойдешь через Мяндашйок — Кровавую реку, где волны из легких, где камни из печеней?»

А та и говорит: «Как ты, так и я».

Ничего не сказала на это Мяндаш-дева. Обернулась дикой важенкой, переплыла через Мяндашйок и побежала вперед. Молодица осталась на берегу реки. Бродила, бродила, тонула, тонула, едва-едва перебралась через реку.

Мяндаш-дева домой пришла. А около вежи бегают пыжики — ребятки.

«Подите встретьте молодницу», — сказала им Мяндаш-дева.

Они побежали, круто копытцами перебирая. А у молодницы в руках посошок. Этим посошком она их била по носу до крови. Мяндаш-парни домой убежали.

Вот молодница пришла к веже мяндашей. Вежные двери открыла и говорит: «В мяндашей вежу войду, через чаппыд-порог шагну. А чисто-то место хребтовой костью обложено. А опоры-то — ноги оленя! А крыша-то из шкур».

Тут Мяндаш-дева сказала: «Здесь в камень превратись!»

Та окаменела. Вот Мяндаш-парень с охоты возвратился. Спрашивает мать: «Мати, привели ли, нет ли жену?»

И Мяндаш-дева ответила ему: «А здесь она, камнем стоит».

Тогда Мяндаш-парень сказал: «Если эту камнем сделала, веди другую».

Вот Мяндаш-дева обернулась дикой важенкой и опять побежала к тому же старику. Переплыла через Мяндашйок, где легкие — волны, печени — камни, и пришла к веже. Обернулась человеческой женщиной и вошла в дом.

Старик имел теперь двух дочерей.

Мяндаш-дева сказала: «Которая девка пойдет замуж за моего сына?»

Средняя кричит: «Я!» «Ну, ты и пойдешь», — говорит Мяндаш-дева. Сняла каньги и дает средней дочке: «Возьми каньги и просуши. Стельки хорошо расправь и положи сохнуть».

Та дернула стельки из канег, а стельки-то из тоньке-пойды. Она каньги положила сушиться, а тоньке-пойду съела.

Мяндаш-дева ночь проспала, а утром встала и говорит средней дочке: «Поди, подай мне каньги обуть».

А стельки-то съедены. Вместо них простое сено положено. Мяндаш-дева стала одеваться, а стельки-то не те! Вместо тоньке-пойды обыкновенное сено. Мяндаш-дева оделась. «Пойдем!» — сказала.

Пришли к реке, и Мяндаш-дева спрашивает: «Как ты пойдешь через Мяндашйок, Кровавую реку? В ней волны из легких и камни из печеней».

А та говорит: «Как ты, так и я».

Мяндаш-дева обернулась дикой важенкой и переплыла через реку. Молодица же осталась на берегу. Бродила, тонула, едва-едва перебралась через Мяндаш-реку.

Мяндаш-дева подошла к своей веже. У вежи играли пыжики — ребятки. Она им сказала: «Подите навстречу молодой».

Они побежали молодицу встретить и привести. А у нее был в руках посошок. Она их била всех им по носам до крови. Они домой убежали к матери, показали ей мордочки и говорят: «Вот как молодая нас встретила».

Молодица пришла к мяндашей веже. Пришла, двери открыла и говорит: «В дом мяндашей войти — через порог из шейных позвонков перемахнуть. Из хребетных костей полы уложены. Как печени, гладки камни очага, и опоры — ноги оленя».

Мяндаш-дева сказала: «Тут в камень превратись».

Девушка окаменела.

Мяндаш-парень с охоты пришел. Прямо к матери идет: «Мати, где же мне жена?»

Мяндаш-дева ему отвечает: «Тут камнем стоит». — «Ну, когда камнем сделала и эту, так иди, приведи мне еще жену».

Мать обернулась дикою важенкой и побежала. Переплыла через Мяндашйок, превратилась в женщину-человека и вошла в вежу того же старика. У старика одна дочь. Говорит ей Мяндаш-дева: «Пойдешь ли ты за моего сына замуж?»

Девушка ей в ответ: «Какая буду жена твоему сыну? Он мяндаш! Я сыну мяндашей в жены не гожусь». «Иди, дочь человеческая, в вежу мяндашей жить, — говорит Мяндаш-дева. — Иди, вот прими мои каньги сушить и стельки расправь хорошенько».

Девушка каньги приняла, отнесла их сушиться, а стельки расправила, развесила и высушила исправно.

Мяндаш-дева ночь спала, а утром, пробудясь, говорит: «Принеси мои каньги со стельками».

Девушка тоньке-пойду хорошо просушила и каньги со стельками подала Мяндаш-деве надеть. Мяндаш-дева оделась и пошла. И вот дочь человеческая в мяндаш-вежу идет.

Приходят они к Мяндашйок, и Мяндаш-дева спрашивает девушку: «Как ты, дочь человеческая, будешь через Мяндашйок идти? Мяндашйок — Кровавая река, в ней легкие — волны, гладкие печени — камни».

Девушка сказала: «Переходи, Мяндаш-дева, через Мяндашйок, и я как-нибудь, может быть, перейду».

Мяндаш-дева через реку переплыла, а девушка осталась у реки на берегу. Отщепила она кору ольхи-дерева и села у воды. Ольху-дерево откусывает, ольховую кору жует, брызгами, как пылью, брызжет в реку и поет:

Сохни, сохни, Мяндаш-река:
Легкие — волнами, печени — камнями.
Кровавая река!

Мяндашйок высохла досуха, и дочь человеческая перешла через реку. Ольху кусала, жевала ольховую кору и брызгала, пылью брызгала в воду и пела:

Теки, теки, река Мяндаша:
Легкие — волнами, печени — камнями.
Кровавая река!

И Мяндашйок опять потекла. Девушка пошла вперед. И вот показалась вдали вежа мяндашей. Здесь девушка села. А Мяндаш-дева к дому пришла. Вокруг вежи пыжики-оленцы играют: «Подите, ребятки, встретьте молодицу».

И они, перебирая копытцами, побежали встречать молодицу. Навстречу ей прибежали и встали перед ней. Она их не била. Она каждому олененочку ввязала в уши красное сукно. С радостью они вернулись к матери домой. Кричат ей: «Вот как мы встречены молодицею! Она ввязала нам в ушки красное сукно».

И Мяндаш-дева сказала: «Это хорошо».

Тут Мяндаш-парень с охоты пришел. «Где жена?» — сказал.

А Мяндаш-дева ему говорит, что там, на краю болота, ждет.

Мяндаш-парень диким хирвасом побежал. Устремился невесту смотреть.

А девушка в конце болота сидит и поет:

Вот он бежит, вот он бежит!
Мяндаш-парень, мяндашей сын.

А он не очень близким кругом оббежал вокруг нее и вернулся к матери домой. Спрашивает его мать: «Видел ли невесту?» «Видел», — ответил Мяндаш-парень. — «Можешь ли, нет ли с нею жить?»

И он сказал: «И с ветра и с подветру был. Жить могу».

Вот Мяндаш-парень построил себе вежу и предстал перед дочерью человеческой красивым человеком и взял ее в жены.

И вот Мяндаш-парень живет с человеческой дочерью. Жили они хорошо. Жена его берегла, а он ее в строгости держал. И он дал ей запрет: «Нельзя шкуры — постели детские ребячьей мочой замочить». Детей у них было много и постелей тоже было много. И вот они живут. Живут очень хорошо. Но однажды она недосмотрела: мальчишечка-дитя замочил постелю.

Мяндаш с охоты возвратился, в вежу входит, и не успел еще человеком обернуться, как ему из дверей нечистый запах в нос ударил. Он чихнул и сказал своей жене: «Я тебя строжил — нельзя замочить постели, а у тебя постеля мокрая — худой запах идет! Я не могу больше жить. Тяжелый дух тянет мне уши, трепет и дрожь мне от него».

И он убежал к материнскому дому. Пришел к матери и сказал: «Мати, я не могу больше жить! Тяжелый дух уши стягивать стал».

Мать ему сказала: «Не говорила ли я? Не может мяндашей сын с человеческой женщиной жить. Слушай, дитя, в дом мяндашей вернись. Вот тебе материнская грудь. Вот тебе сосок, один, и другой, и третий, и четвертый сосок. Живи! Не бойся, сыночек, у кого шкура черная — медведя-зверя бойся, и берегись волка-зверя, и из-за двери и камня краснеющего красноликого — человека бойся».

И сказав это, Мяндаш-дева всех в облике диких оленей из мяндаш-вежи вывела. А жена Мяндаш-парня обернулась вокруг себя кислою, намокшею постелью и, оборотясь дикой важенкой, тоже побежала за ними. И превратилась она в вожака диких оленей. И будто колоколец рога ее стали для других.

И растянула она стада диких оленей по тундре и по ложбинам нашей земли.

130. СКАЗКА О ДИКОМ ОЛЕНЕ

Надоело жить оленю-вдовцу без жены, вздумал он жениться на женщине. Превратился в молодого саама и пошел свататься к одному старику, у которого было три дочери. Посватал он старшую и повел лесом в свою вежу. Сам забежал

вперед и раньше жены пришел в вежу. Идет она одна по той дороге, что муж повел. Перегородила ей дорогу река кровавая, по реке оленьи легкие плывут. Превратилась она в выдру и переплыла реку. А на другом берегу ее ждут уже оленьи дети, ласкаться к ней стали. А она рассердилась на них и прогнала веткой. Пришла она в вежу и узнала, кто был ее муж. Не захотела она повиноваться ему. Олень велит каждый день шкуры постельные перебирать, а если ребенок родится, смотреть за ним, чтобы не замочил чего в веже: человеческим духом чтобы не пахло. Не слушает она приказаний мужа, не перебирает шкур, плохо в доме правит, а оленьих детей колотить зачала. Рассердился олень и убил рогами жену.

Пошел к старику другую дочь сватать. Отдал за него старик и вторую дочь, спросил только, что дорогой зять не заходит к нему в гости.

А жених ответил, что будет скоро, и увел к себе вторую жену. С этой то же было. Убил и эту сердитый олень. Перевернулся саамом и пошел младшую дочь сватать. Удивился старик, но отдал за него и последнюю дочь. «Что это,— говорит,— в гости с женой не заходишь?»

«Приду скоро»,— сказал зять и увел жену. Забежал вперед и пришел в вежу первым. Идет она и встречает реку кровавую, по ней оленьи легкие плывут. Стала молить она песней, чтобы речка дорогу ей уступила. Долго пела она, а речка стала все мельче и совсем пересохла. Перешла она по дну и вышла на другой берег, а ее детки оленьи ждут, ласкаться бегут. Приласкала она их, по шерсти погладила, а в рога цветов вплела. Побежали оленята в вежу и ну мачеху хвалить. Пришла она, а олень ей наказ дает, что первым женам давал. Стала слушаться она мужа и угождать ему. Детей-оленят ласкать, за вежей присматривать, постель перетряхивать. Долго жили они в мире и согласии. Родился у них ребенок-олень. Говорит женке олень, чтобы пуще прежнего смотрела за ребенком: «Досматривай, чтобы ребенок постель не пачкал». Недоглядела раз она, а ребенок всю шкуру вымочил. Пришел олень, услышал дух человеческий и бросился вон из вежи, а за ним и оленята. Один только остался, что на коленях у матери сидел, да и тот в лес за отцом рвется. Видит она, что не удержать ей олененка, и стала она ему совет давать. «Пуще всего,— говорит,— бойся человека и сосны да камня. За ними может схорониться хитрый охотник и убить тебя. Береги себя всегда. Но если уж попадешь на настоящего охотника, не перехитрить тебе его. Тогда выходи и подставь сердце, чтобы он рогом убил тебя». Сказала это она и выпустила олененка.

Старик и старуха жили. Ну и родились у них три дочери. Жили-жили, старуха встала утром и огонь разводить начала, а тут-то с другой стороны вежи ворон крыльями затрепыхал. Старуха испугалась: «Вставай, старик, вставай!»

Старик поднялся и выглянул из вежи. А перед ним красивый человек предстал, большеносый, весь в черном — воронова крыла.

Старик гостя позвал в вежу, старуха питание и еденье на стол подала. И вот завелась беседа, сватанье началось.

Человек дочку в жены просит. Старики дочку стали одевать и отдали старшую.

Ну и пошла дочка с мужем в свой новый дом. А старик со старухой жили-поживали.

Жили-жили, старуха огонь разводить стала. На чистые двери глянула, а тут лапы морского зверя виднеются. Испугалась старуха: «Вставай, старик, вставай!»

Старик поднялся, встал, двери открыл и выглянул из вежи. А перед ним морской зверь предстал. В вежу вошел толстым человеком, сел у огня. Ну, поели, попили, беседа завелась. Сватанье началось. Жирный человек у стариков дочку стал сватать. Старики стали отдавать и отдали дочку среднюю.

Морской зверь домой пошел, жену к себе повел. А старик со старухой по-прежнему зажили.

Жили-жили. Одного дня старуха утром встала, огонь разводить начала, на чистое окно глянула. А с той стороны вежи дикого оленя рога красуются. Старуха испугалась: «Вставай, старик, вставай!»

Старик встал, из вежи выглянул, а перед ним Мяндаш — дикий олень. Старик Мяндаша в вежу позвал. Он в вежу вошел — человеком обернулся, очень красивым явился.

Старуха питание и еденье на стол подала, ну и завелась беседа, сватанье началось. Мяндаш в жены дочку просит. Отдали старики дочку.

Старик и старуха вдвоем остались жить. Надо к детям в гости сходить, проведать, как они живут. К ворон-зятю пошли. Стали подходить — вороновы дети вокруг вежи летают. Увидели и закричали: «Мама, мама! Бабушка и дедушка к нам в гости идут!»

Дочь старшая из вежи вышла, отец и мать к дому приблизились. Она подошла, поздоровалась с отцом, с матерью и в вежу их ввела. Пока пили и ели, солнце закатилось, ворон-зять в вежу вошел человеком. Ну тесть и теща поздоро-

вались. Вместе сели они и стали есть, и пить стали, и спать повалились.

Утром проснулись и, вставши, ели, и пили, и назад пошли.

Недолго пожил: зять — морского зверя проведать пошли. К зятю пришли, тут тюленята-серки у вежи играют, увидели и закричали: «Мама, мама! Бабушка и дедушка к нам в гости идут!»

Ну, и дочь средняя из вежи вышла к отцу и матери навстречу с рукой наполовину отгрызенной. Ну, и поздоровались они, и отец и мать в вежу вошли.

Наготовила дочка еденья и питенья, и стали они есть, стали они пить. Ну, и вечер пришел, зять пришел, поздоровались и угощались разной рыбой и другой едой. А утром, став ото сна, поели и попили, с дочерью и зятем попрощались и домой пошли.

Вернулись домой, недолго пожил: они — к Мяндаш-зятю направились. Идут и к веже пришли. Стали подходить — Мяндаша дети играют. Увидели и закричали: «Мама, мама! Дедушка и бабушка к нам в гости идут!»

Мяндаш-жена из вежи вышла, одетая в суконное платье, длинное и черное, гладкое платье.

Отец с матерью поздоровались, она их в вежу ввела и готовить питенье и еденье начала.

Вот и солнце закатилось. Тут чистые двери открылись, и Мяндаш свежего мяса положил, внутрь вежи заглянул и увидел, что тесть у него с тещей в гостях домовничают. Мяндаш в вежу пошел человеком и перед тестем и тещей пригожий предстал. И яств, и питья наготовили, и ели, и пили, и спать повалились. Утром ото сна став, зажили. Мяндаш-зять охотничать ушел. Бабушка сидела и сплела красные ошейники для каждого внука и повязала их. Внуки играли в этих красных ошейниках, и было хорошо.

Жили-жили. Мяндаш-зять домой возвратился, снаружи оленем с рогами красивыми, а в дом войдя, — человеком, и спали ночь, а утром старик и старуха назад домой пошли в свою вежушку. А Мяндаш-зять их не пускает, оставляет здесь дома жить.

Старик один ушел. Ходил, ходил, что было добра у себя дома, собрал и назад вернулся. Ну и стали жить.

Жили-жили, и старуха стала браниться, что не по ее обычаю здесь поступают: постелю мокрую после сна детей надо сушить, а не выбрасывать.

Жили-жили, и Мяндаша жена свою мать послушалась — положила мокрую постелю на двери сохнуть на солнце. И забыла.

Солнце закатилось. Мяндаш вернулся домой, к дверям вежи подошел, и от них кислый запах исходит. Мяндашу этот запах в ноздри ударил, ему уши оттянуло назад, он чихнул, а обернуться не мог, не мог принять человеческий облик.

Мяндаш воскликнул: «Зачем положила постелю сушиться?» — и побежал в лес, в тундры побежал. И все дети, все мяндаш-парни, ребятки его, все за ним побежали один за другим.

И даже самый маленький, тот, что на коленях у матери был и грудь сосал, и тот востепенулся, в теленочка-сосунка превратился и побежал за ними вслед.

Мяндашкаб осталась одна, вскочила за ним, метнулась, маленького зовет себе на колени, домой к себе зовет: «К маме, домой поди! Поди к маме, поди! Поди, у мамы есть титя. Поди к маме, поди! У мамы теплы колени и грудь».

А мяндаш-парень отвечает ей: «Не могу я вернуться, мама, не могу! Меня тянет веселье в вольной жизни дикарей. Олений зов меня влечет. Жар молодых рогов — мой восторг! Игра пургой — моя радость! И хруст копытец — мое весельство! Не могу я вернуться, не могу вернуться, мама!»

Тогда ответила мать: «От бесчестного дальше уйди! Счастливому дайся поближе! Пусть будут глаза твои полужакрытыми и бока твои доступны стреле! Небесному человеку будь хлебом и солью!»

Жена Мяндаша — Мяндашкаб осталась одна. И стала жить. И замуж вышла. Замуж вышла — не живет, а плачет — своего Мяндаша вспоминает.

Мяндаша вспоминает и песню поет:

Мяндаш жил —
Котел был большой,
Он полным-полным кипел.
Полное пламя полный котел,
Дно котла охватывало,
Вокруг всего котла полыхало.
Лыпс был широк, как вежные двери,
Лыпс согревался огнем очага,
И было тепло мне, было тепло,
А теперь живу
С небесного человека отродьем.
Котелок варю —
Половинка пуговики медной.

Однажды спала Мяндашкаб, и приснился ей сон. Мяндаш приснился, привиделся ей Мяндаш мужем. Он сказал ей ласковым голосом: «Женушка, милая, очень жаль мне тебя!

Жаль мне, как ты живешь. Я все знаю. Твои муки не могу я дольше терпеть. Скажи твоему мужу, скажи ему, пусть в святом месте застрелит меня! Утром пусть он придет, на заре, и добудет меня. А мою постелю возьми, убери под свое ложе».

Утром встала Мяндашкаб и научила мужа велению Мяндаша. Муж послушался. Он пошел на то местечко и подстрелил добычу — дикого оленя. Добыл и принес свежее мясо есть.

И стали жить. И муж стал промышлять. Стали жить, а мать стала браниться на дочку, зачем она не сушит постелю, а в воду выбрасывает проточную. Послушалась дочь своей матери, положила шкуру сушиться на солнышке, а сама вошла в вежу. Солнце закатилось. Женка из вежи на улицу вышла, чтобы шкуру прибрать, а тут-то постели нету!

Невесть куда делась постеля!

132. ПОЧЕМУ ОЛЕНИ ЖИВУТ ОТДЕЛЬНО ОТ ЛЮДЕЙ

Жили старик со старухой. У них было три дочери. Старик родом был из лесных краев. В лесных краях оленям жизнь вольная, а людям покой. Старик знал: звери его стороны — чистые звери, они свой облик, свою кровь берегут. Что лишнее — в воду: без запаса человеку.

А жена старику досталась с морской стороны. Тут тюлени да вороны первые жители. Они свой облик не берегут — кровью мажутся, крови не боятся, мясом-кровью питаются. Они без запаса не живут. Добычу съедят — объедки прячут или в дом сволокнут, они свой запас, объедки свои стерегут. Им запас не вредит — с запасом жизнь легче всего.

Однажды утром встала старушка со сна и только начала огонь в очаге раздувать, как услышала: за стеной вежи крылья ворона трепыхаются. Испугалась она и ну будить старика: «Вставай, старик, вставай! Гости пришли!»

Тут в вежу ворон зашел. Через порог переступил — в человека превратился. Красивый это был человек — черный, с большим носом.

Вошел и сел. Старик и старуха гостя угощают, беседу ведут, а гость сватается: младшую дочку просит ему в жены отдать.

Старуха согласна, старик не согласен.

Старуха младшую дочку ладила в свою, морскую сторону отдать. А старик своего порядка держался, — старшая дочка первому жениху. Отдали ворону старшую дочку. Старуха это запомнила. Ну что ж, отдали дочку и стали жить.

Мало времени прошло, как-то бабушка поутру встала, огонь вздула, в окно глянула, а там лапы тюленя когтями царапаются.

Старуха мужа принялась будить: «Вставай, старик, вставай скорее! К нам гости пришли».

Тут тюлень толстым человеком в вежу вошел и сел на почетное место.

Ну, и пили, и ели, и тюлень свататься стал: младшую дочку просит отдать ему в жены.

Старуха согласна, старик не согласен.

Старуха за то, чтобы любимую дочку морскому зверю отдать. А старик своего порядка держится: среднюю дочку замуж отдать, а младшая пусть подождет.

Ну, отдали среднюю дочку и стали жить-поживать — старик со старухой и с младшей дочерью.

Жили-пожили, однажды старуха встала поутру, очаг заживила, огонь развела, котлы повесила, на солнышко глянула, а в окошке-то рога оленя красуются. Она к старику: «Вставай, старик, вставай скорее! К нам гости пришли».

Вошел олень-дикарь. Мяндаш имя ему. Через порог переступил — в человека превратился. Красивый парень, просто диво, что за молодец!

Угостили его, и чаем напоили, и беседу повели честь по чести. И посватал Мяндаш младшую дочь себе в жены.

Старик был сам из лесов, он был рад отдать любимую дочку за лесного жителя, за дикого оленя. А старухе дикаря жизнь была не по нраву.

Отдали младшую дочь за дикого оленя, за Мяндаша.

Увел Мяндаш молодую жену. Остались старики в своей веже одни.

Жили-пожили и заскучали они по своим дочерям.

Сказал старик: «Пойду, старуха, к дочкам. Проведаю, каково им живется».

И пошел. Шел, шел — смотрит: вежа виднеется, около вежи сосна сухая стоит, кости валяются, место высокое, а без ягеля, а вокруг-то вежи — голая земля да камни.

Тут воронята летают. На сосну сели и закричали: «Крлы, крлы», — кричат они как вороны, а ножки-то у них как у маленьких ребят! То вороновы дети, то внуки его!

Мать их вышла из вежи и встретила деда. Посмотрел старик на дочку и крепко опечалился: «Что же ты, дочь моя, с одним глазом живешь?!»

«Ворон выклевал глаз», — отвечает она.

В вежу вошли, сели, обождали, вот и ворон прилетел. Для угощения старика он принес объедков разных, бросил их

на стол и потчует гостя. Ну, и стали они угощаться. Что ел — не смотрел; что ему дали — того наглотался, воды напился и повалился спать. Ночью воронята на него сели, только тем и согревался. Наутро встал и пошел себе дальше.

Шел, шел, до берега моря дошел. Море пустое, ничего на море не видно. И берег-то пустой — одни лишь голые камни лежат, да волна приливает и отливает.

Тут-то старик заскучал, однако глянул вперед и увидел — домик стоит из китовых костей построенный. С крыши домика чудного дети катаются, с боку на бок переваливаются, ластами по животу себя и друг друга хлопают: хлоп, хлоп, хлоп... то тюленята, то внуки его!

Пошел старик к этим ребятам. Они его увидели и закричали: «Мама, мама, к нам дедушка идет!»

Выбежала дочка из дому наружу — встречает отца. Глянул старик на дочку, а дочка-то вся в сале тюленьем перемазана, и запах от нее звериный, и одной руки нету.

«Где же рука твоя?» — спрашивает. «Тюлень отгрыз», — сказала она.

Ну, вошли они в вежу и сели. Немного обождали, вот и тюлень-зять пришел, явился сам хозяин. Он принес на угощение куски сала и мяса звериного.

Сидели-сидели, жевали-жевали, так и спать повалились все жуя то мясо звериное, то угощение зятя-тюленя. Всю ночь дрожал старик под холодной шкурой тюленя.

Утром встал он, пожевал-пожевал тюленьего мяса да и пошел себе дальше.

Вот он шел, шел, даже устал, так далеко он забрался, и дошел он до высокой горушки. Очень красивое это местечко: по краю неба и земли леса синеют и горы далекие, а на горке-то березки да елочки, из-под камней ручьи бегут, прозрачные, струятся, весело журчат и вливаются в озеро. А озеро-то ясной воды — все дно видно, как на ладошке. За озером и рекой гора виднеется. От вершины горы далеко залегли ягели зеленые — мягким ковром расстилаются. И везде-то, везде веселые перелесочки взбегают на холмы. Кругом раздолье, а добрый ветер грибной дух наносит из дальних лесов. Залюбовался старик и сказал: «Добро!»

Осмотрелся он, шаг ступил, другой ступил и увидел — у речки на берегу вежа стоит.

Вокруг вежи дети бегают, в олешки играют. На головах у них рожки оленьи, на шапочках ушки пыжиком торчат, на плечах словно бы крылышки. Это внуки его, детки зятя-тюленя. Старика увидели, закричали оленята: «Мама, мама, наш дедушка к нам в гости идет!»

Дочка вышла на улицу. Сама собой красивая, она вышла встретить отца, одетая в свое лучшее платье самого черного цвета.

Она взяла отца за руку и в дом ввела.

Смотрит старик на дочку и говорит: «У тебя, дочь моя меньшая, жизнь лучше всех!»

Дочь усадила отца на почетное место — на мех, на шкуры. Сама приготовила ему мяса свежего, сала тонкого и обед сварила. Наелся старик.

Вот и зять пришел. На вольном воздухе он — олень, в вежу вошел человеком стал — поздоровался, руку на плечо положил.

И старик руку свою на плечо Мяндаша положил. Друг другу поклонились.

Статный, красивый, спрашивает зять старика: «Хорошо ли тебе, батюшка? Хорошо ли у нас?» «Очень хорошо, — ответил старик, — и деткам хорошо, и сыт я — человек. На мягких шкурах детки спят, теплыми шкурами укрываются и мне, старику, спать было тепло». — «Приводи же, батюшка, тещу и живите у нас на покое!»

Понравился зять-олень старику, остался он у Мяндаша и у младшей дочери в гостях. Пожил мало-мало, отдохнул и захотелось ему, чтобы и старуха его так же могла бы пожить и отдохнуть, как и он, у зятя-оленя. Соскучился он по старухе своей и отправился домой. Пришел и говорит жене: «Наша дочь, отданная за ворона, с одним глазом живет, только то еденье у нее, что объедки грызут. Другая дочь, та, что отдана за тюленя, она одно только звериное мясо жует. А рука-то отгрызена! А третья дочка, которая за оленя отдана — живет дородно, она в красивом платье ходит и жить у них тепло. Пойдем к этой дочке жить!»

Старуха не долго собиралась — встала и пошла позади старика.

И пошли они, старик впереди, старуха позади, за мизинчик его держась.

И вот они шли, шли и пришли к младшей дочери. Ну, и стали жить у нее.

У дочери им жить было очень хорошо. Дикарь днем уходил в тундры и жил там по своей воле. Дочка управлялась дома по хозяйству — и все было хорошо. Мяндаш дал наказ жене: если дети замочат шкуры, выбрасывать те шкуры в реки и ручьи, но ни на солнце сушить, ни в доме хранить, и на дверь не вешать. В веже ветер должен быть всегда свежий, как на воле, в тундре просторной. Если в веже будет пахнуть кислой шкурой, как он на охоту пойдет? От него тоже будет

сильный запах — услышав этот запах, все звери от него разбегутся.

А старуха не согласна выбрасывать мокрые шкуры в реки. Эти шкуры надо высушить и дома оставить, запас всегда пригодится. В хозяйстве лишних шкур не бывает.

«Мать, я уйду по ягоды. Если ребята замочат шкуры, на которых они спят, ты те шкуры не вешай сушиться на дверь. Нельзя мокрые шкуры на солнце сушить! Выбрось их в речку, отец принесет новые», — сказала так и ушла.

А старуха, она своим обычаем жила, она дикарью жизнь не уважала, она возьми и повесь мокрую шкуру на дверь, — пусть на солнышке сушится.

Наступил вечер. Вернулась хозяйка — шкуру не заметила. Вернулся и Мяндаш-олень. Хотел он в дом войти, а на двери-то шкура сохнет. Пахнуло на него запахом сушеных на солнце шкур, дикий олень не переносит этого запаха. Он не мог войти в дом, он не мог превратиться в человека. Мяндаш отпрянул от шкуры, от дверей бежал прочь, в тундру. Убегая, он крикнул жене: «Видно, плоха тебе жизнь со мною! Теперь я ушел в дикие олени навсегда. Я никогда не вернусь к тебе!»

Не успел он это сказать, как все дети сделались маленькими оленятами и побежали вслед за отцом в лес. Даже самый маленький, тот, что лежал в люльке, и тот выскочил из нее и маленьким олененочком побежал в лес за отцом, за своими братьями.

Мать погналась за детьми, догнать их хотела, бежит и кричит им вдогонку: «Деточки мои милые, родимые детки мои, не покидайте меня, вашу маму, вернитесь к матери вашей».

Так звала она детей своих, а они повернулись к ней лицом, посмотрели на нее и сказали в ответ: «Мы не можем, мать, к тебе вернуться, у нас уже растут рога, в них пышет жар и кровь кипит — вот в чем теперь наша жизнь, наша новая радость. Вольный бег и хруст в копытах наших — вот наше веселье теперь. Нас тянет к себе шум оленьего стада, нас тянут к себе тундры, ягель и леса. Ветер в тундре и в горах, чутье чистого воздуха в ноздрях — вот в чем наша жизнь! Жизнь диких оленей».

И убежали... Убежали все ее детки в леса и в тундры, на дальние горы.

С тех пор дикие олени живут отдельно от людей, а люди отдельно от диких оленей. С тех пор стали люди охотиться на диких оленей, а прежде люди и олени были одно — как родные братья они были, одной семьи, и жили они дружно, душа в душу.

133. ОЛЕНЬ-ДИКАРЬ

Жили старик со старухой. Родилось у них три дочери. Вот встала старушка утром, огонь в вежухе развела, глядь в дверь, а из-за вежи вороновы крылья видны. Она испугалась и ну будить старика. Тут ворон в вежу вошел, превратившись уже в человека. Красивым мужчиной предстал с длинным носом. В дом вошел и сел. Старик и старуха гостя угощают. А гость стал сватать старшую дочку. Ну, что же, отдали дочку и стали жить-поживать по-прежнему.

Мало времени прошло. Как-то старуха поутру стала очаг разжиглять, в окно глянула, а в него тюленьи лапы царапаются. Старуха мужика своего стала будить: «Старик, вставай скорей, смотри, гость пришел!»

Тут тюлень обернулся и толстым человеком в вежу вошел. Попили-поели, и начал тюлень вторую дочку сватать. Отдали старики вторую дочку и стали жить-поживать.

Жили-жили, однажды старуха встала поутру, огонь развела, котлы повесила, глядь на улицу, а там рога оленя красуются. Она скорей старика разбудила и велела гостя принимать.

Вошел олень таким-то молодцом, просто чудо! Угостили его, чаем напоили, и посватал олень младшую дочку. Ну, что же, отдали дочку оленю, остались одни и стали жить-поживать.

Жили-жили и стало старикам скучно. Вот и пошли они своих дочек проведать. У всех побывали—у первой дочери глаз выклеван, у средней дочери рука отгрызена, и только младшая и сыта, и одета, и красавицею стала—старикам утешенье. Понравилось им у нее в доме, и стали они жить-поживать у своего зятя-оленя.

Вот и сказка вся.

134. ДЕДУШКА У ВНУКОВ

Жил старик со своею старухой. Было у них три дочери. Сказал старик дочерям: «Идите на поморский берег искать себе суженых. Впереди пусть идет старшая дочь, за нею пусть идет средняя, а позади пусть идет младшая. Кто кому первым навстречу из вас попадет, тот тому и будет суженым».

Пошли три сестры на поморский берег себе суженых искать.

Старуха говорит старику: «Зря пошли они суженых искать!»

А старик отвечает: «Надо им иметь мужей, пусть идут!» Пошли сестры по берегу моря. Шли-шли-шли.

Вот увидела старшая сестра: лежит на берегу нерпа-самец. Подошла девушка близко к нерпе и говорит: «Ты мой суженый, мой муж, а я твоя жена», — и осталась с ним жить.

Пошли дальше по берегу две сестры. Шли-шли-шли.

Увидела средняя сестра: навстречу ворон летит. Взяла средняя сестра в руки ворона и говорит: «Ты мой суженый, мой муж, а я твоя жена!» — и осталась она жить с вороном.

Пошла дальше по берегу одна младшая сестра. Шла, шла, видит: плывет среди моря навстречу ей дикий хирвас. Выплыл он на берег и встал перед девушкой. Стала девушка обнимать его и говорит: «Ты мой суженый, мой муж, а я твоя жена!» — и стала с ним жить.

Жили сестры с этими мужьями своими несколько годов.

Старик со старухой ничего не знали о них. Стала старуха скучать: «Где затерялись наши дочки, ничего не известно о них?»

Пошел старик к дочерям в гости. Идет-идет он по морскому берегу, идет-идет он. Увидел, играют маленькие нерпята. Нерпята увидели старика, испугались и закричали: «Человек идет!»

А мать говорит им: «Не надо этого человека бояться, это ваш дедушка».

Погостил старик у старшей дочери. Переночевал. На другой день пошел дальше. Шел-шел-шел.

Подошел к одному месту, видит: воронята играют. Увидели они старика, испугались и закричали: «Человек идет!»

Говорит им мать: «Не бойтесь этого человека, это ваш дедушка».

Погостил старик у средней дочери, потом пошел дальше к своей младшей дочери. Шел, шел. Увидел, играют дикие оленята. Увидели дикие оленята старика, весело заговорили между собой: «Дедушка идет!»

Пришел старик в гости к дочери. А дочь ему говорит: «Погости, батюшка, и иди скорее назад». Не хочет оставить его ночевать.

А старик на это ей говорит: «Нет, у других дочерей я ночевал и здесь буду ночевать».

Тогда дочь говорит ему: «Ночевать-то можно, только ты во сне не обмочи постель. Мой дикий олень очень этого испугается».

Остался старик ночевать. Дикого оленя не было дома. Спал-спал старик и обмочил постель — оленью шкуру. Утром

встал. Дочь попросила его уйти поскорее обратно, пока муж не пришел. Попрощался старик и ушел.

Положила женщина сушиться мокрую шкуру около вежи. Вернулся дикий олень домой. Обошел вокруг вежи, стал нюхать — почувствовал нехороший запах: человеком пахнет. Не стал он входить в вежу, побежал прочь.

Побежал дикий олень, а за ним побежали его дети-оленьята. Один из них, самый маленький, не успел убежать, мать схватила его за уши.

Взяла его мать за уши и стала напевать:

Вот тебе грудь,
Вот тебе другая.

А сыночек-олененок ей отвечает:

Нет, мама, не сладко (мне)
Твоей груди сладкое молоко.

Тогда мать запела ему прощальную песню:

Где, сын мой, увидишь —
камень там толстый, —
дальше!
Где, сын мой, увидишь —
Холм возвышается, —
дальше!
Где услышишь — рога застучали, —
Здесь близко!
Где услышишь пыжика голос, —
Здесь близко!
Здесь твои братья, сестры
И твой отец.
Беги, беги, сын мой!
На девятый исток речной,
На счастливый котел!

Так дедушка натворил беду, а бабушка и не увидела своих внуков. Жалко мне и маленького пыжика, и еще больше бабушку. Ну ничего, в другом месте узнаем, что бабка была у внуков.

135. О ДИКОМ ОЛЕНЕ

Старик со старухой жили. У них родилась дочь, родилась другая, родилась третья. Три девочки родились. Сказка-то быстро сказывается — дочери большие стали. Вот сидят они однажды, к ним жених пришел: черный костюм у него, аж вороньими перьями блестит, насквозь черный, нос — как во-

роний клюв, брови-то черные. Черный такой, аж вороньими перьями блестит. Пришел, сватает старшую дочь. Ну, тут и свадьбу сыграли. Пили, ели.

Утром старики встали, молодые еще спят, а старуха смотрит и говорит: «Старичок, старичок!» — «Что?» — «У зятя-то нашего голова торчит, как воронья». — «А ворон и есть. Видишь ли, как-то у него раздевается воронья шкура-то. А днем он улетит». Утром встали. Ворон попрощался — и на улицу: «Тесть, теща, оставайтесь здоровы!» Вот в той-то местности, на берегу моря, мол, вежа, на скале моя вежа (не дом, а вежа, как у старика и старухи). Старичок со старухой сидят, ничего не говорят, а ворон-мужик говорит: «Воронья кожа, сойди моей жене, моей молодежи, чтобы она, молодича, вороной стала». Старичок со старухой посмотрели — зять взлетел вороном, а дочь вороной: «Кар-р-кар-р, кар-р-кар-р...» Кругом кружатся, кру-у-гом кружатся. Ну вот, три раза пролетели над вежей, значит, вороны попрощались. Вокруг, вокруг вернулись и улетели.

Жи-или, жили-и, вдруг опять пришел. Среднюю дочь пришел сватать.

Такой зеленый костюм на нем, блеском блестит, скрипом поскрипывает, лицо-то плоское, глаза выпуклые, усы торчком торчат: морской тюлень. Ну, так и у этой дочери свадьбу сыграли. Утром старики встали, молодые еще спали под ровой, старушка и говорит: «Что, старичок, словно тюленьи лапы тянутся». — «А что ни есть, а зять, коли выдали дочку замуж».

Молодые утром пошли на улицу. Попрощались: «Оставайтесь здоровы!» Зять пошел, а лапы тянутся, коготки-то маленькие... Вот были — пошли. Медленно идут, а старичок им вслед: «Где я могу вас найти?» — «Вот у самого моря есть высокая скала, в этом месте наша вежа». Так у старика со старухой и эта дочь ушла.

Вот жили, жили — третий человек пришел. Человек такой, что... белый, как дикий олень. Красивый человек. Так и чихает, чтобы ничего не пахло. Говорит, что я пошел к вам дочь сватать, чтобы жениться. Старичок со старухой и эту дочь проели, пропили. Утром встали, старушка говорит: «Старик, старик, что-то там торчат, как рога?» — «Ну, старуха, что ни есть, коли выдали дочь так...» Утром в путь засобирались. Вышли на улицу. Он диким оленем стал, бежит, не спешит. Девушка вслед оленицей бежит. Старушка говорит: «Где теперь мне вас искать?» «В этом-то месте есть озеро в лесу, вот тут есть наша вежа, можете приходить в гости», — и побежали. Старик со старухой остались.

Время уже прошло. Несколько лет, может быть, а старичок говорит: «Я больше не могу жить, пойду дочерей навещу. Сначала пойду к старшей». Пошел. Много ли, долго ли шел — слышит: «Кар-кар-кар-кар-кар...», — вежа стоит, дым клубится, огонек горит, дети с горы катаются: «Кар-кар-кар-кар-кар... ма-а-ама-мама, дедушка идет, дедушка идет...» — «О-о-о-о! Откуда ваш дедушка? Где ему найти нас?» — дочь-то, мать их, говорит. На улицу вышла — старичок идет. Пришел старичок к дочери — дочь с одним глазом. «Где ж второй глаз?» — «Ворон глазную воду выпил». (Ворон глаза очень любит, что если какая падаль на улице, ворон в первую очередь выклюет глаза.) У жены глаз выклевал.

А ворон целый день ходит, к вечеру придет, такую песню поет:

Ворону птичья сторона лучше всех,
Ворону бока по цевку...

Пожил старичок тут, погостил, потом попрощался и пошел: «Может, в живых не остаться, так лучше уйду». «Еще приходи, тесть, еще приходи!» — порхал-летал ворон, порхал-летал. Старичок ушел. Пришел обратно, старушке своей говорит: «Видел дочь свою. У дочери ворон глазную воду выпил, глаз выклевал. Теперь дочь с одним глазом. Есть дети, много детей. С вежи катаются. Зять меня проводил и песню спел о том, какую работу он делает. Сейчас день-другой поживу, отдохну — пойду к средней дочери, которую за тюленя выдали. Туда пойду, навещу, что дочь делает, как живет». Пожил, пожил, потом пошел.

Старик те же земли прошел и пришел туда. На скале вежа, у вежи дети играют, лишь ластами потягивают, тюленьими ластами, другие дети, на людей похожи, кричат: «Дедушка идет! Дед идет!» Дочь на улицу выбежала, обрадовалась. А к вечеру и зять пришел, всякой рыбы принес. «О! Тесть пришел!» — обрадовался ему. Дочь наварила и нажарила рыбы...

А зять утром встает, уходит в море, лишь вечером возвращается, рыбу тащит.

Пожил тут старичок три дня, потом обратно пошел. Пришел домой, говорит старухе: «Дочь живет хорошо, глаза целы, руки-ноги тоже. Дети есть, много детей. Есть другие совсем как тюлени, с ластами — они с отцом в море ходят, а другие совсем как люди. Теперь отдохну — пойду навещу третью дочь».

Старичок отдохнул, пожил в веже и пошел навестить и эту дочь. Шел, шел и видит, что вежа стоит. У вежи дети

рогами играют, только треск раздается: «Дедушка идет!» Дочь на улицу выбежала, в вежу приглашает. Вошел старичок и видит, что хорошо эта дочь живет — понравилось это старику. Дети вслед бегут, кричат, радуются. Вечером и сам пришел. Вошел в заветную дверь и человеком стал. Поздоровался с тестем. Рассказал ему, где был да что. Поели, попили чай, и утром дикий олень опять убежал. А дочь отцу рассказала, что мой муж, как только ребенок замочит постель, уж проветривать и выколачивать нельзя, сразу надо нести и выбрасывать куда-нибудь туда, где он вовсе не бывает. Если он придет в вежу, а тут намоченная постель, он уйдет и больше не придет.

Каждый день передние углы эти... это делает... гнет ивы-то... и все новые ветки в веже стелет. А постели, если ребенок постель намочит, она отнесет и выбросит куда-нибудь, в воду куда-нибудь, чтобы не пахло: дикий олень запахи не переносит.

Ну, старик пожил тут три дня. Уходя, стал говорить с дочерью и зятем: «Плохо стало жить: дочерей всех выдал замуж, вдвоем тоскливо. У той, что ворону отдали, мы жить не можем: ворон глаза выклюет; у той, что тюленю — у них воздух тяжелый, тюлень-то ходит, поскрипывает, в морской слизи катается. Взяли бы вы нас жить, мы со старухой пришли бы к вам». А зять говорит: «Мы вас не можем взять, я вас могу прокормить, только если будет запах, я убегу, вам свою семью брошу, убегу. Если можете так жить, то приходите, я вас возьму». Старик пришел к старухе и говорит: «Вот возьмет нас зять, только если дети намочат постель, то будь того новей постель, нужно выбросить. Если можем так жить, то зять возьмет нас». — «Почему ж не можем?»

Ну, пошли старичок со старушкой. Пришли жить. Стали жить. Жили неделю, другую. Человек каждый день приходил, такой красивый зять... что... Ходит, приносит диких оленей, свежего мяса. Всю ночь человеком живет, утром диким оленем становится и убежит. Раз старуха новую постель выколотила. Дикий олень пришел, мяса принес, и вдруг запах... Зачихал, закашлял... Побежал и говорит: «Сколько ты и была моей женой. Почему вы повесили сырую постель? Теперь я больше не могу прийти», — убежал. Дети все вслед. Вслед побежали. Мать вслед выбежала, зовет детей: «Идите обратно! Куда это вы побежали? Олешек, куда ты, мой муж, прочь побежал? Сейчас же выбросим постель! Это же мама так сделала!» Дети все вслед побежали, никого нигде не осталось. Один маленький в люльке был и тот убежал. Мать на улицу выбежала, кричит: «Вот у мамы грудь, вот у мамы другая,

куда ты побежал?» А дети говорят: «Не можем, мама, здесь жить. Отец побежал, так и мы все за ним». Женщина пришла обратно. Плакала. Мать свою ругала, бранила... а что делать? Стали жить. (Оставшись, ведь не умрешь, все жить надо, как бы тяжело ни было.) Много ли, мало ли жили, а что-то за человек пришел. Человек пришел и стал ее сватать. Женщина рассказывает, что, мол, так и так, а человек все сватает. Пошла она замуж. Стали жить.

Долго ль ни жили, ей сон снится, во сне мужа своего видит. Он говорит: «Вот теперь у тебя есть другой муж... ну так утром встанешь, мужу скажи: «Оленю тяжело стало ягелек есть, зубы все выпали, на том-то, том-то месте лежит, на берегу озера. Так ожирел, так ожирел — нога ноги не достает». Вот и остаюсь беспомощным быком. Не могу ходить, так мне стало тяжело. Пусть придет твой муж, убьет ружьем меня. Ружьем убьет, ты возьми, засуши мою шкуру и съешь мою голову, не отдавай никому, мозги тоже съешь: это насквозь мое. Шкуру высушишь, так только ты спи на этой шкуре». Женщине снился, снился сон. Утром, поспав, встала с мужем, говорит: «Вот мне сейчас такой сон снился, что на том-то месте, на берегу озера есть мысок. Там лежит дикий олень. Вот ты сегодня пойдешь, я с тобой пойду. Убьешь, и я шкуру высушу, голову сварю, мозги и глаза съем. Мне надо съесть. Это мой муж там. Так он ожирел, что задние ноги друг с другом не сходятся, так ожирел. Вот пойдем». И пошли они на мыс. Пришли туда, лось лежит. Муж выстрелил и убил. Стал пластать, а жена так плакала-плакала, пока муж оленя пластал. Плакала, каждое место гладила. И шкуру его принесла, положила, высушила. Положила в передний угол, где она спит.

Жила и так и умерла... Шкура так и осталась.
Вот и сказке конец.

136. ТЮЛЕНЬИ ЛАСТЫ

Жили древние старуха и старик. У них было три дочери. Старуха спала, спала, видит сон: пришли тюленьи ласты, вороний носик и дикого оленя копыта. Утром встала и говорит старичку: «Я видела тюленьи ласты, вороний нос и дикого оленя копыта». И спрашивает: «Почему я такой сон видела?» Старик говорит: «Сиди, не говори ничего. У нас есть три дочери. Это показываются, наверное, их женихи».

Было воскресенье. Девушки ушли собирать ягоды. День прошел. Старик и старуха поспали, встали, а девушек все нет. Они пошли девушек искать, а девушки все замуж вышли.

Старик и старуха шли, шли, видят: стоит вежа. С вежи вниз катаются ребята. Они кричат:

Дедушка, бабушка идут,
Дедушка, бабушка идут.

В той веже жила девушка, которая вышла замуж за ворона. Они сунулись в вежу, видят: девушка сидит одноглазая. Ворон у нее глаз выклевал. Старуха спрашивает: «Как живешь?» Девушка говорит: «Я хожу все к нашей сестре, она хорошо живет». Посмотрели девушку старички и пошли дальше.

Шли, шли, смотрят: стоит вежа. У вежи играют ребята и кричат:

Дедушка, бабушка идут,
Дедушка, бабушка идут.

Вошли. В веже полно разнообразной рыбы. Старик и старуха попили, поели и пошли третью дочь искать.

Долго они шли, смотрят: стоит большой чум. Чум покрыт шкурами дикого оленя и костями дикого оленя. Вежа открыта.

Мальчик в люльке кричит:

Дедушка, бабушка идут,
Дедушка, бабушка идут.

Вошли тут старик со старухой. Девушка, дочка, их кормит, поит. Они легли. Дорога была длинная. Спали тяжело. Старик не слышал, как намочился и намочил шкуру. Утром старуха расстелила шкуру. Их дочь говорит: «Не расстилай на тропинку, по которой дикий олень ходит». Старуха не слышала, так расстелила. Дикий олень пришел. Пахнет... Он прыгнул и заревел. Чум весь рассыпался. Мальчик был в зыбке. Мать дает ему грудь. Мальчик говорит: «Не нужна, мать, мне твоя грудь, пойду за отцом». Ударил. Все ставники у чума разлетелись. Мать говорит: «Мой мальчик, под каждым камнем тебя смерть будет ждать». Оставили старик и старуха свою дочь в веже. Потом поехали обратно. Пришли, стали жить и сейчас живут. Я сегодня у них была, они нас в гости звали.

137. ПРО ДИКИХ

Жили двое молодых — муж да жена. Они очень любили друг друга. Жили они в веже его родителей. Однажды муж осердился на родных. Обернулся он в четырехгодовалого

оленя-хирваса и решил от родных уйти. Жена заплакала, заголосила и стала просить мужа не оставлять ее одну. Она просила взять ее с собой: «Ты бери меня, бери, ты возьми меня, возьми меня с собой».

Он обернулся к ней лицом и спросил человеческим голосом: «А двоих-то детей куда денем?» На это она ему ответила: «Свекровь еще молодая — пусть она их растит, а я хочу с тобою быть неразлучно вовеки!»

Крепко любили они друг друга. Муж пожалел жену и начал наставлять, как ей быть, чтобы остаться с ним неразлучно вовек: «Выйди замуж за соседа и подари ему мою пищаль. И на охоту с нею пойдя. Сходите в наши кегоры, что повыше Святаозера лежат. Пошли его туда, там на просторе я буду пастись, гулять навстречу ветрам. И пусть он застрелит меня, пусть убьет и шкуру снимет. И пусть мое мясо все наши родные съедят, ну а ты мое мясо не тронь и не ешь, а шкуру поскорей прибери. Сохнуть повесь. Высохнет шкура, тогда ее в дом внеси и сложи ее надвое мехом наружу. Когда ляжете спать, ты, однако, завернись в мою шкуру. Спиною ляг к нему, чтобы не мог он обнять тебя. На одну половину сама ложись, другою накройся. Свою голову положи на уши шкуры, а пятками ложись ей на хвост. Ухо в ухо ложись. Душа моя в ушах шкуры живет. Душу мою прими, однако одну половину мне отдашь! Не забудь! Как заснешь, сразу оленем станешь... А там увидишь, что будет!»

Она исполнила все, как велел ей муж, ее супруг.

Однажды вернулись они, новый муж и она, с охоты. Принесли мясо и шкуру оленя. Она накормила родных мясом добытого оленя (она уже знала, что это он). Сама ни кусочка в рот не взяла. Шкуру высушила и сложила ее, как велел супруг: надвое сложила она эту шкуру. Пришло время ложиться спать. Один край шкуры она подвернула под себя, другим же накрылась. Сделала все, как велел ее муж-дикарь: пятками легла к хвосту, руками и стопами по ногам шкуры. Голову так положила, что ее уши к ушам шкуры пришились. В одно ухо душу приняла, через другое вторую половину назад вернула. Крепко уснула. И сразу поднялась она, прянула... Только и слышали все да мать видела, будто олени выбежали из вежи...

С тех пор не однажды примечали, что в ближних кегорах ходят два оленя, одинаковые, вместе пасутся. Чаще они являлись отцу, матери и детям своим. Ходят вместе два оленя, два хирваса, два самца, два друга.

Потому так, что муж отдал любимой жене половину своей души.

Очень давно жила-была одна старуха — нойда, колдунья. Ей наскучило быть в человеческом виде. Она захотела быть важной, оленем-самкой. Это с ней и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленем, этого верно сказать нельзя. Наконец она сделалась беременною и наступило время ей родить. Оборотясь оленем, она, однако, должно быть, думала иногда по-человечески. Перед самыми родами она испугалась, что от нее родится олень, и желая избежать этого, опять обратилась в женщину. Это ей, однако, не помогло. У нее родился не человек, а олень-бык. Как ни неприятно ей было, но все-таки теленка она кормила своею грудью. Он у нее вырос и стал даже возить дрова к веже, где она жила. Они друг друга понимали. И вот когда он стал большим, захотелось ему на волю. Мать этому не препятствовала, только просила привезти более дров. Мать нарубила дров, а он притянул к веже. Он был сильный и стал пособлять ей и дрова колоть. Так они заготовили дров довольно. Мать хотела дать ему еще при расставании груди, но он отказался и только просил сказать, кто его отец: человек или олень? Мать на этот вопрос ответить не хотела. Видя это, он показал вид, что еще хочет наколоть дров. Стали колоть толстую чурку. Когда у нее один конец раскололся, тогда поставили клин в щель. Сын после этого и показывает матери, чтобы она поставила ногу в щель, а он другим клином будет колоть. Мать послушалась его и положила ногу в щель. Он вместо того, чтобы поставить клин, взял из щели зубами и первый. Ногу у матери прижало, и она от боли закричала. «Скажи, кто отец у меня, и тогда пособлю тебе вытянуть ногу». Ей не хотелось открыть тайны, но наконец сказала: «У тебя отец олень — ирвас». После этого вложил он в щель клин, придавил ногами, и мать была свободна. Он простился с нею и ушел в тундры — свое отечество.

139. СКАЗКА ПРО ПЫЖИКА-ДИТЯ

Жила-была женщина. Не стара не молода. Она жила в диких оленях, а гуляла с шардуном, с дикарем.

У нее родился паренек. Вырос он до третьего года. Одного дня пришла к ее веже стайка диких оленей. А шардун, дикий олень, в самой середине стада был. Эта женщина смотрит на стадо и думает: «Нет ли тут моего шардуна?»

Как только она так подумала, сейчас же стадо побежало прочь от этой женщины, а шардун впереди всех. Все убежали.

У груди женщины был его ребенок, маленький сыночек шардуна. Он обернулся пыжиком, олененочком, соскочил с коленей матери и туда же в тундры, за оленями побежал. Мать осталась одна. Кричит она, зовет сыночка, плачет мать, убивается, а он обернулся к ней и сказал: «Мама, мама! У тебя на коленях было мне хорошо, но здесь, в оленях, веселее, чем у твоей груди». — «Чем же тебе веселее, дитяtko милое?» — «Рога бренчат, хрустят копытца на бегу, против ветра бежать мне весело по воде».

Осталась мать одна, заплакала она и сказала: «Дитя родимое, от меня ты ушел, но от пули тебе не уйти!»

С тех пор стали дикарей имать, а до того не знали этой охоты.

140. СОБАЧЬЯ СКАЗКА

В былые времена жил старик со старухой. Старик был человек, как есть человек, а старуха была полчеловека, потому что одна половина была у нее человеческая, а другая — подобная зверю или, вернее, собаке. Над старухой все смеялись заочно, а когда были вместе с нею, то боялись и уважали. Старик умер раньше, и вскоре после смерти его у нее родился сын наподобие ее. Сын рос не по годам, а по дням. И вот, когда он вырос, из него сделался хороший охотник. Он ежедневно ходил на промысел зверей и никогда не возвращался без ничего. Мать любила его, но он захотел наконец жениться. Возвратясь раз с охоты, он сказал матери: «Ты стала стара, тебе тяжело, поэтому я хочу жениться. Ты найди мне невесту».

Старуха по любви к сыну согласилась на его просьбу и сказала: «Недалеко от нас живет старик со старухой. У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать за тебя старшую. Они живут бедно и поэтому, полагаю, отдадут».

На другой день сын ушел в лес, а мать пошла искать ему невесту.

Старик с семейством, увидя старуху, удивился ее приходу, потому что она никогда у них не бывала. Старуха с ними поздоровалась, и ее, как гостью, просили сесть.

Старуха поблагодарила их и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дедушка, есть до тебя просьба: не хочешь ли с нами породниться? Меня послал сын и просил, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У нас мяса довольно, ей будет хорошо».

Старик поговорил с дочерью, и та согласилась идти сейчас со старухой. Она прибавила еще: «Нас три сестры,

и ждать мне долго не следует». Простилась она после этого с родителями и сестрами и пошла, как с настоящей свекровью, к своему мужу.

Пришли они в вежу, старуха и говорит невестке: Мужа твоего еще нет дома, он скоро придет. Ты пока ложись (указала ей в одной стороне место) — спи и не смотри, как я буду варить ужин. Не исполнишь этого, худо тебе будет».

Невестка, по-видимому, послушалась. Сейчас легла она спать, а сама изредка тихонько и смотрит, что будет варить свекровь и как.

Она увидела, что свекровь стала варить мясо в кожаном мешке. Мешок, повешенный над огнем, вскоре, однако, потек. Старуха рассердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же ты теперь камнем». Не успела она этого сказать, как молодая окаменела, а в вежу зашел сын и спрашивает: «Где моя жена?» — «Смотри вон там», — и указала на окаменевшую. — «Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мне жену».

Начали снова варить и, когда готов был ужин, поужинали молча.

На следующий день сын пошел в лес, сказав матери: «Не забудь привести жену».

Мать после него опять пошла к старику и сказала ему: «Дочери твоей на первых порах скучно, потому что муж уходит в лес. Дозволь идти в гости к ней другой сестре».

Старик согласился, и другая дочь пошла со старухой. Пришли в вежу.

Старуха сказала ей, что она будет не гостья, а жена ее сыну. Указала ей и на окаменевшую сестру, прибавив: «Не слушаешься меня, то же будет и с тобой».

Невестка легла спать и уснула. К несчастью своему, она скоро проснулась и увидела, что свекровь варит в мешке.

Старуха опять рассердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменела.

Пришел из лесу сын, спросил жену, и мать указала на другую каменную человеческую фигуру. Сын посмотрел-посмотрел и сказал: «Завтра должна быть у меня жена непременно, а нет — прощайся и со мною».

Мать ответила: «Эти были непослушны и потому в жены тебе негодились. Завтра я приведу меньшую сестру: из нее, быть может, и выйдет жена».

Молча они сварили, молча и поужинали. На третий день сын пошел в лес сердитый.

Мать после него сейчас пошла к старику и стала просить его, чтобы он отпустил и меньшую сестру в гости. Старик, не

зная ничего, и последней дочери дозволил идти. Пришла она со старухой в вежу и увидела, что сестры ее окаменели. Она испугалась сперва, но старуха сказала: «Не бойся. Они не слушались меня и сами себя к этому приговорили. Будь полужна мне, исполни, что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына».

Старуха стала приготовляться варить ужин, а невестка легла спать и уснула крепко. Она не видела ничего. Старуха, наконец услышав лай как бы собаки, разбудила невестку и послала ее встречать своего мужа, а ее сына. Вскоре оба они пошли в вежу, поужинали и стали жить, как муж с женой, любя друг друга.

Вскоре у них родился сын, очень похожий на отца. Оба они были рады, и муж сказал жене: «Смотри, чтобы от сына нашего оленья постель под ним никогда не была мокра от его мочи». Сын рос, как и отец, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Раз, однако, сын помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришел муж и увидел это. Он спросил: «Кто это сделал?» Мать ответила: «Сын». Услышав это, он сказал: «Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь от вас уйду. Вы живите, как хотите». Сын стал также проситься идти с отцом.

Он согласился взять, и их никак не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома, и от них после родились дикие олени.

Мать при прощании с сыном, который разлучил ее с мужем, сказала ему: «Черных зверей бойтесь, а белых вам нечего бояться. Не бойся также и гангасов, они делаются для пользы людей и тебе не повредят».

Отец с сыном ушли, и более о них не было никакого слуху.

141. СОБАЧИЙ СЫН

Жил старик со старухой, с молодых лет жили до старости и не было у них детей, и они горюют и говорят, что на старость нам бог не дал дитя человеческого, так нам хотя бы собачье дитя дал — щенка. И потом эта старуха и родила щенка-песика. Потом вырос у них этот щенок порядочный и стал бегать и промышлять всякого зверя. Когда вырос, то говорит отцу и матери: «Мне бы надо жениться, найдите мне невесту».

А жили они в землянке. Отец пошел, высватал невесту и привел к сыну. Отец и мать постелили место и повалили молодых спать.

Утром отец и мать встают, мать и говорит: «Пора разбудить молодых».

Пошла будить и видит, что голова молодой под амбаром лежит, оторвана. А мать говорит сыну: «Иди, сын, обед готов».

Сын пришел и говорит отцу: «Иди, отец, высватай мне другую невесту, эта мне не по нраву пришлась».

Старик пошел к тому же свату и высватал другую дочь. Сват и другую дочь отдал.

Старичок привел невесту, и опять поужинали и молодых повалили спать.

Поутру приходят будить, а у молодой тоже голова оторвана и под амбаром лежит.

Мать сказала сыну: «Иди, сын, обедать».

Сын пришел, пообедал и говорит отцу: «Иди, высватай мне другую невесту, по нраву».

Старик пошел опять сватать сына на девушке, а девушка и говорит соседям: «У первой жены голову оторвал, у другой жены тоже голову оторвал, а как я буду жить с собакой?»

«Срежь, — говорят, — вичья, потом придешь домой, очисти у них весь сор и постели вичья, которого принесешь, а потом он придет, напромышляет много оленей, будут варить мясо, а ты его ласкай лучше и корми».

Девушка так и сделала, нарезала вичья и настлала в землянке; пришел жених, принес мяса, стали ужинать; девушка сама ела, его кормила и ласкала; он тоже ласкался к ней, и потом постелили место и пошли спать.

Мать печалится, что и у этой жены оторвет голову.

Наутро приходят будить молодых, молодая встала веселая.

Прожили так с год, а свекровка и спрашивает у невестки: «За что ты его любишь, ведь он собака».

«Если б ты видела его, — отвечает невестка, — без собачьей одежды, он очень красивый».

«Положь ты, — говорит мать, — его шубу собачью на одеяло, не могу ли я украсть».

Потом, когда молодые легли спать, сын снял собачью шубу, а невестка взяла и положила шкуру на одеяло.

Ночью свекровь эту шубу украла, пошла разложила огонь и бросила эту шкуру в огонь.

Когда шкура стала гореть, сын проснулся и говорит: «Какой нехороший дух понесся». Хватился, а шубы нет, выбежал вон из землянки и кричит: «Простите, сколько меня видели, только и видели, если не умели со мной жить».

И убежал и до сих пор бегают.

Старик со старухой живут вдвоем, детей у них не было. Однажды говорят: «Хоть бы родился у нас сын с человеческим лицом, а с собачьей шкурой». Жили, жили, жена забеременела. Она родила сына с человеческим лицом и с собачьей шкурой. Когда он вырос, говорит: «Мне нужно, отец, жениться. Живет старик, у него три дочери. Засватай старшую дочь». Пришел, сосватал, девушка пришла. Собачий сын очень любил охотиться. Пришли, сидят, собака залаяла, старуха говорит: «Почему собака лает?» Молодуха на улицу выскочила и говорит: «Собака лает, собака бежит». Старуха сказала: «Вот твой супруг». Они пришли и стали есть, а молодуха собаку близко к шкуре не подпускает и бросает кости. После этого они легли спать, тут собачий сын задавил девушку и говорит отцу: «Отец, почему мне плохую невесту засватал? Иди снова засватай невесту, а я пойду охотиться». И старик пошел и говорит: «Сестра в гости звала». Старик с другой девушкой отправился в вежу. Девушка пришла, говорит: «Где сестра?» Тут собаки залаяли, старуха говорит: «Иди смотри, кто идет». Девушка выбежала и говорит: «Собака лает, собака бежит». Все говорят: «Вот твой супруг идет». Старуха сказала девушке: «Кушать сядем, ты его корми, мясо в масло мажай». Кушать сели, она все кости дает, лучшую еду все сама ест. Вечером легли спать, он молодуху задушил. Утром отцу говорит: «Почему мне опять такую плохую невесту засватал? Иди еще сватай, младшую дочь, а я пойду охотиться». Отец пошел сватать третью дочь. Он пришел и говорит: «Сестры работают, некогда, тебя в гости зовут». Обратно вернулись с третьей девушкой. Девушка спрашивает: «Где сестры?» «Ушли ягоды собирать», — сказала старуха. Девушка видит: тут что-то старуха не то говорит, она догадалась; думает, наверно, нет в живых сестер.

Сели, сидят, собака залаяла; старуха говорит: «Собака лает, наверно, твой жених идет». Девушка выбежала на улицу и говорит: «Собака лает — мой друг идет». Стали кушать, девушка собаку к себе ближе зовет, гладит, дает мясо и хлеб, лучшей едой ее кормит. Пошли спать, спали в амбаре. Вошли, собака скинула одежду с себя, юноша стал, красивый-красивый. Стали жить, он днем все шубу надевает. Жили, жили, человек боится, шубу не снимает. Молодая женщина говорит, когда легли: «Сними, брось к ногам». Он разделся и бросил к ногам. Легли, молодая жена слышит: муж заснул. Она выбежала на улицу, спички взяла и шубу зажгла. Тут человек проснулся и говорит: «Что пахнет, наверно, моя шуба горит?»

Он с женой разругался: «Почему мою шубу сожгла? Сейчас я не твой. Через три года мне было суждено шубу скинуть, когда я женюсь. Сейчас я побегу, куда ноги несут». А молодая жена плачет и говорит: «Я одна, куда денусь?» Он говорит: «Плачь не плачь, а я уйду. Ты меня найдешь, когда три пары сапог износишь и три оловянные пуговицы растают». И тут побежал. Жена живет и скучает. Купила она три пары сапог, три посоха, взяла и три пуговицы, пошла за мужем.

Шла, шла, нашла домик и спрашивает: «Прошел или нет такой-то и такой человек?» Говорят там: «Был такой человек». Она пошла дальше. Опять нашла домик и спросила; так же сказали: «Прошел». Тут она надела последние сапоги, взяла последний посох, положила в рот последнюю оловянную пуговицу и отправилась дальше. Шла, шла, показался большой город. Она идет то в ту, то в другую сторону города. Смотрит, как весело в мяч играют. Она среди играющих узнала мужа. Она уселась на конец поля. Мяч катился, она схватила и спрятала его. Человек идет, бежит, она смотрит: ее муж. Человек заторопил: «Дай мяч, дай мяч!» Жена говорит: «Возьмешь спать меня на ночь в спальный мешок, тогда отдам мяч». Он ответил: «Возьму». Человек здесь уже снова женился. Женщина отдала мяч.

Потом она пришла к человеку, говорит: «Помнишь, в мяч играли, что я тебе сказала, сейчас возьми меня на ночь в спальный мешок». Человек тот говорит: «Ложись». Утром проснулись, человек спрашивает: «Ты что за человек, почему плачешь?» Она ответила: «Дальше увидишь». Вот опять стали в мяч играть, она пришла и уселась на конец поля. Мяч опять катится, идет, крутится. Она мяч спрятала под ноги. Снова муж идет, бежит, мяч просит. Жена говорит: «Тогда мяч отдам, если спать возьмешь рядом с собой». Человек сказал: «Возьму, только дай скорее мяч». Играть кончили, все стали расходиться по домам. Человек лег с женой, а та жена, которая пришла, легла с ними рядом. Легла, жена не спит, очень, очень плачет. Человек тот повернулся и говорит: «Ты что за человек, почему плачешь, не даешь спать?» Жена к нему повернулась и говорит: «Ты побежал, так помнишь, что мне велел делать; вот я и купила, всю одежду износила, вот и пришла». Тут он от новой жены к прежней жене повернулся. Он стал жить с прежней женой. Потом они пошли обратно.

Шли, шли, родился сын. Пришли в вежу, смотрят: старуха и старик живут. Один в конце веретена огонь жжет, а другая — на конце вязальной иглы (для сетей). Жена мальчика за кожу ущипнула, мальчик закричал. Старуха говорит:

«Смотри, молодая, что мальчик плачет?» А молодая жена говорит: «Мальчик у бабушки и дедушки вести спрашивает, как вы живете». Старуха отвечает: «Какая наша жизнь: один сын, одна невестка и те ушли». Молодая женщина говорит: «Вот мы и обратно вернулись». Старик и старуха обрадовались, и оба умерли. Муж с женой стали жить да поживать лучше прежнего.

143. ПРЕКРАСНАЯ КАТЕРИНА

Старик и старуха жили вдвоем. Ребят у них не было. Старуха говорит: «Родился бы у нас ребенок с собачьим носиком». И у них родился ребенок с собачьим носиком. Когда вырос, стал ходить на охоту. Отец сделал для него дверь особую там, куда кладут все продукты. Он, чем взрослей становился, тем больше и больше стал походить на собаку весь. Потом совсем превратился в собаку. Приносит мясо, хватает и бросает в угол вежи. Сам ходит в противоположный угол. Мать там его кормит. Один раз он говорит: «Я буду жениться, пошли отца искать невесту». Отец выбрал девушку и привел к нему.

Прошел день. К вечеру пришла собака, бросила добычу и легла на ее (девушки) стороне. Девушка догадалась: этот и есть ее муж. Девушка накормила ее и пошла спать в амбар, где она спала и где теперь им приготовили место. В амбаре было очень темно. Девушка легла и думает, как ей придется жить с собакой, жалеет дом, отца и мать.

Вот дверь раскрылась, собака перепрыгнула через порог, дверь закрылась за ней, и в амбаре все засветилось. Девушка смотрит: собачья шкура лежит в углу, а перед ней стоит юноша красивый-прекрасный. На нем красная рубаха, которая светит как солнце. Волосы черные, лицо белое.

Утром встали, пришли в вежу. Юноша опять в собачьей шкуре ушел на работу. Старуха спрашивает: «Кто он, человек или собака?» Девушка была так рада, не сдержалась и сказала: «Он человек». Старуха спрашивает: «А куда он кладет шубу?» Жена говорит: «В угол, около двери». На другую ночь старуха сожгла шкуру у него. Юноша услышал запах, вскочил и убежал. Жена прибежала и говорит старухе: «Я в радости забыла его наказ, он просил не рассказывать, что он человек. Теперь шуба сгорела, он убежал. Побевавши, сказал: „Не сумела сберечь меня, теперь ищи“».

Жена побежала догонять его. Бежала, шла, бежала, шла, долго ли, коротко ли, навстречу пришел домик. Она вошла, там была одна старушка. Женщина спрашивает: «Не видела ли —

пробежал, нет мимо молодой человек в красной рубахе, которая светит как солнце?» Старушка говорит: «Видела, он бежал к прекрасной Катерине». Она накормила женщину, напоила, уложила спать, утром говорит: «Вот тебе медный шест и медный гребень. Придешь в то место. Утром солнце поднимается, они выйдут в мяч играть, а ты садись у окна и чеши голову гребнем. Мяч прилетит через окно к тебе. За мячом придут, а ты говори: „Если возьмет прекрасная Катерина спать в свой дом под порог, отдам мяч, не возьмет — не отдам мяча“».

Женщина пошла дальше. Бежала, шла, бежала, шла, долго ли, коротко ли, навстречу пришел домик. Она вошла. Видит: в домике старушка. Она спрашивает: «Бабушка, ты живешь у дороги, не пришлось ли тебе видеть, пробежал, нет мимо молодой парень в красной рубахе, которая светит как солнце?» Старушка говорит: «Видела, видела, он очень давно пробежал мимо меня». Эта старушка теперь кормила, поила ее. Утром говорит женщине: «Отдам я тебе серебристый шест и гребень. Придешь туда. Утром солнце высветит, они выйдут играть в мяч, а ты садись у окошка и чеши голову гребнем. Они играют, играют, случайно сильно толкнут мяч, тот прилетит через окно к тебе. Ты сумей тут взять, не отдавай, пока прекрасная Катерина не возьмет тебя спать в свой дом около своей постели».

Женщина пошла дальше, долго ли, коротко ли бежала, шла, навстречу пришел опять домик. Она вошла. В домике одна старушка около печки делает что-то. Женщина спрашивает: «Бабушка, твой домик стоит у дороги. Ты всех бежавших, идущих, едущих видишь, не видела ли ты, прошел, нет человек в красной рубашке, которая светит как утреннее солнце?» — «Видела, видела, доченька, я такого красивого юношу. Прошел он мимо меня очень давно, я уже забывать стала». Эта старуха опять напоила, накормила. Утром говорит женщине: «Дам я тебе золотой шест и гребень, когда пойдешь в то село, тогда утром, когда солнце только что засветит, встань, сядь у окна и чеши голову этим гребнем. А они выйдут играть в мяч. Играют, играют, случайно толкнут мяч, тот залетит через окно к тебе. Ты не отдавай, пока прекрасная Катерина не возьмет тебя спать в свой дом за спину своего мужа».

Тут женщина пошла дальше. Шла, шла, видит село. Пришла в один дом. Утром солнце засветилось. Она встала, села у окна, взяла медный гребень и стала чесать голову. Видит: ее муж вышел и играет в мяч. Играли, играли, вдруг мяч взлетел и через окно упал к женщине, к ногам. Пришли

за мячом. Она говорит: «Если возьмет меня прекрасная Катерина спать в свой дом под порог, тогда отдам мяч». Пришли снова и говорят: «Возьмет». Женщина отдала мяч. Вечером пошла и легла у порога. Всю ночь плакала, плакала. Муж спит с прекрасной Катериной. Все слышит, но ничего не говорит. На другое утро женщина опять села чесать голову, теперь серебряным гребнем. Муж опять вышел играть в мяч. Мяч прилетел к ней вторично. Пришли за мячом. Она говорит: «Если возьмет меня Катерина спать около своей постели, отдам мяч». Катерина пообещала. Она теперь легла около постели. Как и в прошлую ночь, она плакала, плакала, утром ушла.

Солнце поднялось, опять женщина села чесать голову, на этот раз золотым гребнем. Мяч и на этот раз через окно к ней прилетел. Женщина теперь попросилась спать за спину мужа прекрасной Катерины. Вечером пришла и легла за спиной у него. Опять заплакала. Плакала, плакала. У человека промокла спина. Прекрасная Катерина спит. Человек все слышит. Слушал, слушал, не вытерпел больше этого и повернулся лицом к женщине.

Прекрасная Катерина услышала, вскочила, схватила ящичек для рукоделия и побежала. Убежала и бросилась в воду. Сама превратилась в ската. Игольник стал ей хвостом, бисер и бусы превратились в ракушки. Простые иголки превратились в песчинки, а граненые иглы превратились в мойву.

Женщина с мужем отправились домой, к старикам. В дороге родился сын. Шли, шли, пришли в вежу. В веже старичок и старушка, двое, стали старые-старые — не видят, не слышат. Вежа стала худая-худая. А они держат огонь на конце веретена. Жена села на постель и стала ребенка щипать. Тот вскрикнет, а старушка говорит: «Что за женщина пришла и стала ребенка заставляя кричать?» Жена говорит: «Ребенок у бабушки и дедушки новости спрашивает». Старушка не может догадаться, кто такие есть. Посидели. Жена опять прижмет ребенка к себе, тот вскрикнет. Старушка говорит: «Что за сказка, почему женщина пришла и ребенка щиплет?» Жена говорит: «Ребенок у бабушки и дедушки новости спрашивает». Те никак не могут понять, кто такой спрашивает.

Тут в третий раз ущипнула ребенка. Ребенок закричал. Старушка опять спрашивает, а жена еще раз повторила: «Ребенок у бабушки и дедушки новости спрашивает».

Те в радости прыгнули на конец крюка (на который вешают котлы в чуме или в веже над огнем), старичок превратился в торф, а старушка в золу, и отсюда пошли зола и торф.

Жили старичок и старушка. У них долго не родилось ни мальчика, ни девочки.

Сказали они однажды: «Хоть бы с собачьим носом и овечьей шубкой родилось у нас дитя».

И родился у них мальчик с собачьим носом и овечьей шубкой. И стал жить таким: морда собачья, шкура овечья, а сам — человек. Подрос он и стал ходить на охоту.

Вот он ходил-ходил на охоту, вернулся и говорит отцу: «Сходи ты, приведи мне невесту, я хочу жениться».

И опять сам ушел на охоту. А отец пошел за невестой. Привел невесту и говорит ей, что жених скоро вернется с охоты.

Вернулся охотник с охоты. Стали есть. Девушка сама мясо ест, а ему, как собаке, косточки бросает.

Поели жених с невестой и пошли в амбар спать. Пришли в амбар. Схватил он невесту за две груди, и разорвал ее, и бросил куски под амбар. Наутро он сказал отцу: «Я пойду на охоту, а ты приведи мне другую невесту».

Привел отец другую невесту.

Пришел сын с охоты. Стали есть. Девушка сама мясо ест, а ему косточки бросает.

Кончили есть, пошли в амбар спать. Опять он схватил невесту за две груди, и разорвал, и бросил куски под амбар.

Утром сказал старику: «Я пойду на охоту, а ты приведи мне новую невесту».

Привел отец ему третью невесту. Вернулся он с охоты. Стали есть. Девушка сама мясо ест и ему дает мясо. Поели и пошли спать в амбар.

И поженились они.

Старухе очень захотелось узнать, какой такой у нее сын. Спрашивает у невестки: «Когда вы ложились спать, раздевается он или нет?»

Невестка ответила, что на ночь он раздевается, и что он очень красивый человек, и что на теле он носит красную кумачовую рубашку. «Как бы нам сделать его настоящим человеком? — сказала свекровь невестке и добавила: — Когда он заснет, ты возьми его шубу и положи около двери, а я ночью возьму ее и сожгу».

Так и сделала старушка — сожгла его шубу.

Проснулся муж утром и спросил: «Где моя шуба?»

А жена ответила: «Твою шубу мать сожгла!»

Услышав это, выскочил он вон из амбара и сказал жене: «Ты не скоро меня увидишь. Пока трех пар железных каблу-

ков в пути не истопчешь, и три оловянные пуговицы во рту у тебя не растают, и трех железных посохов не изотрешь — до тех пор меня не увидишь!»

Вот купила она себе три пары железных каблуков, и три оловянные пуговицы, и три железных посоха. Надела она себе на ноги одну пару железных каблуков, положила в рот оловянную пуговицу, взяла в руки железный посох и пошла вслед за ним.

Шла-шла она. Истоптала железные каблуки, истерла железный посох и оловянная пуговица во рту у ней растаяла. Вот видит: избушка в лесу — кругом вертится. Сказала она избушке: «К лесу окном, а ко мне дверью».

Повернулась избушка к лесу окном, а к ней дверью.

Вошла она в избушку и спрашивает: «Не видали ли вы такого человека?»

Там ей ответили: «Видели мы такого человека, проходил мимо нас». И дали ей там медные вешала и медный гребешок.

Она надела на ноги другую пару железных каблуков, положила в рот другую оловянную пуговицу, взяла в руки другой железный посох и пошла вперед.

Шла-шла она, видит, избушка в лесу, кругом вертится. Сказала она избушке: «К лесу окном, а ко мне дверью».

Вошла она в избушку и спрашивает: «Не видали ли такого человека?»

Там ей ответили: «Видели мы такого человека, проходил мимо нас». И дали ей там серебряные вешала и серебряный гребешок.

И надела она на ноги третью пару железных каблуков, положила в рот третью оловянную пуговицу, и взяла в руки третий железный посох, и пошла дальше.

Она шла-шла, видит: в лесу избушка — кругом вертится. Сказала она избушке: «К лесу окном, а ко мне дверью».

Вошла она в избушку и спрашивает: «Не видали ли вы такого человека?»

Дали ей там золотые вешала и золотой гребешок и сказали: «Придешь ты отсюда в город, к крайней избушке. Утром выйдет из избушка Красивая Катерина с мужем в мячик играть. Она новая жена твоего мужа. Ты поставишь медные вешала и станешь через них свои косы расчесывать. А когда будут в мячик играть, твой муж ударит по мячу, и мяч попадет тебе в колени. Муж и жена будут просить у тебя мяч, а ты не отдавай. Скажи: «Пусть Красивая Катерина пустит меня ночью спать под дверью, у порога, тогда я отдам мяч».

Пришла она в город, к крайней избушке. Вышли из избы Красивая Катерина с мужем и стали в мячик играть. Постави-

ла тогда женщина медные вешала, села, распустила на вешале свои волосы, как рыболовные сети развешивают, и стала через вешала их расчесывать.

Попал к ней в колени мячик. Подошли игравшие к ней мячик просить. Сказала она, что отдаст мячик, если Красивая Катерина пустит ее у порога переночевать. Они обещали ей это исполнить, и она отдала им мячик.

Пошла она к ним ночевать, легла у порога и до полуночи проплакала. На другое утро опять вышла Красивая Катерина на улицу с мужем в мячик играть. А женщина поставила серебряные вешала и стала через них серебряным гребнем волосы расчесывать. Опять попал мячик ей в колени. Подошли к ней Красивая Катерина с мужем мячик просить. Она сказала, что отдаст им мячик, если Красивая Катерина пустит ее на полу, около их кровати, спать.

Согласилась Красивая Катерина, и женщина отдала им мяч.

Пришла ночь. Легла женщина около их кровати и опять до полуночи плакала.

На третье утро Красивая Катерина опять вышла с мужем в мячик играть. А женщина поставила золотые вешала и золотым гребнем стала через них волосы расчесывать.

Опять попал к ней в колени мяч. Опять подошли они к ней, просят отдать его. Женщина им сказала, что отдаст мяч, если они пустят ее лечь к ним на кровать, около спины ее мужа. Они согласились, и она отдала им мяч.

Наступила ночь. Легла женщина около спины мужа и до полуночи плакала. Всю рубашку ему слезами смочила. После полуночи повернулся муж лицом к ней.

Увидела это Красивая Катерина, вскочила с кровати, схватила свой плетеный нивльчухк — коробку с иголками, нитками, бисером и разными цветными лоскутками и убежала к морю.

Прибежала она на берег моря, взяла в руку нивльчухк и бросила его в море, приговаривая: «Завертелось, закрутилось, к морю покатилося, в морские раковины превратилось».

Рассыпалось по дну морскому все, что было в нивльчухке, и сделалось все это морскими раковинами, ракушками, звездами и кораллами.

Убежала Красивая Катерина, а муж и жена стали жить вместе по-старому.

Пошли они домой, к старикам. Шли долго, наконец пришли.

Много времени прошло с тех пор, как убежал от них сын. Они за это время состарились и ослабели, не могли за дрова-

ми ходить. Старик, чтобы согреться, жег свой челнок — кец, которым раньше рыболовные сети вязал, а старуха жгла свое веретено — нальтэ, которым раньше овечью шерсть пряла.

Очень обрадовались старики своим детям.

Стали они жить все вместе, и жили очень хорошо.

145. КИЧКУШКА И КОЧКУШКА

Жили-были старик и старуха и были у них одна дочка и два сынка, один Кичкушка, а другой Кочкушка.

Талый пришел свататься на дочери, а сам положил в колодец красивый ковшик и стал черпать воду.

Талушка вышел вон, на улицу, и увидел, что его ковшиком девка черпает воду, и он закричал: «Теперь пойдешь за меня замуж!»

А Кичкушка и Кочкушка были хитры, забрались в кережу, заместо зыбки, а матери велели качать их, и мать стала их качать, как маленьких.

И говорят Кичкушка и Кочкушка сестре: «Пойди за Талушку замуж, а мы его «уходим», и не сдавайся ему трое суток, а через трое суток как будто занеможеешь, и спроси у Талушки, где у него смерть, и потом попроси у него «палемышки», и повяжи кругом себя, а мы в вежу прокопаем дырку, и ты нам дашь через дырку «палемышки», а вечером в потемках выйдешь на улицу и скажешь нам, где находится Талушкина смерть, и мы будем доставать его смерть».

Девка согласилась выйти за Талушку замуж, и пошла в Талушкину вежу, и «занемогла», и стала допытывать у Талушки: «Ты, муж, скажи, где твоя смерть, и дай мне повязать „палемышки“».

Талушка дал «палемышки» и стал рассказывать, где у него есть смерть: «Выйдешь вон, пойдешь к такому-то месту, тут будет большой камень, камень пошевели, покажутся тебе три тропинки, иди по средней тропинке, придут к тебе медведи навстречу и тебя не будут пропускать, а ты скажи: «Талушка велел, и я иду по его велению», — и тебя они пропустят и не будут шевелить, потом пойдешь вперед, и встретятся тебе волки, и тоже не будут пропускать, и ты им ответишь: «Талушка велел, и я иду по его велению», — и волки тебя пропустят. Пойдешь дальше — будет озеро, на озере увидишь лодочку, но нет ни весла, ни дощечки, а ты скажи: «Талушка велел везти меня на островок», — тогда лодочка тебя повезет. Выйдешь на островок, увидишь большое дерево, а на дереве орел, и скажи орлу: «Талушка велел дать три яйца», — он тебе даст, потом их привяжешь кругом себя и будешь здорова, а как назад

пойдешь, никто тебя не пошевелит, лодочка отвезет, и ты оставь ее так же, как была».

Получив «палемышки» от Талушки, сестра передала братьям через дырку, сделанную ими в веже, а вечером в потемках вышла вон и сказала братьям, где искать Талушкину смерть: «Пойдете туда-то, на дороге будет большой камень, пошевелите, покажутся вам три тропинки, идите по средней тропинке, придут вам медведи навстречу и вас не будут пропускать, а вы скажите: «Талушка велел, и мы идем по его велению», — и вас они не пошевелият. Потом пойдете вперед, и встретятся вам волки и тоже не будут пропускать, и вы им ответите: «Талушка велел, и мы идем по его велению», — и волки вас пропустят. Пойдете дальше — будет озеро, на озере увидите лодочку, но нет ни весла, ни дощечки, а вы скажите: «Талушка велел везти на островок», — тогда лодочка повезет; выйдете на островок, увидите большое дерево, на дереве орел, скажите орлу: «Талушка велел дать три яйца», — орел вам яйца даст, а вы их принесете мне, а как пойдете обратно, то никто вас не тронет».

Кичкушка пошел, а Кочкушка остался в веже.

У Талушки была старуха мать, вечером она вышла на улицу и, вернувшись обратно в вежу, рассказывает сыну: «Мне как будто показались Кочкушкины глаза».

А сын отвечает: «Что ты сходишь с ума, Кочкушку и Кичкушку мать качает в зыбке, откуда они сюда пришли?»

Кичкушка же пошел, увидел по дороге большой камень, он камень пошевелил, показалось ему три тропинки. Кичкушка пошел по средней тропинке, навстречу ему медведи, он сказал: «Талушка велел, и я иду по его велению», — и они его пропустили; потом пошел вперед, и встретились ему волки и тоже не стали его пропускать, но он сказал: «Талушка велел, и я иду по его велению», — и волки Кичкушку пропустили. Пошел он дальше, увидел озеро, на озере лодочка, но нет ни весла, ни дощечки. Кичкушка сказал: «Талушка велел меня везти на островок», — лодочка его повезла. Вышел на островок, увидел большое дерево, а на дереве сидит орел и в лапах держит три яйца. Кичкушка сказал: «Талушка велел дать три яйца», — орел и дал; и Кичкушка пошел обратно, лодочка так же перевезла, и медведи и волки его не пошевелили, только дорогой Кичкушка сломал одно яйцо, и Талушке стало больно, и он случился нездоров.

У Талушки еще было два работника и около вежи привязано два оленя-шардуна.

Кичкушка вернулся и оленей связал вместе, и они стали драться рогами. Талушка услышал, что олени дерутся, и по-

сылает одного работника: «Пойди посмотри, что олени делают».

Работник только высунул голову из вежи, Кичкушка и отрубил ему голову топором, и работник упал, так что ноги остались в веже, а туловище на улице, а Талушка и говорит: «Сам еще не спал с молодой женкой, а работники обрадовались и не могут держаться на ногах», — и говорит другому работнику: «Поди, ты не можешь ли исправить это дело?»

Работник только высунул голову, но Кичкушка и этому отрубил голову, и он тоже свернулся.

Кичкушка и другое яйцо сломал у Талушкиной смерти и отворил в вежу двери и спрашивает: «А что, Талушка, живот или смерть нужно тебе?»

А Талушка заматерился. «Кто, — говорит, — и принес тебя сюда, мать в зыбке качала, теперь очутился здесь».

И Талушка выскочил из вежи и стал бороться с Кичкушкой, а Кичкушка махнул его под себя, яйцом ударил Талушку по лбу, Талушка так и умер.

Потом Кичкушка зашел в вежу, «палемышками» ударил Талушкину мать, и старуха тоже умерла.

Талушкино стадо оленей Кичкушка и Кочкушка угнали себе.

Кичкушка сестру выдал замуж и Кочкушку женил, и простился с братом навечно, и сказал: «Я уйду на небо, и когда будет морозное время и будет северное сияние, сполохи, я там буду, а ты возьми две палочки и верти в снегу, и как палочки будут скрипеть, то я к тебе спущусь и увидишь тогда меня».

146. ШУРНОЙДА

Раз поздно вечером собрались мальчики и девочки кататься на санках. А матери не велят им кататься: «Ребята, довольно вам играть. Луна взошла — пора домой. Вот уж Тала придет, он вас всех утащит к себе».

Однако ребята не послушались. Пошли кататься при луне. На горке светло, а что за горкой, — о том они не думают. А Тала пучеглазый тут как тут.

Притаился в тени и говорит: «Катайтесь, катайтесь, детки, а я вам чикум-бакушки устрою».

Вот ребята с горки покатались. Тала выскочил из-за камня и расставил поперек дороги большую кису, мешок из тюленьей кожи с костяными затворками.

Ребята в мешок вкатились. Затворки щелкнули и заперлись. Сумку, полную мальчиков и девочек, Тала вскинул на спину и пошел себе домой. Нес, нес и устал. Остановился, повесил мешок на сучок и сказал: «Усните, детки, а я пойду

за три-четыре озерка, в пять раз пачканный лесок посидеть и отдохнуть».

И ушел.

Ну ладно... Время идет. Тала где-то ходит, а ребята висят.

«Что будем делать?» — шепнул один. «Тала нас съест», — сказал другой. Девочки заплакали.

Тогда самый маленький мальчик спрашивает у девочек, есть ли у них иголка с нитками и наперсток.

«Есть, есть», — ответили девочки и дали ему иголку с нитками и наперсток.

«Ладно, — сказал мальчик, — я складным ножом кису эту распорю, а вы даром время не теряйте, таскайте камни».

Мешок распороли, ребята выскочили и ну таскать камни и складывать в кису. Наложили ее полную камней, мальчик в мешок прыгнул. Дети его зашили и убежали домой.

Мальчик остался один в мешке вместе с камнями.

Вернулся Тала и спрашивает: «Все ли вы тут?» «Есть, есть, Тала, все мы тут», — ответил мальчик.

Тала взял кису, перекинул через плечо и пошел. Идет и кричит: «Охо-хо-хо, тяжелехонько. Очень уж много ребят на обед мне поймалось».

Едва-едва дотащился Тала до своего жилья. Пришел он к дому, поднялся на крышу, заглянул в дымовую дыру и крикнул своей хозяйке — Талахке: «Талахке, Талахке, дома ли ты?» «Усси-ся, дома я», — ответила Талахке. «Готовь большой котел, берестовый котел подставляй! Слишком много. Ох! Очень уж много я принес мяса!»

Талахке поскорей подвесила большой берестовый котел, влила воды, обхватила его обеими руками и держит. «Усси-ся, — кричит, — готово! Спускай мясо!»

Тала открыл кису, потрянул раз, а из нее посыпались камни. Котел сорвался, пепел и дым поднялись столбом.

Талахке закричала: «Ух ты, старый пень! Весь котел, весь обед нам испортил... Пфу! Где тут мясо? Где тут парнишки? Где тут девчонки? Тут камни и больше нет ничего!»

Тала не слушал, что кричала ему Талахке. Он думал: она кричит ему, что первый котел уже полон ребят.

Он крикнул ей в ответ: «Давай побольше котел! Давай медный котел... подставляй знай».

Тряхнул он кису во второй раз... и мальчик выпал. Талахке кричит своему старику: «Усси-ся-а... довольно, хватит камни сыпать... Все мясо разбежалось, один мальчик остался, да и тот, гляди, убежит».

А мальчик из кисы выпал, сел в сторонке, ножик свой в руке зажал и ждет, что дальше будет.

Тала спустился с крыши, в дом вошел, ущипнул мальчика за бочок и сказал: «Хм! Это жирное мясо, мян, мян. Иди-ка ты, мальчик, в лес да выбери поскорее такой вертел, чтобы тебе вкуснее было жариться нам на обед».

Мальчик сбегал в лес, вырубил вертел и подал Тале. Поглядел он и сказал: «Мня, мня... Этот вертел не годится. Посмотри, Талахке, каков этот вертел?»

Талахке понюхала палочку и выбросила ее за двери: «Усси-ся, вовсе негодный вертел. Подай другой».

Мальчик выскочил на улицу, принес тот же вертел и подал Тале. «Этот вертел еще хуже... Талахке, он не хочет на своем вертеле жариться. Их-ху-хум... Ладно. Поедем, Талахке, сами, поедем за три-четыре озерка, в пять раз пачканный лесок — там я видел очень хороший вертел».

Талахке согласилась. Уходя, она сказала мальчику: «Усси-ся!.. Оставайся тут и качай нашего Талашку. Уси-се, чтобы он не плакал, не кричал».

Уехали Тала и Талахке.

Мальчик принялся качать люльку с Талашкой. Талашка кричит, а мальчик люльку качает. Качнет вправо — стук об стену, качнет влево — стук об стену. Так он качал люльку, пока Талашка не замолк.

Тогда мальчик запихал Талашку на самое дно люльки, поверх положил обгорелую головешку, а сам собрал все свои камни в кучу, сел на нее и принялся ждать.

Вот вернулись Талы. Заглянула Талахке в люльку и ахнула. «Ох, си-су-у-у! Он нашего Талушку изжарил, одна лишь головешка осталась!»

Тут-то Талы рассердились. Схватили по большущему ножу и давай их точить.

«Я этому мальчонке голову снесу», — кричит Тала и чирк ножом по камню.

«Я его зажарю, иссе-си», — кричит Талахке и чирк, чирк ножиком по камню.

Однако мальчик даром время не терял. Он схватил свой ножичек и тоже начал точить его на камне, точит нож, а сам бормочет, сначала тихо, а потом все громче: «Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья, и мой дядя шурнойда, и тетя шурнойда, и мой дедка шурнойда, и моя бабка шурнойда, и я сам шурнойда больше всех», — вдруг крикнул он да ка-ак чиркнет ножиком по камням — искры так и посыпались.

Талашка проснулся и заревел во все горло.

Тала испугался и начал плакать: «Ох! Да пропала же моя головешка!»

Талахке с перепугу затопала ногами на своего старика: «Усси-си... Старый пенъ, убирайся со своим мальчишкой-шурнойдой! Неси его туда, откуда притащил».

Тала запихал парнишку в мешок и пустился что было мочи от своей Талахке.

Бежит, бежит, устанет, остановится, только сядет отдохнуть и пот утереть, а мальчик ка-ак крикнет из мешка: «Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья!»

Тут уж Тала вприскокку пустился бежать. Вот донес он мальчика до той дороги, где дрова возят, и говорит: «Ну, теперь иди сам, сам уж иди...»

А он ему в ответ: «Нет, нет, Тала, я не знаю,— говорит,— дороги». А сам знает лучше, чем Тала.

Тала пуще прежнего бежит, через кочки скачет. И вот донес до колодца: «Ну, поди теперь тихохонько, тихохонько, не шуми, а то мою золотую голову погубишь».

Мальчик ему в ответ: «Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья. Не знаю, Тала, нет, нет».

Тала опять побежал, к самому дому принес он шурнойду, к самым дверям.

Но мальчик твердит свое: «Не знаю, мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья». Представляется, будто сам не может двери открыть.

Талушка в сени вошел. А мальчик все свое. «Не знаю,— говорит,— ничего не знаю, Тала, ничего».

Тала ему говорит: «Тише, тише, не погуби ты мою голову...»

А шурнойда кричит во все горло, чтобы отец-мать услышали: «Не знаю, Тала, нет, нет...»

Тала поскорей двери открыл, бросил мальчика на дрова, у входа и говорит: «Возьмите вашего шурнойду-мальчишку, возьмите обратно — не убил я его и не съел, живого принес, возьмите как есть».

Тут отец и мать мальчика и вся его родня из вежи выскочили, схватили Талу и сказали: «Ага, трусливый Тала, попался! Ну, теперь говори, что нам с тобой делать? Как тебя казнить за то, что наших детей из деревни таскаешь?»

Тала заплакал и сказал: «Меня, Талу, отпустите, а я вам за то открою, что нужно делать, чтобы я ребят у вас не таскал».

Развязали Талу, и он сказал: «Детям вашим при луне на санках не кататься! Мальчикам дома сидеть в еловые шишки играть, чтобы умели хорошо считать, а девочкам нитки сучить и еловую смолу жевать — то мои слезы, будут у них зубки белые. Это сказал я, Тала,— это правда».

Талу отпустили, и он убежал к своей Талахке, к своему Талашке. И никогда больше он в тот погост не заглядывал и чужих ребят не таскал, потому что с тех пор в том погосте дети поздно вечером при луне ни разу не катались.

Этот Тала был медведь, Талахке — медведица, а Талашка — просто медвежонок.

Все.

◆ 147. МЕДВЕДЬ И ОДНОГЛАЗАЯ ДЕВОЧКА ◆

Каждый вечер дети катаются с горы. А детям говорят: «Почему вы катаетесь с горы, ведь медведь большой мешок принесет, внизу оставит и скатитесь прямо в мешок». И вот дети катались, катались. Раз скатились, другой раз скатились — все в мешок скатились. Медведь набрал полный мешок детей. Медведь под горой мешок завязал и забрал их. Нес, нес. Унес, за пять сопков унес. И пошел сходить по-большому. Мешок повесил на дерево.

«Вы тут сидите, — говорит, — я за пять сопков схожу и приду». А одна девочка была, одноглазая девочка. У ребят были ножик, игла, нитки. Ребята взяли мешок разрезали, камней накидали. Одну девочку оставили, мешок зашили. И он пришел, медведь пришел. Спрашивает: «Все ли там?» — «Все, все», — отвечает девочка. Он взял мешок и пошел. Шел, шел, шел, шел. Пришел домой и говорит жене: «Жена, жена, повесь на огонь березовый котел с березовыми ручками. Жена повесила котел. Она на берлогу взобралась и ссыпала содержимое мешка в котел. Туда камни упали. Осталась одна девочка. Медведица говорит: «Что теперь делать? Ты березовый котел — березовые ручки сломал. Камней принес». И одна девочка осталась. Они взяли эту девочку поваром. И куда-то пошли. Рыбу ловить, наверное, пошли. И говорят той девочке: «Ты свари нам суп». И эта девочка осталась. А у них были медвежата, два медвежонка. Она их бросила в котел, варила, варила. Варила, варила. Медведи возвращаются. Она взяла и, где медвежата спали, туда положила головешки, которые вытащила из огня. Там дымок поднимается. Они пришли: «Все ли приготовила?» — «Все, все». Сели есть. А медведица ела, ела. Мать их. «Что это, — говорит она, — похожее на лапу моего медвежонка?» Дальше едят. А девочка тем временем убежала. Медведи съели медвежат. А девочка убежала. Шла, шла. Идет и поет:

Мать, отец огонь разжигают.

Братья, сестры чай греют.

Дочь идет голодная.
Холодно, есть хочется.

А после крестный отец пошел охотиться. Шел, шел и девочку нашел. И привел домой.

148. ТАЛЫЙ

Талый пришел к деревне под гору, а на горе катаются ребята.

Талый говорит: «Скатитесь, скатитесь, ребята, я вам дам по саням-самокатам».

Ребята и скатились, а Талый подставил кису, и ребята все закатились в кису.

Талый взял кису и понес.

Нес, нес и захотел облегчиться, кису оставил и сказал ребятам: «Я пойду за пять, за шесть варак «пашкать», а вы сидите тут».

Талый пошел за пять, за шесть варак, ребята выскочили из кисы, на то место наложили камни и оставили одного парнишка, а сами убежали домой.

Талый вернулся и спрашивает: «Есть ли вы ребята?» «Есть-есть», — отвечает парнишка.

Талый взял кису, понес, несет, а сам и говорит: «Как это тяжело».

А парень из кисы говорит: «Мы есть, так то и тяжело».

Талый пришел к своей веже и говорит своей женке: «Положь большой котел на крюк».

Она положила, а Талый зашел на вежу, тряхнул над котлом кису, парень вывалился из кисы, отскочил в сторону и встал рядом с котлом, а камни посыпались в котел, парень запел: «Мой отец большой колдун. Моя мать большая колдунья. Мой брат большой колдун. Мой крестный отец большой колдун».

Женка заругалась: «Сраный Талушка, дристяной Талушка, колдунова парня принес, неси скорее назад колдунова парня».

Талый понес назад. Нес, нес и принес под гору, где катались ребята, и говорит: «Беги один, знаешь дорогу». «Не знаю, дедушка, не знаю», — отвечает парень.

Талый опять понес, принес уж к самой веже и посылает его: «Иди, теперь знаешь». «Не знаю, дедушка, не знаю», — отвечает парень.

Талый открыл двери в вежу и кричит: «Большой колдун, возьми своего сына, я твоего сына не убил и не сварил».

Тут Талушку схватили и спрашивают: «Куда мы тебя, Талушка, денем, куда повесим, на березу, на ель или на сосну?» «Не вешайте меня, — отвечает Талушка, — на березу или сосну, а повесьте на ель».

Талого свели и повесили на ель.

149. КАК ТАЛУШКА СВАТАЛСЯ

Жил-был старик со старухой, потом они жили-пожили, и выросли у них три дочки. Талушка пришел сватать у этих старика и старухи одну из дочерей — старшую, и они выдали.

На другой день пришел и другую высватал.

На третий день пришел и третью высватал.

Третья как пришла, то у мужа и спрашивает: «А где сестры?» Талушка отвечает: «Ушли в гости».

Но она не поверила и пошла искать сестер и нашла их мертвыми под амбаром.

Потом она нашла три вички-прутика, смочила в колодец и стегнула сестер этими вичками, и они ожили.

«Ох! Как долго спали», — сказали они.

А сестра им ответила: «Спали вы вечным сном».

Поутру младшая сестра сшила мешок, старшей сестре велела зайти в мешок, завязала и положила этот мешок к дверям вежи и сказала мужу: «Тащи этот мешок — отцу-матери гостинцы и не смотри, что положено, если будешь смотреть, я увижу и услышу, так как я далеко вижу и далеко слышу, да и скорее обратно иди, я приготовлю гостинец».

Талушка взял на плечи мешок и понес. Нес-нес и устал, положил мешок на землю и хотел посмотреть, что у женки послано, и только хотел развязать, а из мешка закричал голос: «Далеко слышу и далеко вижу». Талушка испугался, схватил мешок и понес скорее дальше. Принес старику и старухе, бросил к дверям вежи, а сам торопится скорее обратно. Старик и старуха стали унимать поесть и попить, но он ответил: «Жена не велела сидеть, а там направлен нести другой гостинец».

Талушка пришел обратно, а жена его что-то работает на амбаре и говорит: «Неси другой гостинец и вернись скорее обратно. Еще снесешь и третий гостинец».

Талушка понес. Нес-нес и устал, присел на землю и тоже хотел посмотреть, что у женки положено, но из мешка слышен голос: «Далеко слышу, далеко вижу». Талушка испугался, схватил мешок и опять понес. Принес, бросил к дверям вежи и сам скорее обратно. Старик и старуха стали унимать попить-поесть, но Талушка сказал: «Третий гостинец направлен, и надо его нести скорее».

Пока он ходил со вторым гостинцем, то женка его направила на амбаре камень и одела в свое платье, а сама села в мешок.

Талушка пришел обратно, взял третий гостинец — мешок, понес. Нес-нес, устал, положил мешок на землю, хотел посмотреть, что положено, но опять услышал голос: «Далеко слышу и далеко вижу». Испугался и понес скорее, пришел, бросил мешок к дверям вежи, а сам скорее обратно, старик и старуха оставляли поесть-попить, но Талушка не остался.

Пришел обратно в свою вежу, сварил мяса и стал звать жену с амбара, где она будто все время работала, и не мог дозваться, выскочил из вежи и кричать: «Я тебе дал честь!» Замахнулся рукой и ударил по шее, а у самого отскочила рука прочь.

«А у меня еще другая есть», — ударил по шее другой рукой, и другая рука отскочила тоже прочь.

«А у меня, — говорит, — еще ноги здоровы».

Пнул ногой, и нога отскочила прочь, и другой ногой пнул, и тоже нога отскочила прочь.

«А у меня, — говорит, — еще голова есть».

Мотнул головой, и голова отскочила. Тут Талушка и пропал.

150. МЕДВЕЖЬЯ СКАЗКА

Жил старик со старухой, у них было три дочери. Жили, жили, пришел к ним жених — медведь. Засватал старшую дочь — она пошла. Пришли в свою вежу. Медведь-муж пошел на охоту, с охоты носит все мышей, девушка думает: «Как буду жить?» Девушка ему ничего готовить не стала. Он задушил жену, вырвал кусок земли и туда молодуху зарыл, только пятки ног виднелись. Опять пошел жениться к той старухе и старику. Пришел и говорит: «Молодуха не успевает ничего делать, зовет среднюю дочь». Она (средняя дочь) пришла и спрашивает: «Где сестренка?» — «Куда-то ушла». Пошел медведь опять на охоту. Молодуха вышла, смотрит: у сестры только ноги торчат. Пришел с охоты муж, принес мышей. Молодуха кормить не стала его, спиной поворачивается, он ее бил. И эту жену задушил и в землю зарыл (букв.: бросил под кусок земли). Опять пошел жениться, брать младшую дочь. Пришли в вежу. Младшая дочь смотрит: мышей полна землянка. Думает: работающий муж. Медведь ушел опять на охоту. Молодуха вышла, смотрит: где сестры? Видит, только ноги торчат из-под земли. Она думает: обеих задавил. Она живой водой окропила (букв.: обмазала) старшую сестру и брыз-

нула, она ожила. Она (младшая дочь) велела ей влезть в мешок.

Муж пришел с охоты. Молодуха стала его угощать. Вечером легли спать вместе, в обнимку. Проснулись утром. Молодуха говорит: «Иди унеси к маме подарки». Тут он положил через плечо ношу и понес. Шел, шел, думает: «Почему я не посмотрю, что в мешке?» Положил мешок на землю и стал развязывать. Молодуха крикнула: «Я далеко слышу, далеко вижу». Муж говорит: «Дорогой мой глаз далеко видит, далеко слышит». Он опять понес. Вот принес в вежу, дверь открыл, бросил подарки и сказал: «Дочь посылку послала». Он пошел обратно. Пришел. Молодуха та среднюю сестру оживила и в мешок положила. Он (муж) говорит: «Я пойду на охоту». Молодуха говорит: «Унеси подарки сначала, а потом иди на охоту».

Шел, шел, на землю положил мешок и стал развязывать. Молодуха крикнула: «Я далеко слышу, далеко вижу». Он обернулся назад и сказал: «Дорогой мой глаз далеко видит, далеко слышит». И он опять пошел дальше. Дверь открыл, бросил подарки и сказал: «Дочь посылку послала». И пошел обратно. Пришел, молодуха еду приготовила, опять легли, молодуха гладит его, обняла. Утром медведь опять на охоту пошел. Она постелила постель из хвои и вышла на улицу и пень одела своим платьем — кокошником одела, а сама влезла в мешок. Медведь с охоты придет, а она в красивой одежде сидит. Он идет и говорит: «Дорогой мой глаз далеко видит». Пришел, посматривает: молодухи нет нигде, наверно, ушла еловые ветки ломать. А жена, когда он пошел на охоту, сказала: «Если ты придешь, а меня нет, тогда бери и уноси родителям». Тут он поел, подарки схватил и понес. Шел, шел, мешок положил, открыть хочет: что за подарки? Молодуха говорит: «Я далеко слышу, далеко вижу». Он обернулся и говорит: «Дорогой мой глаз далеко слышит, далеко видит». Тут он опять пошел. Унес, вежу открыл, говорит: «Берите посылки, дочь послала последние посылки», — и тут пошел обратно. Пришел и говорит: «Евгения, Евгения, приласкай меня». Пень что будет говорить? Он рассердился и одной лапой в одну щеку ударил — лапа пополам. В другую щеку дал — и вторая лапа пополам. Он уселся и стал реветь.

151. ТУЕСКИ

Жили старик со старухой. Старики были не простые — они были нелюди. В глухом лесу, на краю болота, стояла их вежа — шалаш, покрытый берестой. А сверху его покрыли

еще и дерном, чтобы крыша не промокала. За лесом виднелись луга. Там, в деревнях, жили люди.

У стариков было трое сыновей. И все разные: первый-то сын — медведь, второй — росомаха, ну а третий был волк.

Подросли сынки и пошли на охоту.

Медведь-братец мохнатый, он всему лесу хозяин. Кормится он ягодами и муравьями. Закусывал бы и комарами, да они его поедом ели. Бывало, разозлится на них медведь — вывернет дерево с корнями и ну разгонять им тучи комаров. А все равно не помогало! Он деревом махает, они его кусают и в нос, и в хвост. Жил медведь без заботы. Нажрется в лесу червяков, отлежится, отоспится, тогда к отцу, к матери идет. А нет чтобы принести чего-нибудь в дом. Он знал: старики его напоят и накормят — у них есть туески.

Росомаха — тяжелая лапа, той не попадайся, не гляди, что ходит ковыляя, справа налево переваливаясь, на ходу кувыркается да спотыкается, а как мимо идет — все звери ей дорогу уступают. Даже братцы ее, волк и медведь, и те отходят в сторонку. Росомаха — добытчик! Она что поймает на охоте, то и съест, ночью в одиночку, чтоб никто не видел.

Ну, а волк тот непоседа! Он заботливый; где ходит, где бродит — неведомо, а домой пустой не являлся. Вся его добыча шла в общий котел всем на стол, на всю семью. Он любил, чтобы все сразу, сообща кормились. А уж как он песни поет! На десять голосов!

Каждый день — рано поутру — мать будила сыновей. Она поила и кормила их и в путь-дорогу собирала. Каждому сыну ведро, ведро-то не простое, а красный туесок. Сделан туес из бересты, по ней травы и цветы нарисованы, а ободок-то по всему краю — чисто-белый.

Утром туески рано вставали, сами закрывались крышечкой с бобочкой и уходили из дому, каждый шел за своим хозяином-охотником след в след. Росомаха, волк и медведь ставили туеса рядом по краю болота, на нехоженой тропе, а сами уходили по звериному следу, кому какой положен. Каждый шел на свою горку, в лес, на озеро, на свои тундрушки.

Вечером туеса сами возвращались домой, полные ягод. Вернуться пустыми им никак нельзя. Не могут они идти домой пустыми, без ягод!

* * *

Жили, жили и подросли сыны. Были малые ребята — медвежонок, росомашка и волчонок, а выросли они и стали взрослые парни — настоящие женихи: волк, росомаха, медведь. Надо парней женить! А невесты где?

До соседей далеко: три-четыре озерка проплыви, да через болота — одно, другое, третье, пройдешь — не увязнешь, сумеешь топкие места обойти — радуйся. Ну, а там, гляди, за лесом, на лугах, увидишь — деревня стоит. В той деревне настоящие люди живут. То народ луговой. А мы что? Ну, сам посуди, кто за волка или за росомаху замуж пойдет?

Бывало, соберутся эти люди по грибы, по ягоды да и заблудятся.

Так-то вот одна девушка с подружками пошла по грибы. Она сбилась с тропинки. Она подружкам не аукала, песню не пела, голосом на голос не отзывалась. Заблудилась она! Плутала вокруг да около и вдруг завидела жилье стариков. Она к веже пошла. И не заметила, как на той тропе нехоженой она повалила все туески. Она не нагнулась, не поставила туески, чтобы они стояли, как им надо быть. Она ягоды не собрала, обратно в туески не сложила, крышечкой с бобочкой не запечатала.

А туески-то лежат. Каждый на бочок упал, в землю цветками уткнулся. Крышечки с бобочками в сторону откатились. Лежат туески не шелохнутся, сказать слово не могут.

Девушка мимо прошла — мало ли в лесу туесов валяется разных, негодных! Она в вежу вошла. Старики ее встречают веселые. Рады они, что и в их дом невеста явилась. «Вот и нашим сынам невеста нашлась», — сказал старик. «Кому-то достанется?» — спросила бабка и стала собирать на стол. Надо дорожного человека напоить и накормить!

Вышла старая из дверей, обернулась к болоту и покликала тонким голосом: «Хвили, хвили, хвили, подьте, туески, домой, надо нам гостью угостить!»

Туески трюх, трюх, трюх — поднялись, подобрались и пошли было, — ан нет, порожним им ходу нет. Так уж у них повелось: полные домой бегут, порожние на месте лежат.

Осерчала старуха, говорит она девице: «Это ты напроказила — все туески опрокинула, все ягоды рассыпала? Смотри, лежат туески порожние, лежат на боку, слезы льют. Чем я сынов накормлю? А тебя чем угощать? Сама ты виновата! Теперь беги, спасайся, покуда жива! Сыновья придут — плохо тебе будет!»

Она девушку бранила за то, что необрядна она; за то, что под ноги не смотрит; за то, что ягоды рассыпала; за то, что туески цветиками в землю уткнулись, невеселые лежат.

Девушка скорее домой побежала.

Немного времени прошло, явились сыновья. Старший сын, медведь, сразу увидел: туески-то порожние! «Видно, кто-то был, раз туески на боку лежат!»

Мать рассказала, что приходила из-за леса девушка, все туески опрокинула, все ягоды рассыпала, собрать не собрала — так убежала: «Чем я буду вас кормить? Не умеет девушка по лесу ходить, ей с нами не жить, с лесовыми зверями мохнатыми, ей по полям да по лугам гулять».

А медведю то и надо, чтобы невеста его не лесная, не мохнатая девка была, а луговая девушка-чистюлечка. Он надумал ту девицу догнать и жениться на ней.

А мать не согласна. Она ему выговаривает, что медведь он, ему по болотам бродить, в лесных трущобах продираться, охотиться: «Тебе лесовое хозяйство дано — и кочки, да муравейники. Ты посмотри на себя: и мех-то во мху, и глаза поцарапаны, и уши-то рваные, лапы изранены, и весь-то ты в болотной грязи измазанный. Ну, где тебе ту девушку в невестах иметь? Негожа она для тебя!»

«Скорей-поскорей чистоту на шкуре моей наведи, да с пятток глину соскобли, да подошвы обмой, не забудь подметки подбить, чтобы легкий был скок, чтоб в болоте не увязнуть. Догоню я ту девицу! Будет она моей женой!»

И он заставил мать ему когти обрезать, заострить, просмоленные подметки подбить, и всего-то его пообчистить, и хвостик его коротышку пошире расправить, волосок к волоску причесать.

Мать сыну не перечила. Она всю его шкуру пообчистила, уши ему расправила, нос вытерла, рваные ноздри зашила, мех вычесала, а лапы сосновой смолой смазала — пусть на них комья грязи липнут. Это мать нарочно придумала, чтобы медведю не догнать ту девчонку луговую.

Побежал медведь по следам девушки. Бежит, бежит, а пятки-то к земле липнут: мох, листва, сучки, хвоя, целые кочки налипают на смолу. Только он завидит девицу — сядет ноги обчистить, а девушка уже далеко бежит. Не мог медведь эту девушку догнать, не мог назвать ее своею невестой. Убежала она восвояси.

Прошло несколько дней. Однажды утром встали братья, набрали туески полные брусники и поставили их на опушке леса, по краю болота, а сами занялись охотой. Пока братья за зверьем гонялись, к веже стариков вышла из леса девушка. Другая девушка явилась.

Она по краю болота прошлась, ногами все туески опрокинула, а поднять — не подняла.

Старуха увидела девицу, зазвала ее в дом: отдохнула бы гостья, подкормилась бы с дороги. Выйдя из вежи, кликнула старуха: «Хвили, хвили, хвили, — кричит, — подьте, туески, домой — надо гостью угостить!»

Туюски трюх, трюх, трюх — поднялись, подобрались, а пойти не могли, упали на бочок, порожние они, на боку лежат, цветками в землю уткнулись, крышечки откинулись, ягоды кругом рассыпались.

Осерчала старуха, завидя, что лежат туюски на боку порожние. Она спросила девушку: «Это ты, дитяtko, напроказила, туюски опрокинула, все ягоды рассыпала? Теперь угощать тебя нечем. Сама виновата. Беги скорее домой, а то придут сыны мои голодные, сердитые. Достанется тебе за твою необрядность: почему недоглядела, зачем туюски опрокинула, за что их обидела?»

Девушка испугалась, поскорее побежала домой. Тут вернулись охотники, видят — все туюски опрокинуты! Значит, кто-то тут ходил! Спрашивают у матери: «Куда ты спрятала того, кто здесь был?»

Мать отвечает, что была девушка, напроказила тут, туюски опрокинула, а куда делась — неведомо.

Эта девушка, эта невеста приходилась на долю второго сына. Сказал росомаха: «Негоже, мать, и эту невесту упустить! Скорее чисти мне пятки... Уж больно они мохнаты стали! Не я буду, а девицу догоню, и будет она моей женой!»

Мать не хотела, чтобы росомаха эту девушку догнал и женился на ней. Она стала ему перечить: «И эта девушка необрядна, не лесной она житель, не старательная, она лесу боится, поклониться не хочет, боится запачкаться. Она из города невеста».

Но росомаха настоял на своем.

Мать сыну больше слова не сказала: пятки ему начистила, усы расправила, причесала его с ног до головы, а на подошвы намазала липкой сосновой смолы.

Побежал росомаха. Уж как только он быстро бежал, чтобы невесту догнать. Бежит, бежит, а как завидит девочку, заторопится, ногами засеменит, тотчас на подошвы ему, на смолу, куча мусора налипнет, — он и не может бежать. Усядется чистить лапы, а девушка тем часом уже далеко убежит, едва-едва виднеется.

И росомаха не мог свою невесту догнать, так и вернулся домой один-одинешенек.

На следующий день рано поутру встали, ягод насобирали, туюски полные ягодой черникой на свои места поставили и разошлись охотники, каждый в свой лесок.

Сыновья ушли, а старик со старухой у огня остались, каждый своим делом занимается: старик сети чинит, старушка по дому управляется.

И опять из леса вышла девушка. Эта девица, проходя

по краю болота, увидела: в траве стоят туески с ягодой черники, а не дополна ягоды насыпаны, девушка отборной черники насобираала и наложила до самого верху. Сделала так и к дому пошла. Она в дом войти попросилась: надо ей у бабушки и дедушки путь спросить, у огня обогреться и отдохнуть. Обрадовались старики, что опять к ним девушка вышла. На радостях бабушка кликнула свои туески: «Хвили, хвили, хвили, подьте, туески, домой, надо нам гостью угостить!»

Тут-то туески подобрались, утряслись и — трюх-трюх-трюх — прямо к бабушке явились, полные ягодой черникой. Старушка эту девушку угостила, она из дома ее не выгнала, сыновьями не страдала, она домой ее не отпустила — она оставила ее у себя.

«Ну, — говорит, — нашему младшему сыну досталась хорошая невеста! Ты не бойся, девочка. Мы со стариком сыновьями своими не нахвалимся: старший-то сын — медведь, средний сын — росомаха, ну, а младший сын — волк. От него, от волка, всем обида, а тебе он оборона от всякой беды. Он тебе друг, он — лесная собака».

Вечером вернулись сыновья с охоты. Увидел волк, что туески стоят нерушимые, — обрадовался, значит невеста ему пришла настоящая и будет она хорошей хозяйкой.

Ему, волку, лесной собаке, мать пятки не чистила, смолой подошвы не мазала. Она приготовила молодым питенья и еденья разного, накормила и напоила на славу. И такой уж у них был уговор — кто первый женится, тому в старой веже жить, старикивскую жизнь холить.

Ну, и стали жить старик со старухой да волк с молодой женой по-прежнему, в своем лесу.

А медведь с росомахой ушли, ушли они свое счастье искать: медведю — во мхах, росомахе — в горах.

152. ОБОРОТЕНЬ-МЕДВЕДЬ

На одном озере жили саам да саамка. У них была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, саам ушел в тундру к оленям, а старуха с дочерью остались дома. Вечером они сидели в веже, починяли сетки и разговаривали. На середине у них горел огонь, над которым висел котел с варящейся рыбой. Они бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдруг повешенная вместо двери постель открылась, и в вежу зашел медведь, весь покрытый льдом. Мать с дочерью испугались. Дочь, сидевшая одна по другую сторону огня, перескочила через огонь к матери. Медведь занял ее место и растянулся против огня. Мать с дочерью сидели

и смотрели на него. Сколько ни смотрели на него и сколько ни показывали на двери, чтобы он вышел, медведь не двигался никуда, а только смотрел на них и на котел. Хозяин не приходил между тем, и им было страшно. Наконец саамка заключила, что это не простой медведь, а, должно быть, оборотень. Она поэтому сняла котел с огня и стала тянуть рыбу на две кары. Одну кару взяла она себе, а другую подала медведю.

Медведь съел всю рыбу и лег спать.

Мать с дочерью только смотрели на него, а спать боялись. Боялись подойти к нему, ожидая, скоро ли будет утро или не придет ли хозяин.

Медведь всю ночь проспал крепко и спокойно. Шерсть на нем уже высохла. Перед наступлением зари он проснулся и посмотрел на хозяев. Смотрел он на них несколько времени, наконец поклонился и пошел из вежи. Мать с дочерью тоже вышли вслед за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Медведь недалеко от них встал на задние лапы, а передними стал показывать на озеро, откуда пришел вечером. Мать с дочерью смотрели на него и ничего не понимали. Наконец медведь встал на все ноги и пошел в лес. Мать с дочерью радовались, что он ушел, не сделав никакого вреда, и в то же время думали, что такое он им показывал. По следам его на озеро идти боялись.

Вскоре возвратился саам. Ему все рассказали, и он задумался. Подумав несколько времени, он сказал: «Вероятно, у него был товарищ, и, так как лед еще не крепок, он утонул. Пойдемте по следам его к озеру и тогда узнаем, на что он вам указывал».

Пришли они на озеро и увидели большую прорубь. И увидели, что тут утонул медведь. Стали его доставать и с большим трудом вытащили на берег. Медведь был большой и черный. Положили его на кережу и притянули к веже. Здесь положили его к огню, чтобы оттаять. Через несколько времени саам снял с него шкуру и увидел, что это был не медведь, а человек-оборотень. Под шкурой кругом себя у него был пояс — чересь, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Саам взял его себе, купил оленей и зажил так богато, как никогда и не думал.

153. КУЦАЙ

- Куцай, иди играть!
- Не пойду.
- Талла, поди задуши куцай.
- Куцай тебе что сделал?

- Играть нейдет.
- Не пойду.
- Пешня, поди ткни Таллу.
- Талла тебе что сделал?
- Куцай не задушил.
- Куцай тебе что сделал?
- Играть нейдет.
- Не пойду.
- Камень, поди затупи пешню.
- Пешня тебе что сделала?
- Таллу не ткнула.
- Талла тебе что сделал?
- Куцай не задушил.
- Куцай тебе что сделал?
- Играть нейдет.
- Не пойду.
- Огонь, поиди разожги камень.
- Камень тебе что сделал?
- Пешню не затупил.
- Пешня тебе что сделала?
- Таллу не ткнула.
- Талла тебе что сделал?
- Куцай не задушил.
- Куцай тебе что сделал?
- Играть нейдет.
- Не пойду.
- Дождь, поди загаси огонь.
- Огонь тебе что сделал?
- Камня не разжег.
- Камень тебе что сделал?
- Пешню не затупил.
- Пешня тебе что сделала?
- Таллу не ткнула.
- Талла тебе что сделал?
- Куцай не задушил.
- Куцай тебе что сделал?
- Играть нейдет.
- Не пойду.
- Бык, поди выпей дождь.
- Дождь тебе что сделал?
- Огня не загасил.
- Огонь тебе что сделал?
- Камня не разжег.
- Камень тебе что сделал?
- Пешню не затупил.

— Пешня тебе что сделала?
 — Таллу не ткнула.
 — Талла тебе что сделал?
 — Куцай не задушил.
 — Куцай тебе что сделал?
 — Играть нейдет.
 — Не пойду.
 — Ремень, поди задави быка.
 — Бык тебе что сделал?
 — Дождь не выпил.
 — Дождь тебе что сделал?
 — Огня не загасил.
 — Огонь тебе что сделал?
 — Камня не разжег.
 — Камень тебе что сделал?
 — Пешню не затупил.
 — Пешня тебе что сделала?
 — Таллу не ткнула.
 — Талла тебе что сделал?
 — Куцай не задушил.
 — Куцай тебе что сделал?
 — Играть нейдет.
 — Не пойду.
 — Лисица, поди съешь ремень.
 Лисица ремень стала есть.
 Ремень быка стал давить.
 Бык дождь стал пить.
 Дождь огонь стал гасить.
 Огонь камень стал жечь.
 Камень пешню стал тупить.
 Пешня Таллу стала тыкать.
 Талла Куцай стал душить.
 Куцай побежал и прямо наскочил на палки —
 фю... фю... фю...
 Сказка вся.

154. КАК МЕДВЕДЬ ПОШЕЛ ИГРАТЬ

Жили-были старик и старуха, у них был один сынок и тот был маленький. Мальчику было скучно и играть не с кем. Однажды он пошел звать медведя играть; пришел и говорит: «Медведь, пойдиграть!» Медведь сказал: «Не пойду». Мальчик пошел звать нож; пришел и говорит: «Нож! Пойди режь медведя». Нож говорит: «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду». Мальчик пришел звать ка-

мень; пришел и говорит: «Камень, иди тупи нож!» Камень говорит: «Нож тебе что сделал?» — «Медведя не резал». — «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду». Мальчик пошел звать огонь; пришел и говорит: «Огонь! Иди жги камень!» А огонь говорит: «Камень тебе что сделал?» — «Нож не тупил». — «Нож тебе что сделал?» — «Медведя не резал». — «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду». Мальчик пошел звать дождь; пришел и говорит: «Дождь! Иди гаси огонь!» Дождь говорит: «Огонь тебе что сделал?» — «Камень не жег». — «Камень тебе что сделал?» — «Нож не тупил». — «Нож тебе что сделал?» — «Медведя не резал». — «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду!» Мальчик пошел звать быка; пришел и говорит: «Бык! Иди пей дождь!» А бык ему говорит: «Дождь тебе что сделал?» — «Огонь не тушил». — «Огонь тебе что сделал?» — «Камень не жег». — «Камень тебе что сделал?» — «Нож не тупил». — «Нож тебе что сделал?» — «Медведя не резал». — «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду». Мальчик пошел ремень звать; пришел и говорит: «Ремень! Иди давить быка!» А ремень говорит: «Бык тебе что сделал?» — «Дождь не выпил». — «Дождь тебе что сделал?» — «Огонь не затушил». — «Огонь тебе что сделал?» — «Камень не жег». — «Камень тебе что сделал?» — «Нож не тупил». — «Нож тебе что сделал?» — «Медведя не резал». — «Медведь тебе что сделал?» — «Играть не пошел». — «Не пойду». Мальчик пошел лису звать; пришел и говорит: «Лиса! Иди ешь ремень!» А лиса говорит: «Жирный ремень?» Мальчик говорит: «Очень жирный, только с тюленя снят». Лиса пошла ремень есть. Ремень пошел быка давить. Бык пошел дождь пить. Дождь пошел огонь гасить. Огонь пошел камень жечь. Камень пошел нож тупить. Нож пошел медведя резать. Медведь пошел играть.

◆ 155. МЕДВЕДЬ И ЛИСА ◆

Захотел медведь иметь спину жолны (дятла) и пошел к лисе за советом.

«Много, много работы надо, — говорит лиса, — нужно смолья доставать, вичи (веревки) вить да тебя, медведь, к сосне крепко привязать и на смолье подогреть».

Согласился медведь на все, только бы спину жолны иметь.

Натаскал он смолья, навил вичи и велел лисе себя к сосне привязать. Привязала его лиса крепко-крепко к вы-

сокой сосне, а внизу разложила смолье и огонь развела. Обгорела шкура на медведе, и начал огонь мясо жечь.

«Больно, лиса!» — кричит медведь.

«Ну, если больно, никогда не иметь тебе спины жолны».

Смолчал медведь, терпит: хочет он очень иметь спину жолны.

«Больно, лиса!» — кричит опять, не вытерпел: сильно пригорало мясо.

«Что это за больно, — говорит лиса, — то ли еще будет! Если это больно, не иметь тебе жолниной спины».

Ничего уже не мог сказать больше медведь: так на костре и дух пустил.

Так и не получил он спины жолны.

156. ЛИСА И СААМ

Жили лисица и саам, жили очень дружно. Мужик пошел на охоту, мужик только что ушел, лисичка натянула на палочку пойду и стала жарить у камелька. Сало каплет — она лежит; у нее все лицо сгорело. Мужик как пришел, как плеснет воды в камелек — она и не услышала. Пойда от палочки отлетела и прямо ей в глаза; она и ослепла, не видит ничего. Саам пришел, она и говорит: «Кто-то воды налил в камелек, и сало в глаза пошло; у меня все глаза сгорели». Мужик и говорит: «Пойдем со мной, поправим твои глаза». Мужик привел лисицу к дереву — к сосне. Лисица стала кланяться: «Сосна-матушка! Дай мне глаза». Мужик отодрал кусок смолы и прилепил к глазам лисицы. Она и говорит: «Вижу, только слипаются глаза, открыть не могу». Он и говорит: «Пойдем, посетим березу». Пришли к березе. «Береза-матушка, — говорит лисица, — дай мне глаза», — и кланяется. Береза и дала лисице глаза, только что узкие; прилепила кусочек бересты к глазам, и лисица стала видеть и говорит: «Вижу». Тогда мужик говорит: «Коли видишь, иди одна домой». Она и пошла домой, а он за ней, лисица видит на дороге дерево скривилось, а лисица другая под деревом яму копает, она и думает, что дом. Мужик и говорит: «Куда ты пихаешься, ведь это не дом».

Она говорит: «Полно молоть-то, это дом наш». Мужик стал лисицу за хвост дергать; он дергал, дергал за хвост и хвост выдернул.

Потом мужик пошел домой, а лисица тут под деревом и осталась жить.

Мужик стал искать, искать — нет ли чего у лисицы; искал и нашел золота и серебра много. Стал жить и богатеть.

Жил на свете лис. Это был старый и очень хитрый лис. Звали его Римне-калесь, а по-русски Патрикей. Был он еще крепок на ногах, его рыжий мех, хотя и пообтерся, был все-таки довольно пушист; хвост, бывало, мешал ему убежать от охотников, а все же служил ему верным советником. Уши его бойко торчали вверх и хорошо слышали, а глаза, завистливые и хитрые, зорко следили за всем, что делается вокруг.

Жил Римне-калесь в лесу. Соседями у него были: молодой неженатый медведь да волк-волчище длиннохвостище, а еще невдалеке жил один саам, охотник и оленевод. Ему Римне-калесь иногда помогал на охоте. При случае он нагонял на него стаю диких оленей или дичь.

Жил Римне-калесь и промышлял где чего мог, не жаловался, но все ему казалось, что в лесу для медведя корму много, а ему, Патрикею, мало. И он у медведя корм воровал.

Однажды медведь встретил старого лиса и сказал ему: «Ты почто мой корм ворую? Ты мой корм не воруй, своим пробавляйся, а то, гляди, поймаю, плохо тебе будет!»

Римне-калесь медведя не послушал. Воровал у него корм из-под самого носа.

Медведь серчал, грозился, хотел Римне-калесь изловить и погубить. А не мог поймать! Бывало, вот уж вовсе лис в лапах, ан, глядишь, и ушел, как вода между ногтей просочилась.

Тогда медведь пошел к волку: «Волк, волк, поймай ты мне старого Римне-калесь. Он мне жить не дает. Я жениться хочу, я свадьбу играть хочу, а он у меня запасы ворует».

Старый лис и у волка пищу поворовывал. Поэтому волчище длиннохвостище дал обещание медведю изловить ворюгу.

«Да, да, надо, надо его казнить», — сказал он.

«Надо казнить», — согласился медведь.

И вот подкараулил волк старого лиса, изловчился, схватил его поперек живота и медведю выдал.

«Ага, попался большой вор, — взревел медведь, — вот теперь-то ты от меня не уйдешь! Я тебя съем!»

И понес медведь старого Римне-калесь к себе в берлогу на расправу.

Эх, глупый, глупый медведь! Он думал, раз шкура в когтях, то и мясо в зубах. Да не так-то оно получилось.

Несет медведь старого проказника по лесу, крепко держит в пасти, шевельнуться не дает. «Не уйдешь теперь», — думает медведь и урчит сердито. Старый лис в пасти медведя лежит, замер как зайчонок. Ни о чем не думает, будто это не его, а кого-то там другого сейчас прикончат.

Едет лис в зубах медведя по лесу, а сам посматривает по сторонам, примечает, где что делается.

Вон дятел на сосне сидит и клювом долбит в ствол: тук-тук, тук-тук, тук-тук!

Римне-калесь покликнул дятла: «Эй, дятел, дятел, друг сердечный, а помнишь ли, дружок, птичка красноперышко, как я тебе красивые узоры на спине расписал? Ничего что было больно, ничего что было горячо! Зато посмотрите, звери, посмотрите, птицы, как у дятла спинка хороша! Настоящий жених! Ах, дятел, дятел! Хорошее то было время, когда я тебе узорами спину расписывал. Ты был счастливый жених! А я тебе был верный дружок!»

Дятел знай себе дерево долбит. На сук перебрался, вниз поглядывает, а сам свое дело знает: «Тук да тук, тук да тук».

«Тук-тук», — отвечает, будто он понимает, что ему лис говорит.

Медведю страсть любопытно знать, как это лис дятлу спину расписывал. Хочется ему быть женихом при самых лучших узорах.

«Ты что там болтаешь, хитрый Патрикей?» — спрашивает он у лиса.

«А ты неси, знай неси туда, где будешь закусывать. Нечего тебе свой нос совать куда не следует. А я с дятлом разговариваю, не с тобой».

Однако медведь не унимается.

«Говори, — рычит, — что ты ему сказал?»

«Что сказал ему, то тебе не скажу!» — ответил лис и опять лежит себе в медвежьей пасти не шевелясь.

Медведю не терпится, охота ему знать, какие такие дела у лиса с дятлом бывают. Положил медведь старого лиса на землю, лапой придавил и стал допытываться: «Ты о чем с дятлом говорил? Сказывай, не утаивай!»

«Экой ты, право, медведь! Ну, я ему спинку узорами расписал. Очень красивая у него спинка, сам видишь, он теперь жених женихом». — «Дак, — говорит медведь, — распиши-ка ты и мне спину. Ведь и я жениться хочу. Распиши, Римне-калесь, а я тебе все прощу».

Того-то лису и надо!

«Ну, если так, — согласился хитрый лис Патрикей, — я берусь твою спину расписать узорами и даже цветными травами. Будет красиво. Для начала поди-ка наруби дров, да побольше. А еще накрути мне витых жгутов из лозовых прутьев».

Медведь послушался, отпустил Римне-калесь, дров наготовил целую кучу, жгутов навалил довольно. Однако старому лису этого мало. Он командует медведю: «Дрова туда, жгуты

сюда, дрова вокруг этого дерева разложи, вот так. Жгуты сюда клади. Теперь сам приготовься. Становись под дерево — раз. Жгутами к дереву привяжись — два. Да не так: к лесу передом, ко мне задом. Крепко вяжись, как саамский жених припоясывайся: туго-натуго».

Попробовал лапкой: «Нет, так не годится. Крепче привязывайся. Что? Я тебя буду вязать, что ли? У меня своего дела много».

Исполнил медведь все, как приказывал ему Римне-калесь: крепко привязался к стволу сосны, спиной к лису, передом к лесу.

«Неладно ты вяжешься, медведь, слабо, очень уж слабо. Дай-ка я помогу», — и так прикрутил медведя к дереву, что тот ни вздохнуть не может, ни головой, ни единой лапой двинуть.

«Вот теперь хорошо! — говорит лис, а сам посмеивается себе в усы. — Так, а посмотри-ка, жених, в лес. Какие узоры там видишь? Те узоры я тебе на спину кладу».

И Римне-калесь развел огонь, дрова придвинул поближе к спине медведя. Горящими головешками он начал водить по спине медведя, а сам все ближе и ближе придвигал костер к медведю. Дрова приближает, а сам ходит, приговаривает: «Лепитесь на спину медведю узоры травами и цветами, ложитесь крепко на спину жениху! Мешайтесь, мешайтесь узоры красивые, одни краше других. Цветами и травами ложитесь узоры на спину медведю-жениху».

Медведю стало жарко, медведю стало очень горячо. Он кричит лису-старiku: «Горячо! Что-то уж очень горячо, чересчур уж горячо!»

Ну, а Римне-калесь ему в ответ: «Стыдись, дружок! Ведь ты жених! Ты во много раз больше дятла, а силы у тебя не хватает терпеть жар от этого маленького огня. Зато узоры хороши! Ах, узоры хороши!»

А сам огонь все ближе к медведю придвигает и большой костер раскладывает вокруг сосны с медведем.

Медведю смертная охота быть красавчиком, и он терпел, лишь бы узоры были хороши. А старый хитрый Патрикей улыбается да жару прибавляет: «Дятел, дятел, птичка красноперая, ты в узорах с головы до перышков, расскажи медведю, сколь прекрасными цветами и травами я украшаю его спину».

У дятла свои заботы: он с утра до вечера с сучка на сучок попрыгивает, вокруг ствола вертится, клювом в дерево тук да тук, тук да тук. Вниз на лиса и на медведя поглядывает. «Тук-тук», — отвечает, будто он понимает, что ему лис говорит.

Вдруг услышал лис — охотники идут.

Тут старый Патрикей не стал времени терять, шмыгнул в кусты — и след простыл.

Медведь угодил в руки охотников.

И вот Римне-калесь живет в лесу один.

Заскучал старик. Хочется ему подразнить медведя, хочется ему проказить и хитрить, а не над кем. Медведя нет, а волк далеко. И решил старый лис подшутить над соседом своим — саамом.

Пошел он к ближней кочевой стоянке, перехитрил всех собак, подобрался к самой веже, а добыть ничего не пришлось. Вокруг жилья одни только кости валяются, да и те объедки. Ладно, кости так кости.

Собрал Патрикеюшка все кости в кучу, сложил их в мешок и пошел с ними в обход своих угодий.

Тут навстречу ему этот саам — едет на оленях. Целым поездом едет, на трех кережах. В кережах мясо. Увидел саам лиса, спрашивает: «Здорово, Римне-калесь! Далеко ли держишь путь?» «А иду, — отвечает лис, — деньги медведю несус. Долги надо отдавать? Надо». «Надо, надо, Римне-калесь, — отвечает саам, — долги отдавать надо». А сам спрашивает: «А велик ли долг-то? Много ли денег несешь?» — «Да вот, мешочек небольшой, сам видишь».

Позарился саам на деньги и решил перехитрить старого лиса. Подумал про себя: «Я отдам ему одну жирную тушку оленя, а в обмен возьму кучу денег».

Подумал так и говорит лису: «Римне-калесь, вот тебе для медведя жирная тушка оленя, а мешочек этот отдай мне».

Старый лис согласился. Поменял объедки на жирное мясо. Саам уехал, а лис отрезал от тушки кусок хорошего сала и отправился домой, в свою нору.

Домой пришел, постель из оленьего меха взбил, белого моху под бока подоткнул, усы хвостом расправил и лег отдохнуть. Проспался лис и захотелось ему полакомиться оленьим жиром, насадил кусок сала на вертел и начал его жарить. Сало на огне закипело, и потекло, и вдруг загорелось, и зашипело так, что лис испугался. Он даже из норы выскочил и сел против входа. Смотрит: что же дальше-то будет?

Из норы его чад и дым клубится, и жаром пышет, и треск оттуда слышится сильный. Лис послушает правым ухом — шипит и трещит, послушает левым — шипит и гул идет, даже страшно.

Потом стало ничего не слышно. Тогда лис в нору вошел, послушал — тихо. Сало на своем месте лежит, хорошо поджарилось. Лис смотрит, удивляется: «Как это я куска сала испугался?»

Подошел и хватить его зубами... и обжегся. От боли взвыл, метнул сало прочь от себя, да и попал в камень. Разлетелось сало брызгами, горячие они, спалили лису морду и угодили в глаза.

Ослеп старик. Стал Римне-калесь — слепой лис Патрикей.

Вышел он из норы наружу — ничего не видит. Куда ни двинется, всякий раз обо что-нибудь стукнется, то носом, то головой, то сучок в один глаз воткнется, то в другой, то сзади что-то вопьется, то в бок упрется. Плохо пришлось Римне-калесю, очень плохо.

«Ах, — думает, — беда, надо помощи просить, без помощи пропаду».

Вот он ходил, ходил, туда и сюда совался, а все о деревья стучался. Он и стал их просить: «Дерева, деревья, дайте мне глаза!»

Сосна отвечает: «От меня тебе глаза не годятся, мои глаза смолой заплыли».

Пошел лис к другим деревьям и просит их: «Деревца, деревца, дайте мне глаза!»

Ель отвечает: «От меня глаза тебе не годятся, длинным мохом заросли».

Осина отвечает: «Мои глаза тебе тоже не годятся, в них горькая слеза».

Остановился Римне-калесь перед березой и ждал, что она скажет.

Береза ответила ему так: «Я бы рада дать тебе глаза, да мои глаза у бересты моей, спроси у нее».

Береста не отказала: «Я могу дать тебе глаза, но годятся ли они? Узенькие они и маленькие».

Римне-калесь говорит ей: «Узенькие глазки — красивые глазки, а маленькие глазки далеко видят».

Получил Римне-калесь глаза и начал их проверять, а нос, лапы и хвост судить:

«Что, глазки, что скажете? Что проку от вас будет? Покушать съестного чего мне дадите?» «Мы маленькие, мы узенькие глаза, мы увидим далеко и хорошо», — отвечали новые глаза. — «Оставайтесь мне служить. Ну, а ты, нос, ты, мой нос, ты зачем мне нужен, какой прок от тебя?» — «А я слышу, чем ветер пахнет». — «Это дело. Оставайся мне служить. Ну, а вы, ножки, ножки, что мне принесете?» — «А быстро побежим!» — «А где вы были, когда волк меня схватил?» — «А мы быстро бежали!» — «А куда же вы бежали, прямо волку в зубы попали?» — «А мы не виноваты, мы бежали без оглядки, а куда бежали, мы не ведали, не знали, то

глаза глядели». — «Ладно, так и быть уж оставайтесь. Ну, а ты, хвостик, длинноволосик! От тебя каков же толк? Ну-ка, отвечай!» — «А я буду тебя держать, тебе ходу не давать, следы заметать, вокруг деревьев буду путаться. Одумайся, не лезь куда не надо не спрашивай».

Рассердился Римне-калесь на такие слова хвоста: «Эге, да ты меня учить вздумал! Ладно же, довольно путаться между ног! Я тебе покажу, где шкурки зимуют».

Вернулся лис домой, сам в нору забрался, а хвост наружу выставил — пусть мороз его откусит.

Тем часом тот самый саам едет мимо дома Римне-калесь и видит: лисий хвост торчит.

Подошел мужик и дернул: на хвосте оказался старый Патрикей.

Лис замер. «Ну, — думает, — опять беда, попался». На всякий случай притворился мертвым.

«Вот, лис-старик, обманул ты меня, а сам замерз. Это тебе в наказание за твой обман!» — и он взял Римне-калесь и положил на переднюю кережу.

Плюхнулся лис на эту кережу, но не понравилось ему тут лежать — запах нехорош. Он дрыгнул ножкой и свалился.

Саам поднял его и бросил на вторую кережку.

И тут лису не понравилось — оказалось, неровно лежать и опять запах не тот. Он лапкой дрыг и... свалился.

Понравилось ему на последней кереже. Тут пахло рыбой и лежать было мягко.

В эту кережку лис вцепился когтями.

Поезд тронулся. Патрикей поехал. Римне-калесь поверх кережи сидит, словно это он этого саама нанял его, лиса, рыбу перевозить.

Саам впереди едет, передовой олень тихонько шагает, за собой еще двух оленей тянет, запряженных во вторую и третью кережки.

Ехали, ехали, вдруг хитрый лис выкинул свой хвост вверх, да еще и сам всеми четырьмя лапками подпрыгнул на целую сажень вверх и заверещал своим лисьим лаем. Олень испугался, дернул и оборвал вязку, которая соединяла его с предыдущей кережей. Тут Римне-калесь принялся махать и крутить хвостом во всю мочь. Олень помчался и убежал с дороги в лес.

Римне-калесь тьякнул еще разок, олень того пуще припустился бежать — кережа стукнулась о дерево, тяж лопнул. Кережка остановилась, а олень умчался далеко в тундру.

Остался лис со своей добычей один на один. Сидит, посиживает, сушеною рыбкой закусывает, а сам думает: «Ну, теперь у меня корму много — хватит на всю зиму».

Обжился он около кережи с рыбой. Рыбу засыпал снегом, под кережей нору выкопал.

Ожирел лис-старик. Никуда не ходит: пища в доме, вода на доме.

Разжирел старый Патрикей и заскучал. Как ему жить без проказ?

Думал, думал и придумал: надо волку отомстить: «За что он меня медведю выдал? Тот раз я его не обижал. Почто он мне мех помял и словно шкурку какую-нибудь тискал меня, таскал и медведю подбрасывал! Вот я тебе покажу, как Римне-калесь обижать!»

Отправился Римне-калесь в лес погулять. Ходил, бродил, все думал-гадал, как волку досадить. А того не подумал: кто другому горе сулит, сам в беду попадает.

Шел он лесом, по сторонам посматривал, дятла выглядывал, хотелось ему с дятлом побеседовать.

Глядь — стоит старинный капкан из досок. Пасть называется. Пасть насторожена. Опасно! Страшно! Это лисьи глазки хорошо видели.

Но от приманки слишком вкусно пахло поджаренной печенкой. Эх! Тут-то лисий нос потянулся в пасть за приманкой. Надоела ему рыба, захотелось мясного корму.

Мясной-то дух нос привлекает, а хвост не велит к приманке тянуться: «Римне-калесь, не тянись к пасти, печенку возьмишь — зря пропадешь».

Однако старый лис своего хвоста не слушал.

Ноздри его потянули мясной дух, и он на коготках и на брюхе ползком стал подбираться к приманке чуть-чуть...

Пасть захлопнулась.

Лис Патрикей закричал не своим голосом: «Ой-да, пропала же моя головушка!»

Вечером саам объезжал свои капканы.

Он пришел взглянуть и на старую пасть и увидел лиса Патрикея.

Взял он его за три конца — за хвост и за задние лапки, поднял повыше и сказал ему: «Попался, старый плут, проказник, хитрый Римне-калесь, Патрикей. Теперь-то не сносить тебе головы! Сниму я твою рыжую шкуру и продам за настоящие деньги. Держись!»

Тут-то Римне-калесь взмолился человеку: «Отпусти меня, саамушко, в лес погулять, я тебе стайку диких оленей пригоню».

И тот саам старому лису — своему соседу поверил, отпустил его в лес погулять.

Римне-калесь все вараки и тундры обежал и согнал к реке много диких оленей.

Потом вернулся к сааму и сказал, что дело свое исполнил, как обещал.

В тот день у саама была хорошая охота, а лис убежал в лес, однако проказил по-прежнему, но саама, своего соседа, не забывал. Нет-нет и нагонит на охотника хорошую дичь.

Ну и сказка вся.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

◆ 158. КРАСИВАЯ КАТЕРИНА
И НОРВЕЖЕЦ КРИВЫЕ НОГИ,
ОСТРОЕ СЕРДЦЕ ◆

Напротив Иокангского погоста в старину стояла вежа. Жили в ней старик, старуха и дочь их Мучесь Катрин — Красивая Катерина.

Варила однажды Катерина мыло из тюленьей шелеги с золой. Взглянула она на реку и увидела: белый лебедь летит. Запела Катерина песню:

Идет белый корабль.
Придет норвежец
Кривые Ноги, Острое Сердце.
Расстелет он сукно
От корабля к моей веже.
Возьмет меня он за руку
И скажет: «На корабль пойдём,
Моя любовь, Красивая Катерина,
Тебя сто лет люблю я».
Скажу я матери:
«Отдашь или не отдашь меня,
Но я пойду за ним».

И пришел белый корабль, вошел в реку. Постлали сукно с корабля до вежи, где жила Красивая Катерина. Пришел норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце к Катерине, пожал ей руку и говорит: «Пойдем, Катерина, на наш корабль». А Катерина отвечает: «Мама будет ругать».

Норвежец на это говорит: «Мать не будет ругать, я дам ей золотых денег».

И взял он Катерину за руки и пошел с нею по сукну на корабль. Пришел на корабль. Убрал сукно. Поднял парус, выбрал якорь, и поплыли. А Катерина на корабле запела:

Увез меня норвежец
Кривые Ноги, Острое Сердце.
Привезет меня в свой дом.
И замкнет меня тремя замками,
И три года не пустит на улицу.

Шел с охоты жених Катерины, Андрей Иванович. Увидел он: белый корабль к морю идет. А Катерина с корабля ему рукой машет и кричит: «Прощай, мой любимый, до свидания!»

Увидел Андрей Иванович, что на корабле Катерина, и побежал по берегу за кораблем. А Катерина запела:

Андрей Иванович,
Ложись на грудь под камень,
Норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце
Направит пушку в твою сторону
И выстрелит из пушки.
Он разобьет все скалы
И тебя убьет.

И норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце выстрелил из пушки. Но не попал в Андрея Ивановича, а попал выше его, в камень, разбил камень на куски.

Два часа лежал Андрей Иванович без памяти. Очнулся, смотрит: корабля уже не видно в море. Пошел домой. Пришел, разделся. Была у него за пазухой куропатка, он ее на охоте убил, а когда бежал за кораблем, то так разгорячился и вспотел, что куропатка у него за пазухой в поту сварилась. Достал он эту куропатку, съел ее и лег спать.

Норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце прошел на корабле три моря и пришел домой. Повел Катерину в свой дом. Привел, посадил ее в спальню, а сам пошел в кузницу, заказал там три замка семифунтовых. Замкнул Катерину тремя замками и уехал на корабле в море.

Осталась Катерина одна, совсем одинокая. Никто к ней попасть не может. И запела в своем одиночестве Катерина:

Норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце
Привез меня домой,
Замкнул меня тремя замками
И ушел в море на белом корабле,
А я сижу и свету белого не вижу.

Три года ходил на корабле по морям норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце и вернулся домой, к Красивой Катерине. Сказала она ему: «Поедем к моим отцу и матери в гости».

Норвежец согласился. Поехали они на корабле, приехали в Иокангу. Разостлали сукно от корабля до вежи. Сошли по сукну, пришли к старикам в вежу. Принесли им рому пять ящичков, белой муки двадцать мешков, коровьего масла два ящичка да денег золотых тысячу рублей. И стали играть свадьбу.

Играли они свадьбу. Думали, три дня играют, а играли три года.

И запоезжал норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце с Катериной обратно домой. Постлали сукно от вежи до ко-

рабля. Поднялись на корабль, поднял норвежец паруса, выбрал якорь, и поплыли в Норвегию.

Подплывал корабль к Крестовому мысу, что в устье Иоканги. Вышла Катерина на палубу. А норвежец смотрит на нее и говорит: «Иди, Катерина, в каюту».

Катерина отвечает: «Я в каюту не пойду, дай мне попрощаться с родными землями».

И прыгнула она с корабля в воду. А норвежец спустил паруса и бросился за Катериной в воду. Нырял, нырял, но не мог найти Катерины. Решил, что она утонула. Поднялся на корабль и поплыл в море. Поплыл и говорит: «Не пойду я в Норвегию, а обойду Святой Нос, который не могут обходить корабли».

Подплыл он к Святому Носу. А из моря в это время поднялся трехголовый хозяин моря — Кольминэйвинчээрхтэ — и проглотил корабль. Так погиб норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце.

А Красивая Катерина не утонула: она выплыла на берег, потом пришла к отцу и матери в вежу. Вернулась она к своей прежней любви, к Андрею Ивановичу. И стала с ним жить. И теперь живет.

159. ПРЕДАННЫЙ МУЖ

Давно это случилось. Жили на Семи Островах муж и жена саамы. Больше никого не было. Жена была такая красавица, что и у русских не найти, хоть всю Колу изойти. Пристал раз иностранный корабль к Семи Островам. А муж ее был на охоте за куропатками. Увидели с корабля женку, подивились красоте ее, да потом захватили ее с собой, связали и только подняли паруса и поплыли вперед, как муж прибежал с охоты. Жены на берегу нет — стоит и плачет, на корабль смотрит.

Корабль плывет, а он вслед бежит по берегу да кричит жену по имени, громко кличет да вперемежку плачет. А корабль все вперед да вперед. А корабельники смеются над ним. Схватил муж лук и только что хотел пустить стрелу, как жена ему крикнула: «Я уже пропала, зачем же тебе пропадать? Пожалей себя».

Опустил саам лук, послушался жену, но только все бежал да бежал за кораблем. Преследовал он похитителей от Семи Островов до Святого Носа, тут и упал от усталости. А куропатки, что у него за пазухой были, сварились.

Так и остался он на Святом Носу. Тут через три дня от тоски и умер.

Жили старик со старухой. У них родилась дочь, прекрасная Катерина. Девушка выросла большой. У нее появилась свекровь. Катерина легла спать. Утром встала и начала рассказывать своей свекрови сон: «Видела я: прилетели и сели на озеро два лебедя, и вместо этих двух лебедей стали два парохода. И появились на пароходах два парня». Свекровь говорит: «Сегодня к тебе издалека придет жених, которого ты не ждешь». Сидели, сидели, и вот показались два лебедя, сели на озерко, стали два парохода. Идут два юноши. Жених был очень уродливый. Катерина говорит: «Мама, папа, спрячьте меня». Отец и мать спрятали ее под кережку. Женихи искали, искали и полетели обратно. Ну, отцу и матери сказали, что завтра жених придет, все равно Катерину увезет: «Если не покажете, то вас убьем и ее найдем и заберем». Опять пришел в другой день. Катерина говорит: «Папа, мама, спрячьте меня». Они спрятали ее в лес. Ну, старик и старуха все равно показали им. Они увезли Катерину, ехали они очень долго. Катерина родила мальчика и девочку. Сама же Катерина не видела белого света. Семь лет смотрела только через отверстие трубы, Катерина стала очень черная. Потом они поехали в гости, приехали, пожили, погостили. Катерина и говорит: «Свекровь, мы обратно поедem, вы ищите нас у поворота реки; когда сядем, я прыгну с девочкой, и там сядем; свекровь, не говори отцу и матери, через два дня приходите на это место. Мы будем там на второй день». Приехали, их прекрасная Катерина плавает в воде, в одной руке девочка, в другой ящичек. Они взяли их (девочку и ящик), дальше двинулись. Там плавает мальчик, взяли их, похоронили. Старик и старуха очень сильно плакали. Старик и старуха как жили, так и живут одни.

161. ПРО КАТЕРИНУ

Жили старик со старухой, у них родилась красивая дочь — красивая Катерина. Другой человек отправился охотиться. Пришел во вторую вежу. Во второй веже жил сутки. Обратно пришел к своему отцу, говорит: «Пойду жениться». Отец говорит: «У старика и старухи есть красивая девушка». Отец сыну говорит: «Заработай деньги». Сын говорит: «Где я возьму деньги?» А он (отец) говорит: «Налови песцов». Сын отправился ловить песцов. Поймал целый мешок песцов. И вот сын пришел с охоты и говорит: «Вот я поймал песцов». Старик говорит: «Можешь продать песцов». Отец говорит: «Отправляйтесь в Колу».

Взяли быков, поехали на двух санях. Вот приехали в Колу. В Коле продали песцов, взяли вина и продуктов, остальные деньги старик не отдал сыну. Поехали обратно, приехали. А сын говорит: «Завтра поедем жениться». А старику нужно дрова рубить и вежу чинить. Он говорит: «Твоя жена успеет пожить». А сын говорит: «Мне нужны деньги, один поеду». Отец говорит: «Я тебе денег не дам». Жених говорит: «Еще ночь ночую».

Утром встали, старик сам поехал женить сына. Ехали, ехали, день пришел, старик говорит: «Остановиться нужно». Парень говорит: «Не остановимся, холодно спать». Ехали, ехали, старик опять говорит: «Остановиться нужно», а парень говорит: «Остановимся, спать будем». С отцом оленей привязали, чай начали греть, чай согрели, попили, сын говорит: «Пол-литра нужно выпить, холодно будет спать», а старик говорит: «Вино не будем пить, пойдем на свадьбу, надо свадьбу начать делать». У парня быки ушли. Старик говорит: «Нужно было быков привязать». Парень отпустил быков. Старик говорит: «Ты езжай за быками». Парень пошел искать быков, а старик тут остался. Парень ехал, ехал, быков нашел, обратно вернулся. Старик сидит и поет. Сын пришел, спрашивает: «Почему, отец, поешь?» А старик говорит: «Я попробовал». Сын говорит: «Что попробовал?», а старик говорит: «Водки попробовал», а парень говорит: «Почему до завтра сыну не дал вина попробовать?» Старик говорит: «Ты можешь попробовать?» А сын не пьет.

Оленей запрягли и поехали. Старик все поет. Парень ехал, ехал, вежи показались. Отец говорит: «Здесь Катерина живет». Приехали к веже. Старушка вышла на улицу и из-под ладони смотрит, обратно в вежу пошла и говорит: «Кто-то приехал», а Катерина говорит: «Наверное, женихи приехали». Старик вышел на улицу, пошел здороваться, откуда, мол, едут. А тот парень говорит: «Я осенью приезжал». Парень говорит: «Я еду в гости». Старик позвал в вежу, вошли, старик и говорит: «На улице люди мерзнут, сына нужно позвать». Старик говорит девушке: «Уведи оленей». Катерина оделась и увела оленей. У них чаю нет, а суп есть. Сели кушать, поели, а девушка не пришла. Суп съели, девушка не пришла, парень говорит: «Девушка не придет, надо идти на помощь». Старик говорит: «Сейчас придет». Девушка пришла. Старик говорит: «Суп съели, надо вино пить». Другой говорит: «Если так, то не мешает». Сели, старик сходил, бутылку принес, а Катерина спрашивает: «Что это такое?» Жених отвечает: «Это водка, начнем пить», а Катерина говорит: «Зачем эту водку пить? У нас чаю нет». Парень говорит: «У нас есть чай,

можем согреть». Они поставили чайник. Жениха отец говорит: «Мы вина попьем, а чай подождет, будем пить вино». Они полбутылки выпили, а девушка не пьет. Чай начали пить. А жених говорит своему отцу: «Еще принеси бутылку». Чай начали пить, а вино вылили в чайник, и вот чай пьют.

Отец девушки спрашивает: «Что думаете?» А тот парень говорит: «Мы пришли за Катериной». А старик говорит: «Одну дочь увозите, а как мы будем жить?» А парень говорит: «Я возьму, так буду знать». Старик говорит: «Мне нужно брата привезти, живите здесь, пока я езжу». Отец Катерины говорит: «Приведи оленей». Катерина сходила, оленей пригнала, а жених вышел на улицу и смотрит на оленей. А старик на улицу вышел. Отец девушки спрашивает: «Как мои олени?» А жених говорит: «Хорошие». Старик поехал, а жених вслед сзади смотрит, на улице стоит. Олень побежал, а жених повернулся, чтобы идти обратно в вежу; вошел, а Катерина спрашивает: «Как отец едет?» А жених говорит: «Хорошо, даже шапка на спину с головы упала; подождем до завтра». Жених спрашивает: «Далеко ли ехать?» Катерина говорит: «Завтра приедет, а сегодня нет». Опять суп начали варить. Парень спрашивает: «Куда оленей угнала?» А девушка говорит: «Я свела оленей в стадо». Старик говорит: «Оленей пустила обратно, не попадем». А жених говорит: «Мы с Катериной бегом сбегали до вежи». Пока суп варили, старик обратно пришел. Сват говорит: «Слава богу, сват пришел обратно». Отец жениха спрашивает: «Привез или нет брата?» А старик говорит: «Привез, на улице находится». — «Но почему?» Жених вышел на улицу, смотрит: человек стоит. Жених говорит: «Здорово живешь». — «Да я здесь давно живу». «Пойдем в вежу», — говорит жених. «Да, пойдем в вежу». — «Да только без меня приехали». Катерина сходила, принесла воды, чай поставила греть. Жених говорит: «Нам нужно сегодня свадьбу делать». А тот, приехавший брат, говорит: «Почему не сказал, что свадьба будет?» Чай поспел, Катерина говорит: «Сегодня вам свадьбы не будет». Жених говорит: «Я за тобой ехал, ты если не пойдешь, а как я обратно поеду, что мать скажет, всю голову разобьет». Девушка говорит: «Как пришел — так и схватил», говорит еще: «Утром поднимемся, видно будет, как жить нам». А жених говорит: «Мне нужно сегодня свадьбу делать». А старуха заговорила: «Да как сегодня свадьбу делать, сегодня не подходит свадьбу делать». А два старика говорят: «Сегодня нужно свадьбу делать, а завтра поедим в стадо». Отец невесты и жениха отец говорят вместе: «Сегодня свадьбу делать, а завтра ехать в стадо». А брат говорит: «У моей жены нет родни». Отец жениха го-

ворит: «Мой сын хорошо сделал, целый мешок песцов продали». А этот, отец невесты, спрашивает: «Куда продали?» — «А в Колу продали». — «А много денег взяли?» — «А семьсот взяли, есть чем свадьбу играть». — «Пойдем в свою вежу и там сделаем свадьбу». — «Очень далеко ехать?» — «Не далеко, через реку». — «А какая река?» — «А река Харловка». — «А где твоя вежа?» — «А, может, знаешь большое озеро? У истока реки из большого озера есть вежа». Отец Катерины говорит: «Можно сегодня свадьбу делать, как свадьбу сделаем, тогда поедem к вам в гости». А Катерина говорит: «Те олени побежали в ту сторону». Жених говорит: «Вам все равно бежать, у моего отца около семидесяти голов оленей». Катерина говорит: «Отец все время мне мешает». А старуха говорит: «Сегодня не поедem, а завтра нужно ехать». Девушка говорит: «Мне хоть сегодня. Как умеете, так и делайте». Брат говорит: «Мне тоже нужно ехать в гости, пока вы в стадо ездите, а я за женой съезжу, ей тоже хочется племянницу увидеть». — «Ну, ладно, начнем свадьбу делать». Жених спрашивает отца: «Много ли водки понадобится?» А отец говорит: «Три бутылки принеси». Старик говорит: «Целый бочонок». А Катерина думает: «Все напьются». Старик говорит: «Принеси бочонок в вежу». Принесли и налили три бутылки. Жених говорит Катерине: «Тебе бочку сторожить до завтра».

Вот начали пить. Старик говорит: «Нужно рядом посадить молодых, а мы вокруг». Катерина принесла деревянные чашки вино пить. Вот они наливают чашки, и садятся рядом, и начали пить. Пили, очнулись, свет забрежил. А отец Катерины говорит: «День начался». Они все поехали в стадо, одна старуха осталась в веже чай кипятить, суп варить. Старик брату говорит: «Ты с нами поезжай в стадо; брат с нами поедет в стадо, дашь быка и кережку, ты поедешь за бабушкой, а мы начнем стадо делить на приданое девушке».

Ну, пошли в стадо, поймали быка, а брат и говорит: «Быка сильно не дергай, бык сломает тебя». Старик быка взял и пошел с кережкой, сел и поехал к своей жене, а эти остались оленей делить. Отец Катерины пошел посреди стада и собаку пустил. Собака побежала, отогнала часть стада прочь. Отец девушки закричал: «Довольно гонять». А жених говорит: «Моя собака не годится никуда, полает и довольно» и говорит: «Обратно поедem в вежу».

Поехали к веже, старуха на улицу выскочила и завывала: «Уху!.. Катерине мало оленей дал». А жених обрадовался, говорит Катерине: «Где бочонок?» «А бочонок в углу, где продукты», — говорит Катерина. Старик говорит: «Выпить хорошо, да ехать надо, только что отделившиеся олени могут об-

ратно уйти». А жених говорит: «Немного, по одной чашке выпьем и потом поедем». По чашке выпили, супу поели, и девушка на улицу вышла. Жених говорит: «Какую кережку дашь ехать?» А тот говорит: «Сверху этой кережки — смоляная кережка, для одеял и шкур вторую кережку нужно, а потом зимой приедешь, тогда возьмешь остальное приданое». Вторую кережку взяли и положили одеяла, шкуры, брезент. А старик принес упряжь и веревку дает. Зять говорит: «Иди поймай белого оленя». Ну, тот пошел, поймал оленя, положил аркан, зануздal оленя. Зять говорит: «Вот тебе олень, вот тебе толстая веревка, держи да не теряй».

Они оленя запрягли, привязали позади кережки Катерины. Жених говорит: «Теперь поедем», а старуха говорит: «Зять, мне на вторую ногу выпить нужно». Старик говорит: «Нам всем нужно выпить». А жених говорит: «Погодите, мы заблудимся». Сын опять: «Где бутылка? Я начну угощать своего тестя и свою тещу». Две чашки налили, угостил и говорит: «Поедете — не отставайте, останете — можете потеряться». Они поехали, жених едет, запел, а Катерина едет следом и слушает песню; тот ехал, все пел, пел. Ехали, ехали и говорят: «Бык, твой бык — быстрый бык, не зря ехали».

Подъехали к берегу реки Харловки. Жених остановился, стоит, смотрит. Катерина спрашивает: «Почему стоишь?» — «Посмотреть надо, все ли, нет едут». Олени пришли, да те два старика подъехали. Они сидят, и старик у сына своего спрашивает: «Налей чарку». Сын вытащил бутылку из-за пазухи, говорит: «Идите сюда», а Катерина говорит: «Они напьются и остаться могут». Жених говорит: «Нужно угостить, холодно». Жених налил по полчашке и угощает. Он говорит: «Дай бутылку, здесь находится, у камня». Потом поехали. Жених едет, все смотрит назад: олень едет рысью, а людей не видно, где идут. Он остановился, Катерина спрашивает: «Почему остановился?» А жених говорит: «Олени идут, а людей нет». Вот показались, едут. Он поехал назад, ехал, пел. Черная собака выскочила, залаяла. А мать-старушка обрадовалась, говорит: «Сын поехал через горку». Потом поехал сын с горки вниз, поехал к реке. Катерина увидела вежу, еще ближе подъехали, земля показалась, а собака стала лаять. И старуха вышла на улицу, и смотрит, и не видит, почему собака лает, почему Чапа-собакишка лает. Она говорит: «Я бояться стала». А Катерина слышит, что она говорит. Подъехала к веже, остановилась и окликнула: «Мама!» Старушка слышит ее голос и сына голос. Собака перестала лаять. Катерина подъехала. Она подошла с сыном здороваться и спрашивает: «Кто это?» — «А это моя молодая». Старуха обняла ее и заплакала. Стару-

ха спрашивает у Катерины: «Кто это есть?» — «А мой дед и моя мать». Сын смотрит: еще двое прибавилось. «Этот мой брат едет». Бабушка не знает, здороваётся и спрашивает: «Который отец Катерины?» — «Этот отец Катерины».

Оленей пустили, а старик спрашивает: «Где стадо?» Старушка говорит: «Вот наше стадо на краю горки, выпустите, а я отведу оленей». А жених говорит: «Ты суп вари и чай грей, а я оленей отведу». Старушка пошла рубить мясо и суп варить, чайник греть, все повесила на крючки. Старушка говорит сыну: «Я могу отвести в стадо». Сын говорит: «Ты готовь всю еду». Бабушка обратно ушла. Сын погнал в стадо и обратно на одном олене приехал, вошел в избу и говорит: «Почему сидите, почему не веселитесь?» Бабушка говорит: «Не смели без тебя пить». Старик говорит: «Где бочонок?» — «А бочонок в кережке, нужно принести из кережки». Вот жених сходил, принес бочонок в вежу и говорит: «Мама, где бутылка?» — «А бутылка рядом с поленом, которое находится у костра». — «Мать, принеси рюмки». Мать спрашивает: «Много ли нужно рюмок?» — «Видишь, сколько народу». Принесла восемь рюмок, рюмки положили и чай попили. Все рюмки налил, выпили и повели разговор. Начали говорить: «Два человека на одно место уложить». Катерина сходила, кережку развязала и постельные принадлежности, одеяло и шкуры принесла в вежу. Тесть говорит: «На берегу большого озера водку пили, мой отец здесь жил, на берегу; сегодня можно попеть у этого берега озера, здесь я родился». А другой старик говорит: «И наши братья здесь родились, на этой земле, здесь росли и встречались. Ну вот, Катерина, на свою природную землю приехала и живи, а мы завтра поспим и поедем обратно». А Катерина говорит: «Я еще останусь». Старик дочке говорит: «Как же ты замуж вышла, нужно жить по-человечески». Они жили до утра, день забрезжил. Старик и старуха засобирались обратно, а Катерина говорит: «Возьмите меня обратно». А старушка говорит: «Ты замуж вышла, приданое тебе дали, и нужно жить здесь». А жених говорит: «Ты пришла для житья, а не обратно идти». Старик и старуха засобирались, сын в путь оленей пригнал, Катерина тестю говорит: «Тебе со старухой вместе нужно жить». Оленей запрягли, зять говорит: «Бутылку вина принесу, начнем пить отвальное». Чай поспел, суп поспел, и вот сели, покушали и водку начали пить. Старик говорит: «В гостях мало ели, ехать надо, день проходит». А зять говорит: «По одной рюмке выпьем и еще по второй добавим». По второй рюмке выпили, старуха благодарит зятя и сватью и всем спасибо говорит: «За прием в гости». Катерина говорит: «Тебя жених угощал, а мне тоже

нужно угостить — отвальное». Зять говорит: «Ну, возьми ты, возьми с собой. Они едут, едут и погреются». Катерина принесла полбутылки и дает отцу: «Положи в карман».

Старик вышел на улицу. Вышел, оделся, оленей взял, говорит: «Сесть негде, в кережке места нет».

Ну, тут попрощались, и вот выехали старик со старухой и братом, а Катерина заплакала. Жених говорит: «Не плачь». До весны пожил. Весной на берег моря поехали, там жили до лета и летом жили в селе.

Пришел пароход, парень убежал, а Катерина осталась. Пришли шведы и Катерину ту забрали, увезли шведы. Жених пришел в село и спрашивает у своей матери: «Где Катерина?» А мать говорит: «Пароход приходил, наверно, шведы увезли». Человек загоревал, обида взяла: жена потерялась. Он идет по берегу и горюет: «Катерина, почему ты меня забыла, куда ты ушла?» Обратно пришел в избу, опять спрашивает у матери: «Как это ты не знаешь, куда она девалась?» «Пароход был, наверное, пароход увез», — говорит мать. Старик пришел, муж у старика своего спрашивает: «Куда Катерина девалась?» «Да шведы увезли», — говорит. Сын говорит: «Шведы ее увезли, так я тоже уйду». Отец говорит: «Садись есть». А он говорит: «Я есть не буду, а пойду искать». «Где ты возьмешь ее?» — говорит отец. — «А куда ушла, там найду». Он покушал и пошел, а его мать за ним бежит, а там риськи в руке, и окликает своего сына. Тот остановился, старуха пришла, говорит: «Тебе кусочек риськи». Он риську положил за пазуху и пошел. Бабушка осталась, сидит, смотрит сзади. Вот он пошел, долго ли, коротко, пришел к шведам. В Норвегии играют с мячом; он смотрел, смотрел и вниз спустился в город, к крайнему домику. Бабушка бежит и спрашивает: «Кто тебя привел сюда?» Он говорит: «Вот такая жизнь, всякое придется». — «Да ты еще молодой!»

Бабушка чай согрела и принесла кофе; накормила и спрашивает: «Куда ты идешь?» — «А я иду, куда Катерина девалась». — «Кушай, кушай, поспи до утра, тогда увидим». Человек говорит: «Я семь суток шел». — «Поспи до утра, может быть, ночью приснятся интересные сны».

Утром проснулись, бабушка чай согрела, кофе принесла и молоко принесла. Бабушка говорит: «Далеко не ходи, здесь возле дерева находишься да мимо дерева этого ходи». Ну, парень сел, сидит возле дерева. Там с мячом играют. Ну, шлепается мяч около Катерины. Вот обратно идет, пришел. Бабушке он говорит: «Такое я видел интересное». — «Ну, видел, так поспи до утра, а завтра с той стороны дерева увидишь камень, так около камня падает брошенный мяч». Бабушка го-

ворит: «Пей чай». Вот он один бокал выпил и больше не пьет. Бабушка говорит: «Вот тебе платок, дойдешь до камня, садись и сиди, жди, когда мяч придет; мяч придет, ты схвати и заверни в этот платок». Он сел и сидит, и ждет здесь, когда мяч поднимается. Бабушка говорит: «Если мяч вечером не придет, то приходи обратно». Не пришел мяч. Он пришел обратно к старушке. Бабушка говорит: «Ну, что видел?» — «Видел, мяч не идет». — «Ну, вот завтра пойдешь, мяч придет». Он говорит: «Если мяч не придет, то я тебя возьму с собой».

Вот вечером поели, попили, бабушка его вином поит, одну рюмку дала: «Пей и спи, не печалься». Он поел, попил, и легли спать. Ему во сне грезится, что Катерина пришла и с ним спит, возле него. Он проснулся и поискал: Катерины нет. Сидел, сидел, бабушка проснулась, смотрит: он не спит. «Что сидишь?» — «Да сон не берет, и во сне видел, что Катерина у меня была, проснулся — ее нет». — «Ну да, тогда Катерина твоя будет».

Бабушка опять чай согрела, поели, опять идет к тому камню, где вчера сидел. Бабушка говорит: «Платок возьми». А он говорит: «Можно взять». Сам думает: «Что поможет этот платок?» Ну, пошел, пришел к камню и сел, ждет, там мяч шлепает. Ну, мяч поднялся и идет прямо к нему. Он сидит, смотрит, как мяч идет. Мяч прошел мимо камня ему на колени. Он схватил мяч и завернул в платок. Катерина идет, бежит за мячом, прошла вокруг камня, показалась, а тут ее муж. Муж ее обнял, пошел. Катерина бьется, не хочет идти. «Почему отбиваешься ты, моя Катерина?» Катерина говорит: «Я тебя не знаю». — «А как не знаешь, год жила», — он говорит. Пришла к бабушке, она чай согрела и суп сварила. Пришли, чай попили, поели. Он говорит: «Теперь пойдем». Катерина говорит: «Куда пойдем?» «А обратно», — говорит. Вот они пошли обратно, с бабушкой простились, и вот ушли. Шли обратно семь суток. Пришли, старик и старуха в селе, пришли. Старик и старуха вдвоем живут. Старуха болеет, старик спрашивает: «Что за народ пришел?» — «А вот я с Катериной пришел». — «Ну, пришел, слава богу». Ну, они здесь зиму жили, старуха болела. Весна началась. Жили, пока комары стали летать. Ну, муж пошел в стадо смотреть, ходил, ходил. Катерина опять ушла. Весной комары полетели, пароход пришел. Катерина на пароход пришла, взяла свой ящик для иголок. Там шведы говорят: «Зачем пришла?» — «А я для того пришла, чтобы с вами ехать». А те шведы говорят: «Мы тебя не возьмем». Она песню затянула, она пела и говорит: «Мои украшения поплыли бы разными ракушками, а мои сережки будут скатами, а мои волосы водорослями». И сама

ящик бросила в воду открытый и бросилась в воду с парохода.
И сказка вся.

◆ 162. СААМСКАЯ ЖЕНЩИНА
БРОСИЛАСЬ В ОЗЕРО ◆

Девушка весь день спит:
«Отпусти, невестка, спать». Она весь
День спит, видит во сне богом суженого.
Она спала, спала весь день,
Днем проснулась и говорит:
«Погадай, невестка, погадай,
Откуда придет мой богом суженый». —
«Твой богом суженый придет с северо-запада,
С северо-запада придет в четырехугольной шапке,
На голове четырехугольная шапка. Твой богом
Суженый придет... Он — аньрижский, аньрижский саам,
В руках пряденая веревка. Твой богом суженый
Придет из деревни Сонгель. Он — сонгельский саам,
В животе пойло. Твой богом суженый придет
Из Нотозера. Он — нотозерский саам, кругами ездит на
Оленях. Твой богом суженый придет из деревни Бабинск.
Он — бабинский саам, пьет сосновый бульон.
Твой богом суженый придет из деревни Кильдин.
Он — кильдинский саам, высокая шапка». —
Не может невестка нагадать ей его.
Салминская старуха посмотрела вдоль салмы,
Видит: «Сестра, мой богом суженый
Едет, мой богом суженый едет.
Не спрятаться ли под камень, ни в воду,
Он найдет, найдет и вытащит». —
Ее забрали, забрали и увезли. —
«Три года я там жила
И три раза белый свет видела.
В финскую церковь меня водили,
И шелковую одежду по обе стороны несли,
Да шелковое платье с двух сторон несли,
Да горячими щипцами кожу крутили.
Ты, невестка, слушай, слушай. Я тебе буду петь.
Не буду говорить по-саамски,
А буду петь. Слушай, слушай:
Обратно поеду — салминская старуха
Будет искать мои кости.
Я взяла шелковый платок. Я взяла.
И унесу его с собой, я брошусь в озеро».

«Я брошусь, брошусь, — говорит, — с платком, и пусть он, муж, меня ищет». Если бы она не взяла шелкового платка, то он нашел бы ее. А она шелковый платок с собой унесла, и он ее не нашел. Он ищет, ищет ее и говорит: «Унесла», — и он ее не нашел. Он ищет, ищет ее и говорит: «Если бы я сейчас нашел ее, то все жилы вытянул бы щипцами». Она бросилась в озеро. Шелковый платок взяла у жениха и спрятала его. А если бы она не взяла шелкового платка, то он нашел бы ее. А ее муж искал платок и не нашел. Говорит: «Знал бы, где платок, так нашел бы. Нашел бы и все жилы вытянул бы».

163. СААМСКАЯ КРАСАВИЦА

Жила в Мотке (Большой Мотовский залив) красавица — девушка саамская. Почувствовала она приближение необыкновенного сна и говорит подружке: «Не буди меня, сколько я спать ни буду».

Спала она три дня и три ночи, наконец проснулась и обращается к подружке: «Знаешь ли ты, подруга моя, откуда у меня богосуженый будет?»

Подруга говорит:

- Не Васька ли из Паз-реки?
- Нет, у него шапка стара.
- Не Иван ли из Воронинского погоста?
- Нет, он ходит грязно.
- Не Мошников ли с Сонгельского?
- Нет, у него глаз крив.
- Не Семенко ли с Нотозера?
- Нет, у него нога хрома.
- Не Иван ли с Масельги?
- Нет, у него олени черные.
- Не Петро ли с Кильдинского?
- Нет, у него вежа мала.

Так перебрала все погосты подруга, а богосуженного все нет. Наконец девушка и говорит: «Не будет мне суженого из своих, а придет он из-за моря на трех кораблях через трое суток. Увидит он меня и сватать не станет, а просто бросит мне две вареги, возьмет за руку и уведет на корабль».

Заплакала подруга, а через три дня и через три ночи пришли корабли. Сошел с них какой-то чужой, бросил девушке вареги и взял ее с собой.

Семь лет не было о ней никакого слуха. А плохо жила девушка, света белого не видела, семь лет учил ее чужой по-своему, рвал ее тело железными щипцами, жег ее. Наконец, она выучилась, и он повез ее назад к отцу в гости.

Плывет девушка на корабле и все на палубе стоит, родную землю ищет. Сама стоит, а слезы так и льются. А как увидела Мотку, сошла на берег свой, так оземь и ударилась. Прожили они неделю, и стал собираться ее муж назад. А она идти не может. Взял ее, снес на корабль, и поплыли они. Прошли мимо пахты Ейны; тут она села на палубу и, глядя на родную землю, петь стала. Как хорошо жила в родной стороне у отца с матерью, как вещий сон видела да с подругой разговаривала. Стала петь про чужую сторону и плакать. Не нужно ей богатство, ни платья, ни денег. Не может она забыть своей стороны ради всего этого.

А корабль все плывет. Вот и в последний раз увидела она вдали свой берег. Не выдержала девушка разлуки и бросилась в море. Три дня и три ночи искали ее там, а найти не могли. Так и пропала саамская красавица.

164. ДЕВИЧЬЯ ГОРА

Жила одна девушка в Каменском погосте. Полюбила она молодого человека, и он ее полюбил. Стала она просить родителей, чтобы они отдали ее за него замуж.

Но родители не захотели этого, не отдали ее замуж за любимого человека. Не могла пережить этого девушка. Пошла она на гору и взяла с собой кережку. Там она привязала себя к кережке и с крутизны на ней покатилась вниз.

Когда кережка докатилась до низа, девушка уже была насмерть разбита о камни.

В память этой девушки та гора называется Нийтпахк — Девичья гора.

165. ЧУДЗЬЯВРСКИЙ ЖИТЕЛЬ

Жили четыре брата. У одного из братьев, у Степана, были две дочери и два сына. Одного сына звали Савельяном, а другого звали Алексеем. Старшую дочь звали Олесавой, а младшую Марией. Савельян засватал невесту, ее звали Матреной. Матрена была от бедных родителей: отец умер весной, а они пришли от берега моря, и в Чудзьявре умерла мать. Девушка осталась одна, больше в семье никого не было. Она плачет, что отец умер и мать умерла, а есть нечего. Затем думает: если бы Савельян взял ее, ей там хорошо стало бы.

Осенью она поехала к ним на двух важенках. Она едет очень быстро по только что замерзшему озеру из Чудзьявра в Каньсозеро. Она туда доехала, подошла к дому. Собаки лают, встречать не вышел никто, а из камелька поднимается дым. Только дверь приоткрылась, выглянула Мария. Она

дверь быстро захлопнула. Матрена важенок привязала и затем прибежала в дом. Хотела перекреститься, а увидела: жених сидит без рубашки, руки связаны за спиной. Посмотрела в другой угол: Олесава сидит без рубашки, руки связаны за спиной. Потом оглянулась назад: мать жениха сидит без рубашки, вся одежда на ней порвана.

Она выбежала на улицу, важенок схватила, села и поехала — решила убежать. Наехала на пень, и тяж порвался. Собаки лают, важенки боятся; как только важенок кругом повернет — тяж она не может застегнуть. Девушка испугалась, что Степан, старик, придет и ее завяжет. Тяж стянула, стала сшивать, а собаки лают не на нее, а через нее. Потом смотрит: старик бежит и преграждает дорогу ей. Подошел, поздоровался с ней. Веревку взял, в другую руку взял девушку и приветствовал ее; под окно привязал важенок.

Девушку зовет в дом, девушке не хочется идти, а он говорит: «Не бойся, не бойся». Потом спрашивает девушку: «Была ли, нет в доме?» А девушка говорит: «Не была». Старик говорит, а сам улыбается. Вошли в дом, девушка крестится, а жених перед ней без рубашки, и руки связаны сзади. Старик Матрене говорит: «Я утром рассердился, немножко их связал». Сначала развязал Олесаву и говорит: «Принеси жениху новую красную рубашку и сама приоденься. Поставьте самовар греться, гостья приехала», а сам пошел за грудинкой и двумя задними ногами оленя. Старик сам суп принес, жир сварил для Матрены. Обедать посадил Матрену и Савельяна рядом. Матрена не может есть, очень боится. Старик видит: невеста не ест, стесняется. Жирное мясо, для нее сваренное, он завернул ей подарком: пусть дома поест. Дал Олесаву помощницей. На второй день они спустили под лед сети посреди озера. Они с Олесавой очень обрадовались, поехали и запели. Во вторую ночь спустили восемь сеток. Олесава обратно побежала в Каньсозеро, а девушка поехала обратно в вежу, в Чудзьявр. Вернулась назад и плачет о своей несчастной жизни. Тут вот приговаривала: «Кто бы зимой ко мне ни приехал, я к Савельяну женой не пойду из-за старика». Зимой она вышла замуж за жениха из Мотки. Расстояние между селениями сто четыре километра. А Савельян потом взял старую деву. Из-за отца никто из молодых девушек не пошел за него.

166. САККА О ТЕЛЫШЕВЕ-СТАРИКЕ

Жил Телышев-старик в лесу в стародавние времена, в пустыне, на осенних местах. А время-то было такое, что и теперь еще находим — то девичьи косы с треугольничками крас-

ного сукна и с бусами на суку висят, то косточки на земле лежат не зарыты: как попали сюда — неведомо. Варзужане тогда ходили на нас. Ходили они на нас шишовать и грабить.

Телышев был старик большой и богатый. До него варзужане давно добирались, да кто их знает, обходили как-то. Боялись.

Ну вот, живет Телышев во пустыне своей со всем своим семейством. Живут, живут, а только домашним его стало чуть: идут! Идут Телышева убить — давно добирались!

Ну ладно. Телышев взял большой топор, сел посередине вежи и давай его точить. Большой топор точит, глаза под лоб ушли, нос скривился, ноги в землю вросли.

Пришли те. А в вежу-то войти боятся. Вот они залезли на крышу вежи и в дымовую дыру смотрят, а в двери-то попадается: он у них вожаком. Дверь отворил, голову сунул и смотрит. («Он будто бы мирный, — так думает он, — его Телышев не тронет».) А Телышев ему кричит: «Ты куда, попишка-калагаришка? Куда голову сунул? — и показывает ему топор. — А это ты не видел? Тяпну по голове — как пуговка отлетит!»

Те, кто там, на крыше, сидели, испугались, с крыши покатались и побежали. Попишка-калагаришка обмер, кричит: «Ой, ребята, убегайте прочь! — кричит остальным: — Телышев нынче сердитый, он на нас осерчал — большой топор точит, глаза под лоб ушли, нос скривился, ноги в землю вросли! Прочь бежимте, бежимте прочь!»

◆ 167. ЛУННАЯ МАМА ◆

Один мальчик играл на берегу озера. Играл, играл и забыл, что уже поздно, что пора идти домой. Он позабыл дорогу домой.

Ночь настала. Луна взошла.

Мальчик пошел вдоль берега озера в сторону луны и запел:

Отец-мать огонь развели,
У огня сидят они, греются,
А сыночек их один идет,
Холодный и голодный.

Луна была круглая. И видно было, что там, на луне, ходит женщина, туда и сюда ходит женщина. Туда и сюда бежали по воде лучи лунного света. Как светлые палочки, укладывались они один за другим справа и слева, слева и справа — как на лестнице.

Там, где вода озера набегала на прибрежный песок, блики света тоже бегали туда и сюда, туда и сюда.

Мальчик наступил ногой на один блик, потом на другой, на третий и на четвертый... и пошел по лестнице бликов вверх. Он поднялся прямо на луну. Там его встретила женщина, похожая на маму. Она уложила его спать. Мальчик заснул.

Рано утром отец и мать нашли его на берегу озера, у самой воды. Сонного они принесли его домой. Проснулся он и спросил у матери: «Ты лунная мама?»

168. ЗАВЕЩАНИЕ

Умирал отец и завещал своему сыну: «Носи ново, ешь сладко». Вот умер старик. Сын стал жить.

Чуть немножко одежду порвет — сейчас долой, бросает вон. Новую берет. А кушал всегда сладко. Недолго так прожил — нечем стало жить.

Он пошел к дяде своему: «Вот так-то и так-то, дядюшка, — умирая, отец завещал мне носить ново, есть сладко. Я завет выполнил, а теперь у меня стало... нечем стало жить».

Дядюшка подумал, подумал и сказал: «Одежда всегда должна быть нова. Трудом своим, что стало старо, сделай ново. Продралась одежда — наложи заплатку, будет ново. Сладко ешь — трудись не покладая рук, все своим трудом добудь, — тогда будут тебе сладки хлеб и вода».

Пошел он и делал так, как сказал ему дядя.

И правду сказал он ему. Трудился он до поту и были ему сладки простой хлеб и простая вода.

169. О ЧЕМ КОТЛЫ ГОВОРИЛИ

В одной веже жили два соседа. У одного хозяйка была чистотка, а у другого необрядная грязнуля.

Никогда грязнуля не помоеет свой котел. У нее повадка была такая: поели — сыты не сыты, а котел из вежи вон, на улицу, за дверь. А на улице — и собаки-то его вылизывают, и овцы-то бока ему грызут, и валяется-то он где попало: то у дров, то за дверью, то позади вежи, неприбранный, нечищенный, весь облепленный грязью.

Другой порядок был у обрядной хозяйки. Пообедали — она свой котел вымоет, золой протрет, вычистит, опять вымоет и насухо вытрет. Котел-то медный так и блестит, так и сияет довольный, что отмыли его после обеда. Как ни говори, а дело это не легкое — обед сварить и людей накормить. Хо-

рошая хозяйка вымытый котел ставит на почетное место, что против входа — пусть солнышко его обсушит, осветит — в веже будет веселей.

И лежит котел как новый, блестит от чистоты, сам собою красуется и дом украшает. Никто его тронуть не смеет. Все его уважают.

Начал он похваться перед грязным котлом. «Вот, — говорит, — как мне живется: ярко светится мое дно и бока блестят от чистоты; как солнцева птица, весь я сияю. Дородно так жить, хорошо, потому что глаза мои всегда протерты, — я все вижу, все знаю, что на свете делается».

«Тебе хорошо хвастаться, — говорит котел нерадивой хозяйки. — Тебя-то хозяйка после каждой еды чистит и моет. А мне каково? Брюхо в потеках, бока закоптели и заросли смолой, глаза замазаны жиром. Хозяйка моя как откормит семью, так и выбросит меня на улицу собакам. А правое-то ушко, посмотри, совсем лопнуло, — так она меня об землю брякнула. Да и не один раз, а каждый день так-то. Ох! Я жизни своей не рад. Ох! Больной я от этой грязи. А как надумает она чистить меня! Ну уж тут беда, тут конец мой приходит! Уж она-то и песком меня трет, и мелкими камушками царапает — все нутро мое выскоблит, всю шкуру сдерет. Уж я и визжу-то, визжу, и криком кричу, и плачу, а она даже не смотрит! Вот каково мне приходится! А ведь ей не скажешь добром: «Чисти после каждого обеда, потри золой да вымой, понемножечку-то чистить легче!» Ох! Брат мой, медный котел! Не могу я больше терпеть этой муки! Вот увидишь, в следующий раз, как начнет она во мне варить, я ей устрою! Я сделаю так, что она меня не забудет».

Чистотка разговор этот подслушала. Она рассказала о нем необрядной хозяйке. Та не поверила этим словам, но запомнила их. Однажды принесла грязнуля свой котел на речку и давай его скоблить, грязь с боков его сдирать. Как ни визжал котел, жалуясь на боль, хозяйка не слушала его стонов, не видела, как ему больно. Она делала свое дело и вконец замучила беднягу.

Наконец-то она налила в него вари и поставила на огонь. Дров подложила побольше. Подкинула еще — самых пылких, самых жарких, можжевеловых дров. Сильный жар начал обжигать котлу живот. Разозлился он, забулькал: закипела в нем вся вода, в брюхе мясо уварилось, задвигалось, заурчало оно, пузыри начали выскакивать из-под слоя жира. Тут хозяйка в котел муки подбросила, да еще и сала впридачу. Котел кипит, злится, пузыри со дна котла поднимаются и лопаются, — брызгаются, пена то с одного края котла со-

бирается, то с другого, того и гляди через край плеснется. Котел вовсе уж сердитый стал, даже плевать начал.

Тут хозяйка надумала пену снять. Взялась за крюк и только подвинула его к себе, чтобы поварешкой пену скинуть, а котел-то возьми и качнись в ее сторону, да и плеснул жиром прямо на нее. Обжег он свою грязную-хозяйку, обидчицу свою. Только тогда поняла она, что и котел надо держать в чистоте и в чести.

С тех пор она его не выбрасывала из вежи на улицу. Теперь лежал он дома, на почетном месте и поблескивал своим чисто вымытым дном.

170. ПРО ПОПА И РАБОТНИКА

Жил поп с попадьею. Он искал работника, да дешевого работника. Однажды он идет, а ему навстречу идет человек. Поп спрашивает: «Мне бы нужен работник, да дешевый работник». Человек говорит: «Возьми меня. Я много не прошу — три щелчка в год и достаточно».

Поп взял его. Сам все думает, как бы от него избавиться. Год проходит. Все ближе и ближе подходит день расплаты. А поп слыхивал, как от щелчков работника уходят чуть ли не на тот свет. Один раз поп послал его волков пасти, те беспощадно поедали овец. Сам думает: «Теперь я его погублю». А тот пришел и говорит: «Всех волков убил». Поп больше прежнего стал бояться — как бы его теперь еще обмануть. И послал его медведей смотреть: они, мол, очень стали людей пугать. Тот пошел и всем медведям глаза выколол. Поп не знает, что бы такое заставить его делать. Думает: «Может, его водяной в воду утащит. Отправлю-ка на берег его просить у водяного долг». И ему (работнику) говорит: «Ты сходил бы на берег озера, позвал бы водяного, попросил бы у него долг, когда уж взял, все не несет». Тот говорит: «Я сейчас же пойду и принесу». Отправился. Пришел на берег озера и зовет водяного: «Жив или нет — выходи из воды, неси долг попу». Тот вышел из воды и спрашивает: «Какой долг и кому?» Работник говорит: «Вот уж я не знаю ничего про это. Знаю одно: ты задолжал попу и давай обратно долг». Тот скрылся под водой. Прошло немного времени, обратно вынырнул. «Положи, — говорит, — шапку, я насыплю». Работник поставил дырявую шапку, тот сыпал, сыпал, все из мешка высыпал и спрашивает: «Хватит?» Работник говорит: «Откуда хватит, видишь сам, шапка не полная».

Водяной скрылся под воду обратно. Вынырнул, опять принес столько же; ссыпал, видит: на дне шапки показалось

золото. Тот думает: «Стала наполняться шапка». Работник видит то же и думает: «Значит, мешок полон».

Тут побежали: один под воду, другой обратно. Поп опять испугался. Он (работник) водяного обманул. Опять стал думать, что бы такое найти, чтобы работника погубить. День расплаты все ближе и ближе. Один раз поп предлагает работнику своему: «Пойдем рыбу ловить на озеро, все втроем, вместе с попадьей». И отправились. Дошли до берега озера. Настала ночь. Стали укладываться. Поп говорит: «Я лягу между вами, работник ляжет с краю со стороны озера, попадья с другого края». А постель постлали у самой воды, так, что ближе этого некуда. Легли и ждут, когда работник уснет, приготовились толкнуть его в воду. А взяли и сами оба уснули.

Работник слышит: они храпят оба. Он встал, поднял попадью на свое место, а сам лег на ее место и ждет, когда проснется поп. Прошел большой промежуток времени, вдруг поп проснулся, слышит: у него за спиной работник так крепко храпит. Он приподнялся и толкнул. Попадья полетела, только сарафан промелькнул. Тут поп хватился, что попадью свою вместо работника со сна толкнул в воду. Он вскочил и бросился за ней в воду.

Так поп освободился от расплаты с работником, а работник и теперь живет.

171. ЛЕДЯНАЯ ВЕЖА

Муж с женой жили вдвоем. У них не было детей. Они жили, жили. Стали спорить. Старуха старика выгнала на улицу. А старик нарубил льдин и построил себе ледяную вежу.

И старик стал жить один. Достал дров, развел огонь. Стало очень жарко. Вежа у старика растаяла. Он пошел к старухе. Пришел к ней в вежу и говорит: «Ты возьми меня к себе жить». Старуха говорит: «Иди, иди, собака!» Старик пришел, сел. Старуха варит мясо. Мясо готово. Старуха вытащила из котла мясо, стала есть. Старик просит дать ему поесть мяса.

Старуха приказывает: «Садись, садись, собака!»

Старик сел, стал есть. Старуха греет чай. Чай согрелся. Старуха налила чашку, стала пить, а старик просит: «Налей мне чаю!»

Старуха ему дала чай. Чай они пили вместе.

Наступила ночь. Старик со старухой помирились. Они стали снова жить хорошо вдвоем со старухой.

Про них сказка вся.

Жили-были старичок и старушка. У них еще не было детей. Тяжело стало им пищу себе доставать. Старушка была помоложе, побойчее. Она и успевала везде.

Старичку однажды пришлось отправиться в амбарчик за рыбой. Он и сказал жене: «Сейчас я поеду в амбар за рыбой». Старушка отпустила. Поехал старичок. Едет и песни попевает. Только стал приближаться к амбарчику, а оттуда голос слышится, песни поет:

Старичок едет,
Важенка его бежит...

Послушал старичок. В самом деле. «Кто в амбаре?» — спросил старичок. Важенка его остановилась, стоит. Голос больше не стал слышаться. «Что случилось? — думает старичок. — Из людей никого здесь нет. Ой! Да ведь это пугающий». Так напугался, ему плохо стало. Повернул важенку обратно, не мог он двинуть ни рукой, ни ногой, опрокинулся назад, так и приехал обратно, важенка его привезла обратно, один, может быть, и умер бы.

Прибыл. Старушка на улицу выскочила, заговорила... Старичок слова сказать не может, дрожит, стучит зубами. Старушка узнала об этом, бегаёт вокруг, не знает, что делать. Испугалась. Оглядывала: «Что с тобой приключилось?» У старичка голос появился: «Ой!.. Не расспрашивай, ты еще не знаешь, ведь в амбаре есть кто-то... Стал приближаться к амбару, а там, слышу, кто-то запел:

Старичок едет,
Важенка его бежит...

Напугался я и обратно к тебе рванул. Важеночка моя меня и привезла, не она, я бы умер, я сам не мог двигаться. Сегодня я не поеду и не пойду никуда. В вежу меня, старушка, в вежу». — «Да ну!.. Жил, жил и человеческого голоса напугался, в свой амбар не можешь войти! Я не то что ты. Войди в вежу, сиди, жди меня. Из вежи хоть не убеги». Сама поехала. Едет, напевает. Стала подъезжать к амбару, опять кто-то ту же песню запел:

Старичок едет,
Важенка его бежит...

Старушка быстрее поехала. Не успел голос допеть песню, старушка дверцу амбара открыла, сказала: «Не то что как у старичка», — бросила свою рукавицу туда, откуда слышал-

ся голос. Потом только привязала важенку к саням за веревку, которой управляют, вошла в амбарчик. А тот уже не поет. Смотрит старушка туда, откуда слышался голос, — никого не видно. А рукавица шевелится. Что с ней случилось? Взяла в руку — там мышонок. Старушка и сказала мышонку: «Тут ты и есть, пугало старика?» Схватила его — и в меховую рукавицу. «Сиди», — добавила. Сама сложила рыбу в воз, сколько могла, и поехала обратно. Едет, опять напевает, мышонок сейчас петь не может, задыхается в меховой рукавице, царапается, укусить старушку хочет, да не смеет. «Такой старушке только сделают плохо — убьет. А душу, может быть, оставит до своей вежи», — думает мышонок.

Прибыла. В веже огонь горит. Старичок костер поддерживает. Старушку свою ждет, на улицу боится выйти. Слышит старичок, что будто жена его приехала, голос подал: «Старушка, ты прибыла?» — «Что же?» — сказала в ответ она. — «Все привезла?» — «Как же! Еще осталось... Что могла, привезла».

Старушка не стала опорожнять воз. Открыла дверцу вежи и, бросая рукавицу с мышонком, сказала: «Вот твоё пугало!» А старичок вскрикнул, взвизгнул, и живот его лопнул. Старуха ревела (жалко ей было старичка), голосила, тут же умерла.

173. МОСКОВСКИЙ ВОР

При царе Петре Великом славился один вор, в течение тридцати лет его никак не могли поймать. Раз Петр Великий для поимки его пошел сам. Надел он простую одежду и взял с царским клеймом одну шапку.

Встретился с вором и как бедный будто стал проситься товарищем. Вор нехотя его взял и спросил: «У кого будем воровать?» Он сказал: «Пойдем к царю». Вор, услышав это, ударил его по уху и сказал: «Много лет я воровал, но этого никогда не делал. У чиновников вот воровать можно, потому что они сами обманывают и воруют у царя».

Пошли к одному вельможе, поставили к окнам листовку и поднялись. Увидели одну жену, к которой пришел и муж. Он сказал: «Завтра даем царю яду, он умрет, и я буду царем, а ты царицей». Жена уговаривала не делать этого, но он настоял на своем, и так разошлись. В доме все уснули. Воры украли деньги, но их не делили, было темно. Поменялись шапками, чтобы на другой день могли узнать один другого.

Вор дома при огне увидел царскую шапку и испугался. Ночь не спал. Утром у царского дому подкупил караульных

и пришел к царю с извинением. Царь за оплеуху простил его, только спросил: «Помнишь ли вчера, что говорили про меня?» — «Да, помню». — «Ну вот, они меня сейчас позовут. Я без тебя не пойду и скажу, что ты мой гость, иностранный принц».

До трех раз по случаю приезда гостя царь отказывался, но когда пригласили обоих, пошли. Царю первому налили вина, он отказался и спросил у вора: «Какой у вас обычай?» — «У нас пьет первый хозяин, старшинство не значит ничего». Нужно было пить, хозяин выпил и умер. Желудок царя помиловал, вора наградили, не велел воровать, и он зажил хорошо. У саамов поэтому всегда первую рюмку и пьет хозяин.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ И СКАЗАНИЯ

1. Рассказал Василий Бархатов, 1887 г. Записал А. Я. Ященко в Иокостровском погосте. По словам А. Я. Ященко, запись сделана близко к рассказу лопаря.

Героическое предание о смелом сааме, уничтожившем в собственном доме врагов.

2. Рассказала А. Архипова, 1912 г. Записал В. Ю. Визе в погосте Имандра. Вариант сюжета 1.

3. Рассказчик неизвестен; в 1873 г. записал В. Немирович-Данченко. Запись сделана в погостах между Иокостровом и Зашейком. Вариант сюжета 1.

4. Рассказал П. А. Дмитриев, 1956 г. Записал и перевел Г. М. Керт, с. Воронье.

Проводник саам хитростью избавляет родной погост от разгрома.

5. Рассказал А. Е. Юрьев, 1956 г. Записала и перевела В. Н. Железнякова, с. Ловозеро.

Быль о сааме Ляйне, освободившем жену из вражеского плена.

6. Рассказал Д. А. Яковлев, 1936 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Шелтозеро.

О гибели Чудьчуэрья и о происхождении минерала эвдиалита — красного камня Ловозерских тундр. Сюжет был положен в основу художественной легенды А. Е. Ферсмана «Саамская кровь».

7. Рассказчик неизвестен; в 1873 г. записал В. Немирович-Данченко. Запись сделана в погостах между Иокостровом и Зашейком.

Рассказ о том, как два брата победили атамана чуди.

8. Рассказчик неизвестен; в 1887 г. записал А. Ященко в с. Ловозере. Вариант сюжета 7.

9. Рассказчик неизвестен; записал А. Ященко в 1887 г. в Нотозере.

В сказании швед переодевается в одежду убитого отца саама, дети не верят шведу и убивают разбойника.

10. Рассказал И. А. Осипов, 1927 г.; записал и перевел В. К. Алымов, Тулома. Вариант сюжета 9.

11. Рассказчик неизвестен; записал в 1873 г. В. Немирович-Данченко между погостами Иокостровом и Зашейком.

Неверная жена помогает чуди одержать победу над мужем. Чудь наказывает изменницу.

12. Рассказчик неизвестен; в 1887 г. записал А. Ященко в с. Нотозеро. Вариант сюжета 11.
13. Рассказал Л. Яковлев, добавления на русском языке сделаны его отцом Д. А. Яковлевым в 1927 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Чудзьявр. Расширенный вариант сюжета 11.
Жена и дочь предают охотника, маленький сын спасает отца, отец оставляет изменниц на безлюдном острове.
14. Рассказала Е. А. Горбунцова, 1960 г., иокангский диалект. Запись Г. М. Керта. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые). Вариант сюжета 13.
15. Рассказал К. Осипов, начало — И. А. Осипов, 1928 — 1938 гг. Записал и перевел В. К. Алымов, Тулома.
Сказание о том, как проводник-саам погубил Чуэт-Ахкама со своей дружиной в падуне на Туломе.
16. Рассказал И. А. Осипов, 1935 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Туломский падун. Вариант сюжета 1.
17. Рассказал И. А. Осипов, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Туломский падун. Вариант сюжета 11.
18. Рассказчик неизвестен. Записал Н. Харузин, 1887 г. Вариант сюжета 14.
- 19, 20, 21. Рассказал Д. К. Сергин, 1972 г. Запись и перевод Г. М. Керта, П. М. Зайкова, совхоз «Ена», бабинский диалект. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуются впервые). Варианты сюжета 14.
22. Рассказал И. А. Осипов, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Туломский падун.
Сказание о том, как шведы по щепкам на льду во время ледохода обнаружили саамский погост и сильных людей забрали в плен.
23. Рассказал И. А. Осипов, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Туломский падун.
Семилетний мальчик убивает Чуэт-Ахкама, попав стрелой в нож.
24. Рассказчик неизвестен; время записи 20 — 30 гг. нашего столетия. Записал Я. А. Комшилов.
Находчивые женщины заморозили шведов, спрятав у них одежду.
25. Рассказчик неизвестен. В 1887 г. записал Н. Харузин.
Нойд Нял, который предупреждает сыновей о том, что в погосте чужд. Конец сказки дополнен сюжетом 24.
26. Рассказал Л. Д. Яковлев, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов.
О нашествии шведов и о том, как лгунья-девушка, сказав раз в жизни правду, губит своих односельчан.
27. Рассказчик неизвестен. Записал В. Немирович-Данченко в 1873 г.
О маленьких человечках чахкли, которые помогают справиться с пришедшей чуждой. В. Немирович-Данченко называет чахкли бесенятами, или лесовками.

28. Рассказал старик Василий, 1907 г. Записал М. М. Пришвин в с. Белзт Губа. Вариант сюжета 23.

29. Рассказчик неизвестен; записал А. Яценко в 1887 г. Вариант сюжета 27.

30. Рассказчик неизвестен; записал В. Немирович-Данченко в 1873 г. Нойд прячет саамов в горе, а ночью выпускает. Чудь с помощью заклинания попадает в гору, но выйти обратно не может и гибнет.

31. Рассказчик неизвестен. В 1887 г. записал Н. Харузин.

Саам-проводник уводит от острова карбасы, и чудь гибнет на острове.

32. Рассказчик неизвестен. В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко, Сонгельский погост. Вариант сюжета 31.

33. Рассказчик неизвестен. В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко. Вариант сюжета 31.

34. Рассказала А. Архипова, 1912 г. Записал В. Ю. Визе, Имандра. Рассказ о том, как саамы заставили подняться врагов по снежному склону, затем произошел обвал и засыпал врагов.

35. Рассказчик неизвестен. Записал в 1887 г. А. Яценко в Иокостровском погосте.

Побег двух братьев из чудского плена.

36. Рассказчик неизвестен. В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко. Вариант сюжета 34.

37. Рассказчик неизвестен. Записал в 1887 г. А. Яценко.

О том, как шведы образовали холм перед Колой.

38. Рассказчик неизвестен. В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко.

О том, как чудь спрятала награбленное добро.

39. Рассказчик неизвестен. В 1873 г. записал В. Немирович-Данченко, Сонгельский погост.

Об указе Петра, который хранят в тайном месте.

40. Рассказчик неизвестен. В 1887 г. записал А. Яценко, Иокостровский погост.

О том, как швед спасает старика саама от неблагодарного товарища.

41. Рассказал Василий Бархатов, 1912 г. Записал В. Ю. Визе, Имандра.

О том, как женщина-колдунья спасает погост от врагов.

42. Рассказал С. Герасимов, 1880—1900 гг. (примерно). Записал К. Щеколдин, Нотозеро. Вариант сюжета 41.

43. Рассказала А. Архипова, 1912 г. Записал В. Ю. Визе, Имандра. Вариант сюжета 41.

44. Рассказала Г. П. Дмитриева, 1956 г. Записал и перевел Г. М. Керт, с. Воронье. Вариант сюжета 41.

45. Рассказала А. В. Железнякова, 1958 г. Записала В. Н. Железнякова, с. Ловозеро. Вариант сюжета 41.

46. См. прим. к 45. Вариант сюжета 41.

47. См. прим. к 18.

Как женщина спасла детей от шведов.

48. См. прим. к 18.

О том, как нойд Лин убежал от чуди.

49. См. прим. к 18.

О том, как чудь погубила нойда Максима.

50. См. прим. к 18.

Предводитель чуди Геланд теряет свое войско и больше никогда не приходит грабить.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

51. Рассказчик неизвестен. В 1887 г. записал А. Яценко.

О том, как швед был убит саамами и с тех пор окаменел и стал сейдом.

52. См. прим. к 24.

О том, как саам поднимал утерянную каменную голову сейда.

53. Рассказала И. А. Телышева, 1936 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Сосновский погост. Вариант сюжета 52.

54. См. прим. к 27.

Саам разозлился на сейда за то, что тот свернул голову старухе, разбросал жертвенные рога; сейд переселился в другое место.

Известен такой вариант конца сказки: «Бог преобразился в четырех воронов, живущих в окнах и дверях этого дома. Когда саамы промышляют на озере, вороны ходят около и громко кричат. Никто их пугать не смеет: тронешь — и сам пропадешь... Там многое и до сих пор чудится: слышен шум, в доме раздаются чьи-то разговоры, а ночью — громко рыдают».

55. См. прим. к 51.

Сейд и промышленник охотились вместе, саам хитростью избавляется от сейда.

56. См. прим. к 51.

Колдун-саам избавляет женщину от умершего мужа-сейда.

57. См. прим. к 51.

Сын выручает отца из Красной вараки.

58. См. прим. к 51.

Старик избавляет Сейтсуела от сейда. (По рассказам, первым доказательством близости сейда является болезнь живота.— Прим. А. Яценко.)

59. Рассказал Д. А. Яковлев, 1936 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Шелтозеро.

Об образовании острова Кильдин.

Некоторые варианты «Сказания об острове Кильдине» уже публиковались: в дореволюционное время Н. Е. Ончуковым в «Северных сказках»; в 1929 г. В. К. Алымовым в «Карело-Мурманском крае», № 8—9. Последний печатный вариант неоднократно перепечатывался

разными авторами: В. В. Лебедевым (в книгах «Полярное солнце», «К северным народам», с указанием источника), А. Хатанзейским — в «Тайге и тундре», 1933 г. (без указания источника и с искажениями), самим автором — в книжке «Лопари» (1930 г.) и в газете «Полярная правда», 1934 г. Приводимый здесь вариант публикуется впервые.

Имя сейда рассказчик передает по-разному: Маресь-аканч, по-русски — бабушка Марья; Марин-аканч — бабушка Марина. Приведенное в настоящем варианте имя Моресь не имеет соответствия в русском, оно древнее саамское, дохристианское имя, как объяснил рассказчик Д. А. Яковлев. Возможно, что раньше имя этого сейда было Мер-аканч, т. е. Море-бабушка, Морская бабушка, так как Моресь-аканч — это морской сейд. Хозяйка моря. — Прим. В. К. Алымова.

60. Рассказал старик Василий, 1907 г. Записал М. М. Пришвин, с. Белая Губа. Вариант сюжета 59.

61. Рассказал В. Летов; записал К. Щеколдин. Вариант сюжета 59.

62. Рассказал В. Летов; записал К. Щеколдин.

О том, как нойд помог привести оленей с чужой стороны.

63. Рассказал П. В. Сорванов, 1936 г. Записал и перевел В. В. Чарнолуский. Вариант сюжета 62.

64. Рассказал И. П. Герасимов, 1935 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Колнозеро. Вариант сюжета 62.

65. Рассказали В. и Е. Летовы и М. Федотов. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Два брата борются с нойдом, нойд в шапке-невидимке, но, убив человека, становится видимым.

66. Рассказал Василий Бархатов, 1912 г. Записал В. Визе, Имандра.

О том, как саамы с помощью колдуна без лодки переезжают с острова Кильдина на берег.

67. Рассказала М. П. Фелелова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Воронье. Вариант сюжета 66.

68. Рассказала А. Герасимова, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Нотозеро.

О запрете убивать вожака оленей.

69. Рассказал С. Сергин, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, р. Пиренга.

Колдунья изгоняет из озера сейда, который запрещал женщинам ловить рыбу.

70. Рассказал В. Летов, 1907 г. Записал М. М. Пришвин, с. Белая Губа.

О том, как образовался Кит-камень на Имандре.

71. См. прим. к 18.

Сталло-стал борется с саамом, и саам побеждает.

72. См. прим. к 18.

Братья выручают сестру, которую увел к себе Сталло-стал.

73. Рассказал Ф. Чупров, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Мотовский погост.
Саам выручает свою жену, плененную Сталло-сталом, и убивает его с помощью волшебной трубки.
74. Рассказала И. К. Черных, 1972 г. Запись и перевод Г. М. Керта, П. М. Зайкова, бабинский диалект. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые). Вариант сюжета 73.
75. Рассказала А. Герасимова, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Рестикент.
О том, как чахкли помогали саамам до тех пор, пока сами не обеднели.
76. Рассказал А. И. Герасимов, 1931 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Нотозеро.
Чахкли во всем подражает людям. Хитрый саам проводит тупой стороной ножа по горлу, чахкли, подражая ему, погибает.
77. Рассказал С. П. Дмитриев, 1936 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Воронинский погост.
В сказке переплелись сюжеты о чахкли и о чудесном переезде с острова на берег.
78. См. прим. к 51. Вариант сюжета 75.
79. Рассказали Б. и М. Летовы и М. Герасимова. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.
О старухиной дочери, которая становится невестой Найнаса, затем женой Солнца, а дочка ее выходит замуж за простого саама. Народ не верит, что он зять Солнца, саам едет в гости к Солнцу и возвращается с добром.
80. Рассказал И. А. Матрехин, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Иоканга, терский диалект. Вариант сюжета 79.
81. Рассказал К. А. Осипов, дополнил А. И. Герасимов, 1937—1938 гг. Записал и перевел В. К. Алымов, Рестикент, нотозерский диалект. Вариант сюжета 79.
82. Рассказчик неизвестен; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.
О том, как лягушка (адзь) ворует сына-кормильца у вдовы. Сын вырастает, возвращается к матери, и они вдвоем убивают лягушку.
83. Рассказал Л. Д. Яковлев, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Шелтозеро. Вариант сюжета 82.
84. Рассказчик неизвестен. Записал Н. Брискин (материал собран до 1917 г.). Вариант сюжета 82.
85. Рассказала О. Л. Данилова, 1955 г., записала и перевела В. В. Сенкевич-Гудкова, Иоканга. Вариант сюжета 82.
86. Рассказала У. П. Турунова, 1955 г., записала и перевела В. В. Сенкевич-Гудкова, Иоканга. Вариант сюжета 82.
87. Рассказала Т. Ф. Данилова, 1955 г. Записала О. В. Матрехина, Чальмны-Варрэ.

Дочери адзь убивают детей младшей невестки. Дети возвращаются в виде лебедей, мать узнает своих детей, а злые невестки прыгают через костер и сгорают.

88. Рассказала А. В. Данилова, 1961 г. Записал В. В. Чарнолуский, пос. Каневка.

Три брата попадают в дом к Выгахкенийде, младший брат Недопа-рушек всех спасает от злой колдуньи, а сам гибнет: его съедает колдунья.

89. Рассказала Е. А. Горбунцова, 1960 г., иокангский диалект. Запись Г. М. Керта. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые).

Старик рубит дрова и отсекает большой палец, который растет, становится помощником в бездетной семье, обманом добывает деньги, и вся семья становится богатой.

90. См. прим. к 24.

Выгнанная из дома саамка рождает двух сыновей — Ивана и Василия. Братья, победив зло, возвращаются к матери и живут счастливо.

91. Рассказал Василий Бархатов, 1912 г. Записал В. Визе, Имандра.

О том, как саам попал на небо, а потом упал в болото, и волк его выручил.

92. См. прим. к 24. Терский диалект.

93. См. прим. к 18. Вариант сюжета 92.

94. Рассказал старик Василий; записал М. М. Пришвин в 1907 г., с. Белая Губа. Вариант сюжета 91.

95. Рассказала А. А. Данилова, 1956 г. Записала О. В. Матрехина, Чальмны-Варрэ.

Богатый брат жалеет для бедного углей, бедный богатеет, а богатый разоряется. Бедный делится своим добром с братом.

96. Рассказал И. М. Галкин, 1956 г. Записал Г. М. Керт, с. Ловозеро.

Бедному брату достается скатерть-самобранка, и он женится на дочери царя. Богатый брат наказан за свою жадность.

97. Рассказала И. Ф. Койбина, 1929 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Каменский погост.

Разговаривают вещи ленивого и бойкого брата, ничего у ленивого брата не стало, олени разбежались, невода порвались. Дали ему табакерку и уточку. Уточка снесла золотое яйцо. Богатый брат из зависти табакерку украл, в озеро выбросил, Бедный выловил ее, зажил опять хорошо.

98. Рассказал Ф. П. Кононов, 1927 г. Записал В. В. Чарнолуский, ст. Пулозеро.

Котел развлекает дочку хозяина и к их веже переносит целый погост.

99. Рассказал И. А. Матрехин, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Иоканга. Вариант сюжета 98.

100. Рассказал Л. Яковлев, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Мурманск.

Девочка делает старика молодым, счастливо с ним живет, сама стареет, превращается в Медовую реку и уносит старика.

101. Рассказал Л. Яковлев, 1938 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Мурманск.

Роук съедает старших дочерей, а младшая губит его.

102. Рассказала М. А. Антонова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Териберка.

Старушка после смерти съедает попа, превращается в березовую палку.

103. Рассказал В. Летов; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Чадцилий губит саама, который хотел убить женщину, и награждает того, который ее спас.

104. Рассказали В. Летов и М. Федотов; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост. Вариант сюжета 75.

105. Рассказал В. Бархатов, 1912 г. Записал В. Визе, Имандра.

Саам выручает из беды дьявола, тот вознаграждает его и доказывает, что собака вернее жены.

106. См. прим. к 24. Вариант сюжета 105.

107. Рассказал В. Бархатов. Записал В. Визе, 1912 г., Имандра.

Старик прогоняет лешего, и рыба хорошо ловится.

108. Рассказал И. П. Герасимов, 1935 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Колнозеро. Вариант сюжета 55.

109. Рассказал Лукин, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, с. Шонгуй.

Неблагодарные женихи обрезают веревку и оставляют свата под землей, сват служит у черта сторожем и выпускает Гром на волю.

110. Рассказала У. П. Турунова, 1955 г. Записала и перевела В. В. Сенкевич-Гудкова, Иоканга.

Сатана ворует мать у детей, сыновья ищут ее, находят себе невест и вместе с матерью возвращаются домой.

111. Рассказала М. П. Фефелова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Воронье.

Старик берет в кумовья смерть, богатеет, потому что с ее помощью лечит народ.

112. Рассказал М. И. Сорванов, 1954 г. Записал и перевел Г. М. Керт, с. Ловозеро.

Саам соревнуется с чертом и побеждает его. Потом обманывает простаков.

113. Рассказчик неизвестен; записал Н. Брискин.

Два брата обижают мышку, а третий дает ей поест, за это вознагражден стариком-колдуном.

114. Рассказал Л. Яковлев, 1937 г. Записал В. К. Алымов, Мурманск.

Черт перехватывает письма жены и сообщает мужу, что у него родился урод, жену изгоняют вместе с младшим сыном. Старший брат находит их, и все живут в мире.

115. Рассказала А. В. Данилова, 1961 г. Записал В. В. Чарнолуский, пос. Каневка.

Мудрая сестра женит своих братьев, а сама остается счастливо жить в своем доме.

116. Рассказала У. П. Турунова, 1955 г., записала и перевела В. В. Сенкевич-Гудкова, Иоканга.

Сестра не хочет выходить замуж и превращается в птичку. Жених прячет брата в большую яму и, получив согласие сестры, освобождает брата.

117. Рассказал М. Федотов. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост. Саам достает звезду с неба и женится на царевне.

118. Рассказала М. А. Антонова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Териберка.

Один из братьев надевает шкуру медведя, развлекает царевну, обманом получает у царя обещание и женится на царевне.

119. Рассказчик неизвестен; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост. Саам покупает кошку и собаку, они выручают его в трудные минуты, он женится на царской дочери.

120. Рассказала М. П. Фефелова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Воронье.

Поп-поплавок нанимается к царевичу, борется с его женой-богатыршей, она отрубает ему ноги. Он находит двух товарищей — безрукого и безглазого. Они выручают друг друга, потом добывают живую воду, все выздоравливают, а Поп-поплавок женится на царской дочери.

121. Рассказчик неизвестен; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Царевна хочет убить мудрого младенца, но солдаты жалеют его и отдают пастуху. Мальчик вырастает и становится царем среди детей и так мудро правит, что царь, услышав о нем, знакомится с ним.

122. См. прим. к 24.

Волшебный гриб дает старику и старухе наследника.

123. Рассказал Л. Яковлев, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Кильдинский погост.

Семь Иванов и семь Семенов попадают в гости к Ягобабе. Ягобаба хочет всех погубить, но Семен-младший спасает. Потом отдает птице свою лошадь, а она помогает ему жениться на дочери царя.

124. Рассказала М. А. Антонова. Записала А. А. Антонова, с. Териберка. Старик продает сына Ивану-царевичу, тот работает у него и много раз выручает из беды, жена Ивана-царевича просит не расставаться с ними никогда.

125. Рассказал И. А. Матрехин, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Иоканга.

Саам женится на дочери жителя скал, простым людям она не видима. Нойд делает ее видимой, она остается жить среди людей и от тоски погибает.

126. См. прим. к 27.

Горный дух охотится на оленя с золотыми рогами: если кто настигнет его — будет конец миру.

127. Рассказчик неизвестен. Литературная запись В. В. Чарнолуского из книги «Легенда об олене-человеке». Вариант сюжета 126.

128. См. прим. к 127.

Мяндаш укоряет человека за то, что он убивает всех оленей, призывает охотника беречь важенок и диких хирвасов.

129. См. прим. к 127.

О том, как Мяндаш принимает человеческий облик и женится на женщине, но не выносит жизни с человеком, уходит в лес.

130. См. прим. к 51. Вариант сюжета 129.

131. См. прим. к 127.

Старики отдают дочерей замуж за ворона, тюленя и оленя. Лучше всех живет дочка, вышедшая замуж за оленя, но он не выдерживает человеческого духа и уходит в лес.

132. См. прим. к 127. Вариант сюжета 131.

133. См. прим. к 127. Вариант сюжета 131.

134. См. прим. к 24. Вариант сюжета 131.

Известен такой конец сказки. Взяла мать олененка за уши, стала петь:

Дальше!

Где услышишь — рога застучали,—

Здесь близко.

Где услышишь пыжика голос,—

Здесь близко.

Здесь твои братья, сестры

И твой отец.

Беги, беги, сыночек,

На девятый исток реки,

В счастливый котел.

Пропела мать песню и отпустила своего сына-олenenка.

А оттого, что она держала его за уши, уши у него стали большие, как у лося.

135. Рассказала М. И. Матрехина, 1960 г. Запись Г. М. Керта, Иоканга, иокангский диалект. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые). Сходный сюжет, состоящий из вариантов сюжетов 132, 133, 134, 135, 136.

136. Рассказала Г. М. Архипова, 1959 г. Записал Г. М. Керт, с. Ловозеро. Вариант сюжета 131.

137. Рассказчик неизвестен. Литературная запись из книги В. В. Чарнолуского «В стране летучего камня».

Муж обернулся в хирваса и уходит в тундру, жена просится с ним. Олень отдал жене половину своей души, и с тех пор в кегорах ходят два оленя, пасутся вместе.

138. Рассказал М. Федотов. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост. Женщина рождает сына-оленья, он заставляет ее сказать, кто его отец, и уходит в тундру.

139. См. прим. к 127. Вариант сюжета 138.

140. Рассказали В. и Е. Летовы и М. Федотов. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Старуха мать сватает за своего сына-полужверя невест, но женой становится младшая сестра. Они живут в мире, но сын не выносит человеческого духа и уходит в тундру, а с ним уходят дети.

141. См. прим. к 113. Вариант сюжета 140.

142. Рассказала Д. М. Галкина, 1958 г. Записала В. Н. Железнякова, с. Ловозеро. Вариант сюжета 140.

143. Рассказала М. М. Дмитриева, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Териберка. Вариант сюжета 140.

144. Рассказчик неизвестен. Записал В. В. Чарнолуский в 1927 г. (из фонда В. К. Алымова). Вариант сюжета 143.

145. Рассказчик неизвестен; записал Н. Брискин.

О том, как сестра Кичкушки и Кочкушки узнает, где смерть у Талы. Тала гибнет, а Кичкушка становится северным сиянием.

146. Рассказчик неизвестен.

Мальчик хитростью разделяется с Талой, и Тала приносит мальчика к дверям дома.

147. Рассказала Ф. М. Мошникова, 1973 г. Запись и перевод Г. М. Керта и П. М. Зайкова. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые).

О том, как девочка убежала от медведей.

148. См. прим. к 113. Вариант сюжета 146.

149. См. прим. к 113.

Тала высватал трех сестер, младшая из них спасает старших, и все вместе возвращаются домой.

150. Рассказал А. Ф. Сорванов, 1958 г. Записала В. Н. Железнякова, с. Умбозеро. Вариант сюжета 149.

151. Рассказала А. В. Данилова, 1961 г. Записал В. Чарнолуский, пос. Каневка.

Старики находят невесту для своего сына волка с помощью волшебных туесков.

152. Рассказал В. Летов. Записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Мать и дочка разрешают обогреться медведем, за это он их награждает богатством.

153. См. прим. к 113.

О том, как медведь не хотел идти играть.

154. Рассказал А. Матрехин, 1930 г. Записал З. Е. Черняков. Вариант сюжета 153.

155. Рассказчик неизвестен.

Медведь захотел иметь спину, как у дятла. Лиса его привязала к сосне, развела огонь — медведь дух испустил.

156. Рассказчик неизвестен.

Лиса осталась без глаз. Мужик ведет ее в лес, береза ей дала новые глаза, а мужик нашел у лисы много золота и серебра.

157. Рассказчик неизвестен; записал В. В. Чарнолуский.

Как хитрый лис обманывал медведя и саама.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

158. Рассказал И. А. Матрехин, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов. Красивая Катерина не выдерживает разлуки с родными, бросается в море и возвращается домой.

159. См, прим. к 27.

Муж гибнет после похищения жены шведами.

160. Рассказала Г. П. Юрьева, 1964 г. Записал и перевел Г. М. Керт, с. Ловозеро. Вариант сюжета 158.

161. Рассказал Л. Е. Гаврилов, 1956 г., записал и перевел Г. М. Керт, с. Воронье.

162. Рассказала И. К. Черных. Запись и перевод Г. М. Керта и П. М. Зайкова, с. Ена. Из фондов Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (публикуется впервые).

163. См. прим. к 27. Вариант сюжета 158.

164. Рассказала А. Данилова, 1937 г. Записал и перевел В. К. Алымов, Каменский погост.

Девушке не дают выйти замуж за любимого человека, она бросается с горы и гибнет.

165. Рассказала А. В. Желязнякова, 1958 г. Записала В. Н. Желязнякова, с. Ловозеро.

Бедная Матрена отказывается от жениха Савельяна, потому что у него жестокий отец.

166. См. прим. к 137.

О том, как старик не дал разбойникам ограбить себя.

167. Рассказала В. Архипова, 1961 г. Записал В. В. Чарнолуский, Лапландский заповедник.

Мальчик засыпает на берегу озера, но думает, что побывал на луне.

168. Рассказал К. И. Архипов. Записал В. В. Чарнолуский.

Отец завещал сыну трудиться не покладая рук, чтоб хлеб был сладким.

169. Рассказала А. В. Данилова, 1961 г. Записал В. В. Чернолуский, пос. Каменка.

Нерадивую хозяйку котел наказывает за грязь, и она исправляется.

170. Рассказала М. П. Фефелова, 1954 г. Записала А. А. Антонова, с. Воронье.

Как поп хотел избавиться от работника, чтобы не платить ему за работу, а работник проучил его за жадность.

171. Рассказала У. П. Турунова, 1955 г. Записала и перевела В. В. Сенкевич-Гудкова, Иоканга.

О том, как старик построил ледяную вежу после ссоры со старухой, и она его прощает.

172. Рассказала Т. Ф. Данилова, 1955 г. Записала О. В. Матрехина, Чальмны-Варрэ.

О том, как трусливый старик испугался мышки в амбаре.

173. Рассказчик неизвестен; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

О том, как вор и царь Петр попали вместе в дом к вельможе, где узнали о заговоре против царя.

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ,
СААМСКИЕ И ПОМОРСКИЕ СЛОВА,
ВЫРАЖЕНИЯ И ТЕРМИНЫ,
УКОРЕНИВШИЕСЯ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

Айнай суоло	— Айновы острова в Баренцевом море
Ангас	— (саам.) силки типа капкана для ловли диких оленей
Агка	— (саам.) бабушка
Ацак, Адз, адзь,	
Аццы, ацек, оцце,	— мифическое существо женского рода: женщина-паук или женщина-лягушка, кровососка и людоедка
адцкай, Аадз, Адзь,	
Адзь	
Большой «немецкий» нагон	— по преданию — поход врагов на саамскую землю; «немцами» саамы считали всех иностранцев
Важенка	— (от саам. ваджь) самка оленя
Варака	— (помор.) невысокая гора, покрытая лесом
Варега	— (помор.) рукавица
Варзужане	— жители с. Варзуги, Мурманской области
Варя	— (помор.) сда, сваренная на огне
Вежа	— саамское жилище, построенное из досок, бревен, покрытое дерном
Весельщик	— (помор.) гребец
Вица	— прутик
Голомень	— (помор.) глубокая вода
Город	— ограда
Губа	— (помор.) морской или озерный залив
Екостров, Икостров	— остров на оз. Имандре
Жировать	— (помор.) проживать, находиться где-либо
Завальный берег	— (помор.) крутой берег
Звездный пояс	— Млечный Путь
Звонухи	— (помор.) морские утки
Игна	— (помор.) оленья узда
Ирвас (хирвас, гирвас)	— (саам.) олень-самец

К а з а к	— работник
К а н ь г и	— саамская обувь с острыми загнутыми вверх носами
К а р б а с	— (помор.) промысловая лодка
К е г о р а	— (саам.) оленье пастбище
К е н т и щ е	— высокое сухое место, на котором стоят или стояли жилища саамов
К е р е ж а	— саамские санки в виде лодки
К и с а	— сумка, мешок из нерпичьей шкуры с костяными застежками, верх обычно отделан выделанной оленьей шкурой — замшей
К о й б и н ц а	— рукавица из шкур оленьих ног
К о р щ и к	— (помор.) кормчий, рулевой
К р о т и л	— (помор.) глушить только что пойманную рыбу. Здесь в смысле убивал
К р е с а л о	— кремь, стальная пластина для высекания огня
К у с к а с	— (саам.) северное сияние
К у ц а й	— (саам.) щенок
К у й п о г а	— (помор.) максимальный отлив, прибрежная полоса моря, обнажающаяся во время отлива
Л и с т о в к а	— (помор.) лестница
Л у я в р с и й т	— селение Ловозеро
Л у я в р у р т	— Ловозерские тундры
М а т е р ы й б е р е г	— (помор.) материковый берег моря, материк, суша
М а т и ц а	— конец невода, где скапливается рыба
М о т о р	— деревянная палка, на которую вешают котел при варке пищи
М я н н а	— (саам.) нежный мех, покрывающий ростки оленьих рогов
Н а в о л о к	— (помор.) мыс вообще, иногда тупой мыс
Н а к о н	— один раз
Н е с ь к е м	— (саам.) скребок
Н о й д а, н о й д, н о й т	— (саам.) колдун
Н я л	— (саам.) песок
О б о р а	— подвязка, обмотка на каньгах
О б у р к а л а с ь	— затихла (о погоде)
О п а с	— проводник
О п р у ж и т ь с я	— (помор.) опрокинуться
О ч н у л с я	— здесь: опомнился
П а д у н	— (помор.) водопад, большой перекат

Палия	— промысловая рыба семейства лососевых
Парна	— (саам.) дети
Пахать	— (помор.) подметать; здесь в значении убивать
Пахта	— (саам.) отвесная скала, утес, обнаженная горная вершина
Печок	— зимняя одежда саамов из оленьих шкур мехом наружу
Пимы	— обувь из шкур оленей
Писяга	— (саам.) береста
Пиалка	— (саам.) большой палец руки
Погода	— (помор.) буря, шторм, сильный ветер
Пойда	— (саам.) сало
Порато	— (помор.) очень, сильно
Постель	— оленья шкура
Путас	— (саам.) глубокое место реки
Пырта	— (саам.) рубленая избушка с плоской крышей
Райда	— (саам.) несколько саней, связанных друг с другом, нагруженных чем-либо
Риськи	— (саам.) хлеб
Рова	— (саам.) спальный мешок из оленьих шкур
Рыбаловка	— ложка для еды
Реппень	— (саам.) отверстие для выхода дыма из вежи
Сайда	— промысловая рыба семейства тресковых
Салма	— (саам.) пролив
Сайпа	— (саам.) мыло, которое саамы варят из оленьего жира и щелока
Сейд	— (саам.) священный камень, божество
Скобель	— скребок для выделки оленьих шкур
Суземок	— большой густой лес
Суйма	— (саам.) собрание
Талый, Тала, Талла	— сказочное существо, чаще о нем говорят как о медведе, иногда как о чужеродце-чудаке
Тоборки	— (саам.) обувь из оленьих шкур
Тройник	— (помор.) промысловая снасть
Тундра	— комплекс гор, горный массив, отдельная гора; плоскогорье; покрытое скудной растительностью
Ту па	— (саам.) деревянное жилище

Туес	— (помор.) цилиндрический плетеный из бересты короб для переноски молока, ягод
Тяжка	— вязанка дров
Урдовать	— охотиться за диким оленем в горах
Хигна	— (саам.) привязь
Чахкли, чахлыны, чахклинги, чахлины, чаклинги	— мифические существа, живущие под землей
Чадцилий, Чадзьил-ле	— (саам.) водяной
Чистотка	— (помор.) чистоплотная, опрятная женщина
Чудь	— употребляется в смысле враг, разбойник
Чудьжере, Чудечуэрвь, Чудечиэрвь, Чудьчуэрвь, Чуэт-Ахкам, Чудечуервь	— вожак, предводитель
Чуэрвькарт	— (саам.) место, где совершали саамы жертвоприношения
Шардун	— олень в период гона
Шелега	— сырое подкожное сало морского зверя
Шиши	— разбойники, грабители
Шняка	— (помор.) промысловая лодка
Шурнойда	— (саам.) колдун
Щелья	— пологий гладкий берег, омываемый водой
Юпа	— (помор.) мужская суконная длинная верхняя одежда с капюшоном без прорези впереди
Ягель	— лишайник, олений мох
Яловка	— (помор.) неотелившаяся важенка
Ярус	— (помор.) рыболовная снасть
Яры	— (помор.) сапоги с голенищами выше колен, сшитые мехом наружу из кожи, снятой с ног оленя.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ

Адцкай	84,	100,	292
Айнай суоло (Айновы острова)	61,	59,	291
Дедушка у внуков	134,	212,	296
Братья	118,	167,	295
Братья-богатыри	7,	18,	287
Богатыри и чудь	11,	21,	287
Большой котел	99,	136,	293
В период введения	67,	65,	291
Вик варач	28,	38,	289
Водяной	103,	141,	294
Волшебная трубка Сталло-ста- ла	73,	74,	292
Горный дух	126,	196,	296
Гром выпустили	109,	146,	294
Два брата	114,	155,	294
Два брата	95,	124,	293
Два брата	65,	63,	291
Две женщины и шведы-разбой- ники	24,	31,	288
Две снохи	47,	47,	289
Девичья гора	164,	277,	298
Дикая старуха	138,	221,	297
Дочь жителей скал	125,	191,	295
Завещание	168,	280,	298
Заклятая гора	30,	39,	289
Игрун-смельчак	119,	168,	295
Как саам спас целый погост от шведов	8,	19,	287
Как спаслись саамы на лыжах от шведов	9,	19,	287
Как опас чудь погубил	18,	27,	288
Как чудь на острове погибла	31,	39,	289

Первая цифра означает номер сказки, вторая — страницу в книге, третья — страницу в комментариях.

Как саам отца выручил	57,	57,	290
Как Талушка сватался	149,	242,	297
Как медведь пошел играть	154,	252,	298
Как вещи говорили	97,	131,	293
Как саам дьявола из беды выручил	105,	143,	294
Как саам на небо попал	91,	118,	293
Как старик саам изгнал нечистую силу	107,	144,	294
Как человек и черт охотились	108,	145,	294
Как саам Сталло-стала убил	71,	67,	291
Как братья сестру выручили	72,	69,	291
Как мужик ходил к солнцу	93,	122,	293
Как два брата саама убежали из плена	35,	41,	289
Как саамы чудь перехитрили	36,	42,	289
Как коляне падун отбирали	39,	43,	289
Как один швед спас старика саама от другого шведа	40,	43,	289
Как чудь погибла	33,	40,	289
Колдалыш и женщина	74,	75,	292
Каменный остров	32,	40,	289
Каменный человек	52,	52,	290
Кильдинская девушка Марья Ивановна	45,	46,	289
Кит-камень на Имандре	70,	67,	291
Кичкушка и Кочкушка	145,	234,	297
Красивая Катерина	144,	231,	297
Красивая Катерина и норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце	158,	264,	298
Кускас	79,	79,	292
Куцай	153,	250,	297
Легенда	42,	44,	289
Ледяная вежа	171,	283,	299
Леск-агка—вдова-старуха	82,	96,	292
Лиса и саам	156,	254,	298
Ловта о Мяндаше	131,	204,	296
Лунная мама	167,	279,	298
Ляйн	5,	16,	287
Мазельская	46,	46,	289
Максим и нойда	49,	49,	290
Мальчик из талого щелья	27,	37,	288
Медведь и лиса	155,	253,	298
Медвежья сказка	150,	243,	297

Медведь и одноглазая девочка	147,	240,	297
Медовая река	100,	138,	293
Молитва Мяндаша	128,	197,	296
Моресь-аканч	59,	58,	290
Московский вор	173,	285,	299
Мудрая сестра	115,	157,	295
Мяндашнийд	129,	198,	296
Нагой человек	104,	142,	294
Налэть	64,	62,	291
Невеста Солнца	81,	92,	292
Невеста Эввана	98,	134,	293
Неверная жена	12,	21,	288
Недопарушек	88,	106,	293
Нял и его дети	25,	32,	288
О гибели Чудьчуэрвя	6,	17,	287
О двух братьях	90,	114,	293
О диком олене	135,	214,	296
О набегах шведов	1,	12,	287
О прекрасной Катерине	160,	267,	298
О холме перед Колой	37,	42,	289
О чахлине	29,	39,	289
О чахлыне	78,	78,	292
О чем котлы говорили	169,	280,	299
Оборотень-медведь	152,	249,	297
Окаменевший человек	53,	54,	290
Олень златорогий	127,	196,	296
Олень-дикарь	133,	212,	296
Оленья сказка	63,	61,	291
Остров Кильдин	60,	59,	291
Остров и сейд	54,	55,	290
Охотник	13,	22,	288
Песцовы дети	10,	20,	287
Пиалка майнс	89,	112,	293
Погост	92,	119,	293
Поп-поплавок	120,	173,	295
Почему олени живут отдельно от людей	132,	207,	296
Поход чуди на Колу	48,	48,	290
Предательница	17,	27,	288
Предание о том, как сейд пере- селся с Сейдсуела на Выд- озеро	58,	57,	290
Преданный муж	159,	266,	298
Предводитель чуди Геланд	50,	50,	290
Прекрасная Катерина	143,	228,	297

Принц и его младший сын	124,	184,	295
Проводник	21,	29,	288
Проводник и разбойники	20,	28,	288
Про бедного и богатого Лазарей	96,	127,	293
Про гриб	122,	179,	295
Про диких	137,	219,	296
Про древних людей, про шведов и еще про девушку Мазю	44,	45,	289
Про золотое деревце	87,	103,	292
Про Катерину	161,	267,	298
Про птичку	116,	161,	295
Про попа и работника	170,	282,	299
Про сатану	110,	148,	294
Про смерть	111,	149,	294
Про шведов	4,	15,	287
Разгром Кулпанламписьита	26,	36,	288
Разбойники и их сестра	19,	28,	288
Римнекалесь	157,	255,	298
Роук и девочка	101,	139,	294
Саамское добро	38,	42,	289
Саам на небе	94,	124,	293
Саам и нечистый	106,	144,	294
Саамская красавица	163,	276,	298
Саамская женщина бросилась в озеро	162,	275,	298
Саам-богатырь	3,	14,	287
Сакка о Телышев-старике	166,	278,	298
Сейд на Сейдозере	51,	52,	290
Сейд и промысловик	55,	56,	290
Семилетний стрелок из лука	23,	30,	288
Семь Иванов и семь Семенов	123,	181,	295
Сказание о нашествии «немцев» и саам-богатырь	2,	12,	287
Сказание о нашествии «немцев» и о том, как саамы хитростью избавились от них	34,	41,	289
Сказание о нашествии «панов» на Вочеламбину	41,	43,	289
Сказание о том, как колдунья спасла саамов от «немцев»	43,	44,	289
Сказание о чудесном переезде с острова Кильдина	66,	64,	291
Сказание о Гирвасозере	68,	66,	291

Сказка о нойде, проводнике оленей	62,	60,	291
Сказка про Аадз	85,	101,	292
Сказка про Аадз	86,	102,	292
Сказка об оцце	83,	98,	292
Сказка о царском сыне	121,	176,	295
Сказка о диком олене	130,	202,	296
Сказка про пыжика-дитя	139,	221,	297
Смерть чахкли	76,	77,	292
Смерть Чуэт-Ахкама	16,	26,	288
Собачий сын	141,	224,	297
Собачья сказка	140,	222,	297
Собачья шкура	142,	226,	297
Спасение Туломского погоста	15,	26,	288
Старичок и старушка	172,	284,	299
Старушка, съевшая луну	102,	140,	294
Сын Солнца и его жена	80,	87,	292
Талый	148,	241,	297
Тениси-парна	22,	30,	288
Три сына	113,	153,	294
Туюски	151,	244,	297
Тюленьи ласты	136,	218,	296
Чадзьилле	69,	67,	291
Чаклинги	77,	77,	292
Чахкли	75,	76,	292
Чертенюк	112,	151,	294
Чудзьяврский житель	165,	277,	298
Чудь	14,	23,	288
Шапка-невидимка	117,	163,	295
Шурнойда	146,	236,	297
Ямщик-колдун и сейд	56,	56,	290

ЛИТЕРАТУРА

Алымов В. К. Живая лопарская древность. «Карело-Мурманский край», 1929, № 8, 9.

Алымов В. К. Избранные произведения саамского устного народного творчества. (Рукопись). Музей-архив СФГО СССР, ф. № 49, оп. IV, ед. 1—44.

Брискин Н. Куцай. (Лопарская детская сказка). «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», 1916, № 11.

Брискин Н. Лопарские сказки. «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Архангельск, 1917, № 5.

Визе В. Народный эпос русских лопарей. «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», 1917, № 1, 2.

Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. 1, Архангельск, 1869.

Керт Г. М. Образцы саамской речи. М.—Л., «Наука», 1961.

Керт Г. М. Саамский язык.— В кн.: «Основы финно-угорского языкознания». М., «Наука», 1975.

Керт Г. М. Там, где ночует солнце. «Север», 1971, № 11.

Керт Г. М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова.— В кн.: «Прибалтийско-финское языкознание». М.—Л., изд-во АН СССР, 1961.

Комшилов Я. А. Рукопись. Музей-архив СФГО СССР, ф. № 43, оп. IV, ед. 24—30.

Конкка У. С. «Финская школа» о сказке. (Вопросы литературы и народного творчества). Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1959.

Немирович-Данченко В. И. Сведения о народной поэзии лопарей. «Известия императорского Русского географического общества». М., 1875, т. 11, № 1.

Ончуков Н. Е. Северные сказки. Спб., 1908.

Островский Д. Н. Лопари и их предания. «Известия императорского Русского географического общества». Спб., 1888.

Саамские сказки. М., Гослитиздат, 1962.

Саамские сказки. Мурманск, Кн. изд-во, 1961.

Сенкевич-Гудкова В. В. Элементы влияния русского фольклора на саамскую сказку.— В кн.: «Фольклористика Российской Федерации». Л., «Наука», 1975.

Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.

Харузин Н. О нойдах у древних и современных лопарей. Этнографическое обозрение. Периодическое издание Этнографического общества Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при Московском университете. Кн. I, М., 1889.

Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., «Наука», 1965.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. М., «Мысль», 1972.

Чарнолуский В. В. Очерки к истории саами (лопарей) Кольского полуострова, Обонежья, Приладожья. (Рукопись). Музей-архив СФГО СССР, ф. № 10, оп. № 1.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения качественного состава лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930.

Щеколдин К. Лопарские сказки. — В сб.: «Живая русская старина». Спб., 1880.

Яценко А. Несколько слов о русской Лапландии. «Этнографическое обозрение», 1892, кн. 12, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Сказки саамов Кольского края	4

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ И СКАЗКИ

1. О набегах шведов	12
2. Сказание о нашествии «немцев» и саам-богатырь	12
3. Саам-богатырь	14
4. Про шведов	15
5. Ляйн	16
6. О гибели Чудьчуэрвя	17
7. Братья-богатыри	18
8. Как саам спас целый погост от шведов	19
9. Как спаслись саамы на лыжах от шведов	19
10. Песцовы дети	20
11. Богатыри и чудь	21
12. Неверная жена	21
13. Охотник	22
14. Чудь	23
15. Спасение Туломского погоста	26
16. Смерть Чуэт-Ахкама	26
17. Предательница	27
18. Как опас чудь погубил	27
19. Разбойники и их сестра	28
20. Проводник и разбойники	28
21. Проводник	29
22. Тениси-парна	30
23. Семилетний стрелок из лука	30

24. Две женщины и шведы-разбойники	31
25. Нял и его дети	32
26. Разгром Кулпанламьсийта	36
27. Мальчик из талого щелья	37
28. Вик варач	38
29. О чахлине	39
30. Заклятая гора	39
31. Как чудь на острове погибла	39
32. Каменный остров	40
33. Как чудь погибла	40
34. Сказание о нашествии «немцев» и о том, как саамы хитростью избавились от них	41
35. Как два брата саама убежали из плена	41
36. Как саамы чудь перехитрили	42
37. О холме перед Колой	42
38. Саамское добро	42
39. Как коляне падун отбирали	43
40. Как один швед спас старика саама от другого шведа	43
41. Сказание о нашествии «панов» на Вочеламбину	43
42. Легенда	44
43. Сказание о том, как колдунья спасла саамов от «немцев»	44
44. Про древних людей, про шведов и еще про девушку Мазю	45
45. Кильдинская девушка Марья Ивановна	46
46. Мазельская	46
47. Две снохи	47
48. Поход чуди на Колу	48
49. Максим и нойда	49
50. Предводитель чуди Геланд	50

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

51. Сейд на Сейдозере	52
52. Каменный человек	52
53. Окаменевший человек	54

54. Остров и сейд	55
55. Сейд и промысловик	56
56. Ямщик-колдун и сейд	56
57. Как саам отца выручил	57
58. Предание о том, как сейд переселился с Сейдсуела на Выдозеро	57
59. Моресь-аканч	58
60. Остров Кильдин	59
61. Айнай суоло (Айновы острова)	59
62. Сказка о нойде, проводнике оленей	60
63. Оленья сказка	61
64. Налэть	62
65. Два брата	63
66. Сказание о чудесном переезде с острова Кильдина	64
67. В период введения	65
68. Сказание о Гирвасозере	66
69. Чадзылле	67
70. Кит-камень на Имандре	67
71. Как саам Сталло-стала убил	67
72. Как братья сестру выручили	69
73. Волшебная трубка Сталло-стала	74
74. Колдалыш и женщина	75
75. Чахкли	76
76. Смерть чахкли	77
77. Чаклинги	77
78. О чахлыне	78
79. Кускас	79
80. Сын Солнца и его жена	87
81. Невеста Солнца	92
82. Леск-агка — вдова-старуха	96
83. Сказка об оцце	98
84. Адцкай	100
85. Сказка про Аадз	101
86. Сказка про Аадз	102
87. Про золотое деревце	103
88. Недопарушек	106
89. Пиалка майнс	112

90. О двух братьях	114
91. Как саам на небо попал	118
92. Погост	119
93. Как мужик ходил к солнцу	122
94. Саам на небе	124
95. Два брата	124
96. Про бедного и богатого Лазарей	127
97. Как вещи говорили	131
98. Невеста Эвана	134
99. Большой котел	136
100. Медовая река	138
101. Роук и девочка	139
102. Старушка, съевшая луну	140
103. Водяной	141
104. Нагой человек	142
105. Как саам дьявола из беды выручил	143
106. Саам и нечистый	144
107. Как старик саам изгнал нечистую силу	144
108. Как человек и черт охотились	145
109. Гром выпустили	146
110. Про сатану	148
111. Про смерть	149
112. Чертенюк	151
113. Три сына	153
114. Два брата	155
115. Мудрая сестра	157
116. Про птичку	161
117. Шапка-невидимка	163
118. Братья	167
119. Игрун-смелюк	168
120. Поп-поплавок	173
121. Сказка о царском сыне	176
122. Про гриб	179
123. Семь Иванов и семь Семенов	181
124. Принц и его младший сын	184
125. Дочь жителей скал	191

ВОЛШЕБНО-ТОТЕМНЫЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

126. Горный дух	196
127. Олень златорогий	196
128. Молитва Мяндаша	197
129. Мяндашнийд	198
130. Сказка о диком олене	202
131. Ловта о Мяндаше	204
132. Почему олени живут отдельно от людей	207
133. Олень-дикарь	212
134. Дедушка у внуков	212
135. О диком олене	214
136. Тюленьи ласты	218
137. Про диких	219
138. Дикая старуха	221
139. Сказка про пыжика-дитя	221
140. Собачья сказка	222
141. Собачий сын	224
142. Собачья шкура	226
143. Прекрасная Катерина	228
144. Красивая Катерина	231
145. Кичкушка и Кочкушка	234
146. Шурнойда	236
147. Медведь и одноглазая девочка	240
148. Талый	241
149. Как Талушка сватался	242
150. Медвежья сказка	243
151. Туески	244
152. Оборотень-медведь	249
153. Куцай	250
154. Как медведь пошел играть	252
155. Медведь и лиса	253
156. Лиса и саам	254
157. Римне-калесь	255

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

158. Красивая Катерина и норвежец Кривые Ноги, Острое Сердце	264
159. Преданный муж	266

160. О прекрасной Катерине	267
161. Про Катерину	267
162. Саамская женщина бросилась в озеро . .	275
163. Саамская красавица	276
164. Девичья гора	277
165. Чудзьяврский житель	277
166. Сакка о Телышеве-старике	278
167. Лунная мама	279
168. Завещание	280
169. О чем котлы говорили	280
170. Про попа и работника	282
171. Ледяная вежа	283
172. Старичок и старушка	284
173. Московский вор	285
Комментарии к текстам	287
Географические названия, саамские и поморские слова, выражения и термины, укоренившиеся на Кольском полуострове	300
Алфавитный указатель текстов	304
Литература	309

- С 12 **Саамские сказки.** Составление, предисловие и примечания Е. Я. Пация. Под редакцией Г. М. Керта. — Мурманск: Кн. изд-во, 1980. — 320 с., ил.

В книге публикуются саамские сказки, записанные в разные годы, начиная с прошлого века до 70-х годов нашего столетия. Кроме печатных источников, использованы материалы, взятые из архивов и рукописей, а также записанные отдельными собирателями. Книга рассчитана на взрослого читателя.

70700—16
С $\frac{70700-16}{M150(03)-80}$ 24—80

С (Саам.)

СААМСКИЕ СКАЗКИ

Редактор	<i>Г. П. Бритвина</i>
Художественный редактор	<i>В. С. Жарков</i>
Технический редактор	<i>Т. В. Кабанова</i>
Корректор	<i>З. М. Лазько</i>

ИБ № 248

Сдано в набор 31.01.80. Подписано в печать 17.05.80. ПН-04595. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 1. Высокая печать. Новогазетная гарнитура. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 19,23. Тираж 5000 экз. Заказ 1047. Цена 1 руб. 80 коп. Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Мурманская областная типография, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

В 1981 году
МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
переиздает для детей младшего
школьного возраста книгу П. Ершова

«КОНЕК-ГОРБУНОК»

с иллюстрациями художника
Н. Ковалева

Заказы просим направлять по адресу:

183717, Мурманск, ул. Самойловой, д. 3/4,
облкниготорг (для книготоргов).

183021, Мурманск, ул. Октябрьская, 21, биб-
коллектор (для библиотек).

183025, Мурманск, ул. Буркова, 43, «Книга —
почтой» (для индивидуальных заказчиков).

В 1981 году
МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

выпускает в свет книгу

«РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ»

(для детей среднего и старшего
школьного возраста)

Заказы просим направлять по адресу:

183717, Мурманск, ул. Самойловой, д. 3/4,
облкниготорг (для книготоргов).

183021, Мурманск, ул. Октябрьская, 21, биб-
коллектор (для библиотек).

183025, Мурманск, ул. Буркова, 43, «Книга —
почтой» (для индивидуальных заказчиков).

